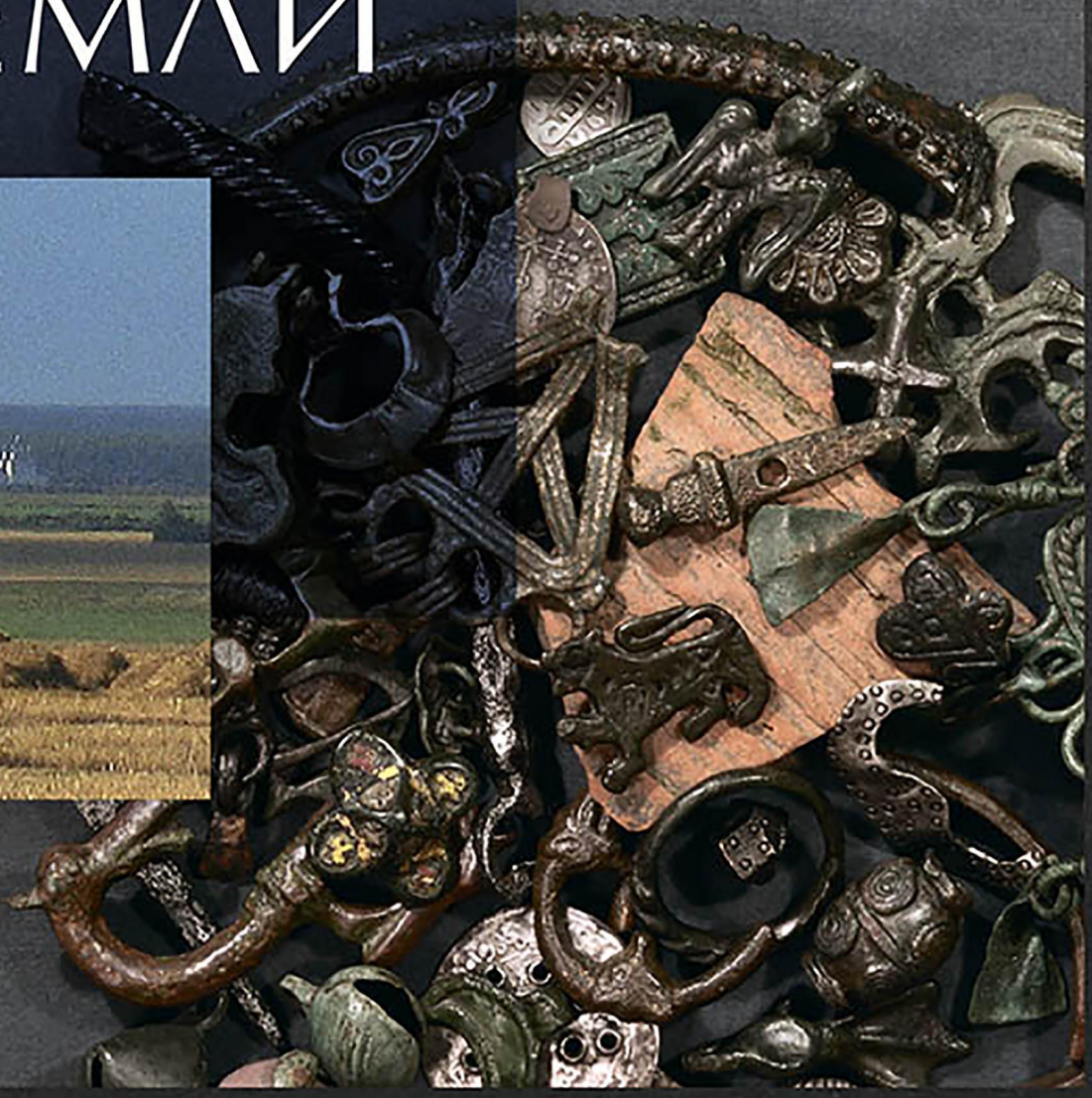
АРХЕОЛОГИЯ СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ



ТОМ II

К 1000-ЛЕТИЮ СУЗДАЛЯ

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

ARCHAEOLOGY OF THE SUZDAL' COUNTRY

IN TWO VOLUMES

VOLUME 2
CULTURE, SOCIETY, IDENTITY

Chief Editor
Nikolay Makarov

Moscow Vologda
"Drevnosti Severa"
2023

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АРХЕОЛОГИЯ СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ 2
КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО, ИДЕНТИЧНОСТЬ

Ответственный редактор
Н. А. Макаров

Москва Вологда
«Древности Севера»
2023

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 902(47)
ББК 63.4(2)
А87

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН.

Исследования по отдельным направлениям и проблемам археологии Суздальской земли проводились при поддержке:

Российского гуманитарного научного фонда, проект № 11-31-00304а2 «Ранний этап древнерусской колонизации Суздальского Ополья. Шекшовский микрорегион»;

Российского фонда фундаментальных исследований, проекты № 04-06-80292а «Средневековый культурный ландшафт Суздальского Ополья (2004–2006)», № 08-06-00134а «Средневековое расселение в центре Суздальской земли по данным археологии и геофизических исследований», № 11-06-00339а «Средневековые сельские поселения в округе Владимира: археологические и естественно-научные методы изучения», № 14-06-00425а, «Феномен „больших поселений“ IX–XI вв. в центральных районах Северо-Восточной Руси»;

DFG Project «Suzdal und Mohovoe/Wiskiauten Prospektion und Erforschung frühmittelalterlicher Siedlungskammern im Kaliningrader Gebiet und in Westrußland».

Составитель *Н. Д. Угулава*.

Авторы второго тома:
Н. А. Баранов, П. Г. Гайдуков, А. А. Гомзин, М. В. Добровольская, И. Е. Зайцева, С. Ю. Каинов, А. М. Красникова, Н. А. Макаров, С. И. Милованов, Вл. В. Седов, Н. Д. Угулава, А. Н. Федорина, С. В. Шполянский.

Рецензенты: член-корреспондент РАН *Л. А. Беляев*, д. и. н. *А. Е. Леонтьев*.

Обработка иллюстраций – *А. В. Любавина*.

Перевод на английский язык резюме и содержания – *Н. И. Храпунов*.

Составители карт: *А. А. Карпухин, А. А. Медведев, А. Л. Смирнов*.

Авторы фотографий:
В. В. Кощеев, А. М. Красникова, М. Ю. Люляев, Н. А. Макаров, С. В. Моисеева, А. С. Морозов, С. В. Ольховский, С. А. Потапов, Вл. В. Седов, А. Л. Серебряков, Н. Д. Угулава, А. Н. Федорина, С. В. Шполянский.

На обложке: находки из сборов 2019–2021 гг. на средневековых памятниках Суздальского Ополья.

А87 **Археология Суздальской земли = Archaeology of the Suzdal' Country** : в 2 томах / Российская академия наук, Институт археологии ; ответственный редактор Н. А. Макаров, составитель Н. Д. Угулава. – Москва ; Вологда : Древности Севера, 2023. – ISBN 978-5-93061-208-0

Т. 2 : Культура, общество, идентичность. – 2023. – 424 с. : ил. – ISBN 978-5-93061-210-3

В книге рассматриваются погребальные памятники Суздальской земли, материальная культура сельских поселений, в том числе предметы, связанные с репрезентацией властных отношений и идентичности, вопросы социальной интерпретации систем расселения X–XV вв. и социально-экономического устройства сельских территорий, становление Суздаля и формирование его городской территории в X–XV вв. В качестве основного источника для воссоздания культуры, хозяйства и повседневности использованы материалы полевых исследований 2001–2019 гг. в Суздальском Ополье, в том числе вещевая коллекция из сборов и раскопок на селищах X–XV вв., насчитывающая около 19 тыс. предметов. Важнейший результат новых исследований – выявление археологических следов древнерусской элиты в сельских ландшафтах и связанное с ним новое понимание особенностей формирования властных отношений в Северо-Восточной Руси в X–XIII вв. Расширение круга археологических материалов дает новое, более объемное понимание Суздальской земли как одного из очагов формирования древнерусской культуры, центра возникновения оригинальных форм хозяйственной жизни, расселения, художественного ремесла, повседневного обихода и самосознания, закрепившихся в традиции и оказавшиеся устойчивыми на протяжении столетий.

Издание предназначено для историков, археологов и всех, кто интересуется историей Руси.

УДК 902(47)
ББК 63.4(2)

ISBN 978-5-93061-210-3 (т. 2)
ISBN 978-5-93061-208-0
DOI: 10.25681/IARAS.2023.978-5-93061-210-3

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2023
© Оформление. ООО «Древности Севера», 2023

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

СОДЕРЖАНИЕ

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ: МОГИЛЬНИК ШЕКШОВО

Погребальный обряд, хронология, пространственная организация *(Н. А. Макаров, А. М. Красникова, И. Е. Зайцева)* 9

Уздечный набор из кургана 12 *(И. Е. Зайцева)* 27

Топор с княжескими знаками из кургана 1 *(Н. А. Макаров, А. М. Красникова, И. Е. Зайцева)* 39

Керамика *(Н. Д. Угулава)* 51

Образ жизни людей по данным изотопного состава костных материалов *(М. В. Добровольская)* 69

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА, ИДЕНТИЧНОСТЬ И ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Актовые печати *(Н. А. Макаров, П. Г. Гайдуков)* 81

Куфические монеты *(А. А. Гомзин)* 87

Вооружение и всадническое снаряжение *(С. В. Шполянский)* 103

Христианские предметы: общий состав коллекции, пространственное распространение, хронология *(Н. А. Макаров, И. Е. Зайцева)* 139

Христианская пластика: подвески-образки и змеевики *(Н. А. Макаров, И. Е. Зайцева)* 158

Ключи и замки *(А. Н. Федорина)* 184

Шумящие украшения *(И. Е. Зайцева)* 208

ГОРОД

Суздаль: формирование городской территории в X–XV вв. *(А. Н. Федорина, Н. А. Макаров, С. И. Милованов, Н. А. Баранов)* 231

Сабельный клинок из Окольного города *(С. Ю. Каинов, С. В. Шполянский)* 253

Суздальский собор Рождества Богородицы XII–XIII вв. Историко-архитектурный очерк *(Вл. В. Седов)* 261

СЕЛЬСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

«Большие поселения» и особенности организации расселения и социально-экономического устройства X–XI вв. *(Н. А. Макаров, А. Н. Федорина)* 287

«Усадьбы знати» на поселениях XII–XV вв. *(Н. А. Макаров)* 305

Суздальские селища во второй половине XIII – XV в.: археологические реалии и исторический контекст *(С. В. Шполянский)* 328

Заключение *(Н. А. Макаров)* 354

Приложение 3. Полевые археологические работы, проведенные на территории г. Суздаля в 1991–2020 гг. *(составители: А. Н. Федорина, С. И. Милованов, Н. А. Баранов)* 372

Архивные источники 377

Литература 382

Список сокращений 405

Сведения об авторах 406

Summary of Volume 2. Culture, Society, Identity 407

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

CONTENTS

SHEKSHOVO BURIAL SITE

Funeral Rite, Chronology, Spatial Structure *(N. A. Makarov, A. M. Krasnikova, I. E. Zaitseva)* 9

The Bridle Set from Barrow 12 *(I. E. Zaitseva)* 27

The Axe with Princely Signs from Barrow 1 *(N. A. Makarov, A. M. Krasnikova, I. E. Zaitseva)* 39

Pottery *(N. D. Ugulava)* 51

The Life Style of the Population according to Isotopic Composition of Bone Materials *(M. V. Dobrovol'skaya)* 69

MATERIAL CULTURE, IDENTITY, AND POWER RELATIONS

Seals *(N. A. Makarov, P. G. Gaidukov)* 81

Kufic Coins *(A. A. Gomzin)* 87

Weapons and Horsemen's Equipment *(S. V. Shpolyanskiy)* 103

Christian Artefacts: General Composition of the Collection, Spatial Distribution, Chronology *(N. A. Makarov, I. E. Zaitseva)* 139

Christian Plastic Art: Icon Pendants *(N. A. Makarov, I. E. Zaitseva)* 158

Keys and Locks *(A. N. Fedorina)* 184

Jingling Ornaments *(I. E. Zaitseva)* 208

TOWN

Suzdal': The Formation of the Urban Area from the 10th to 15th Centuries *(A. N. Fedorina, N. A. Makarov, S. I. Milovanov, N. A. Baranov)* 231

The Sabre Blade from Okol'nyi Gorod *(S. Yu. Kainov, S. V. Shpolyanskiy)* 253

Cathedral of the Nativity in Suzdal': An Essay on History and Architecture *(Vl. V. Sedov)* 261

ASPECTS OF SOCIAL ORGANIZATION OF THE SUZDAL' COUNTRY

The "Large Unfortified Settlements" and the Specifics of the Settlement Structure and Socioeconomic System in the 10th and 11th Centuries *(N. A. Makarov, A. N. Fedorina)* 287

The "Noblemen's Homesteads" at the 12th- to 15th-century Settlements *(N. A. Makarov)* 305

The Suzdal' Unfortified Settlements from the Second Half of the 13th to 15th Centuries: Archaeological Realities and Historical Context *(S. V. Shpolyanskiy)* 328

Conclusion *(N. A. Makarov)* 354

Appendix 3. Archaeological Field Researches in the Suzdal' Town, 1991–2020 *(Compiled by A. N. Fedorina, S. I. Milovanov, N. A. Baranov)* 372

Archival Sources 377

Bibliography 382

Abbreviations 405

List of Contributors 406

Summary of Volume 2. Culture, Society, Identity 407

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ: МОГИЛЬНИК ШЕКШОВО

Раскопки могильника Шекшово 9.
2013 г.

Н. А. Макаров, А. М. Красникова, И. Е. Зайцева

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД, ХРОНОЛОГИЯ, ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ[1]

Современные научные представления о погребальных памятниках центра Ростово-Суздальской земли основываются на материалах раскопок середины XIX в., сформировавших общее видение развития погребального обряда и характера комплексов в этой части Руси в X–XII вв. (Уваров, 1871; Спицын, 1905; Лапшин, 1985а; Седова, 1997). Образ «владимирских курганов» как многочисленных могильников с земляными насыпями, сложным погребальным обрядом и разнообразным инвентарем во многом определяет в историографии культурный облик Северо-Восточной Руси домонгольского времени. Полевые работы 1970–1980-х гг. прояснили характер и хронологические позиции отдельных погребальных памятников Суздальского Ополья (Седова, 1997), однако оказались недостаточны для создания качественно новой научной картины погребальных древностей Северо-Восточной Руси. Обновление этой картины предполагает новое обращение к наиболее ярким памятникам, затронутым раскопками середины XIX в. и советского времени с использованием современных методов полевых исследований и аналитики.

Исследование могильника Шекшово 9 было начато в 2011 г. как пробные полевые работы на одном из памятников, известных по раскопкам А. С. Уварова, с целью оценки состояния некрополя и прояснения перспектив и методов повторного изучения. Выбор этого могильника для новых раскопок был обусловлен его связью с одним из «больших поселений» Суздальского Ополья (Шекшово 2) (Макаров, Федорина, 2015), значительными размерами некогда находившегося здесь курганного поля (в 1852 г. здесь были вскрыты 244 насыпи) и высокой долей ранних погребений в некрополе, в том числе кремаций. Находка в раскопе 2011 г. погребения с парадным инкрустированным серебром топориком со знаками Рюриковичей (Макаров, Зайцева, Красникова, 2013) проявила особый статус памятника как могильника, содержащего погребения древнерусской элиты XI в., и стала одним из оснований для продолжения полевых работ как широких стационарных раскопок. Они продолжались в течение семи лет и стали крупнейшими по своим масштабам изысканиями на погребальных памятниках Северо-Восточной Руси в текущем столетии. Наиболее яркие комплексы и находки, открытые в 2011–2017 гг., уже введены в научный оборот (Макаров, Зайцева, 2016; Зайцева, 2015а, 2017, 2018). Более сложной задачей является целостная характеристика погребального памятника, обобщение данных о погребальном обряде, хронологии и пространственной организации могильника.

Площадка могильника Шекшово в настоящее время представляет собой пахотное поле без каких-либо следов наземных погребальных сооружений. Его общая площадь, определенная по находкам на пашне средневековых предметов (главным образом металлических украшений, собранных с использованием металлодетектора) и костей из разрушенных погребений, составляет около 6 га (рис. 1). Геофизической разведкой выявлено более 40 круглых в плане аномалий, которые с большой достоверностью могут быть идентифицированы как остатки курганов – окруженные ровиками основания насыпей (Модин, Ерохин, Красникова [и др.], 2020).

Раскопками в Шекшове на площади около 2550 кв. м частично или полностью вскрыты основания 14 курганных площадок, на шести из которых исследованы целые и остатки нарушенных погребений по обряду кремации и ингумации (рис. 2). На площадках трех курганов выявлены следы старых раскопок, позволяющие идентифицировать их как курганы, исследованные А. С. Уваровым в 1852 г. Установлено, что из открытых целых и нарушенных 26 погребений по обряду ингумации 19, с большой долей вероятности, представляли собой грунтовые могилы, не перекрытые курганными насыпями. В пахотном слое на площадке могильника собрано почти 1300 средневековых предметов из серебра, цветного металла, железа и стекла, происходящих из разрушенных или частично задетых распашкой погребений, еще 380 происходит из сборов. Вещевая коллекция из раскопок, включающая предметы из погребальных комплексов и находки из пахотного слоя, насчитывает почти 3000 единиц. По образцам углей, древесного тлена и нагара на керамике получено 14 радиоуглеродных дат (табл. 1).

[1] Предварительная публикация: Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е., Добровольская М. В. Средневековый могильник Шекшово: «владимирские курганы» в свете новых полевых исследований // Российская археология. 2020. № 4. С. 121–140.

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 19-18-00538 «Средневековые некрополи в изменяющихся ландшафтах: исследование древнерусских могильников с утраченными курганными насыпями».

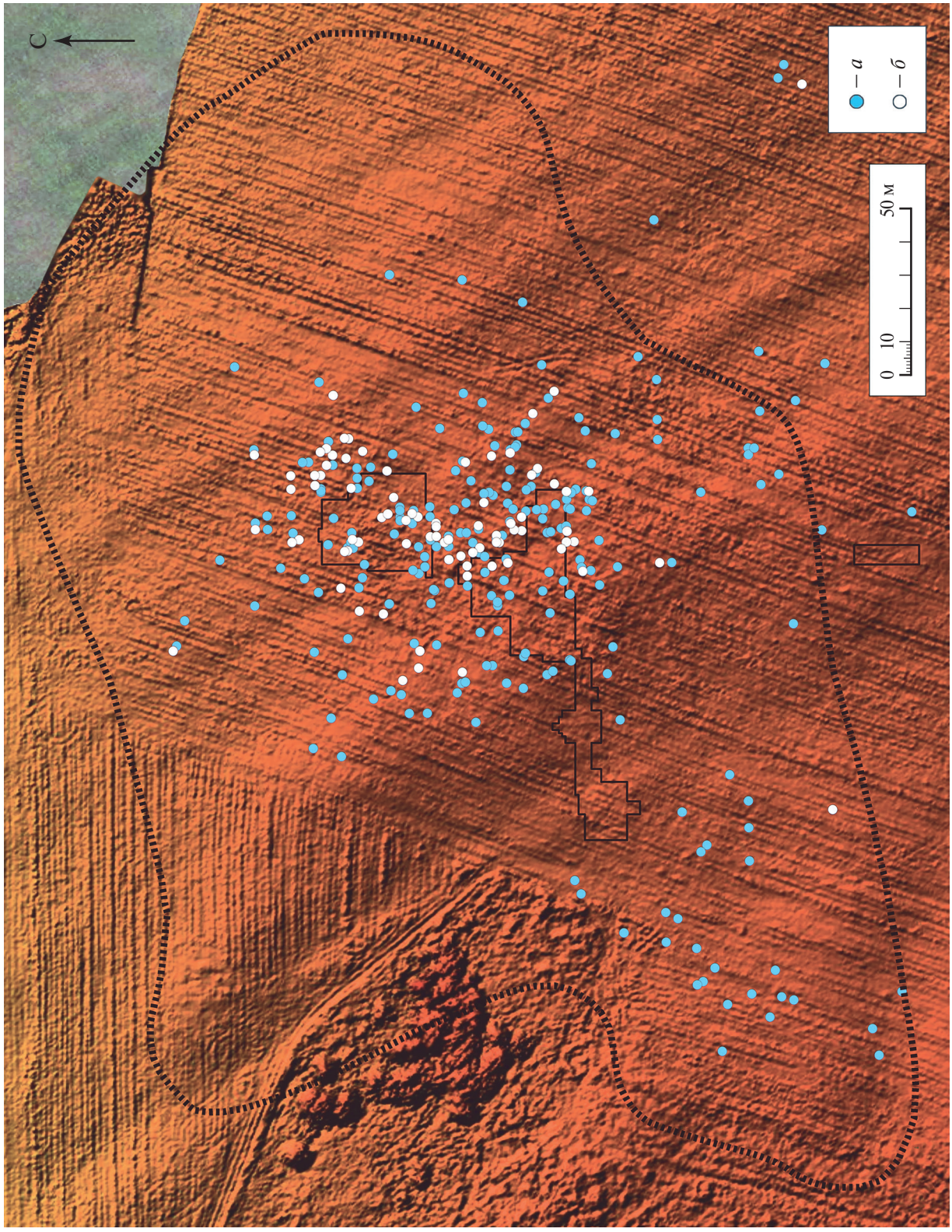


Рис. 1. Могильник Шекшово 9. Распространение находок из сборов 2011–2017 гг.
Условные обозначения: а – находки без следов пребывания в огне, б – находки со следами пребывания в огне

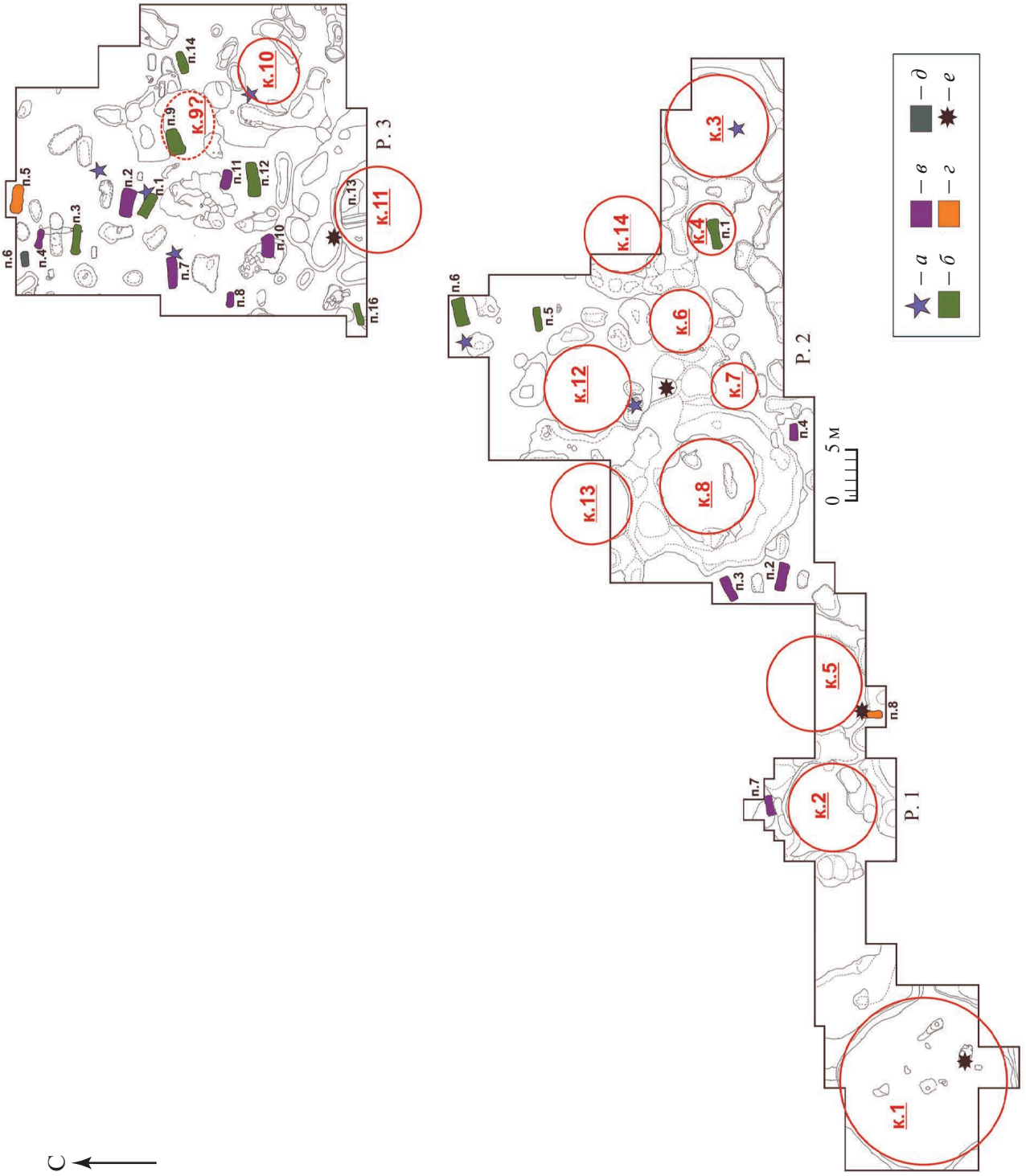


Рис. 2. Могильник Шекшово 9. План раскопов 2011–2017 гг.
Условные обозначения: а – кремации X в., б – погребения начала – первой половины XI в., в – погребения XI в., г – погребения второй половины XI – XII в., д – хронологически неопределимые погребения, е – переотложенные инкумации

Таблица 1

Могильник Шекшово 9. Радиоуглеродные даты образцов угля, дерева, гумуса и нагара из погребений, курганов и объектов на площадке могильника

№ п/п	Лабораторный номер	Место отбора	Радио-углеродная дата	Ошибка	Калибровка 1σ	Калибровка 2σ	Материал
1	KIA-50457	Р2, погребение 1, кв. 584/084, проба 134	1105±20	20	899–976	890–990	уголь
2	KIA-50458	Р2, яма 2, развал сосуда, проба 135	1040±28	28	987–1020	960–1040	нагар
3	Ле-10664	Р3, курган 10, площадка, кв. 692/690. Образец 3	1100±20	20	895–985	890–990	уголь
4	Ле-10665	Р3, курган 10, с края площадки. Образец 3	1060±50	50	890–1030	870–1150	уголь
5	Ле-10666	Р3, курган 10, западный ровик. Образец 4	1140±30	30	875–975	780–990	уголь
6	Ле-11190	Р3, курган 10, северо-восточный ровик, гл. 666–664 см	1060±55	55	890–1030	860–1160	уголь
7	Ле-11191	Р3, курган 10, юго-восточный ровик	1205±45	45	720–890	680–950	уголь
8	Ле-11192	Р3, курган 11, восточный ровик	1130±25	25	885–970	820–990	уголь
9	Ле-11193	Р3, курган 11, северный ровик	1200±25	25	775–870	720–900	уголь
10	ГИН-15514	Р2, курган 12, кремация	1100±50	50	892–990	777–1023	уголь
11	ГИН-15515	Р2, курган 12, кремация	1130±40	40	882–978	776–990	дерево
12	OxA-35668	Р2, курган 12, кремация	1066±26	26	970–1017	896–1021	уголь
13	ГИН-15678	Р2, курган 12, северный ровик, гл. 650 см	810±55	55	1183–1269	1048–1286	уголь
14	ГИН-15679	Р2, погребение 6, заполнение ямы	1255±60	60	675–782	655–894	гумус

Уже на начальном этапе работ стало очевидно, что для характеристики могильника в равной мере существенны как выявление остатков разрушенных погребальных сооружений, скрытых под пахотным слоем, так и отдельные мелкие находки из этого слоя, многие из которых имеют датирующее значение. Реконструкция общей пространственной композиции некрополя в данном случае возможна путем соединения планиграфии отдельных находок средневековых предметов, костных остатков, многие из которых не могут быть привязаны к конкретным погребениям и курганам, и данных о погребальных сооружениях, погребениях, поминальных комплексах, нарушенных лишь частично или не задетых старыми раскопками и распашкой. При выборе мест для раскопок на площадке мы ориентировались, с одной стороны, на места скоплений средневековых предметов в пахотном слое, с другой стороны, на геофизические аномалии, которые могли быть предположительно интерпретированы как курганы (рис. 3). Около четверти пахотного слоя, разобранного вручную, промыто в ваннах для сбора мелких находок и кальцинированных костей. Полевые работы в Шекшове – первый опыт повторного изучения древнерусского могильника в центре Ростово-Суздальской земли широкими раскопками с установкой как на поиски ранее не затронутых исследователями погребальных комплексов, так и на изучение ранее вскрывавшихся участков с курганными насыпями. Хотя современное состояние некрополя, в котором наземные погребальные сооружения утрачены, а значительная часть погребального инвентаря находится во вторичном залегании, затрудняет реконструкцию первоначального вида курганных насыпей, связей между отдельными погребальными комплексами и пространственной структуры могильника, собранные материалы вполне достаточны для прояснения его общего облика и динамики формирования.

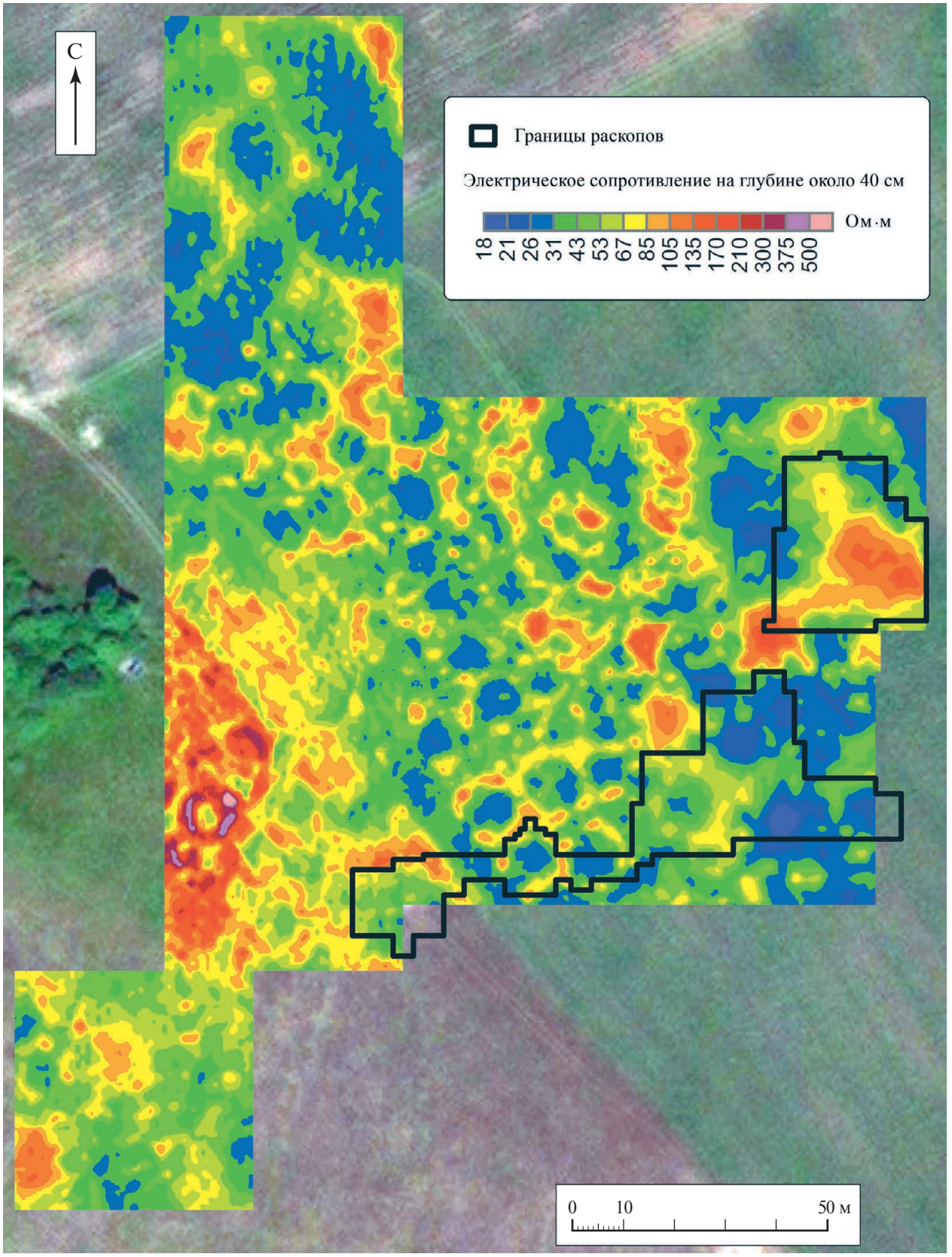


Рис. 3. Могильник Шекшово 9.
Карта электрического сопротивления на глубине около 40 см и границы раскопов 2011–2017 гг.

Курганы как погребальные сооружения

Основными видимыми структурными элементами Шекшовского могильника некогда были курганные насыпи, остатки которых к моменту начала наших раскопок были полностью снивелированы распашкой. Документация, составленная А. С. Уваровым, не позволяет в полной мере прояснить их облик. Судя по дневниковым записям, диаметр большинства курганов варьировал от 4 до 10 м (72 %), диаметр 16 насыпей не превышал 3 м, отмечено 2 относительно больших кургана с диаметром площадки 13 и 16 м. Курганные площадки, вскрытые раскопками 2011–2017 гг., имели диаметры от 4–5 до 12 м, лишь в одном случае – 17,5 м.

Установлено, что площадки 7 курганов (№ 1, 2, 3, 8, 10, 11, 12) были окружены концентрическими ровиками, в некоторых случаях – с небольшими перемычками (№ 10) и заглубленными участками в отдельных секторах. У двух курганов (№ 4, 6) ровики представляли собой овальные ямы по обе стороны площадки. Состояние курганных площадок, исследованных Суздальской экспедицией, не позволяло полностью проследить конструктивные особенности насыпей, а во многих случаях даже установить первоначальное расположение погребения. Два кургана содержали остатки кремации, находившиеся на уровне горизонта на краю площадки (№ 10, 12) – разновидность устройства кургана, ранее неизвестная в Суздальском Ополье; один – остатки ингумации на горизонте (№ 1), два – ингумации в материковых ямах (№ 4 – рис. 4; № 11). Место помещения погребений в пяти курганах не установлено, но очевидно, что эти курганные площадки не были прорезаны могильными ямами (№ 2, 3, 5, 7, 8), то есть останки погребенных могли находиться на горизонте или в насыпи.

При всей фрагментарности новых данных о курганах и погребениях, отмеченных земляными насыпями, очевидно, что курганный обряд в Шекшовском могильнике предполагал различные варианты размещения кремированных и несожженных останков, что в полной мере соответствует данным дневников раскопок 1852 г. Основываясь на наблюдениях 2011–2017 гг., можно полагать, что курганы, возведенные над погребениями в материковых ямах, преобладающие в большинстве исследованных в 1960–90-х гг. могильников центра Суздальской земли (Михайловская сторона Суздаля, Новоселка, Чернокулово, некрополь на участке Ризоположенского монастыря), не были здесь доминирующим типом.

Точная высота шекшовских курганов не может быть установлена, так как она не была указана в архивных материалах XIX в., где фигурирует лишь глубина, на которой находились обнаруженные раскопками костяки. Максимальные значения высоты курганов, в случае обнаружения погребения на уровне горизонта, составляли 0,4–3,4 м (не более 1 м – 47 %, в диапазоне 1–2 м – 50 %, глубина погребения более 2 м отмечена лишь в 5 курганах). Некоторые косвенные признаки, в том числе незначительная мощность пахотного слоя, сформировавшегося из распаханных насыпей на площадке могильника, также позволяют предположить, что они были невысокими. Своими размерами выделялась насыпь кургана 1, содержавшего погребение с парадным топориком. Курганы, несомненно, были видимым элементом нового культурного ландшафта, формировавшегося в X–XI вв. вблизи «большого поселения» Шекшово 2 на возвышенном участке между р. Ирмес и р. Урдой и маркировали значение этой территории как места некрополя. Однако в отличие от сопок и больших курганов многих других областей Руси (Поволховье, Помостье, Юго-Восточное Приладожье, Верхнее Поднепровье, Москворецкий бассейн), курганные насыпи здесь едва ли возводились как монументальные земляные сооружения, призванные стать ландшафтными доминантами. Сами по себе как архитектурные сооружения они были недостаточны, чтобы закрепить за этим локусом особый символический смысл.

Грунтовые кремации

В процессе работ на площади памятника была собрана значительная коллекция предметов (631 экземпляр) со следами пребывания в огне или полностью потерявших свою первоначальную форму (рис. 5). Из них 356 найдены в пахотном слое, 264 – в переотложенном состоянии в заполнениях ровиков курганов и ямах неясного назначения. Основной участок с подобными находками локализуется в наиболее возвышенной части плато, на котором находится могильник, и занимает площадь чуть более одного гектара. Среди находок со следами пребывания в огне, обнаруженных вне комплексов, 55,7 % составляют предметы из цветного металла, 23 % из серебра, 15,2 % из стекла, 4,2 % из железа, 0,6 % из рога и 1,3 % из камня. Примерно половина находок из цветного металла и серебра – капли или кусочки металла, полностью утратившие исходную форму предметов. Большинство из определимых предметов – украшения костюма. Среди женских украшений 79 стеклянных и 7 сердоликовых бусин, фрагменты двух шейных гривен, 8 фрагментов браслетов различных форм, 3 фрагмента подковообразных фибул, 4 перстня, 35 фрагментов подвесок различных форм, 5 бубенчиков. Массивные подвески из цветного металла, изготовленные в технике «воскового вязания», частично сохранили свою форму, тогда как серебряные украшения, сделанные из тонкой проволоки и пластин, оказались полностью расплавлены, поэтому состав дошедших до нас украшений может не полностью соответствовать их реальному набору в костюме.

Рис. 4. Могильник Шекшово 9. Находки из погребения 1 (курган 4, раскоп 2, 2012 г.): 1–4 – цветной металл; 5 – серебро; 6–7 – глина

Рис. 5. Могильник Шекшово 9. Находки со следами пребывания в огне из пахотного слоя: 1–17, 23, 27, 32–33 – цветной металл; 18–20, 30–31 – серебро; 21–22, 24–26, 28–29 – стекло

Среди деталей мужского костюма 4 орнаментированных наконечника поясов, 57 орнаментированных поясных накладок, 9 фрагментов накладок от кошельков (Зайцева, 2015а; 2018). В числе других предметов со следами воздействия огня железные наконечник стрелы, кресало и 6 ножей, 2 железные бочковидные гирьки, 4 дирхама.

Кальцинированные кости на пашне были не видны, все они собраны в раскопах – в слое распашки, на уровне погребенной почвы или в заполнении ям (Zaytseva, Makarov, Dobrovolskaya, Krasnikova, 2016). Часть костей и оплавленных предметов из металла и стекла, собранных в пахотном слое, может происходить из разрушенных подкурганных погребений, в том числе в курганах 3 и 10 (Захаров, 2014). Однако характер распределения основной массы кальцинированных костей позволяет считать, что они представляют собой остатки кремаций, находившихся на древней дневной поверхности или в неглубоких ямах, которые не были перекрыты курганами. На открытой площади зафиксировано 4 скопления кальцинированных костей и оплавленных металлических предметов, находившихся на контакте почвенного горизонта и пахотного слоя или в ямах. Вес кальцинированных костей, составлявших эти скопления, – от 30 до 170 г, границы пятен нечеткие.

Большая часть костей происходит из северной и центральной части раскопа 3, в том числе с участков, где какие-либо следы сооружения курганных насыпей не зафиксированы. Слой с остатками кремаций в этом раскопе был прорезан ямами ингумаций XI – первой половины XII в., поэтому отдельные кальцинированные кости отмечены в заполнении шести могильных ям (№ 3, 4, 5, 7, 12, 14). В яме погребения 7 (раскоп 3) обнаружены фрагменты черепа взрослого человека, 49 оплавленных предметов и капли металла – остатки кремации, попавшие в засыпку могилы XI в.

В северной части раскопа две отдельные кальцинированные кости были зафиксированы в заполнении могильной ямы погребения 6, ингумации начала XI в. Рядом с ними в почвенном слое расчищено скопление кальцинированных костей (50 г, среди которых фрагменты плечевой кости, фрагмент верхней челюсти взрослого человека), оплавленные металлические украшения и стеклянные бусы: обломки серебряного втульчатого височного кольца, подвески-конька, подвески из дирхама, синий и желтый бисер. Никаких следов курганной насыпи на этом участке не выявлено.

Деформированные огнем металлические украшения и стеклянные бусы, собранные в пахотном слое, принадлежат к типам, основной период бытования которых X в. или X–XI вв. Среди них нет типов, вошедших в обиход в XI в. Для датирования кремаций важны находки куфических монет, из шести оплавленных дирхамов определимы два, чеканенные в 902–908 и 910/911 гг. (см. главу настоящего издания «Куфические монеты», № 51, 52 в списке монет). В XI в. – первой половине XII в. по крайней мере часть участка, где размещались кремированные остатки (северная часть раскопа 3), использовалась для ингумаций в грунтовых ямах.

Состояние кальцинированных костей из пахотного слоя, общий вес которых составляет чуть более 2 кг (2100 г), их белый или светло-серый цвет и мелкие размеры фрагментов указывают на высокую температуру горения. Кальцинированные кости принадлежат не менее чем 20 индивидам, среди которых 2 мужчин, 2 женщины и 4 ребенка, половозрастная принадлежность остальных 12 не установлена. В общей массе костных останков представлены также единичные кальцинированные кости животных: свиньи (14 фрагментов), крупного рогатого скота (1 фрагмент), мелкого рогатого скота (5 фрагментов) и собаки (1 фрагмент). Средний вес кальцинированных костей от одного погребения не превышал 100 г. Основываясь на этих наблюдениях, можно полагать, что на площадку могильника переносилась лишь часть кремированных останков, а сам обряд не предусматривал компактной группировки костей и погребального инвентаря, а, напротив, был ориентирован на их рассеянное размещение на поверхности. Грунтовые или поверхностные кремации радикально отличаются по своему характеру от кремации в кургане 12 с плотным размещением на компактном участке большого объема пережженных костей вместе с погребальным инвентарем. Вес костей в составе этого скопления вдвое превосходил общий вес кремированных костных останков, собранных на остальной площади раскопов в Шекшове (Макаров, Зайцева, Красникова, Угулава, 2017).

Различные варианты поверхностных кремаций второй половины I тысячелетия н. э. – рубежа I–II тысячелетий н. э. выявлены и документированы в настоящее время в целом ряде могильников северных областей Руси, от Ижорского плато, Причудья и Северного Приладожья до Кубенского озера и р. Костромы (Леонтьев, 1996; Макаров, Зайцева, 2007, с. 151–160; Захаров, Меснянкина, 2012, с. 14–28; Михайлова, 2014; Бельский, 2017; Стасюк, 2017). Наиболее значительная группа могильников, содержащих поверхностные кремации, в большинстве случаев вместе с другими видами кремаций, исследована в Юго-Западном Белозерье (Башенькин, 2011). Полевые исследования последних десятилетий показывают, что ареал этого погребального обряда не был ограничен севером Европейской России: могильники с кремациями, остатки которых помещались в грунтовые ямы и на поверхность, выявлены на Средней Оке (Сыроватко, 2014), в Волго-Клязьменском междуречье, на востоке Клинско-Дмитровской гряды (Вишневский, Кирьянова, Добровольская, 2007).

Для документирования поверхностных кремаций, реконструкции своеобразных обрядовых действий и форм обращения с останками умерших исключительную важность имеют наблюдения, сделанные С. Д. Захаровым на основе исследования двух могильников у поселения Крутик на Белозерье. Площадки этих могильников никогда не распахивались, а методика раскопок дала возможность полностью собрать все артефакты и костные останки и детально зафиксировать их положение. Для этих могильников достоверно установлено размещение остатков кремации на поверхности значительных по площади участков без обустройства отдельных погребений как компактных локальных комплексов. Убедительно показано также, что на площадку могильника переносилась лишь часть сожженных костей, а на одного индивида приходится несколько граммов костных остатков (Захаров, Меснянкина, 2012, с. 14–22).

В Суздальском Ополье остатки бескурганных кремаций до раскопок в Шекшове были неизвестны. Возможности выявления могильников с «рассыпными» или грунтовыми кремациями в ландшафтах, которые в течение столетий подвергались интенсивной распашке, ограничены. Состояние собранных в Шекшове пережженных костей и средневековых предметов со следами огня во многих случаях не позволяет установить их изначальное положение и взаимосвязь. Обращение к материалам исследованных С. Д. Захаровым могильников Крутика как к эталонам погребальных памятников с поверхностными кремациями показывает, что присутствие на месте могильника лишь части кремированных остатков и рассеянное их размещение правомерно рассматривать не как следствие полного разрушения погребальных комплексов, а как отражение реального характера обрядовых практик.

Произошедшее за последние несколько десятилетий существенное расширение круга памятников, на которых фиксируются «рассыпные» или поверхностные кремации, позволяет видеть в этом обряде элемент не какой-либо одной этнокультурной традиции, как это считалось ранее. Близкое соответствие поверхностных кремаций, открытых вблизи Которского погоста на Плюссе и на Кубенском озере, в далеко отстоящих друг от друга регионах с разной культурной подосновой, по мнению Е. Р. Михайловой, указывает на их связь с древними погребальными обычаями, имевшими широкое распространение в лесной полосе (Михайлова, 2014, с. 331–332).

Бескурганные ингумации

Из 26 целых и нарушенных погребений по обряду ингумации 5 находились в курганах, в двух случаях вопрос о наличии земляной насыпи, перекрывавшей погребальную яму, остается неясным. 19 погребений находились в грунтовых ямах на участках, где не выявлены однозначные признаки устройства курганных площадок и следы снивелированных насыпей. Бескурганные погребения открыты на четырех локальных участках – в раскопах 1, 2 и 3, примерно половина находилась в наиболее возвышенной части площадки могильника, в северной части раскопа 3, там же, где открыты остатки поверхностных кремаций. Характеризуя эту группу погребений, мы рассмотрим вместе с ними и два захоронения, принадлежность которых к курганным или бескурганным не определена.

Погребения находились в прямоугольных в плане ямах, на глубине от 35 до 78 см от уровня современной поверхности. Контуры ям выделялись на фоне материка или погребенной почвы по пестрому заполнению, с глиной и почвенным гумусом. На трех участках прослежены компактные локальные группы погребений с одинаковой ориентацией и элементы рядового расположения могил. Ямы были углублены в материк на 20–40 см, за исключением нескольких, более мелких, содержавших детские погребения. Учитывая значительную мощность почвенного слоя, можно полагать, что первоначальная глубина могильных ям составляла не менее 40–60 см. Длина могильных ям, в которых находились погребения взрослых индивидов, составляла от 2,0 до 3,3 м, ширина – от 0,7 до 1,3 м. Ингумации содержали остатки костяков разной степени сохранности, в двух детских сохранились лишь зубы, в одном погребении кости не сохранились. 13 погребений были ориентированы на запад (с отклонением на север и на юг до 30°), два – головой на восток, одно – головой на юг. 8 погребений определены как захоронения женщин или девушек-подростков, 5 – как захоронения взрослых мужчин, 8 – детские. Судя по сохранившимся костным останкам, все погребенные были помещены в могильные ямы на спине в вытянутом положении (1 детское погребение – с поворотом на левый бок). В девяти случаях зафиксировано вытянутое положение рук, в одном – вытянутые руки были разведены и немного согнуты в локтях, в одном – левая рука была положена на живот, в одном случае обе руки были сложены на животе. Вероятно, в могилах находились какие-то деревянные сооружения, однако железные костыли и гвозди для скрепления досок зафиксированы лишь в двух захоронениях, еще в двух расчищены деревянные плашки. Положение костяка в погребении 6 с несколько раздвинутыми в локтях руками указывает, что он был помещен в достаточно просторное погребальное сооружение.

15 погребений (все, кроме трех мужских и трех детских) содержали украшения и металлические детали костюма, в 15 погребениях находились сопровождающие вещи из металла (бытовые предметы, орудия труда, предметы вооружения) и украшения, специально положенные в могилу.

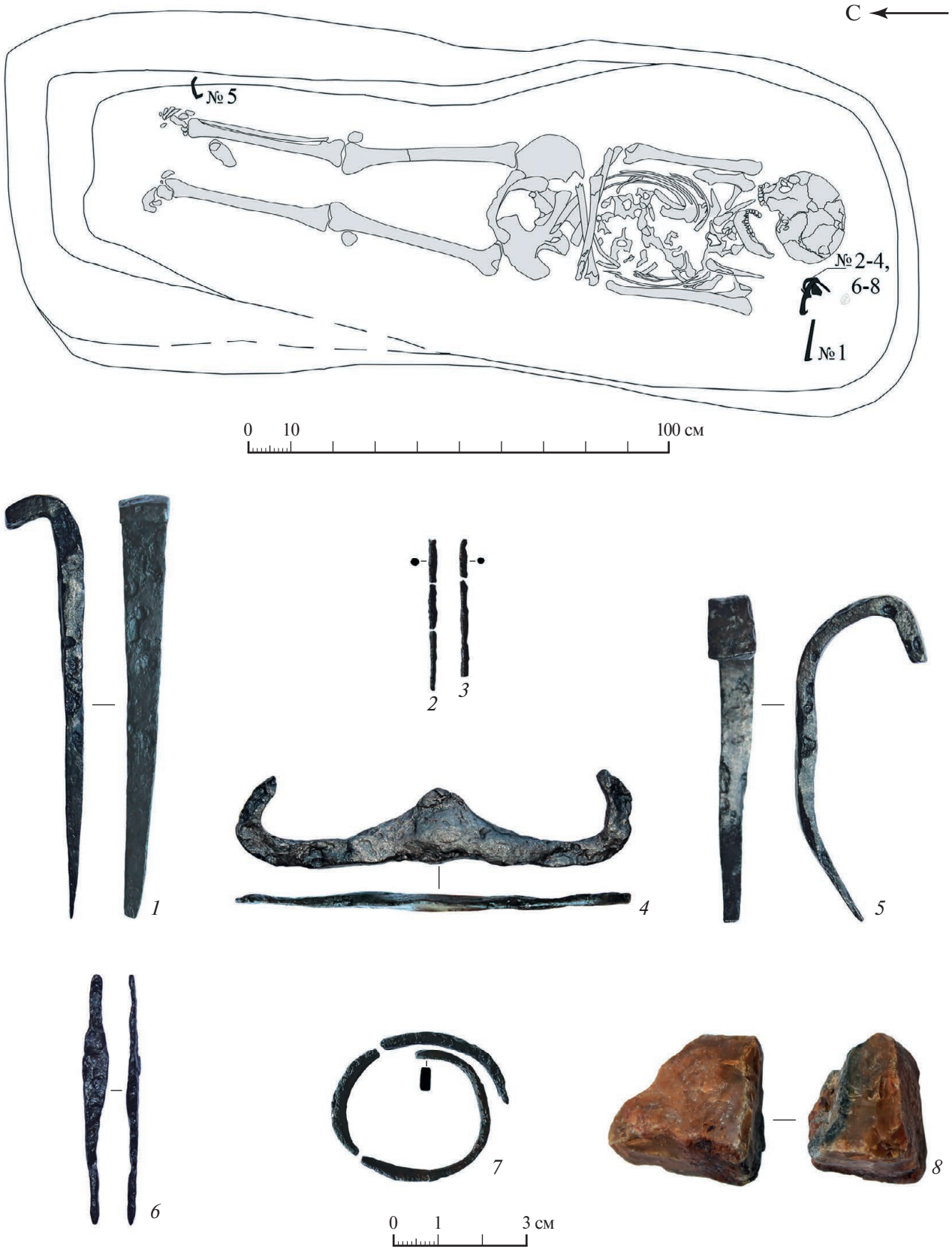


Рис. 6. Могильник Шекшово 9. Находки из погребения 8 (раскоп 2, 2012 г.):
1–7 – железо; 8 – камень

Рис. 7. Могильник Шекшово 9. Находки из погребения 3 (раскоп 2, 2016 г.):
1 – серебро; 2 – медный сплав, кожа, береста; 3 – железо; 4–5 – цветной металл; 6–9 – стекло; 10–11 – глина

14 погребений сопровождались сосудами, помещавшимися обычно в ногах. Среди бытовых вещей наиболее многочисленны ножи, обнаруженные в 12 погребениях – мужских, женских и детских. Четыре мужских погребения (рис. 6) сопровождались кресалами, два – наконечниками стрел, по одному разу в могилах встречены кресальные кремни, фитильная трубка, ключ, шило и дирхам без ушка и отверстия для подвешивания. В женских погребениях из сопровождающих вещей, помимо ножей, встречены кожаный кошелек с заклепками (рис. 7: *2*), шило и железный стержень, в детских – игольник и пряслице.

Набор украшений в женских погребениях и погребениях девочек включал перстнеобразные и бусинные височные кольца (найдены в девяти погребениях, в восьми комплексах – в количестве от двух до четырех, в одном погребении расчищено 16 височных колец), ожерелья из бус и бисера (в 13 погребениях от одной до 160 бус, в большинстве погребений взрослых женщин от 50 до 90 бус), браслеты (в двух погребениях), перстни (в четырех погребениях), подвески к ожерелью, в том числе монеты (в четырех погребениях), головные венчики (в одном погребении), в двух случаях этот убор был дополнен шумящими подвесками, в двух – подковообразными фибулами. Наиболее богатый набор украшений представлен в погребении 6 в раскопе 2. В состав этого комплекса, помимо обычных для Шекшова компонентов, входила шейная гривна, подвески из куфических и византийской монеты и украшения обуви – арочная подвеска с волютами и пластинчатые подвески с привесками. Металлические детали мужских костюмов – поясные пряжки и поясные кольца – встречены в могильнике в двух погребениях.

Большинство металлических украшений и бытовых вещей из погребений относится к числу предметов с широкими хронологическими рамками бытования в пределах X–XII вв. Для определения общего хронологического положения бескурганных погребений существенно присутствие в 14 комплексах лепной керамики, дата которой не должна выходить за рубеж XI–XII вв. С этой датировкой хорошо согласуются находки в погребениях дирхама Сайид ал-Умара Абу ‘Али, 994/995 г. (погребение 5, раскоп 2), подвесок из монет-подражаний дирхамам Насра б. Ахмада, подвески из милиарисия Константина VII и Романа II 945–959 гг. (погребение 6, раскоп 2), подвески из английской монеты Этельреда, чеканенной в 991–997 гг. (погребение 12, рис. 8), завязанного перстня и браслета (погребения 2, 3), ножа с прямой спинкой и железной гирьки (погребение 1).

Для уточнения хронологических позиций погребенных важны наборы бус и бисера из погребений 1, 3, 4, 5, 12 и 14 (раскоп 3) и 6 (раскоп 3), включавшие от полутора десятков до полутора сотен единиц (рис. 8, 9). В пяти из этих наборов в значительном количестве представлены золотостеклянные, серебростеклянные, желтые и синие одночастные и многочастные лимонки (погребения 1, 3, 12, 14, 6–2), глазчатые бусы (погребения 1, 3) и бисер из тянутых трубочек черного, синего и зеленого цвета (погребения 1, 3, 12, 6–2). Подобные наборы бус характерны для конца X – первой половины XI в. Наиболее позднее положение среди комплексов с ожерельями из бус занимает погребение 5, в котором из 55 бус 36 – серебростеклянные бочонковидные гладкие и ребристые с каймой, а лимонок – лишь 4. Значительная доля серебростеклянных ребристых бус обычна для наборов второй половины XI в. Основываясь на вещевых находках, 9 погребений могут быть датированы XI в., 3 – концом X – первой половиной XI в., 5 – первой половиной XI в., одно – второй половиной XI в. и одно – первой половиной XII в.

Для характеристики обряда существенно, что 10 погребений взрослых индивидов находились в могильных ямах, размеры которых существенно превышали размеры самих тел, длина могильной ямы в пяти случае составляла 2,5–3,0 м, в двух – превышала 3 м. Использование больших могильных ям для совершения захоронений в XI в. отмечалось исследователями при публикации материалов погребальных памятников различных областей Руси и Балтийского региона, высказывалось мнение об особом престижном значении подобных могил (подробнее см.: Макаров, Зайцева, 2016). Погребения в больших могильных ямах (длиной более 2,6 и шириной до 1,5 м) хорошо документированы в двух курганных могильниках Суздаля XI – первой половины XII в. – некрополе на Михайловской стороне и некрополе на территории Ризоположенского монастыря. М. В. Седова интерпретировала практику помещения умерших в большие могильные ямы как форму манифестации их высокого социального статуса в ситуации, когда иные способы его материального выражения были уже недопустимы по нормам христианского обряда (Седова, 1997). В последние десятилетия несколько бескурганных могильников X–XI вв. с погребениями в больших могильных ямах исследовано на территории Польши и Германии (Janovsky, 2011; Kara, 2015; Müller-Wille, 2015). С суздальскими могильниками некоторые из них объединяет контраст между скудостью погребального инвентаря и большими размерами погребальных сооружений. Очевидно, обряд погребения в больших могильных ямах с западной ориентировкой и сравнительно скромным набором инвентаря без сооружения земляной насыпи над могилой в XI в. получил широкое распространение в Восточной Европе как одна из новых форм погребальной практики, возникшая в среде новообращенной элиты.

Рис. 8. Могильник Шекшово 9. Находки из погребения 12 (раскоп 3, 2013 г.):
1 – серебро; 2–5, 8 – цветной металл; 6 – стекло; 7– железо; 9–10 – глина

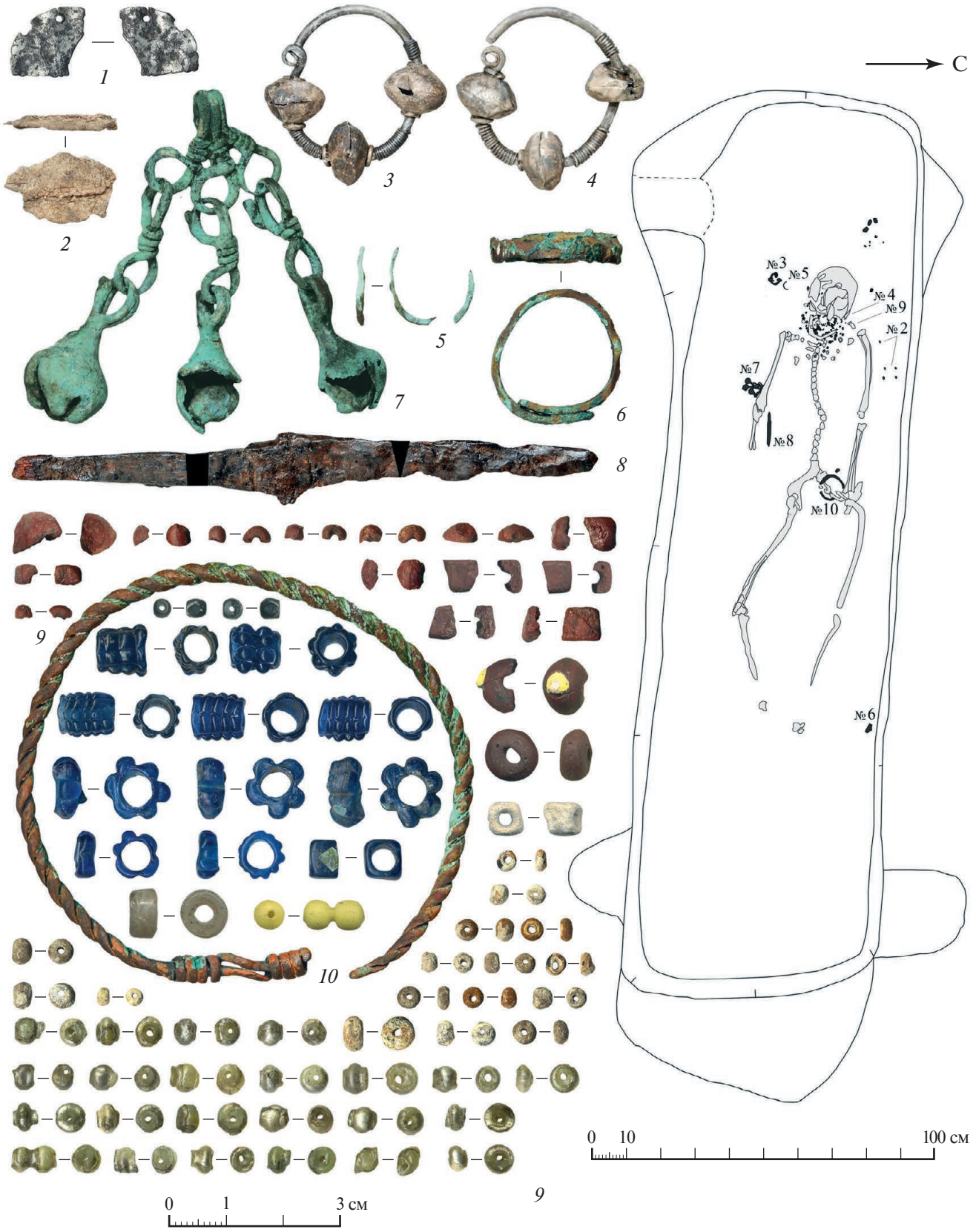


Рис. 9. Могильник Шекшово 9. Находки из погребения 3 (раскоп 3, 2013 г.): 1, 3–4 – серебро; 2, 5–7, 10 – цветной металл; 8 – железо; 9 – стекло

По своему общему характеру шекшовские бескурганные ингумации близки классическому погребальному обряду XI – первой половины XII в., известному по курганным могильникам в различных областях Руси. Отметим некоторые особенности обряда, существенные для характеристики культурных традиций этой группы населения. Во-первых, это присутствие сопровождающих вещей в мужских погребениях. Обычай помещать бытовые вещи и орудия труда (кроме ножей) в погребения вышел из обихода населения городов и многих сельских областей Руси в XI в. На северо-востоке Руси он широко практиковался на Белозерье, на Мологе, в Тверском и Угличском Поволжье, но имел ограниченное распространение в центре Ростово-Суздальской земли. В могильнике на Михайловской стороне Суздаля, где исследовано более 130 погребений, единственная категория сопровождающих вещей – ножи, находившиеся в четырех захоронениях (Седова, 1997, с. 161–164). При раскопках 2011–2017 гг. в Шекшове не встречены рабочие топоры, представляющие собой важнейшую часть мужского погребального инвентаря в могильниках на Белозерье и в верхнем течении Волги. Практически полная депаспортизация хранящейся в ГИМ музейной коллекции из раскопок «Владимирских курганов» не позволяет выявить упомянутые в дневниках А. С. Уварова топоры, найденные в 1852 г. в 42 комплексах. Значимая деталь погребального обряда, отмеченная в 8-ми захоронениях, – обычай помещать в могилу два (в одном случае три) сосуда. Для древнерусских могильников XI – первой половины XII в. характерны одиночные сосуды в ногах погребенных, отдельные погребения с двумя горшками известны в могильниках на Белом и Кубенском озере (Макаров, 1997, С. 114; Макаров, 2007, С. 173–174, рис. 160), однако истоки этой традиции связаны скорее с Волго-Окским регионом, чем с Севером. Женский убор в погребениях с ингумациями – обычный для Руси XI – первой половины XII в. убор из височных колец, ожерелий и украшений рук. Близкие наборы украшений представлены в женских погребениях некрополя на Михайловской стороне Суздаля. Из общей серии выделяется погребение 6 с треугольной каркасной подвеской, двумя подковообразными фибулами, скреплявшими одежду на груди, и металлическими украшениями обуви с шумящими привесками. По своей композиции этот набор украшений с сочетанием древнерусских и поволжско-финских элементов близок комплексам из погребений XI в. в могильниках на Волоке Славенском и Кубенском озере (Макаров, 1997; Макаров, 2009а). Этот комплекс – единственное пока погребение, в котором зафиксировано использование обуви с металлическими украшениями финского облика в Суздальском Ополье в X–XI вв.

Бескурганные ингумации как особая форма погребального обряда получила в XI–XII вв. широкое распространение на Юге Руси, в том числе в Среднем Поднепровье, и на Севере, в центре Новгородской земли. Шекшовские ингумации в грунтовых ямах – первая репрезентативная серия погребений, документирующая существование этой формы обряда в XI в. в Суздальской земле, в Волго-Клязьминском междуречье. Погребальный обряд шекшовских ингумаций следует общей древнерусской традиции. Обычай устройства больших могильных ям отражает воздействие обрядовых практик, получивших распространение в различных областях Восточной Европы после принятия христианства. В то же время в этих погребениях заметны элементы обряда, не связанные с традициями крупных культурных общностей, черты местного своеобразия, маркеры собственной идентичности.

Хронологическое соотношение кремаций и ингумаций, курганов и бескурганных погребений

Хронологические позиции могильника определяются с учетом датировки погребальных комплексов и отдельных датирующих вещей, происходящих из пахотного слоя. Основная масса вещевых находок из Шекшова – предметы, время бытование которых установлено в рамках X в., X–XI вв. и XI–XII вв. Значительная часть артефактов найдена вне комплексов, свыше трети ненарушенных погребений малоинвентарные, датируемые в широких хронологических рамках XI в. Определение узких дат, в пределах примерно полустолетия, возможно для 15 комплексов, в том числе содержащих монеты (таких погребений четыре), представительные наборы стеклянных бус и металлических украшений.

Для определения хронологических позиций важны монетные находки. Их всего 41: 36 целых и фрагментированных дирхамов (в том числе 10 с ушками и отверстиями для подвешивания), 3 денария и 2 милиарисия, превращенные в подвески. Все определимые дирхамы (22 экземпляра) – монеты, чеканенные в X в., 11 из них – монеты второй половины X в., наиболее поздние – два дирхама 975/976 г. и монета 994/995 г. Оба милиарисия датируются 945–959 гг. Денарии чеканены в 936–962, 991–997 и 973–1002 гг. Большинство монет собрано в восточной части раскопа 2 и в раскопе 3, в восточной части площадки могильника, но отдельные находки происходят и с других участков. Картирование монет из пахотного слоя позволяет локализовать зону распространения разрушенных погребений X–XI вв.

Одну из наиболее многочисленных категорий находок из пахотного слоя образуют поясные на-

кладки (около 90 экземпляров), среди которых выделено 12 поясных наборов. Три набора включают накладки «позднехазарских» типов, впервые вошедших в обиход в IX в. и распространенных в X в., 8 определены как болгарские, бытовавшие во второй половине X в., один включает ременные украшения, известные в комплексах как второй половины X, так и XI в. (Зайцева, 2018).

Среди находок из пахотного слоя широко представлены предметы, период бытования которых охватывает XI–XII вв., но нет артефактов-хроноиндикаторов XII – первой половины XIII в. Наиболее поздний средневековый комплекс, указывающий на использование могильника во второй половине XII – первой половине XIII в., – находки из северной части раскопа 2 (2012 г.): бронзовая прорезная подвеска-петушок «владимирского» типа с шумящими привесками (группа I, тип IV, по Е. А. Рябинину (Рябинин, 1981, с. 18, 19)), 4 стеклянных навитых бусины темно-оливкового цвета с белым пластичным декором, навитая рифленая полупрозрачная синяя бусина и янтарная кольцевидная бусина, происходящие из заполнения курганного ровика (Макаров, Красникова, Зайцева, 2013, с. 229–230). Основываясь на особенностях обряда (сложенные на груди и животе руки), мы отнесли к первой половине XII в. погребение 8 в раскопе 2 (рис. 6), комплекс которого включал калачевидное кресало с язычком (Макаров, Зайцева, Красникова, Угулава, 2017, с. 15).

В лабораториях радиоуглеродного датирования ИИМК РАН (СПб.), ГИН РАН (Москва) и Университетов Киля и Оксфорда произведено датирование четырнадцати образцов угля, древесного тлена и нагара из погребений и связанных с ними объектов на площадке могильника, возраст трех образцов установлен с использованием AMS-датирования. Датированы образцы из погребений и заполнения ровиков трех курганов и поминальных комплексов и заполнения ямы одного из грунтовых погребений. Время сооружения кургана 10 на основании этих дат может быть с наибольшей вероятностью определено как вторая половина – конец X в. Калиброванные даты трех образцов угля и древесного тлена из кремации в кургане 12 близки OxA-35668, 970–1017 AD (1б), 896–1021 AD (2б); ГИН-15514, 892–990 гг. (1б); 777–1023 гг. (2б); ГИН-15515, 882–978 (1б), 776–990 (2б) и дают основание отнести погребение к хронологическому интервалу между рубежом IX–X вв. и началом XI в., с наибольшей вероятностью – к последней четверти X в. Дата, полученная по образцам угля на участке вблизи кургана 3 (2012 г.) (KIA-50457), имеет интервал 890–990 AD. Для определения хронологических позиций комплексов в этой части площадки особенно важна дата, сделанная по нагару (KIA-50458), с коротким интервалом 960–1040 AD. Основываясь на этих датах, можно полагать, что три кургана с кремациями были сооружены во второй половине – конце X в., курган 3 – не позднее первой четверти XI в. Наиболее поздняя радиоуглеродная дата ГИН-15678, 1183–1269 AD (1б) получена по углям из глубокой ямы с пережженной глиной, прорезавшей ровик кургана 12. Характер этого комплекса (ритуальный или производственный?) не прояснен, возможно, он маркирует начало хозяйственной деятельности на площадке в конце XII – первой половине XIII в. после прекращения использования ее для погребений.

Таким образом, могильник начал функционировать не позднее второй половины X в., к этому времени относятся курганы с кремациями и бескурганные кремации на площадке. Данных о продолжении практики кремации после первой четверти XI в. нет, возможно, традиция угасла еще раньше, на рубеже X–XI вв. Ингумации появились в Шекшове не позднее начала XI в., возможно, – в самом конце X в. Трупоположения помещались под курганные насыпи (в грунтовые ямы или на горизонт) или устраивались на открытых площадках в виде бескурганных могил, не отмеченных земляными сооружениями. Из общего числа погребальных комплексов (целых и частично нарушенных) шесть относятся ко второй половине – концу X в., три – к концу X – первой половине XI в., семь – к первой половине XI в., десять – к XI в., один – ко второй половине XI в. и один – к первой половине XII в. (рис. 2). Судя по материалам раскопок 2011–2017 гг., период наиболее интенсивного формирования некрополя – вторая половина X – первая половина XI в. Очевидно, могильник продолжал использоваться для совершения захоронений и в XII в., однако на исследованных участках следы погребальных комплексов этого времени единичны.

Выводы

Шекшовский некрополь после новых раскопок открывается не как привычное для археологического видения Северо-Восточной Руси курганное поле, а как памятник с большим разнообразием погребальных обрядов, с грунтовыми погребениями и курганными насыпями, образовывавшими сложный ансамбль. Важной составной частью этого могильника были кремации, рассеянные на поверхности или помещенные в грунтовые ямы. Можно полагать, что именно они (вместе с курганами, содержавшими кремации?) составляли первоначальное ядро некрополя. Шекшово – пока единственный в Суздальском Ополье памятник, где выявлена эта форма погребального обряда. Ингумации в Шекшове – новая форма погребального обряда, появляющаяся в конце X – первой четверти XI в. и не имеющая корней в более ранней местной традиции.

Смена кремаций ингумациями должна быть отнесена к рубежу X–XI – началу XI в., достоверных свидетельств продолжения практики кремации в XI в. нет. Складывается впечатление, что изменения погребального обряда в конце X – начале XI в. носили характер достаточно радикальной трансформации: в могильнике появляются погребения в просторных и глубоких могильных ямах с немногочисленным инвентарем, ориентированные на погребальные традиции христианских некрополей. Они размещаются на том участке, где еще недавно на поверхности рассыпались кремированные останки. Материалы раскопок в Шекшове документируют появление мощного очага древнерусской культуры в начале XI в. и на поселении, в культуре которого в предшествующий период (X в.) ярко выражены финские традиции.

Несмотря на присутствие в составе погребального инвентаря предметов вооружения и парадного мужского костюма, придающих памятнику особый колорит, Шекшово – могильник с нормальным половозрастным распределением погребенных (на открытом участке было погребено не менее 46 человек, среди них определены останки 10 мужчин, 10 женщин, 14 детей и подростков), отражающий историю популяции, в которой были пропорционально представлены мужчины, женщины и дети.

Погребальный обряд могильника при всем разнообразии его конкретных форм ориентирован на демонстрацию престижа и высокого благосостояния средневековых насельников Шекшова. Обычные для многих памятников X–XI вв. элементы, которые традиционно рассматриваются как свидетельства богатства, участия в товарно-денежных отношениях и социальных амбиций, представлены здесь чрезвычайно ярко. Численность найденных в Шекшове монет немногим уступает общей численности монет, найденных А. С. Уваровым в суздальских могильниках при раскопках 1851–1852 гг. (60 монет). В составе коллекции 12 гирек для малых взвешиваний и 2 фрагмента весов. Присутствие в могильнике погребений с «оболами мертвых», погребальный обряд с ингумациями в больших ямах, находки предметов вооружения в полной мере соответствуют характеристике поселенческого комплекса, с которым связан некрополь, как «большого поселения» со сложным экономическим укладом и претензиями на роль одного из центров властных отношений. При этом погребения (за единственным исключением) не имеют отчетливых признаков, которые позволяли бы дифференцировать их в социальном или имущественном плане. Наборы погребального инвентаря, качество украшений и бытовых вещей и оформление погребальных сооружений указывают скорее на относительную социальную однородность погребенных.

Курган 1, содержавший погребение с инкрустированным боевым топором с княжескими знаками, значительно выделялся своими размерами – диаметр его площадки почти в два раза больше обычного. Это единственное погребение, которое может быть аргументированно определено как захоронение представителя элиты высокого ранга. Изучение прилегающих к кургану участков показало, что эта насыпь находилась на краю массива курганов, идентифицированных геофизической съемкой, примерно в 70 м к юго-западу от участка с древнейшими погребениями – грунтовыми кремациями, то есть несколько в стороне от раннего ядра, сложившегося в X в. Курган с боевым топором не был первоначальным центром формирования ансамбля некрополя, его сооружение как бы символизирует «появление» княжеской власти на территории, которая первоначально формировалась без ее участия. С другой стороны, для понимания характера социальных отношений важно, что погребение представителя княжеской власти не было пространственно обособлено, для устройства его был отведен один из участков общего некрополя.

И. Е. Зайцева

УЗДЕЧНЫЙ НАБОР ИЗ КУРГАНА 12[1]

Среди наиболее ярких находок, отражающих сложный этнокультурный состав населения, оставившего могильник Шекшово, и маркирующих присутствие в нем элементов, связанных с воинской средой, – уздечный набор из кремации в кургане 12. Насыпь этого кургана, располагавшегося в центральной части могильника, была, как и все остальные, полностью снивелирована и не видна в рельефе. Размеры площадки, имеющей подквадратную форму, составляли 860 × 880 см. Ширина ровика с тремя перемычками равнялась 230–405 см, глубина – до 42 см от уровня поверхности материка (рис. 10). Погребение на площадке кургана не сохранилось. В ровике находились фрагменты лепных сосудов, угольки, отдельные разрозненные зубы лошади.

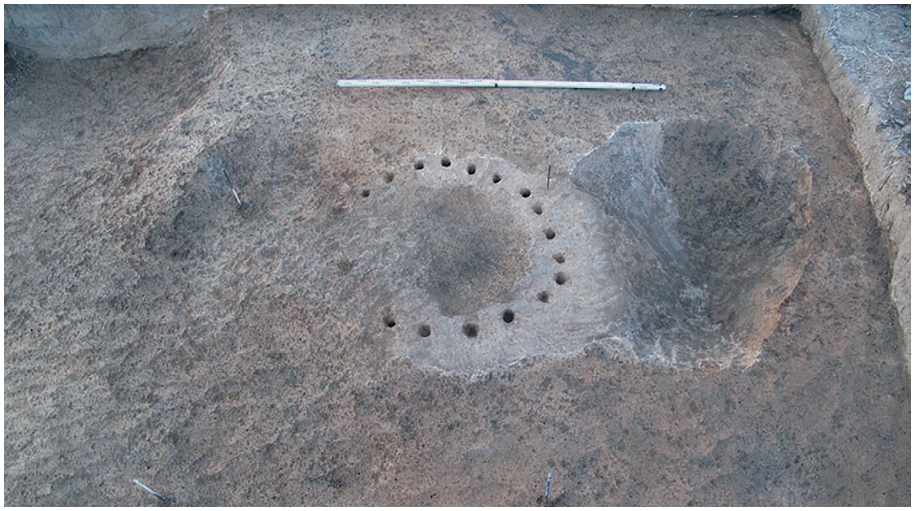
На южном краю площадки кургана, имеющем вид пологого склона, обнаружено погребение по обряду кремации. На удивление, погребение имело очень хорошую сохранность: только его верх был подрезан распашкой, но большая часть комплекса дошла до нас непотревоженной. Основная масса кальцинированных костей вместе с остатками золы и углей костра, а также частичками обожженной глины находилась в пределах прямоугольного пятна размерами 110 × 85 см.

[1] Предварительная публикация: Зайцева И. Е. Уздечный набор X в. из Шекшова в Суздальском Ополье // КСИА. М.: Языки славянской культуры, 2017. Вып. 246. С. 306–322.

Рис. 10. Могильник Шекшово 9. Курган 12. Площадка и ровик

А

Б



В

Рис. 11. Могильник Шекшово 9. Курган 12. Погребение по обряду кремации.
А, Б – кальцинированные кости и погребальный инвентарь в расчистке;
В – следы деревянной конструкции, в которую были помещены кремированные останки

Возможно, кости были помещены в прямоугольную емкость, скрепленную двумя железными скобами. Вокруг скопления костей расчищены остатки конструкции из жердей: 16 ямок диаметром 5–9 см и глубиной 8–10 см, располагавшихся полуовалом шириной 110 см, охватывавшим участок с кремацией с востока. Вероятно, сооружение представляло собой шалаш или навес, открытый с запада. Кремация была совершена на стороне, однако материковая глина на краю площадки кургана сильно прокалена: место, где было устроено погребение, было предварительно выжжено (рис. 11).

Вес костей в неразрушенной части погребения составил 3 850 г, т. е. общий вес костей в погребении был более 4 000 г. Среди кальцинированных костей определяются кости мужчины старше 40 лет, коровы (теленка), мелкого рогатого скота или свиньи, мелких пушных зверей[2]. На костях сохранились бронзовые и железные окислы от сгоревших вместе с ними предметов. Мелкие капли бронзы, серебра и железной окалины были собраны в ходе промывки грунта из кремации. Вперемешку с кальцинированными костями располагались обломки вареных расколотых пищевых костей, вероятно, коровы.

Среди костей находились обожженные обломки односторонней наборной роговой расчески с геометрическим орнаментом в роговом футляре, железные клин от топора, прямоугольная подпружная пряжка с иглой, маленькая призматическая весовая гирька[3], бронзовая призматическая головка от фибулы, тоже, вероятно, использовавшаяся в качестве гирьки[4], а также частично подплавленные бронзовые детали уздечного набора и железная пряжечка. Вместе с ними расчищены глиняные фрагменты лепного горшка, который был помещен в ящик уже разбитым, миниатюрный лепной сосуд, модель лапы бобра и кольцо[5]. Лапа и кольцо лежали в восточной части скопления костей и были прикрыты сверху крупным обломком сосуда. По образцам углей из кремации получены три радиоуглеродные даты (ГИН-15514, ГИН-15515, OxA-35668), две из них определяют хронологию погребения в широком интервале конца IX – конца X в., AMS датирование третьего образца указывает на последнюю треть X – начало XI в. (OxA-35668, 970-1017 AD, 1σ).

Металлические детали уздечного набора были перемешаны с костями, некоторые предметы дошли до нас сильно оплавленными, но большинство не имело следов огня. Вероятно, уздечка была брошена на уже прогорающий костер. Если бы она была положена в емкость, то ее детали сохранили бы порядок расположения. Некоторые обломки обнаружены в перекрывающем участок пахотном слое. Поскольку верхняя часть погребения была распахана, у нас нет уверенности в том, что удалось собрать все бывшие на ремнях металлические детали, тем не менее можно полагать, что большая их часть дошла до нас.

Многочисленным средневековым металлическим деталям уздечной гарнитуры, собранным на территории от Дальнего Востока до Балтики, посвящена обширная литература. Уздечные наборы из древнерусских памятников рассмотрены в диссертации В. В. Новикова (Новиков, 2009). Южнорусские кочевнические комплексы опубликованы А. Н. Кирпичниковым (Кирпичников, 1973), материалы из них детально исследованы Р. С. Орловым (Орлов, 1984) и Л. М. Гаврилиной (Гаврилина, А-1986). Упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья собрана Е. А. Армарчук (Армарчук, 2006). Прибалтийские оголовья проанализированы В. И. Кулаковым и Р. Волкайте-Куликаускене (см., например: Кулаков, Калашников, 2002 и др.). Алтайские находки изучены И. Л. Кызласовым (Кызласов, 1983), А. А. Тишкиным, Т. Г. Горбуновой (Шиготаровой), С. В. Хавриным (Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009; Горбунова, 2002; Шиготарова, 2001), Е. В. Григоровым (Григоров, 1998).

Рассмотрим подробно собранные в кремации детали оголовья.

Решмы. К набору можно отнести 4 бронзовые решмы (распределители ремней суголовья). Целиком до нас дошел только один предмет, имеющий Т-образную форму, еще 2 решмы имеют хорошую сохранность, четвертая представлена в мелких фрагментах. Решмы отлиты в одноразовых формах по выплавляемым моделям. Целая решма состоит из выпуклой полусферической серединки диаметром 17 мм, к которой с трех сторон примыкают прямоугольные выпуклые лопасти размерами 8,5 × 13 мм. Таким образом, ее размеры равны 32,5 × 26 × 15 мм. С оборотной стороны к 3 лопастям приделаны толстые прямые шпеньки (рис. 12: *1*). Сзади изделие закрывалось плоской пластинкой толщиной 0,3 мм, фигурно вырезанной по форме верхней части (рис. 12: *5*). В образовавшуюся полость для звукового эффекта была вложена маленькая гладкая накладочка прямоугольной формы размерами 8 × 3 мм с загнутыми шпеньками (вторичное использование[6]; рис. 12: *6*). К ремням решма крепилась при помощи небольших квадратных фиксаторов.

[2] Определение костей проведено д. и. н. М. В. Добровольской и Е. В. Добровольской.

[3] Недалеко от основного массива костей найден фрагмент бронзового коромысла весов.

[4] Точно такая же головка лежала в кожаном кошельке, приделанном к поясу, в мужской ингумации начала XI в. (Р3, п. 2).

[5] Недалеко от костей найден глиняный палец от другой лапы.

[6] В комплексе найдены две одинаковые накладочки, одна из которых была внутри решмы.

Центральная полусфера решмы украшена ромбом с вогнутыми сторонами, внутрь которого помещен выпуклый 8-лепестковый цветок. Лопасти – гладкие и выпуклые, по контуру всего изделия сделан простой плоский бордюр.

Вероятно, в набор входили две одинаковые решмы (вторая была оплавлена и сохранила только две лопасти; рис. 12: *3*). Она была изготовлена из оловянно-свинцовой бронзы (табл. 2: *23*). Третья решма, имевшая такую же конструкцию и размеры 34 × 26,6 мм, отличалась по рисунку: в ее центре также располагается ромб, но в нем был помещен не цветок, а крест, лопасти «разрезаны» продольными канавками, растраивающимися на концах, гладкий бортик по краю отсутствует (рис. 12: *4*). На изделии сохранились три лопасти, четвертая сторона отломана, поэтому утверждать наверняка, что изначально их было три, нельзя, поскольку по другим памятникам известны экземпляры, имеющие как три, так и четыре лопасти, причем в наборы входили чаще и те и другие. Изделие отлито из оловянной бронзы (табл. 2: *16*). Четвертая решма была аналогична третьей (рис. 12: *7*).

Территориально наиболее близкой полной аналогией решмам с крестом является находка из кургана 100 в Тимерёво (Зозуля, 2014). В Тимерёво найден всего один экземпляр, который был, вероятно, во вторичном использовании: шпеньки на нем утрачены, лопасти сверху пробиты штифтами. Другие такие решмы на древнерусских памятниках неизвестны. Собранные В. В. Новиковым материалы свидетельствуют о том, что Т-образные решмы вообще нехарактерны для этой территории: они найдены только в комплексе узды в погребении в Шестовице (Коваленко, Моця, Сытый, 2012, с. 327), и одна как случайная находка в Киевской области. По мнению В. В. Новикова, решма из Тимерёво близка «по форме и устройству» изделиям алтайской сросткинской культуры (Новиков, 2009, с. 110–111). Для нас важно то, что комплекс кургана 100 имеет надежную дату в пределах последней четверти X в. (Зозуля, 2014, с. 235).

Аналогии находкам из Шекшова происходят из двух кочевнических погребений (ингумаций), раскопанных в низовьях Волги, где они находились в составе уздечных наборов in situ: Верхний Балыклей, курганная группа 2, курган 5, погребение 1 (Скрипкин, А-1980, с. 10) и Кривая Лука 15, курган 2, погребение 6 (Дворниченко, Куйбышев, Малиновская, Федоров-Давыдов, А-1975, с. 175–176; Гаврилина, А-1986). Решмы из Балыклея выполнены из серебра с позолотой, решмы из Кривой Луки бронзовые. В обоих комплексах было по 4 решмы: по 2 с тремя лопастями и по 2 с четырьмя. В. В. Дворниченко датирует погребение из Кривой Луки XI в. (Дворниченко, Куйбышев, Малиновская, Федоров-Давыдов, А-1975, с. 179).

Несколько идентичных шекшовским серебряных Т-образных решм с цветком и гладким бортиком обнаружено в погребальном комплексе Уелги, расположенном на Южном Урале (IX–X вв.). Решмы найдены вне конкретных погребений. Как отмечает автор раскопок, украшения сделаны в южно- и западносибирских декоративных традициях второй половины – конца I тысячелетия (Боталов, 2012, с. 143–144).

В сборах на сельских поселениях Суздальского Ополья найдена еще одна целая Т-образная решма с выпуклой серединой другого рисунка (селище Федосьино 1; рис. 15: *1*).

Т-образные разделители с выпуклыми серединами являются характерными деталями конского убранства сросткинской и тюхтяхской культур, однако там они имеют иное оформление лопастей и орнамент (Григоров, 1998). Тем не менее среди опубликованных решм можно найти близкие шекшовским экземпляры, например, из погребения Екатериновка 3 на Алтае (Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009, с. 63). Как указывает И. Л. Кызласов, типологические прототипы таких решм «следует искать в материальной культуре тюрок II каганата» (Кызласов, 1983, с. 33). Т. Г. Горбунова добавляет, что преобладающими в орнаментике изделий «тюркской» традиции являются геометрические элементы: прорезные дуги, круги, ромбы, точки (Горбунова, 2002).

Бляхи-подвески. Среди костей найдены оплавленные фрагменты двух бронзовых блях. Поскольку до нас дошли только небольшие их обломки, представить, как точно выглядели целые изделия, невозможно. От одной бляхи сохранился небольшой фрагмент верхней части, на тыльной стороне которого имеются два обломанных шпенька (рис. 12: *9)*. От другой также сохранилась верхняя часть, но большего размера (рис. 12: *8)*. Дошедшие до нас фрагменты свидетельствуют об идентичности изделий. Можно полагать, что целые бляхи имели листовидную форму с выступающим верхом, их ширина составляла около 44 мм, в центральной части блях были сделаны выпуклые полости листовидной или овальной формы. Бляхи украшены геометрическим ложнозерненым (рубчатым) орнаментом по краям. Полосой такого же рисунка обведены выпуклые полости. В верхнем выступе помещен гладкий рисунок в виде капли и v-образный бортик. На ремень бляхи крепились при помощи шпеньков (на обороте большей бляхи сохранился целый загнутый шпенек). Бляхи толщиной 5,5 мм отлиты из оловянно-свинцовой бронзы по выплавляемой модели, оттиснутой в каменной форме (табл. 2: *2*).

В комплексе кремации найдена неоплавленная гладкая пластинка сердцевидной формы размерами 29 × 23,5 мм, вырезанная из кованого листа меди толщиной 0,4 мм, с выпуклой средней частью, также имеющей листовидную форму (рис. 12: *10;* табл. 2: *25)*. Со стороны выпуклости она пробита насквозь двумя штифтами, расположенными в средней части

Таблица 2

Результаты рентгено-флуоресцентного анализа состава металла деталей уздечного набора из кургана 12 в масс. %

№	название	Fe	Cu	Zn	Ag	Sn	Au	Pb	Bi	Ni	Co	Hg	Sb	As
1	штифт	0,53	91,07	0,21	0,13	5,32	0,00	2,17	0	0,08	0,00	0,00	0,05	0,43
2	бляха	0,65	91,12	0,28	0,13	6,28	0,00	1,2	0,00	0,08	0,00	0,06	0,06	0,27
3	штифт	1,61	87,80	0,33	0,20	5,11	0,00	3,70	0,03	0,00	0,00	0,00	0,04	1,18
4	наконечник	0,35	88,19	0,55	0,24	7,94	0,00	2,73	0,00	0,08	0,00	0,00	0,08	0,96
5	наконечник	0,19	78,96	0,65	0,35	10,70	0,00	9,13	0,00	неопр.	неопр.	неопр.	неопр.	неопр.
6	наконечник	0,21	82,90	0,22	0,16	7,65	0,00	8,86	0,00	неопр.	неопр.	неопр.	неопр.	неопр.
7	наконечник	0,34	87,60	0,18	0,29	7,65	0,00	3,95	0,00	неопр.	неопр.	неопр.	неопр.	неопр.
8	накладка	0,43	90,13	0,22	0,18	4,96	0,00	4,08	0,00	неопр.	неопр.	неопр.	неопр.	неопр.
9	накладка	0,81	88,04	0,23	0,14	7,52	0,00	3,26	0,00	неопр.	неопр.	неопр.	неопр.	неопр.
10	накладка	0,23	87,29	0,14	0,19	10,15	0,00	2,00	0,00	неопр.	неопр.	неопр.	неопр.	неопр.
11	накладка	0,36	93,26	0,19	0,20	4,32	0,00	1,67	0,00	неопр.	неопр.	неопр.	неопр.	неопр.
12	накладка	0,17	88,99	0,00	0,22	10,13	0,00	0,60	0,00	неопр.	неопр.	неопр.	неопр.	неопр.
13	накладка	3,65	84,45	0,43	0,20	7,48	0,00	3,79	0,00	неопр.	неопр.	неопр.	неопр.	неопр.
14	накладка	0,12	95,55	0,00	0,15	3,97	0,00	0,22	0,00	неопр.	неопр.	неопр.	неопр.	неопр.
15	штифт	0,07	93,76	0,1	0,18	4,65	0,00	0,81	0,00	0,12	0,03	0,00	0,04	0,23
16	решма	0,09	93,46	0,03	0,22	5,5	0,00	0,32	0,00	0,09	0,00	0,00	0,04	0,24
17	штифт	2,62	85,11	0,35	0,21	8,13	0,00	2,59	0,00	0,06	0,00	0,00	0,07	0,85
18	накладка	1,32	90,13	0,17	0,15	6,08	0,00	2,07	0,00	0,05	0,00	0,00	0,04	0,00
19	штифт	0,23	87,98	0,00	0,2	10,08	0,00	1,24	0,00	0,03	0,00	0,00	0,09	0,14
20	накладка	0,26	87,19	0,00	0,18	10,72	0,00	1,3	0,00	0,06	0,00	0,00	0,05	0,23
21	наконечник	0,06	90,74	0,09	0,19	5,29	0,00	2,72	0,04	0,12	0,00	0,00	0,05	0,7
22	штифт	0,22	81,99	0,38	0,25	6,11	0,00	10,1	0,07	0,06	0,00	0,00	0,08	0,74
23	решма	0,59	86,35	0,18	0,15	6,56	0,00	5,46	0,05	0,11	0,00	0,03	0,09	0,43
24	штифт	0,57	86,5	0,18	0,19	6,49	0,00	5,28	0,00	0,05	0,00	0,00	0,04	0,69
25	пластинка	0,16	97,9	0,00	0,16	0,21	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,05	1,52
26	штифт	0,75	92,42	0,25	0,12	5,1	0,00	0,04	0,00	0,08	0,03	0,00	0,1	1,12

Рис. 12. Металлические детали уздечного набора:
1, 3–7 – решмы; 2 – пряжка; 8–11 – бляхи; 12 – бубенчик. 1, 3–12 – цветной металл; 2 – железо

по бокам выпуклости. Такие пластинки использовались для закрывания тыльных частей блях. Есть сомнения в ее принадлежности к одной из блях: она не оплавлена и имеет небольшие размеры, в то время как сохранившиеся пластины на бляхах из других памятников полностью закрывают тыльные стороны изделий (Кирпичников, 1973, рис. 61; Новиков, 2009, рис. 69–72; Новиков, Ениосова, 2015, с. 209; Коваленко, Моця, Сытый, 2012, с. 327). В то же время штифты на пластинке пробиты только в ее центральной части, а не по периметру, так что она вполне могла закрывать лишь среднюю часть бляхи. В кремации найдены два маленьких бронзовых параллелепипеда с выпуклыми сторонами размерами 6 × 7 × 3 мм, которые, возможно, вкладывались внутрь полостей блях (бубенцы; рис. 12: *11)*.

Полных аналогий шекшовским бляхам обнаружить не удалось. В. В. Новиков собрал сведения о 55 бронзовых бляхах-бубенцах, обнаруженных на древнерусской территории (3 из них найдены во Владимирской области; Новиков, 2009, с. 184), но подавляющее их большинство имеет меньшие размеры. Крупные листовидные бляхи с выступающим верхом, украшенные геометрическим, в том числе и рубчатым, орнаментом, известны в составе уздечек из кочевнических погребений Северного Причерноморья. Р. С. Орлов относит их к «восточной» группе и считает их изделиями местного ремесла, в становлении которого принимали участие мастера, выходцы из исламских стран. Для нас важен и тот факт, что предметы, выполненные в «восточной» традиции, он полагает наиболее ранними и датирует их концом X – началом XI в. (Орлов, 1984, с. 34–36, 42).

Бубенчик. Среди костей найден обломок лопасти неоплавленного грушевидного крестопрорезного бубенчика (рис. 12: *12)*. По наблюдениям В. В. Новикова, бубенчики, хотя и нечасто, но использовались для украшения конской сбруи на территории Восточной Европы (Новиков, 2009, с. 196). Особенно распространены они на уздечках X–XI вв. из Доллькайма (Самбийский п-ов) (Кулаков, 2007, с. 268, 273, 275). Есть они в составе уздечных наборов южнорусских кочевнических погребений (Кирпичников, 1973, рис. 61, 62). Возможно, бубенчик(ки?) украшали и уздечку из Шекшова.

Наконечники. В комплексе кремации расчищены 5 целых бронзовых наконечников и несколько фрагментов (от двух?). Еще один целый наконечник найден в пахотном слое, перекрывающем место кремации. Таким образом, к комплексу можно отнести не менее 8 наконечников (рис. 13: *4)*. Все они представляют один тип: гладкие, выпуклые, с гладким плоским бортиком по периметру, с прямой верхней и округлой нижней частями (класс I по В. В. Мурашевой, см.: Мурашева, 2000, с. 57). Все наконечники, кроме одного, одинаковы по размерам – 33 × 14 мм. Один наконечник более длинный – 36,5 мм, но он деформирован. Предметы отлиты из оловянно-свинцовой бронзы (табл. 2: *4–7, 21*) по выплавляемым восковым моделям, сделанным на одном шаблоне.

Гладкие наконечники имели большое распространение в кочевнической среде на больших пространствах от Дальнего Востока до низовьев Волги, где они использовались и в поясной гарнитуре, и в уздечных наборах и где собраны многочисленные их аналогии. Т. Г. Горбунова отмечает, что «короткие овально-прямоугольные» наконечники являются наиболее показательным элементом «тюркской» традиции, особенностью которой является «скупая» орнаментация украшений либо ее полное отсутствие (гладкая лицевая часть; Горбунова, 2002). Встречены они и в материалах памятников Волжской Болгарии (в том числе в Танкеевском могильнике), в могильниках финнов Поволжья и Пермского Предуралья (например, см.: Мурашева, 2000, с. 57–58; Гарустович, 2009, с. 202; Казаков, 2007, с. 140, 174, 179; Казаков, 1992, с. 158–159; Белавин, 2000, с. 107). Интересно, что аналогичные шекшовским наконечники найдены в составе уздечного набора с Т-образными решмами из погребения 6 кургана 2 в Кривой Луке 15, рассмотренном выше (Дворниченко, Куйбышев, Малиновская, Федоров-Давыдов, А-1975, рис. 527). Еще один комплекс с крестовидными решмами и гладкими наконечниками происходит из кургана 5 могильника Валовый 1 на Нижнем Дону (Беспалый, Беспалая, Раев, 2007, с. 20).

Накладки. Наиболее многочисленны в комплексе накладки. К сожалению, точное их количество указать невозможно. Всего среди костей и в перекрывающем участок пахотном слое собрано не менее 23 (24?) бронзовых накладок. Одна неоплавленная накладка имеет круглую гладкую лицевую часть диаметром 8 мм и скошенный бортик (рис. 13: *2)*. Она крепилась к ремню при помощи толстого прямого шпенька, который фиксировался на ремне пластинкой ромбической формы. Изделие отковано на шаблоне. 20 (21?) накладок относятся к одному типу: сердцевидные с рисунком 5-лепесткового цветка, центральный лепесток крупный, боковые изогнуты, внизу в центре почковидный выступ, фон углублен[7]. На оборотах всех накладок приделано по 3 загнутых шпенька. Накладки представлены в двух вариантах: 4 экз. узких – 2 целых размерами 15 (ширина) × 17 мм и 2 обломанных (рис. 13: *3)*, а также не менее 18 широких, из них 9 целых размерами 19 (ширина) × 15 мм, 7 обломанных незначительно (ясно, что это тоже «целые» предметы), и 6 мелких фрагментов от непонятного количества накладок (рис. 13: *1)*.

[7] Точного соответствия таким накладкам в монографии В. В. Мурашевой обнаружить не удалось. Наиболее близки по рисунку накладки класса XV, обнаруженные во Владимирской и Ярославской (Петровское) областях (Мурашева, 2000, с. 39–40, 113).

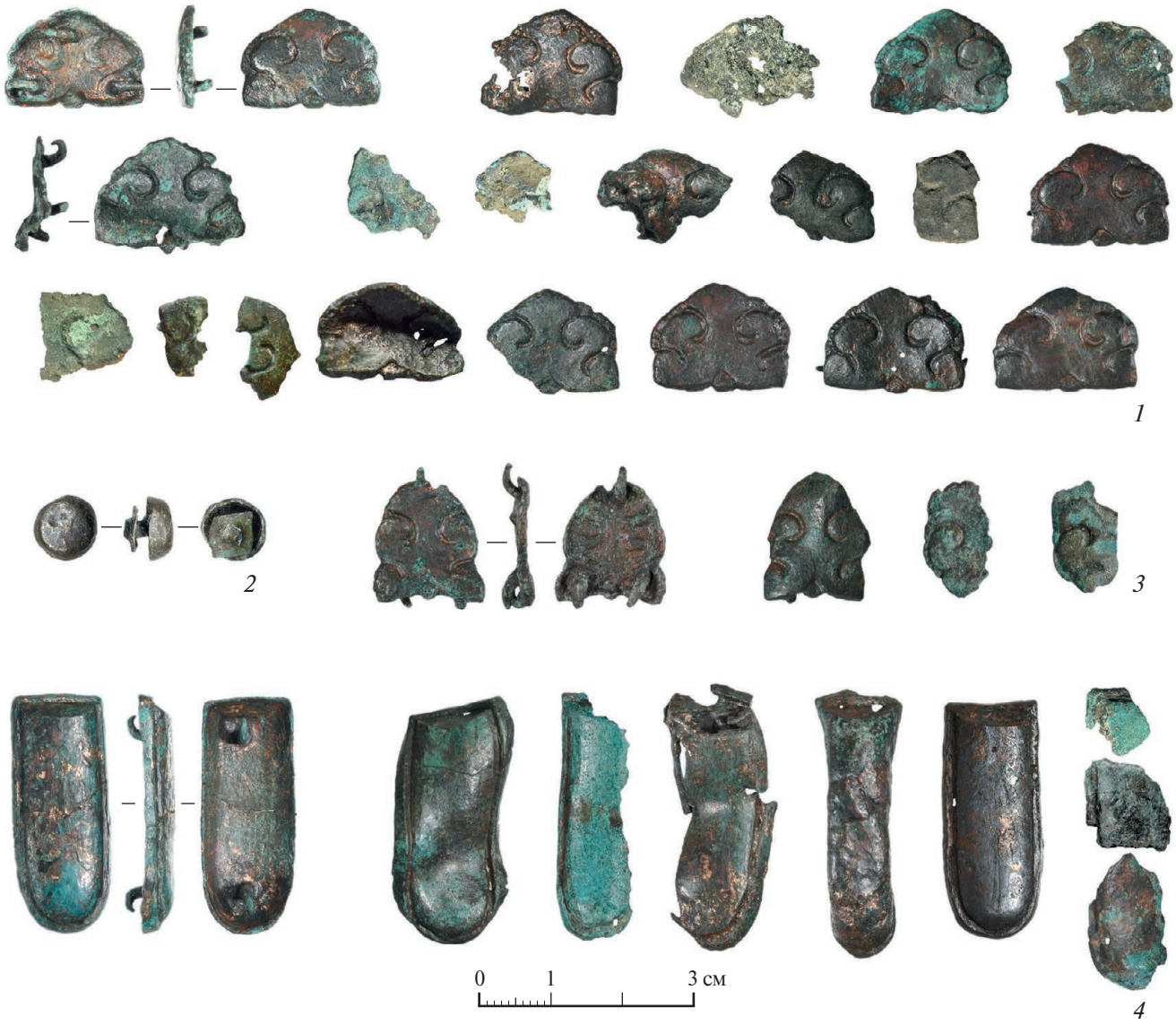


Рис. 13. Металлические детали уздечного набора (продолжение):
1–3 – накладки, 4 – наконечники. 1–4 – цветной металл

Край широких накладок оформлен рубчатым бордюром, отсутствующим у узких. Накладки сделаны из оловянной (табл. 2: *12, 14)* и оловянно-свинцовой бронзы (табл. 2: *8–11, 13, 18, 20)* по выплавляемым моделям, изготовленным при помощи штампов (описание технологии изготовления см.: Мурашева, 2000, с. 8–14; Новиков, Ениосова, 2015, с. 219). Накладки в группах полностью идентичны между собой. Среди костей собрано 3 обломка от 2 (?) накладок с похожим завитковым рисунком, но плоских без рифленого бортика и, вероятно, имеющих другую форму. Однако фрагменты так малы, что представить облик целых изделий невозможно.

Шекшовские накладки, изображающие пятилепестковый цветок и имеющие салтовские прототипы, относятся Н. А. Фоняковой к «группе трилистник» (Фонякова, 2007, с. 162–164, 173). Несмотря на распространенность этого изображения на накладках, точные аналогии шекшовским экземплярам удалось обнаружить только в погребении 5 Житимахских курганов X–XI вв. на Южном Урале (Мажитов, 1981а, с. 135), на Измерском селище и на 1 Качкашурском могильнике в междуречье Ветлуги и Камы (Казаков, 2007, с. 161, 175).

Пряжка. Среди костей найдена обожженная железная одночастная пряжечка размерами 19,5 × 21 × 1,5 мм. Она сделана из железного кольца шириной 3,5 мм, имеющего уплощенное сечение. Одна сторона кольца была оттянута в двух местах, в результате чего образовались небольшие «ушки» (рис. 12: *2)*. Точной аналогии пряжечке подобрать не удалось. Небольшие по размеру пряжки всегда входили в состав оголовий.

В комплексе кремации расчищена еще одна железная обожженная одночастная пряжка подтрапециевидной формы уплощенного сечения с вогнутыми сторонами размерами 44 × 40,5 × 2,5 мм, но она скорее всего использовалась в качестве подпружной.

Все детали набора, за исключением пряжек, изготовлены из бронзы. Рентгено-флуоресцентный анализ (РФА) состава металла 18 предметов, проведенный И. А. Сапрыкиной в ИА РАН[8] и А. О. Шевцовым в отделе археологических памятников ГИМ на РФА-анализаторах Mistral 1 Bruker, показал, что бляха, решма, 5 наконечников и 7 накладок отлиты из оловянно-свинцовой бронзы с содержанием олова 4–10,7% (среднее 7,03%) и свинца 1,3–9,1% (среднее 3,3%). Две накладки сделаны из оловянной бронзы с содержанием олова 4 и 10,1% (табл. 2). Состав легирующих компонентов и их процентная концентрация позволяют соотнести шекшовские находки с болгарской производственной традицией изготовления накладок в этот период (Зайцева, 2010, с. 120, 122).

Таким образом, рассматриваемый нами набор оголовья включает в себя 4 решмы, 2 бляхи, не менее 8 наконечников, не менее 23 (24?) накладок, бубенчик и пряжечку. Зная состав набора, можно сделать попытку гипотетической реконструкции положенного в погребение суголовья на основе имеющихся в литературе материалов.

В. В. Новиков пишет: «Оголовье (суголовье и повод) – система ремней из органического материала (кожи, ткани, тесьмы), которая одевается на голову лошади, напрямую связана с удилами и служит для управления животным. Эти ремни являются основой для крепления разнообразных дополнительных функциональных и декоративных элементов. Основными ремнями оголовья являются нащечные и затылочный ремни. Кроме них могут присутствовать налобный, наносный (нахрапный), подгубный и подбородочный ремни. Известны оголовья самых различных конструкций: без одного или двух ремней, с дополнительным центральным ремнем или ремнями, который соединял налобный и наносный ремни» (Новиков, 2009, с. 78–79). По его данным, на территории Древней Руси обнаружено 59 закрытых комплексов с оголовьями, 8 из которых происходят из Владимирской области, в том числе один из Шекшова (комплекс неизвестен, раскопки А. С. Уварова; Новиков, 2007, табл. 28). Наибольшее число оголовий найдено в Гнездове (23) и в Шестовице (6). В камерном погребении последнего могильника обнаружена, как уже указывалось выше, единственная на Руси уздечка с двумя трехлопастными и двумя четырехлопастными решмами. Остальные древнерусские комплексы значительно отличаются от шекшовского по составу (например, см.: Новиков, Ениосова, 2015; Новиков, 2016).

Наиболее близкие аналогии шекшовскому набору обнаруживаются в кочевнических комплексах Нижнего Поволжья, Нижнего Дона и полукочевнических Южного Урала и Зауралья (Дворниченко, Куйбышев, Малиновская, Федоров-Давыдов, А-1975, рис. 527; Скрипкин, А-1980, рис. 28; Беспалый, Беспалая, Раев, 2007, с. 20, 108; Мажитов, 1981б, с. 171, рис. 55). Найденное в Шекшове суголовье сделано в «тюркской» традиции, продолжающей свое существование в X–XI вв. на этой территории. Л. М. Гаврилина отмечает, что для нее характерно наличие двух крупных блях, украшавших налобный и наносный ремни. Бляхи являлись чисто декоративными деталями убранства, не имеющими конструктивного значения (Гаврилина, А-1986, с. 59). Пересечения нащечных ремней с налобным и наносным фиксировались решмами с лопастями. Судя по опубликованным реконструкциям, если в комплекте были и трех-, и четырехлопастные решмы, то наносный ремень соединялся с нащечными при помощи Т-образных решм, а налобный посредством четырехлопастных (Коваленко, Моця, Сытый, 2012, с. 327; Скрипкин, А-1980, рис. 27). Был ли на шекшовской уздечке ремень, соединяющий посередине налобный и наносный, точно сказать нельзя. Возможно, он был и украшался четырьмя узкими накладками. Остальные ремни декорировались широкими накладками-наконечниками (рис. 14). Еще одним возможным вариантом реконструкции является наличие маленьких подвесных ремешков, примыкавших к решмам и украшавшихся наконечниками. Такие варианты оголовий рассмотрены Т. Г. Горбуновой на материалах Горного Алтая. Исследовательница отмечает их появление в X – начале XI в. (Горбунова, 2002, рис. 3). Близкие шекшовским типы оголовья, но без решм с лопастями опубликованы Т. Б. Никитиной из марийского Дубовского могильника (Никитина, 2012, с. 374, 375).

По наблюдениям всех исследователей средневековых сбруйных наборов, украшенные накладками уздечки встречаются относительно редко, что свидетельствует об особом положении их владельцев (Гаврилина, А-1986, с. 65; Кулаков, Калашников 2002, с. 40–41 и др.). На основании большого формального и типологического сходства кочевнических наборов между собой Л. М. Гаврилина полагает, что на территории Восточной Европы существовали мастерские, где создавались наборы по единому замыслу (Гаврилина, А-1986, с. 65). Р. С. Орлов локализует два из таких производственных центров в Северном Причерноморье (торко-печенежские племена; Орлов, 1984, с. 42). Еще один центр В. В. Новиков и Н. В. Ениосова соотносят с Нижним Поволжьем (огузы; Новиков, Ениосова, 2015, с. 208; Ениосова, 2016, с. 548–549). Вероятно, в одной из мастерских последнего центра и была изготовлена уздечка, оказавшаяся в Шекшове.

[8] Исследование выполнено с использованием приборной базы Центра коллективного пользования Института археологии РАН.

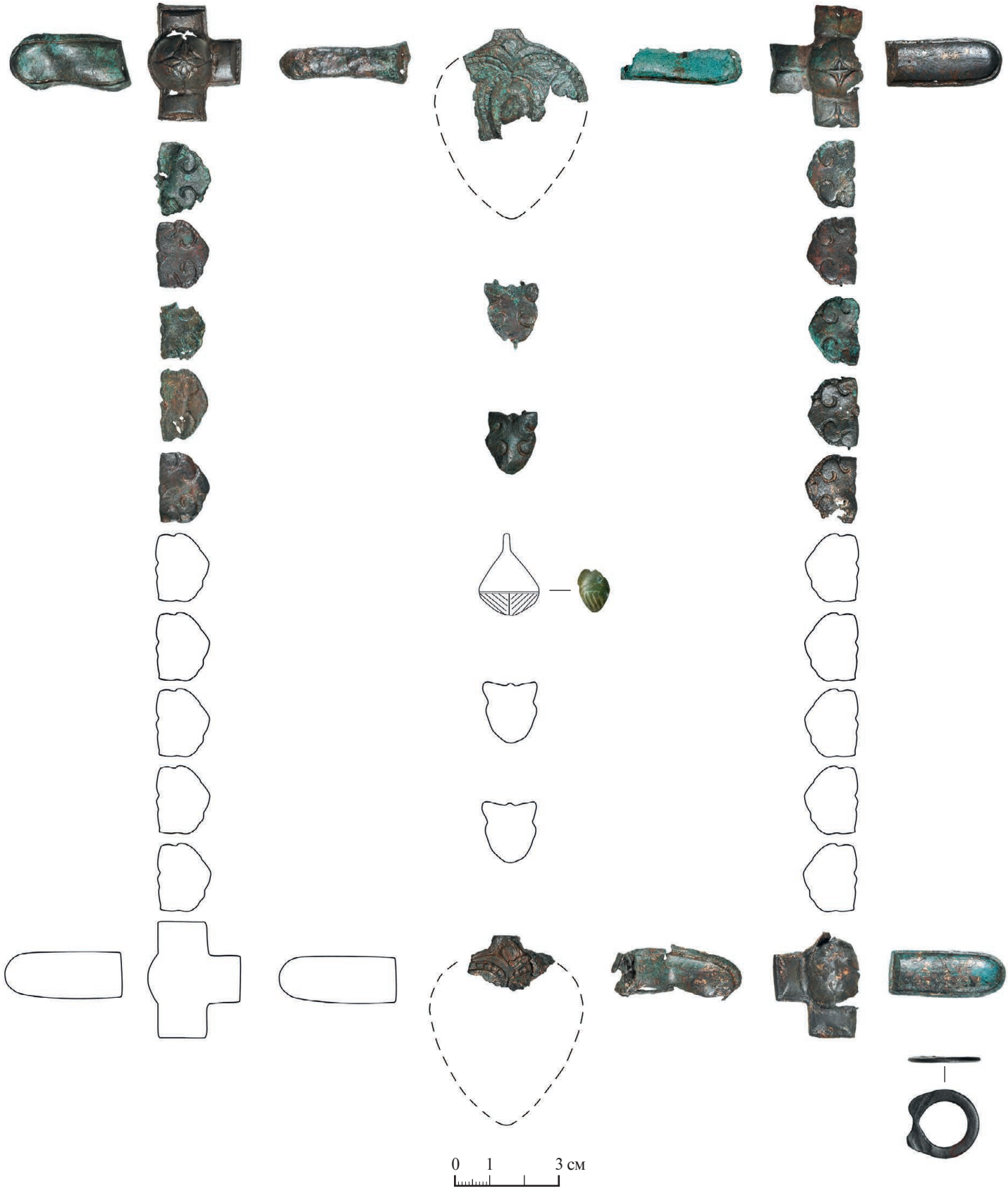


Рис. 14. Вариант реконструкции суголовья. Дизайн изображения Н. Д. Угулавы

Рис. 15. Металлические детали узды кочевнического облика из Суздальского Ополья.
1 – Федосьино, 2018, № 892/31; 2 – Григорово 2, 2018, № 8/8; 3 – Гнездилово 2, 2014, № 220/132;
4 – Подолец 1, 2006, № 303; 5 – Григорово 2, 2018, № 27/27; 6 – Поганое озеро 1, 2007, № 254;
7 – Улово 1, 2016, № 945/102; 8 – Михали 4, 2016, № 644/65; 9 – Романово, 2001, № 99;
10 – Тарбаево 5, 2011, № 688/3; 11 – Подолец 1, 2006, № 288; 12 – Вышеславское 5, 2018, № 421/58.
1–11 – цветной металл, 12 – железо

В коллекции из сборов Суздальской археологической экспедиции с селищ Суздальского Ополья имеются немногочисленные металлические детали сбруйных наборов, получивших распространение в кочевнической среде. Они обнаружены на 10 селищах в количестве 12 экз. Преобладают экземпляры, сделанные из сплавов на основе меди. Это одна уже упоминавшаяся Т-образная решма из Федосьина 1 (рис. 15: *1)*, 4 плоские и одна выпуклая бляхи из Григорова 2, Михалей 4, Романова и Подольца 1 (рис. 15: *2, 5, 8, 9, 11)*, три обломка наносных султанов из Гнездилова 2, Подольца 1 и Поганого озера 1 (рис. 15: *3, 4, 6)*, 2 наносные подвески из Улова 1 и Тарбаева 5 (рис. 15: *7, 10)*. Один наносный султан из Вышеславского 5 изготовлен из железа (рис. 15: *12)*. Кроме того, среди многочисленных бронзовых накладок и наконечников, собранных на селищах Суздальского Ополья, невозможно выделить экземпляры, использовавшиеся для украшения узды. Ранее при рассмотрении этих находок был сделан вывод о сложном этнокультурном составе воинской элиты, размещавшейся по селам округи Суздаля (Зайцева, 2014, с. 374). Теперь он подкрепляется новыми материалами.

Конечно, для предположения о принадлежности кремации в кургане 12 кочевнику нет оснований. Однако можно допустить, что уздечка была привезена в Шекшово уже в готовом виде, вероятно, вместе с лошадью. Поскольку изменить размеры жестко зафиксированных ремней было нельзя, существует мнение, что уздечки изготавливались под заказ на конкретное животное (Новиков, Ениосова, 2015, с. 219). Хорошая крупная кочевническая лошадь могла быть и просто захвачена в бою. К. А. Михайлов и С. Ю. Каинов пишут о распространении в середине – второй половине X в. в среде военной элиты Древней Руси моды на предметы вооружения, снаряжения коня кочевнического облика и ношение всаднических элементов одежды (Mikhailov, Kainov, 2011, p. 241–242).

Несмотря на то, что среди кальцинированных костей остатков коня не обнаружено, положение в погребение наборной уздечки наряду с глиняными лапой и кольцом является отражением высокого общественного статуса умершего. Радиоуглеродные даты, полученные по образцам углей и дерева из кремации, определяют ее хронологическую позицию как конец X в. Эта датировка хорошо согласуется с датой кургана 100 из Тимерёва, содержавшего монету 976 г. (Зозуля, 2014, с. 235).

Таким образом, находка большого комплекса металлических деталей уздечной гарнитуры в мужском погребении последней четверти X в. по обряду кремации еще раз подчеркивает синкретичный характер культуры древнерусской воинской элиты этого времени, сочетающей в себе различные по происхождению и стилю элементы от скандинавских до кочевнических.

Н. А. Макаров, А. М. Красникова, И. Е. Зайцева

ТОПОР С КНЯЖЕСКИМИ ЗНАКАМИ ИЗ КУРГАНА 1[1]

Из раскопок могильника Шекшово происходит выдающийся образец древнерусского парадного оружия – инкрустированный серебром топорик с княжескими знаками (рис. 16, 17). Остатки погребения, содержавшего этот уникальный предмет, были открыты в августе 2011 г., в самом начале поисков могильника, на площадке снивелированного кургана, получившего номер 1. Эта находка стала первым подтверждением сохранности части некрополя после раскопок А. С. Уварова. Последовавшее затем исследование могильника с охватом раскопками и геофизической съемкой значительной площади и изучение артефактов, найденных в погребении, позволили многое уточнить в характеристике и оценке этого элитного погребального комплекса, первая публикация которого была представлена в 2013 г. (Макаров, Зайцева, Красникова, 2013).

Остатки кургана 1 были выявлены в раскопе площадью 270 кв. м, заложенном на старом пахотном поле, у края ложбины, прорезающей возвышенность, на склоне которой находятся поселение Шекшово 2, а в верхней части склона и на вершине – могильник Шекшово 9. Под пахотным слоем в раскопе здесь был выявлен концентрический ровик, глубиной до 0,65 м и шириной не менее 3 м, окружавший округлую в плане площадку размерами 17 × 18 м (рис. 18). В северо-западной части ровика на дне его находился развал лепного подправленного на круге сосуда. В западной и центральной частях площадки под пахотным слоем прослежен средневековый почвенный горизонт – слой серого гумусированного суглинка толщиной до 6 см, на остальной части этот слой полностью уничтожен распашкой. В пахотном слое, перекрывавшем площадку кургана, какие-либо средневековые находки отсутствовали. Южная часть площадки была прорезана ямой глубиной до 0,4 м, в которой находились отдельные кости человека: крупный фрагмент лобной кости индивида в возрасте до 20 лет; зуб (резец), принадлежащий индивиду 30–50 лет, предположительно, мужчине, и ладьевидная кость индивида в возрасте 25–40 лет (определение члена-корреспондента РАН М. В. Добровольской), кроме того, в яме обнаружена кость животного. Очевидно, яма содержала разрозненные костные остатки нескольких погребений. В центральной части площадки кургана в слое серого гумусированного суглинка обнаружены лежащие в непосредственной близости серебряная позолоченная подковообразная фибула с остатками ткани, железный инкрустированный серебром топор с остатками деревянной рукояти (в 15 см к северу от фибулы) (рис. 19, 20) и полностью корродированный железный предмет небольшого размера. Топор был ориентирован рукоятью на юго-запад. Очевидно, эти вещи сопровождали помещенное на древней дневной поверхности мужское погребение, костные остатки которого не сохранились. Серебряная инкрустация на топоре первоначально была почти незаметна под слоем коррозии, поэтому значение находки удалось в полной мере оценить после завершения реставрации топора, произведенной в лаборатории ГИМ В. А. Ширяковым.

Серебряная подковообразная фибула имеет размеры 41 × 38 мм. Внешняя поверхность ее литой дуги выпукло-вогнутого сечения шириной 8 мм покрыта рельефным орнаментом из противостоящих полукругов и групп из четырех небольших полусфер. К концам дуги приделаны отлитые отдельно многогранные головки размерами 9 × 9 × 5 мм. Головки украшены концентрическим черневым (?) декором. Фибула снабжена серебряной иглой из кованого стержня с узким основанием. На дуге и на игле сохранились остатки позолоты.

Литые подковообразные фибулы с многогранными головками относятся в литературе к «интернациональным типам», характерным для мужского костюма Балтийского региона в позднюю фазу эпохи викингов (вторая половина X – начало XI в.) (Мальм, 1967, с. 161; Авдусина, Ениосова, 2001, с. 97–98; Кулаков, 2021; Carlsson, 1988; Thunmark-Nulen, 1998; Покровская, 1999, с. 56–58). Большинство таких застежек изготовлено из бронзы, серебряные экземпляры редки. Дуги фибул украшались орнаментом из мелкой плетенки или пуансонным. Известно два экземпляра изделий с аналогичным рассматриваемому нами декором дуги и другими по рисунку головками. Одна фибула из Владимирских курганов опубликована А. А. Спицыным (Спицын, 1905, с. 147, рис. 253), другая из Полтавской области Украины Б. Н. и В. И. Ханенко (Ханенко Б. И., Ханенко В. Н., 1902, с. 34, № 303). Материал этих украшений неизвестен.

[1] Предварительная публикация: Макаров Н. А., Зайцева И. Е., Красникова А. М. Парадный топорик с княжескими знаками из Суздальского Ополья // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. К 70-летию академика А. П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 435–444.

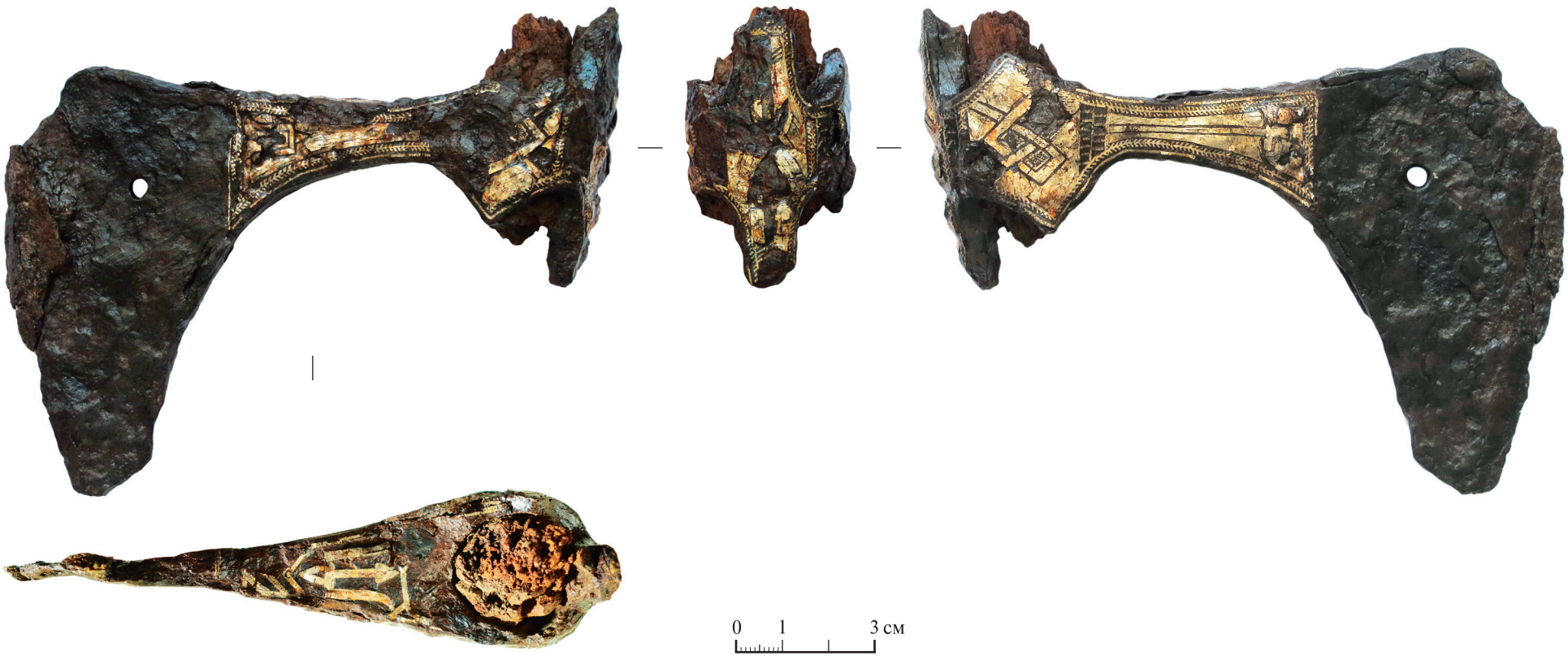


Рис. 16. Топорик из кургана 1 в могильнике Шекшово 9

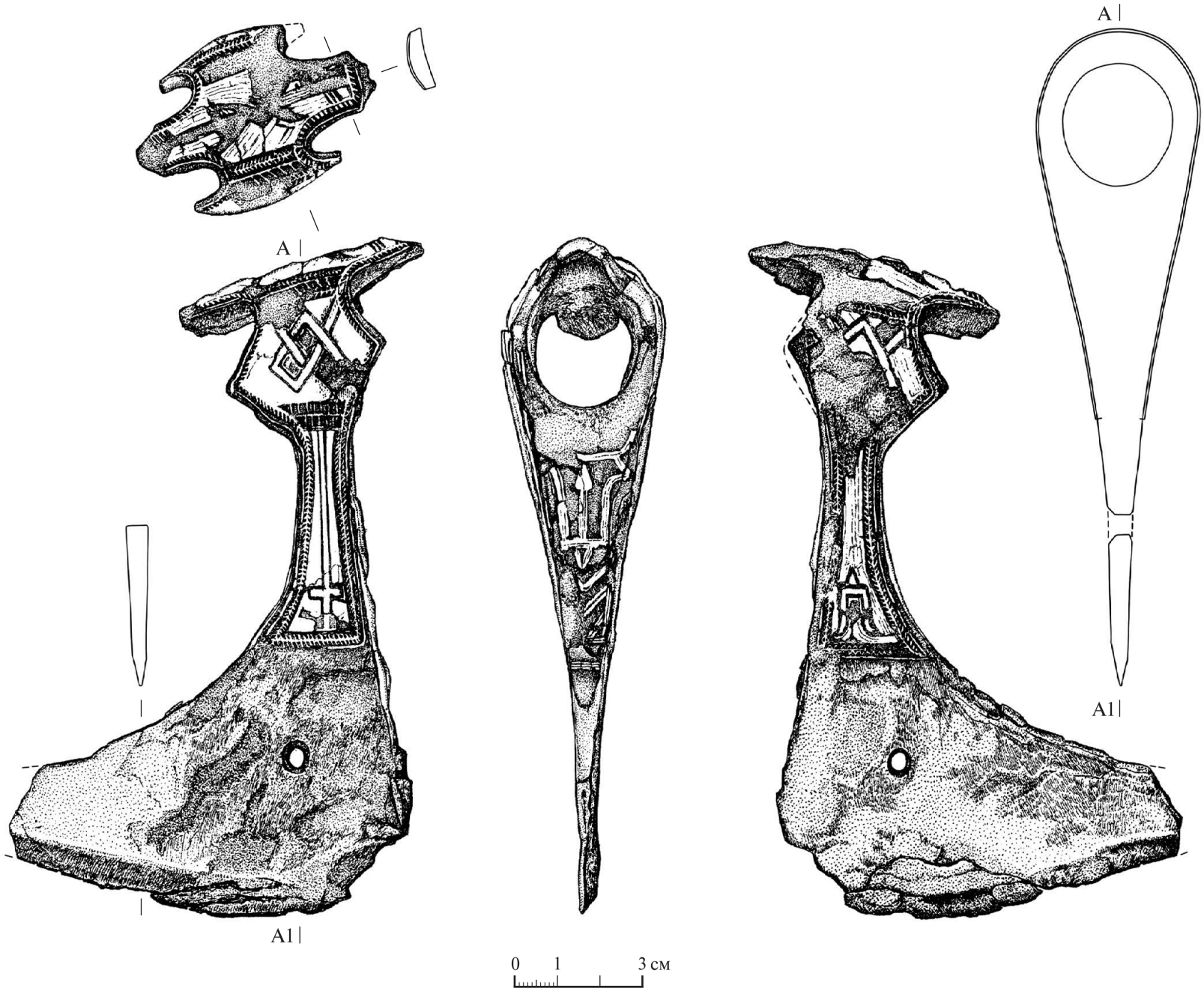


Рис. 17. Топорик из кургана 1 в могильнике Шекшово 9 (рис. О. А. Хомяковой)

Рис. 18. Курган 1 в могильнике Шекшово 9.
Общий вид основания кургана после снятия пахотного слоя и расчистки ровиков

Рис. 19. Курган 1 в могильнике Шекшово 9. Расчистка топора на площадке кургана

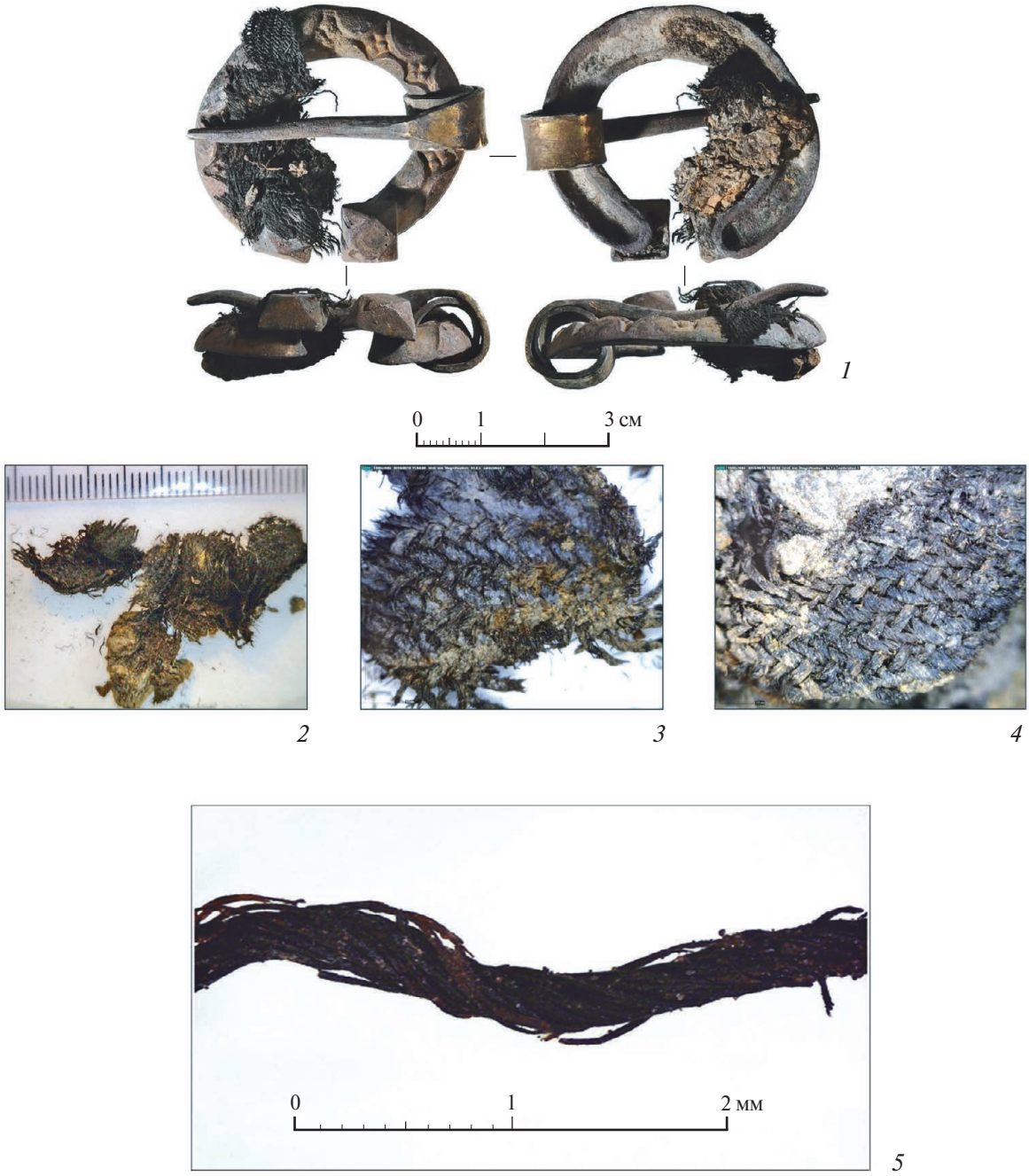


Рис. 20. Курган 1 в могильнике Шекшово 9: а – фибула; б–д – фрагмент шерстяной ткани

Остатки текстиля размером около 1 кв. см, расчищенные на игле и дужке фибулы, включали несколько слоев ткани с одинаковым переплетением нитей. Они были исследованы в лаборатории Центра исследования текстиля Копенгагенского университета. Установлено, что фрагменты принадлежат шерстяной ткани с саржевым переплетением 2/2 с высокой плотностью нитей (25 нитей на 1 кв. см). Ткань изначально была белой или светло-серой и не была окрашена минеральными или органическими красителями. Определение соотношения изотопов стронция в шерстяной ткани указывает на то, что она имеет не местное происхождение, но не позволяет локализовать исходный район, в котором производилась шерсть. Шерстяные ткани с саржевым переплетением нитей 2/2 обычны для костюма Руси и Северной Европы IX–XI вв., однако фрагмент из Шекшова с высокой плотностью нитей выделяется высоким качеством (Frei, Makarov, Vanden Berghe [et al.], 2016).

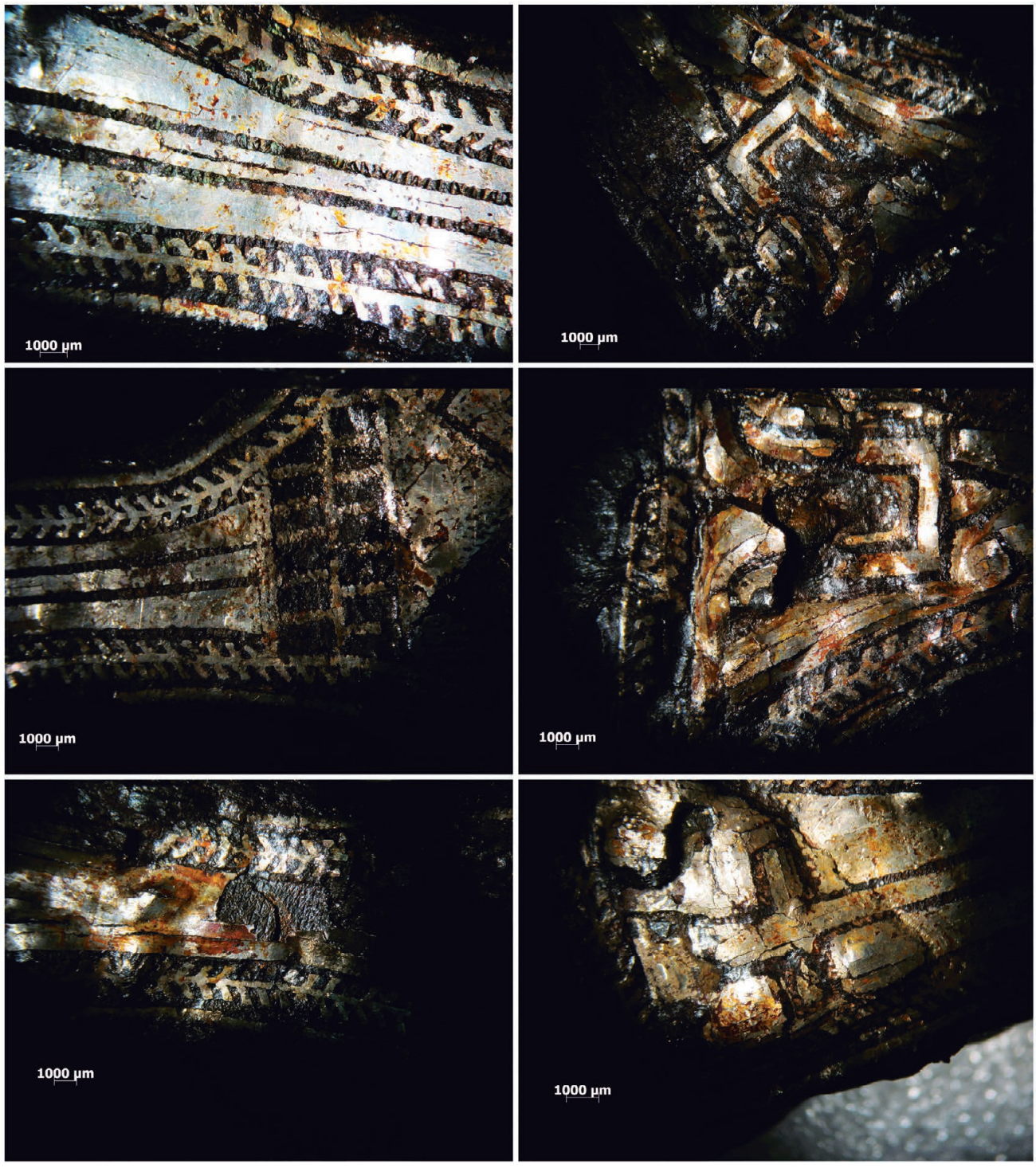


Рис. 21. Топорик из кургана 1 в могильнике Шекшово 9.
Декор на боковой грани. Макросъемка

Топорик (вес около 240 г, длина лезвия 13,5 см, ширина – 9,4 см) принадлежит к широко известному типу «топоров с вырезным обухом» (тип IV по А. Н. Кирпичникову), вошедшему в обиход в X в. и получившему широкое распространение в XI–XII вв. (Кирпичников, 1966б). От стандартных топориков этого типа он отличается серебряным декором, покрывающим шейку, обух и боковые грани (рис. 21). Вдоль края боковых граней орнамент представляет собой рамку в виде узкой полосы с косыми поперечными линиями. Покрытая серебряной плакировкой поверхность разделена надвое двумя полосками с поперечными насечками, перехватывающими шейку топорика. Внутри рамки на боковых сторонах обуха – сложные фигуры в виде ромбов, образованных плетенкой. Помимо орнаментальных фигур, на одной из боковых граней топора помещено изображение прямоконечного креста с длинной нижней лопастью, на другой – изображение двузубца с треугольным выступом в основании и отогнутыми наружу зубцами, на торцевой части шейки – изображение трезубца с треугольником в основании. Трезубец, как и двузубец на боковой грани, имеют четкие очертания, это ясно узнаваемые знаки, а не орнаментальные фигуры.

Исследование поверхности топора на стереомикроскопе Stemi 2000 при увеличении до 240 раз, произведенное в Лаборатории кафедры археологии исторического факультета МГУ[2], показало, что декор выполнен в технике плакировки и инкрустации серебром. На торцевой части топора декор представляет собой инкрустацию. При этой технологии в железе прорезались углубления, соответствующие будущему рисунку, в канавку забивалась серебряная проволока, которая затем при нагревании проковывалась так, что серебро полностью заполняло канавку. Сверху рисунок полировался. На боковых гранях топора орнамент выполнен плакировкой. На железо была нанесена разметка рисунка, после чего вся поверхность, которая должна была быть занята рисунком, покрывалась косой насечкой для хорошей сцепки с серебром. Вероятно, топор был обернут целой серебряной пластиной (с 95-процентным содержанием серебра), на которой заранее был прорезан рисунок. В те места, которые на готовом изделии соответствовали вырезам на серебряной пластине, забивалась медная лента (медь с небольшой присадкой свинца), далее на железо накладывалась серебряная пластина. После завершения этих операций все изделие нагревалось, проковывалось и шлифовалось.

Топорики с серебряной инкрустацией – парадное оружие X–XII вв., представленное немногочисленной группой находок, происходящих с территории Северной Руси, Волжской Булгарии, Скандинавии, Прибалтики и Польши. Значительная часть топориков – случайные находки, лишь немногие происходят из раскопок и надлежащим образом документированы. Изучение этих предметов как особой категории оружия, образцов художественного ремесла и статусных вещей было начато еще в конце XIX в. (Сизов, 1897) и продолжалось по мере появления новых находок (Спицын, 1915; Городцов, 1926; Paulsen, 1956; Корзухина, 1966; Кирпичников, 1966б, с. 35–37; Макаров, 1988; Макаров, 1990, с. 48–49; Kotowicz, 2013). Среди топориков с серебряным декором выделяются предметы, образующие стандартные серии с близкой орнаментацией и индивидуальные образцы. Орнаментированных топориков с вырезным обухом всего известно около двух десятков, восемь из них происходят с территории Руси, большинство украшено однотипным декором. Наиболее многочисленны топорики так называемой северобалтийской группы, выделенной П. Паульсеном, находки которых происходят из Новгорода, Приладожья и Белозерья (Paulsen, 1956; Корзухина, 1966; Макаров, 1988). Эти топоры объединяет единство декора на боковых гранях, покрытых чешуйчатым или косорешетчатым орнаментом в геометрической рамке, с бахромой из треугольных язычков с кружками на концах, спускающейся на лезвие (рис. 22). Датированные экземпляры относятся ко второй половине XI – первой трети XII в. Аналогии найденным на территории Руси топорам северобалтийской группы известны в Прибалтике, в Скандинавии, на севере Германии и в Волжской Болгарии. Согласно П. Паульсену, топорики северобалтийской группы изготавливались в Прибалтике (Paulsen, 1956), однако география новых находок и присутствие чешуйчатого орнамента на узколезвийном топорике, форма которого нехарактерна для Балтийского региона, склоняет к мнению, что эти предметы производились в различных ремесленных центрах как в Прибалтике, так и на Руси (Макаров, 1988, с. 458–459).

В числе наиболее известных и наиболее ранних индивидуальных образцов парадных топориков – найденный в шурфе на Земляном городище узколезвийный топор с рельефным орнаментом и изображениями животных, который Г. Ф. Корзухина назвала «одним из чудес Ладоги». Исследовательница датировала этот необычный по своему художественному оформлению предмет началом XI в. и считала, что его создатель был выходцем из Швеции, производившим оружие, декорированное в скандинавском стиле, в одном из городских центров Северной Руси, возможно, в Ладоге (Корзухина, 1966, с. 89–95). Не менее знаменитой находкой является чекан с изображением на боковых гранях двух птиц по сторонам древа и дракона с переплетенным туловищем, а на яблоке буквы «А», получивший название «топорик Андрея Боголюбского» и происходящий, по версии его продавца, из Биляра (рис. 23: *2*) (Сизов, 1897).

[2] Авторы признательны за содействие к. и. н. Н. В. Ениосовой.

Рис. 22. Топорик из кургана 35 в могильнике Никольское III (Кемский некрополь) на Белозерье

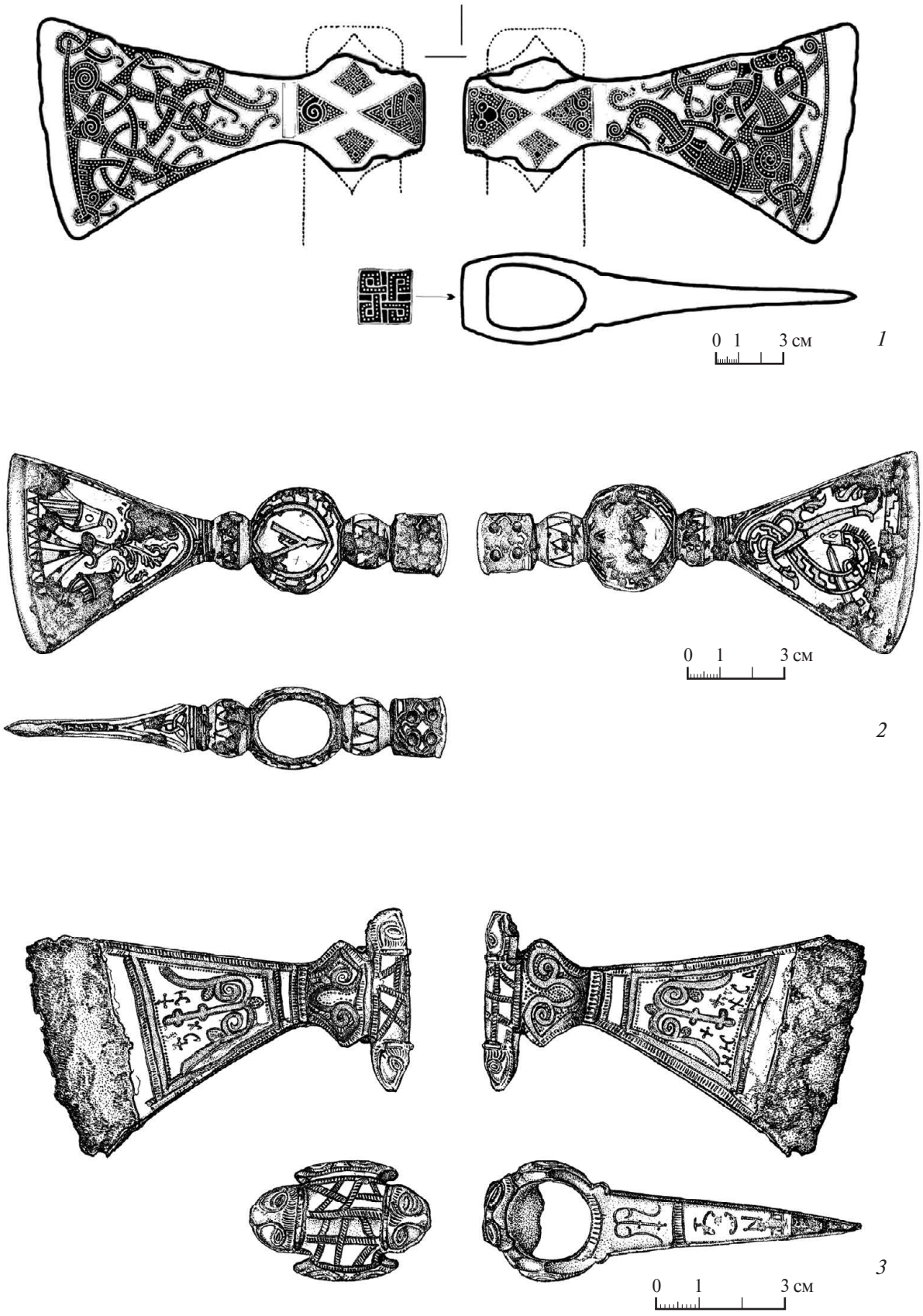


Рис. 23. Средневековые парадные топорики с орнаментацией:
1 – Маммен, Дания (Mammen. Grav, kunst og samfund i vikingetid, 1991. Fig. 16);
2 – Билярск, Казанская губ. (ГИМ 34213. Оп. В 1959/1); 3 – дар Симбирского городского музея Историческому музею (ГИМ 54804. Оп. В 1719/1). 2, 3 – рисунки О. А. Хомяковой

Время создания этого топорика определяется в настоящее время в рамках первой половины XI в. по характеру декора близкому стилю Рингерике (Paulsen, 1956, S. 122; Кирпичников, 1966б, с. 35; Abrams, 2016, p. 42–48). Топорик с драконом и буквенным знаком «А» рассматривается большинством исследователей как предмет, отражающий синтез и взаимопроникновение скандинавской, русско-византийской и восточной культурных традиций (Сизов, 1897, с. 161–162; Спицын, 1915, с. 223; Abrams, 2016, p. 48). Последний обзор различных точек зрения на его культурную принадлежность, происхождение и значение изображений и знаков содержится в статье Лесли Абрамс, интерпретировавшей изображение поражаемого мечом дракона как убийство Сигурдом змея Фафнира (Abrams, 2016, p. 42–43). Топорик типа IV с плетеным орнаментом на боковых гранях и княжеским знаком в виде трезубца на торцевой грани был продан в 2019 г. на интернет-аукционе Violity. При продаже он был представлен как находка из окрестностей Чернигова (Белецкий, 2020, с. 311–314). К более позднему времени (XII – первой половине XIII в.) относится топорик из Симбирской губернии, украшенный изображениями процветших крестов на боковых гранях, рельефными головками зверей на обухе (рис. 23: *3*) (Спицын, 1915; Городцов, 1926). А. А. Спицын считал его изделием русского мастера, ссылаясь на стилистику, изображение креста и написание монограммы Христа буквами кириллического алфавита (Спицын, 1915, с. 222–223). В. А. Городцов высказал мнение, что этот топорик мог быть изготовлен в Киеве «как в лучшем центре древнерусского ювелирного искусства» (Городцов, 1926, с. 140, 148), однако это кажется сомнительным, поскольку распространение орнаментированных топориков в X–XII вв. было ограничено в основном северными областями Европы. Наиболее выдающейся скандинавской находкой, давшей имя одному из художественных стилей эпохи викингов, является топорик из Маммена, одна из граней которого украшена изображением дракона с переплетенным туловищем, другая – плетенкой (рис. 23: *1*). Топорик найден в Юланде (Дания) в камерном погребении, которое датировано дендрохронологическим методом 970/971 г. Высказано мнение, что этот предмет изготовлен в мастерских короля Харальда Синезубого (Mammen, 1991). К индивидуальным образцам должен быть отнесен также топорик из некрополя с камерными погребениями в Пене в Повисленье, украшенный сложным геометрическим орнаментом на боковых гранях (Janovski, 2010). Топорик из Шекшова также, безусловно, представляет собой индивидуальное изделие, хотя принцип расположения орнамента и некоторые элементы композиции являются общими для целого ряда образцов. Помещение на топоре тамгообразных княжеских знаков – исключительно редкое явление. Кроме топорика из Шекшова такие изображения известны лишь на топорах из Кемских курганов (Никольское III) и окрестностей Чернигова. Редко использовались в оформлении парадных топориков и кресты, изображения которых мы находим лишь на симбирском топорике и топорике из Биляра.

Простой двурогий двузубец убедительно атрибутирован как общий знак князей Рюрикова дома (Молчанов, 2008, с. 253–255; Молчанов, 2010, с. 618–620; Михеев, 2014, с. 45–46, 60; Михеев, 2017, с. 18; Мусин, 2020, с. 265, 269–270), использовавшийся как родовой символ или как знак правящего киевского князя. Изображения простых двузубцев, имеющие эмблематический характер, представлены небольшой серией. Датированные изображения отнесены исследователями к концу IX – началу XI в. (Михеев, 2014, с. 46; Фетисов, 2008, с. 210–225).

Тамга в виде трезубца с треугольником на среднем зубце на топорике из Шекшова близка знакам Владимира (рис. 24) (Сотникова, Спасский, 1983, с. 59–111). Можно отметить сходство ее со знаком в виде трезубца, со средним зубцом в виде остроконечника, с выступами у основания, известным на сребрениках Владимира и трапециевидных подвесках. Однако точных соответствий такому начертанию среднего зубца на этих предметах нет. Следует ли рассматривать подобный рисунок среднего зубца как один из вариантов оформления знака Владимира или как особый, ранее неизвестный знак? Дать однозначный ответ на этот вопрос трудно. С. М. Михеев отмечает значительную вариативность знаков Владимира, проявлявшуюся, в частности, в оформлении среднего зубца (Михеев, 2014, с. 46–47). При первой публикации топорика мы высказали предположение о принадлежности тамги одному из двух известных нам по летописи Рюриковичей, занимавших ростовский стол в конце X – начале XI в., – Борису Владимировичу, сменившему здесь Ярослава после перехода последнего в Новгород. С. В. Белецкий идентифицировал знак в виде трезубца с треугольником на среднем зубце как тамгу Всеволода, сына Владимира Святославича, княжившего на Волыни (Белецкий, 2014, с. 65–71; Белецкий, 2020, с. 312). Достаточным основанием для такой атрибуции он считает присутствие знака с аналогичным завершением среднего зубца на гончарном клейме из Вышгорода (Белецкий, 2014, с. 66). Очевидно, что однозначная персональная атрибуция трезубца на топорике из Шекшова невозможна до появления новых предметов с подобными или близкими знаками. На сегодняшнем уровне наших знаний о княжеских знаках более убедительным кажется признание трезубца с треугольником на среднем зубце одним из вариантов тамги Владимира.

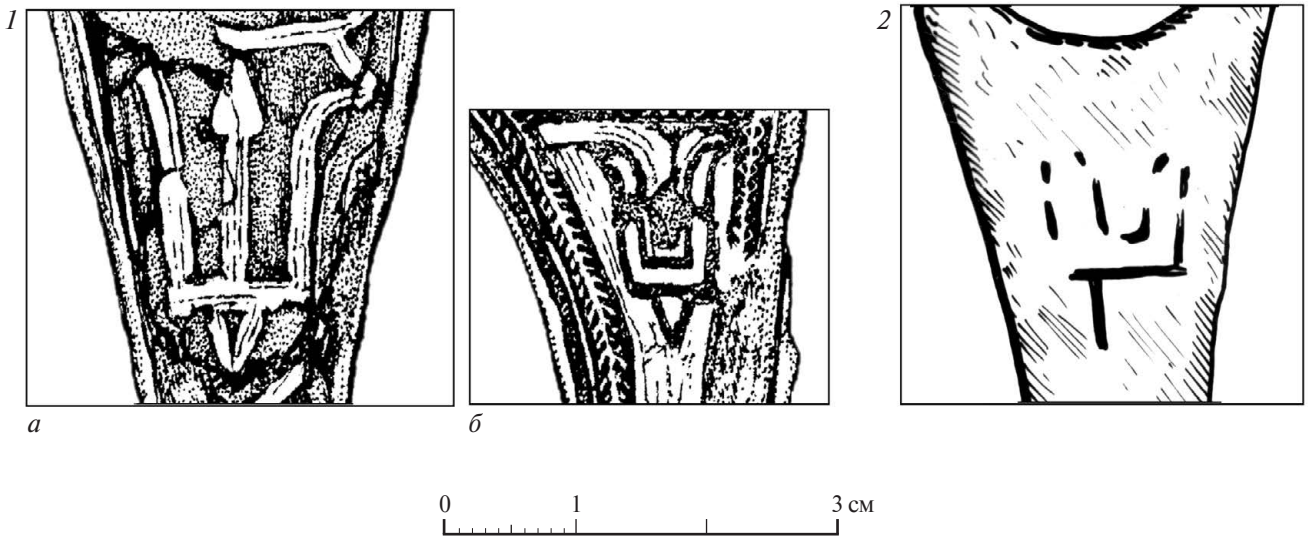


Рис. 24. Знаки Рюриковичей на торцевых гранях топоров:
1 – Шекшово; 2 – Никольское III

По наблюдениям А. Р. Артемьева и А. А. Молчанова, собравших данные о княжеских знаках, нанесенных на предметы воинского назначения, знаки редко помещались на предметы вооружения, чаще всего – на роговые кистени и навершия рукоятей плетей (Артемьев, Молчанов, 1995, с. 190–191). Присутствие в общем собрании древнерусского оружия трех топориков со знаками Рюриковичей, помещенными на торцевой грани, по единой композиционной схеме, с зубцами, обращенными к отверстию для рукояти, и ножкой, обращенной к лезвию, показывает, что использование княжеских тамг в оформлении престижного оружия не было единичным явлением и следовало общим правилам. Существенно, что эти находки связаны с тремя далеко отстоящими друг от друга областями Руси и отражают, таким образом, традицию, имевшую широкое географическое бытование. Истинное число топоров с княжескими тамгами могло быть много большим, учитывая, что серебряная плакировка, как правило, плохо сохраняется на топорах и может быть не замечена и полностью утрачена без проведения реставрации. Из трех топориков с тамгами лишь один найден в ненарушенном погребении, комплекс которого полностью документирован. Это топорик из кургана 35 в могильнике Никольское III на р. Кеме в Белозерье. Датировка погребения с топориком основывается на западноевропейских монетах (1020–1051, 1038–1057, 1057–1068, 1059–1086 гг.) и определяется как 1060–1070-е гг. (Макаров, 1990, с. 119–124, 156). Топорик из Никольского III по характеру орнаментального декора повторяет обычные топоры «северобалтийской» группы, он отличается от них лишь присутствием двузубца на торцевой грани. Можно полагать, что образец из Шекшова со сложным декором, отличающимся высоким художественным качеством и индивидуальным рисунком, или близкие ему топорики послужили основой для воспроизведения княжеских знаков на серийных орнаментированных топорах «северобалтийской» группы. Датировка топорика из Шекшово рубежом X–XI – началом XI в. соответствует этому хронологическому порядку.

Расположение креста вершиной к лезвию на боковой грани топорика из Шекшова имеет аналогии в оформлении симбирского топорика, на котором процветшие кресты с короткими перекладинами и вершиной, обращенной к лезвию, помещены на обеих гранях (Городцов, 1926). Возможно, как и в случае с тамгами, повторение композиционной схемы отражает общую традицию в оформлении церемониального оружия, подчиненную определенным правилам.

Боевые топоры, украшенные серебряной инкрустацией, традиционно рассматриваются как предметы, призванные обозначить высокое социальное положение их владельцев, круг которых был ограничен дружинниками и аристократией. В. И. Сизов, первый издатель найденного в Биляре орнаментированного золотом и серебром топорика с монограммой «А», считал, что этот топорик мог принадлежать «если не самому князю, то одному из близких к нему людей» (Сизов, 1897, с. 162). Однако лишь в редких случаях, когда топоры найдены в составе хорошо документированных погребальных комплексов, археологический контекст дает возможность прояснить социальное положение владельцев этих предметов.

Один из белозерских топориков северобалтийской группы найден в дружинном могильнике на р. Кеме (Никольское III), в погребении подростка 14–16 лет, сопровождавшемся ножом и западноевропейскими монетами. Высота курганной насыпи составляла 0,5 м, диаметр – 6 м. Учитывая общий характер некрополя, можно полагать, что это погребение, как и другие могилы с боевыми топорами, принадлежит представителю младшей дружины (Макаров, 1990, с. 119–124). Другой белозерский топорик, происходящий из могильника Нефедьево, найден в погребении мужчины возмужалого возраста, в котором, судя по особенностям погребального обряда и характеру сопровождающего инвентаря, можно видеть представителя одной из состоятельных местных семей, обитавших вблизи Волока Славенского (Макаров, 1997, с. 140–150). В могильнике Пень в Польше топорик был найден в погребении мужчины возмужалого возраста, помещенном в деревянную камеру, вместе с многочисленным инвентарем, который включал статусные предметы – деревянное ведерко и бронзовый котел, по мнению авторов раскопок, это воин высокого ранга (Janowski, 2010, с. 164–176). Камерная могила в Маммене, исследованная любительскими раскопками в 1868 г., помимо орнаментированного топора содержала восковую свечу и накладки из золотой фольги. М. Иверсе и У. Нэсман рассматривают этот комплекс как погребение лица высокого ранга, входившего в ближайшее окружение короля, полагая, что топорик мог быть изготовлен в мастерских при дворе Харальда Синезубого (Iverse, Näsman, 1991, p. 45–66).

На высокий социальный статус погребенного в кургане 1, помимо парадного топорика, указывают размеры насыпи, диаметр которой почти вдвое превосходил средние для Суздальского Ополья значения 8–10 м, остатки одежды, изготовленной из привозной шерстяной ткани высокого качества, и находка серебряной с позолотой фибулы, скреплявшей одежду. Во владельце топора можно видеть высокопоставленного представителя княжеской власти, участвовавшего в управлении северо-восточными землями Руси. Выше уже отмечено, что выделяющийся своими размерами курган с инкрустированным топориком не был первоначальным центром некрополя. Он был возведен на окраине могильника, как бы обозначая утверждение власти Рюриковичей на одном из «больших поселений», сложившихся в Ополье в X в. и уже прочно укорененных в местную среду.

Н. Д. Угулава

КЕРАМИКА

Введение

Керамический материал из современных раскопок шекшовского могильника в большинстве своем представлен фрагментами лепных сосудов – 62,5% от общего веса керамики (всего получено 71 325 гр с площади раскопов чуть более 2500 кв. м). Древнерусская круговая посуда, которая во Владимиро-Суздальском регионе бытует совместно с лепной в течение всего XI в., составляет 11,5%. Керамика позднего Средневековья и Нового времени – 17,3%. Керамика, связанная с периодом функционирования могильника, происходит из пахотного слоя и не затронутых распашкой погребальных объектов (могильных ям, ровиков курганов, остатков курганных насыпей, сохранившихся кремаций и ям неопределенного назначения). В некоторых случаях попадание поздней посуды на территорию могильника можно связывать с выполнением поминальных обрядов, на это указывает обнаружение фрагментов таких сосудов в виде скоплений и места их нахождения, имеются в виду ровики курганов[1].

В данной главе пойдет речь о 31 полной форме, происходящей из раскопок 2011–2017 гг. Целью проведенной работы являлось получение представления об используемых средневековым населением Шекшова в погребальном обряде керамических сосудов с точки зрения их формы, внешнего облика (цвета черепка, характера поверхности) и рассмотрение этих характеристик через призму самого ритуала.

Для понимания объема коллекции среди погребальных древностей региона обратимся к результатам раскопок синхронных памятников. Так, из курганного могильника у села Новоселка близ Суздаля X–XIII вв. (АКР, Владимирская обл., 1995, с. 271) происходят 17 форм (Сабурова, А-1985 – А-1990); из Сунгирского грунтового могильника X–XIII вв. (АКР, Владимирская обл., 1995, с. 308) – 14 форм (Мошенина, А-1973, с. 12); из курганного могильника на Михайловской стороне XI – первой половины XII в. всего один керамический сосуд (Седова, 1997, с. 162, рис. 52); в могильнике у села Веськова XI–XII вв. (Аграфонов, 1991), расположенного в переславском участке Ополья, близ оз. Плещеево, 10 погребений содержали, по всей видимости, по одному сосуду (Вишневский, А-1988, с. 20–28; Аграфонов, А-1989, с. 10–16; Аграфонов, А-1990, с. 10–12).

Как видно из приведенных данных, наша коллекция для Суздальского Ополья является значимым приращением в общем объеме форм X – начала XII в. Это также отражает фактически более частое использование керамики в погребальной практике Шекшова: при раскопках у села Новоселка выявлено 19% ингумаций с сосудами от их общего числа, у села Веськово – 21%; и, при сопоставлении с этими цифрами, 61% подобных захоронений в Шекшове можно охарактеризовать как значительный.

Среди изучаемых форм только три обнаружены вне погребений: это горшок № 31 (рис. 28: *12*), найденный в слое курганной насыпи; мисковидная форма № 5 (рис. 28: *1*) и сосуд № 15 (рис. 28: *27*), происходящие из ровиков курганов (более точные адреса даны в табл. 3). Остальные емкости выявлены в захоронениях: в 16 из 26 ингумаций (26 экз.) и в 1 из 6 кремаций (2 экз.).

Как уже отмечалось ранее, для периода функционирования могильника мы фиксируем массовое присутствие лепной посуды и значительно уступающую ей в количестве круговую керамику домонгольского времени, которая в свою очередь изготавливалась на разных уровнях развития функций круга (о ступенях РФК см.: Бобринский, 1978). В XI столетии проникновение в регион более развитой технологии вместе с новыми орнаментальными и пропорциональными стандартами приводит к появлению так называемой раннекруговой (переходной в технологическом и порой морфологическом планах) керамики, которая является хроноиндикатором конца X – начала XII в. (Горюнова, Лапшин, 2004, с. 55). В это время происходит повсеместная стандартизация технологии в Ополье, и лепная и раннекруговая посуда уступает место развитой ремесленной. Из нашей коллекции 29 сосудов являются лепными и 2 – круговыми.

[1] Проведение поминальных обрядов спустя достаточно длительное время после совершения захоронения также отмечено на могильнике Троица-Берег 5 XII – начала XIII в. (у деревни Исады Суздальского р-на Владимирской обл.), где прослежено присутствие керамических развалов в ровиках курганов, но не на самом дне, так как к тому времени уже происходил процесс оплывания погребальных конструкций (Красникова, 2007, с. 56). В пользу этого утверждения также служит замечание В. П. Глазова об обычае крестьян села Чернокулова Юрьев-Польского района, рядом с которым им проводились раскопки одноименного курганного могильника второй половины XII в., что еще в конце XIX – начале XX в. «на родительский день в мае месяце на курганной группе справлялась общественная тризна по усопшим родителям. Сюда приносили „кутью“ в глиняных мисках и водку. После тризны сосуды разбивались» (Глазов, А-1973, с. 14).

Таблица 3

Параметры сосудов: морфология

позиция на рис. 28	исследовательский номер	год и раскоп	комплекс и номер находки в отчете	морфология						
				морфологич. группа	H макс (см)	D макс (см)	ступень ОПП (по: Цетлин, 2018)	структура		объем (л)
								кол-во ФЧ	функциональные части	
10	1	2012, раскоп 2	курган 4, погребение 1, № 8	Б1	14	18	33	5	Г+Ш+ПП+Т+О	1,85
22	2	2012, раскоп 2	курган 4, погребение 1, № 9	В	12	14	35	5	Г+Щ/Ш+ПП+Т+О	1
9	3	2013, раскоп 3	погребение 1, № 1	Б1	12	18	32	5	Г+Ш+ПП+Т+О	1,55
7	4	2013, раскоп 3	погребение 2, №16	А	11	19	31	5	Г+Ш+П/ПП+Т+О	1,4
1	5	2014, раскоп 3	курган 9, южный ровик, скопление керамики № 4	А	10	21	29	5	Г+Ш+ПП+Т+О	1,8
23	6	2014, раскоп 3	погребение 7, № 24	В	10	12	35	5	Г+Ш+ПП+Т+О	0,55
13	7	2014, раскоп 3	погребение 7, № 25	Б1	10	14	33	5	Г+Ш+ПП+Т+О	0,7
20	8	2014, раскоп 3	погребение 8, № 1	Б2	9	12	33	5	Г+Щ/Ш+ПП+Т+О	0,55
19	9	2014, раскоп 3	погребение 8, № 2	Б2	10	13	34	5	Г+Ш+ПП+Т+Оп	0,6
17	10	2014, раскоп 3	погребение 9, № 10	Б2	13	20	32	5	Г+Ш+ПП+Т+О	2,35
5	11	2014, раскоп 3	погребение 11, № 2	А	11	20	30	5	Г+Ш+ПП+Т+Оп	1,7
28	12	2014, раскоп 3	погребение 11, № 3	ед	31	25	39	7	Г+Щ+Ш+П+ПП+Т+О	8,8
16	13	2014, раскоп 3	погребение 12, № 2	Б1	10	15	32	5	Г+Щ/Ш+ПП+Т+О	0,9
29	14	2014, раскоп 3	погребение 12, № 3	ед	9	11	34	5	Г+Ш+ПП+Т+О	0,45
27	15	2015, раскоп 3	курган 9, восточный ровик, скопление керамики № 9	ед	16	18	35	5	Г+Ш+ПП+Т+Оп	2,2
15	16	2015, раскоп 3	погребение 14, № 1	Б1	10	14	33	5	Г+Ш+ПП+Т+О	0,8
24	17	2015, раскоп 3	погребение 14, № 2	В	14	16	35	5	Г+Ш+П/ПП+Т+О	1,65
25	18	2015, раскоп 3	погребение 16, № 8	В	11	13	34	5	Г+Ш+ПП+Т+О	0,7
18	19	2015, раскоп 3	погребение 16, № 9	Б2	9	14	32	5	Г+Ш+П/ПП+Т+О	0,6
6	20	2014–2015, раскоп 3	погребение 10 (разрушено), № 10	А	13	19	30	5	Г+Ш+ПП+Т+О	2
2	21	2016, раскоп 2	курган 12, кремация, № 2	А	14	24	30	5	Г+Ш+ПП+Т+Оп	3,15
30	22	2016, раскоп 2	курган 12, кремация, № 67	ед	4	6	33	5	Г+Ш+ПП+Т+О	0,035
8	23	2016, раскоп 2	погребение 2, № 3	Б1	13	18	33	6	Г+Щ/Ш+П/ ПП+ПП+Т+О	1,6
14	24	2016, раскоп 2	погребение 3, № 2	Б1	9	11	34	5	Г+Щ/Ш+ПП+Т+О	0,4
3	25	2016, раскоп 2	погребение 3, №3	А	10	17	31	5	Г+Щ/Ш+ПП+Т+О	1
31	26	2017, раскоп 1	погребение 7, № 32	ед	8	20	27	6	Г+Ш+П+ПП+Т+Оп	1,1
21	27	2017, раскоп 1	погребение 7, № 33	Б2	12	16	33	5	Г+Ш+ПП+Т+О	1,2
26	28	2017, раскоп 1	погребение 7, № 33а	В	12	14	34	5	Г+Ш+ПП+Т+О	0,9
4	29	2017, раскоп 2	погребение 5, № 3	А	12	22	29	5	Г+Ш+ПП+Т+Оп	2,2
11	30	2017, раскоп 2	погребение 6, № 10	Б1	14	19	33	5	Г+Ш+ПП+Т+О	2
12	31	2017, раскоп 1	курган 2, слой курганной насыпи	Б1	12	17	32	5	Г+Щ/Ш+ПП+Т+О	1,6

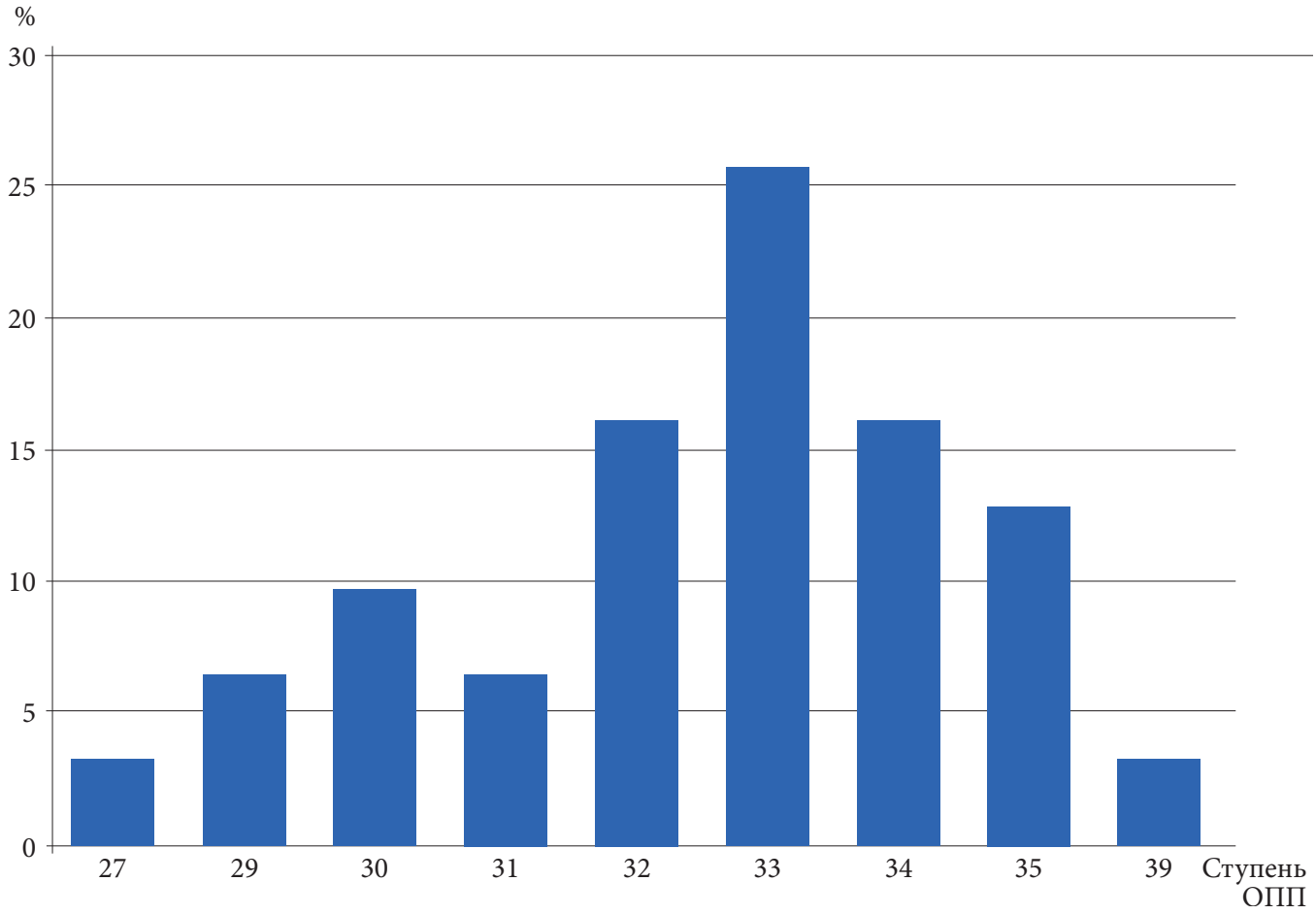


Рис. 25. Распределение сосудов по ОПП (в %)

Формы

Основываясь на взгляде, что общая пропорциональность (ОПП) сосуда является наиболее общей чертой, характеризующей представление населения о привычной для него глиняной посуде, и, следовательно, данный показатель является первоочередным в систематизации керамических форм, выполнено определение коэффициента отношения высоты сосудов к максимальному диаметру.

У всех экземпляров, кроме одного, высота меньше максимального диаметра (табл. 3). По методике анализа ОПП, разработанной Ю. Б. Цетлиным, в коллекции зафиксированы формы средней/низкой (ступени 27, 29–32 – 13 экз.) и средней пропорциональности (ступени 33–35, 39 – 19 экз.) (Цетлин, 2018, с. 127). Процентное распределение форм по ступеням представлено на диаграмме (рис. 25).

С точки зрения структуры, большинство форм является 5-частным (28 экз.) и состоит из следующих функциональных частей: губа – шея (или реже щека/шея) – предплечье (или реже плечо/предплечье) – тулово – основание тулова (сокращенно: Г+Ш+ПП+Т+О) (табл. 4). В этой группе оказались 5 из 6 отмеченных в коллекции сосудов с поддоном. Две формы 6-частные, в обоих случаях это выразилось в более выпуклом плече. И один сосуд включал 7 частей. Эта же форма отличается самой высокой пропорциональностью. Таким образом, по показателю ОПП и структуре коллекция могильника Шекшова имеет значительную однородность.

Соотнесение ОПП и наклона стенок тулова как наиболее устойчивой функциональной части (Холошин, 2019, с. 206; Суханов, 2021, с. 143) позволило четко выделить группу мисковидных сосудов (скопление А на рис. 26). Это 7 форм с сильным наклоном стенок тулова наружу (от 55° до 62°). Скопление Б, отмеченное на графике, включает 14 форм с наклоном стенок в диапазоне от 64° до 70°, скопление В – 5 форм с наклоном стенок тулова от 70° до 73°, то есть более вертикальным. Три отмеченные скопления состоят из сосудов с пятичастной структурой, но один горшок с шестью функциональными частями оказался в скоплении Б – № 23 (рис. 28: *8*). В целом экземпляр близок по профилировке ряду сосудов из этого же скопления, но за счет присутствия одновременно функциональных частей плеча/предплечья и предплечья контур в этой зоне более выпуклый.

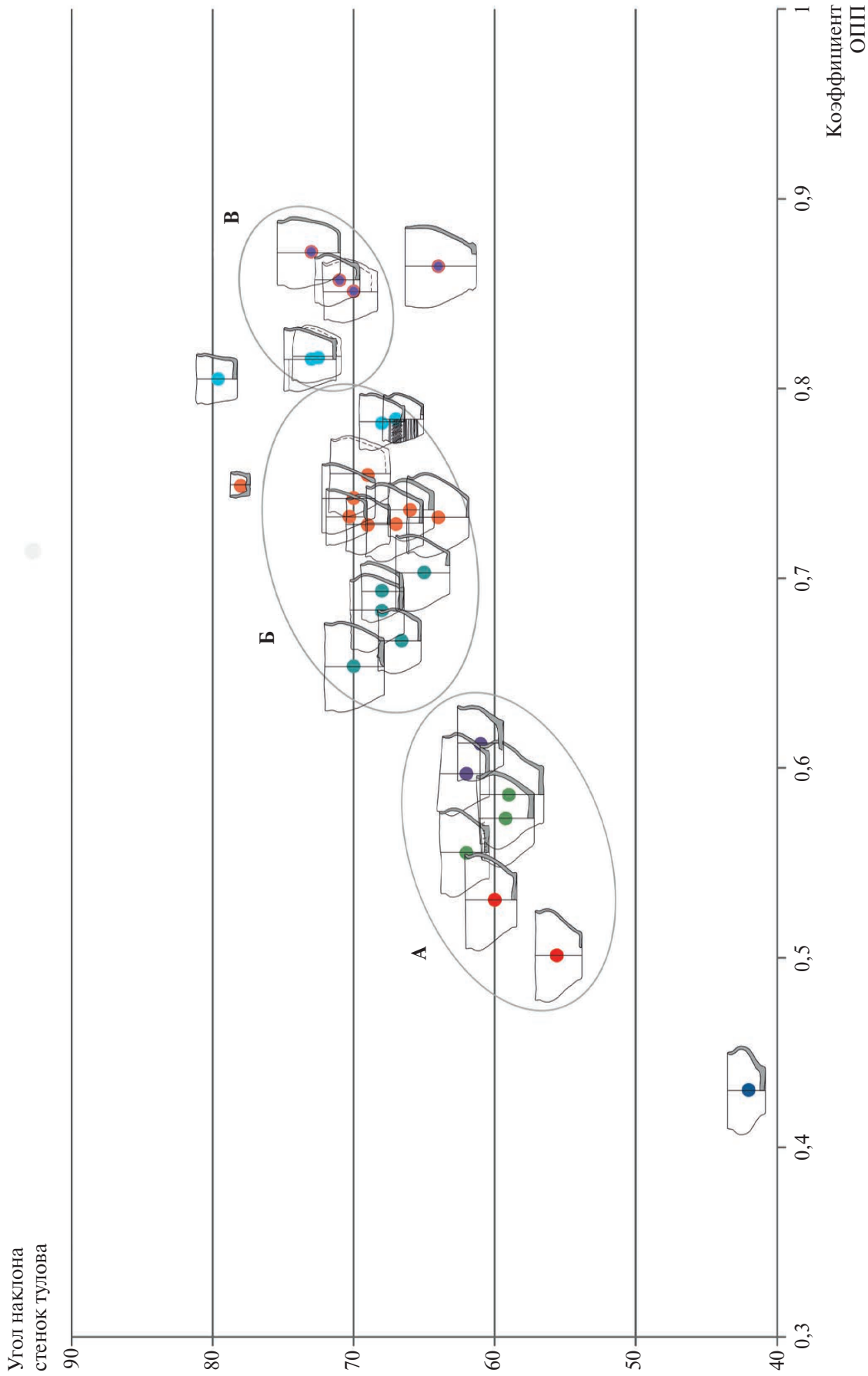


Рис. 26. График корреляции сосудов по общей пропорциональности и наклону стенок тулова

Обобщая приведенные данные, можно говорить о присутствии в коллекции трех морфологических групп: мисковидных форм (скопление А) и горшков более приземистого (скопление Б) и более высокого вида (скопление В).

Мисковидные формы на графике заметно отделяются от остальных: взаимосвязь в этой группе между наклоном стенок и ОПП единая и устойчивая. А вот разделение скоплений Б и В не столь очевидно, так как емкости с показателем ОПП 34 за счет наклона стенок тулова оказались одновременно в двух зонах. Однако в целом угол в 70° можно отметить как рубежный между этими двумя группам.

Для дополнительного разграничения групп Б и В проведена корреляция по показателям пропорциональности плеча и его наклона (рис. 27). В рамках группы Б явное разделение на сосуды с округлым выраженным по высоте плечом (подгруппа Б1), их большинство (10 экз.), и сосуды с коротким плечом. Переход от тулова к плечу у этих форм может быть как резким, так и плавным (подгруппа Б2, 5 экз.). Группа В не имеет единообразия в оформлении этой функциональной части, и один сосуд – № 6 (рис. 28: *23*) – оказался в зоне концентрации горшков группы Б.

На рисунке 28 все сосуды сгруппированы с учетом намеченных первоначальных трех пропорциональных групп (рис. 28: А, Б, В), и отдельно вынесены единичные формы, не вошедшие в скопления на графике (рис. 26). Дополнительно внутри группы Б на основании соотношения пропорциональности плеча и его наклона сосуды расположены по принципу: в верхней части горшки с округлым выраженным по высоте плечом (подгруппа Б1), в нижней – с коротким плечом (подгруппа Б2).

Для лепных сосудов характерны короткие венчики, но присутствуют несколько экземпляров с удлиненной шейкой (рис. 29). Оформление края у 12 лепных изделий имеет уплощение, у 11 округлый контур, и в 6 случаях он округлый и одновременно заостренный. Для одной из круговых форм можно отметить схожее оформление края с рядом лепных примеров, венчик второго сосуда может быть отнесен к типу Iб по суздальской типологии круговой посуды (Лапшин, 1992, с. 100).

Следующим важным показателем в изучении форм шекшовской коллекции является объем. Для его вычисления использована программа для 3D-моделирования, в которой на базе половины внутреннего контура сосуда выстраивалась объемная фигура. Емкость, для которой высчитывался объем, включает по высоте тулово и плечо (предплечье) (рис. 30).

Проведенный дополнительно промер объема сосудов «вживую» с помощью песка, где позволяла сохранность форм, показал высокую степень сходства результатов (табл. 5):

Таблица 4

Структура форм

Структура формы	Количество сосудов
5 частей	Всего 28
Г+Ш+ПП+Т+О	13
Г+Ш+ПП+Т+О(п)	5
Г+Ш+П/ПП+Т+О	4
Г+Щ/Ш+ПП+Т+О	6
6 частей	Всего 2
Г+Ш+П+ПП+Т+О(п)	1
Г+Щ/Ш+П/ ПП+ПП+Т+О	1
7 частей	Всего 1
Г+Щ+Ш+П+ПП+Т+О	1

Г – губа, Щ – щека, Ш – шея, П – плечо, ПП – предплечье, Т – тулово, О – основание тулова, О(п) – основание тулова в виде поддона

Таблица 5

Объемы сосудов, измеренные натурно и в компьютерной программе

И. н.	Объем сосуда, установленный с помощью песка (л)	Объем сосуда, установленный с помощью программы (л)
6	0,55	0,5644
13	0,9	0,9
14	0,45	0,4645
24	0,4	0,425

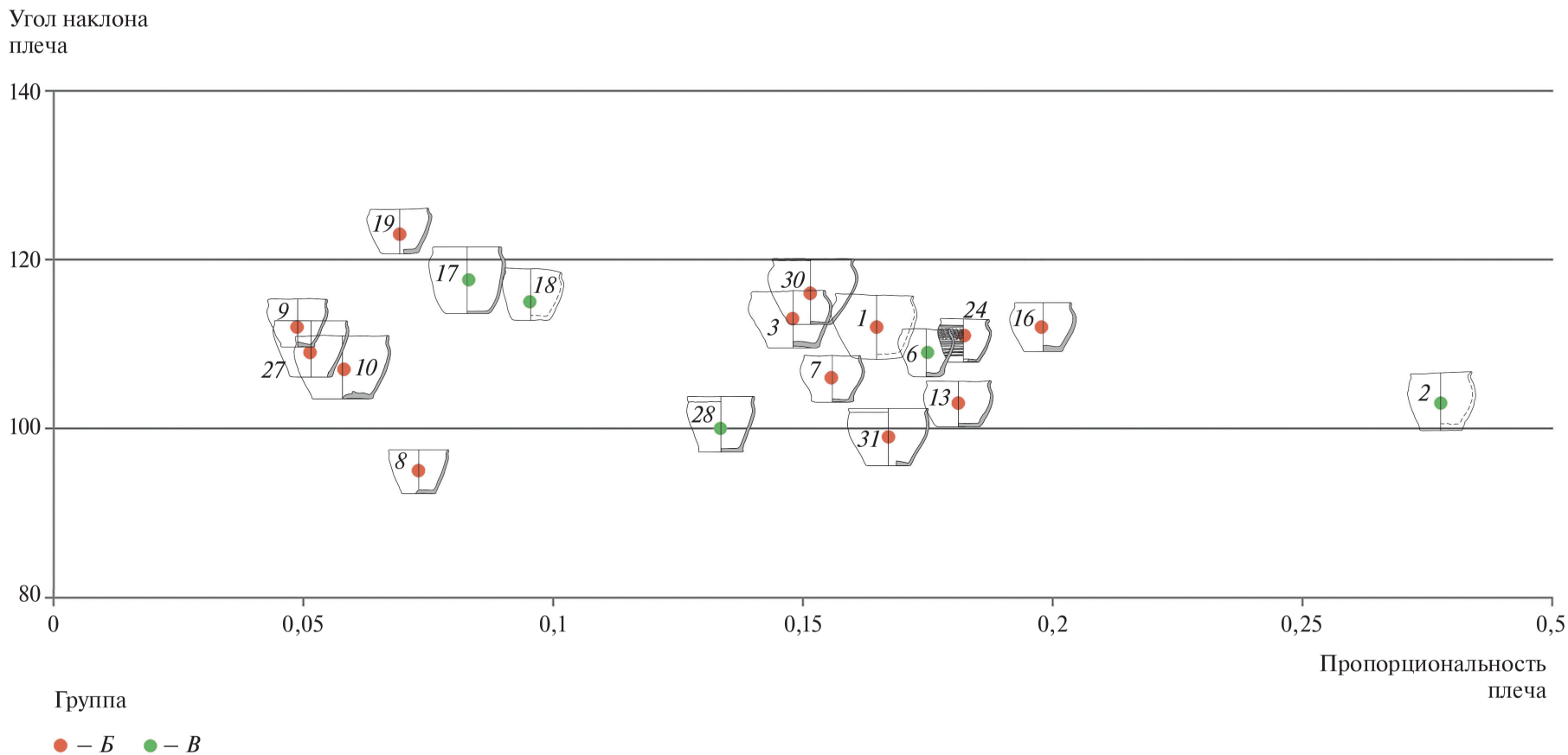


Рис. 27. График корреляции сосудов групп Б и В по пропорциональности плеча и его наклону

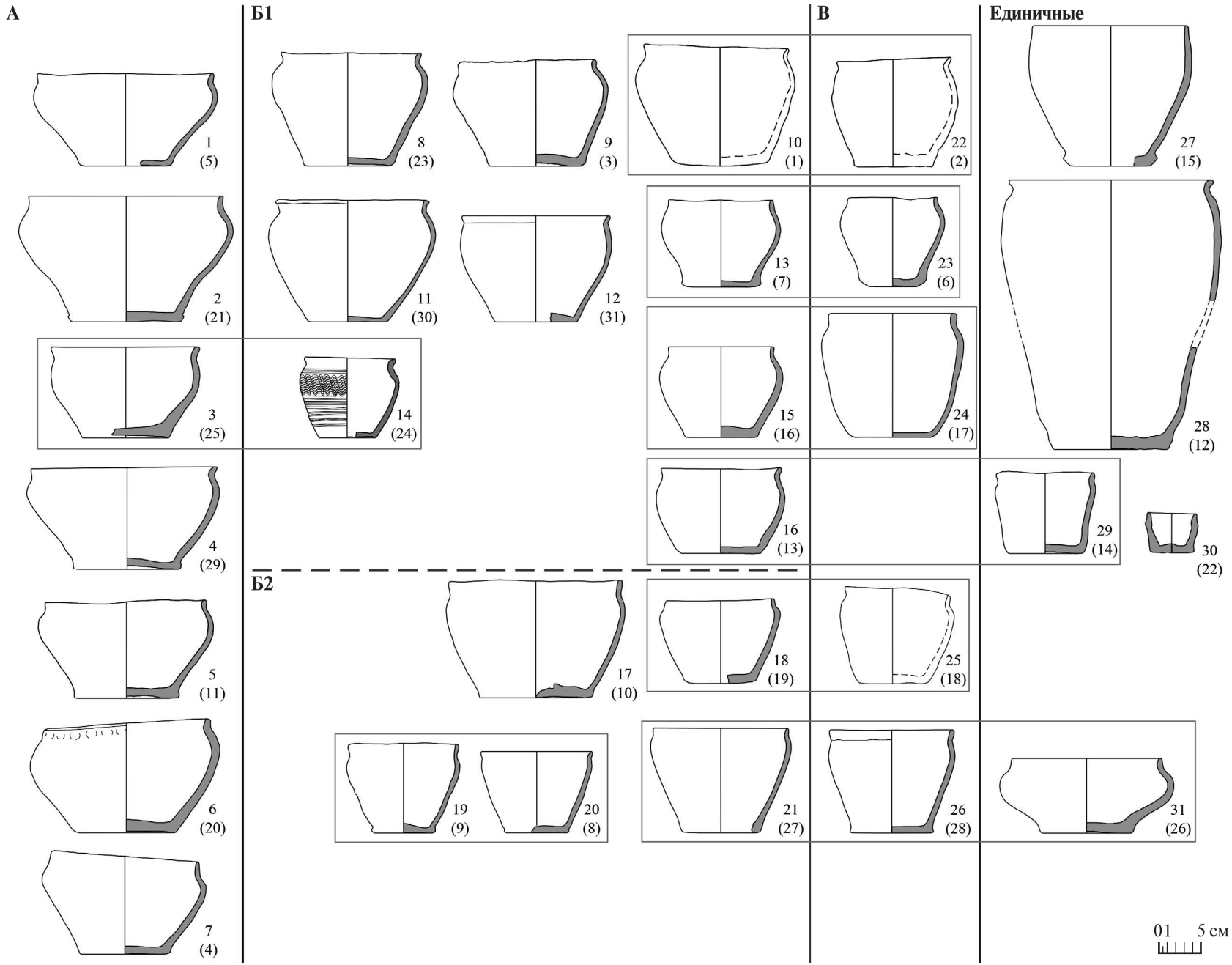


Рис. 28. Керамические формы могильника Шекшово 9, сгруппированные по морфологическим группам (номера, данные в скобках, являются исследовательскими, закрепленными за экземплярами для выполнения данной работы). Серые рамки – нахождение сосудов в одном погребальном комплексе. Рисунки автора

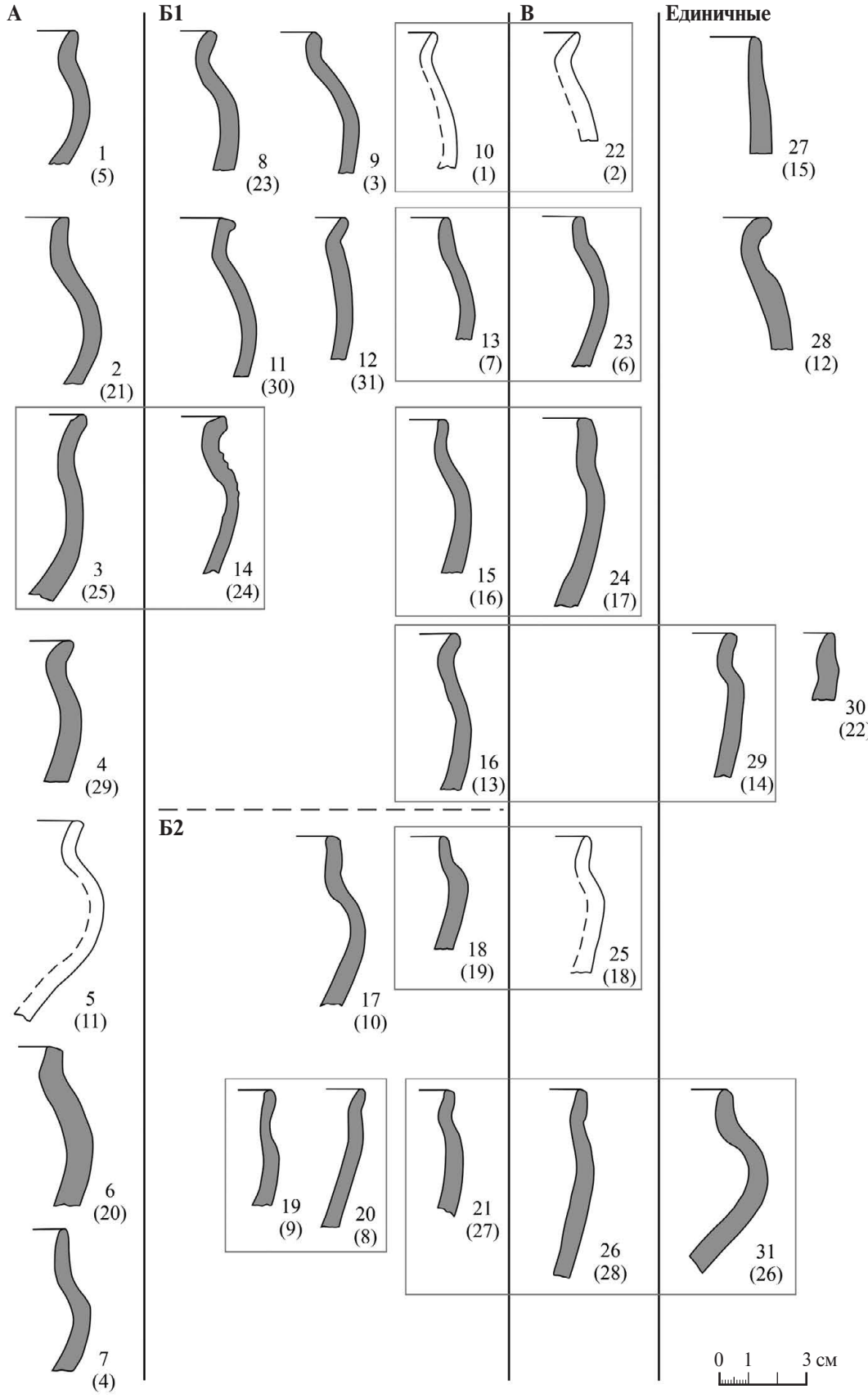


Рис. 29. Венчики полных форм

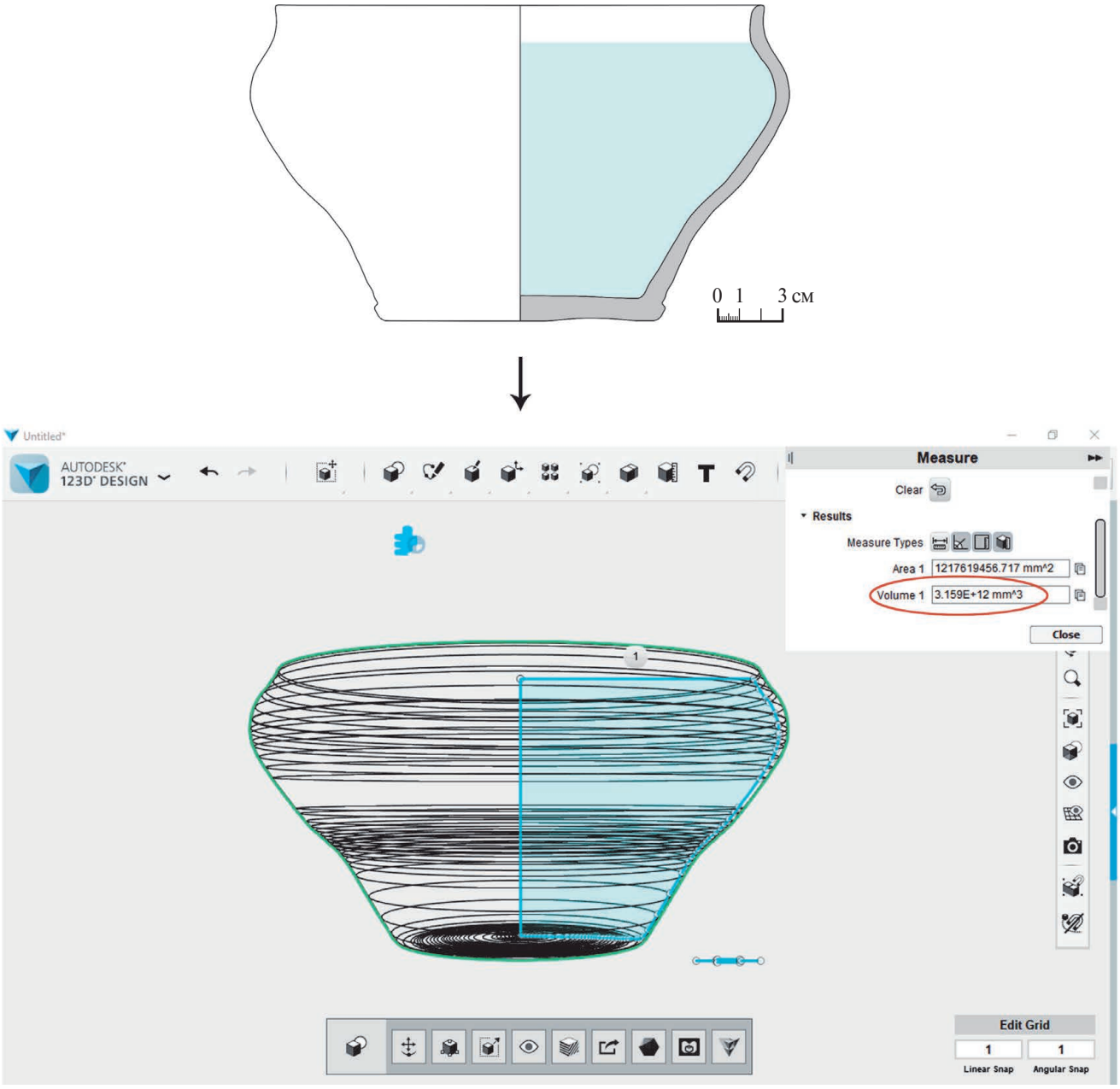


Рис. 30. Вычисление объема емкости

По полученным данным, один экземпляр по объему составляет 35 мл и относится к так называемым миниатюрным сосудам. Высота его 4,5 см, максимальный диаметр – 6 см. Отличается довольно отвесными стенками тулова, а его переход в предплечье выделен ребром (рис. 28: *30*).

Непрерывное возрастание объема начинается с 0,4 л. Диапазон вплоть до 1 л представлен горшками групп Б и В. Их высота (h) составляет 9–12 см, максимальный диаметр (d) – 11,5–14 см. Только одна мисковидная форма из семи имела емкость 1 л (h = 10 см, d = 17 см). Общее число форм до 1 л составило 13 экземпляров (рис. 31). В рамках нашей коллекции эти сосуды отнесены к формам малого объема. Обоснование верхней границы будет дано ниже.

Емкости от 1,1 до 2,3 занимают среднее положение среди показателей объемов. Они представлены в основном горшками подгруппы Б1 и мисковидными сосудами группы А, для обеих групп характерны формы с более выраженными округлыми плечами. Линейные показатели сосудов среднего объема для группы А составили: h = 11–11,5 см, d = 18,5–22 см; для группы Б – h = 12–13 см, d = 16–20 см. Единственный сосуд группы В с довольно вертикальными стенками тулова

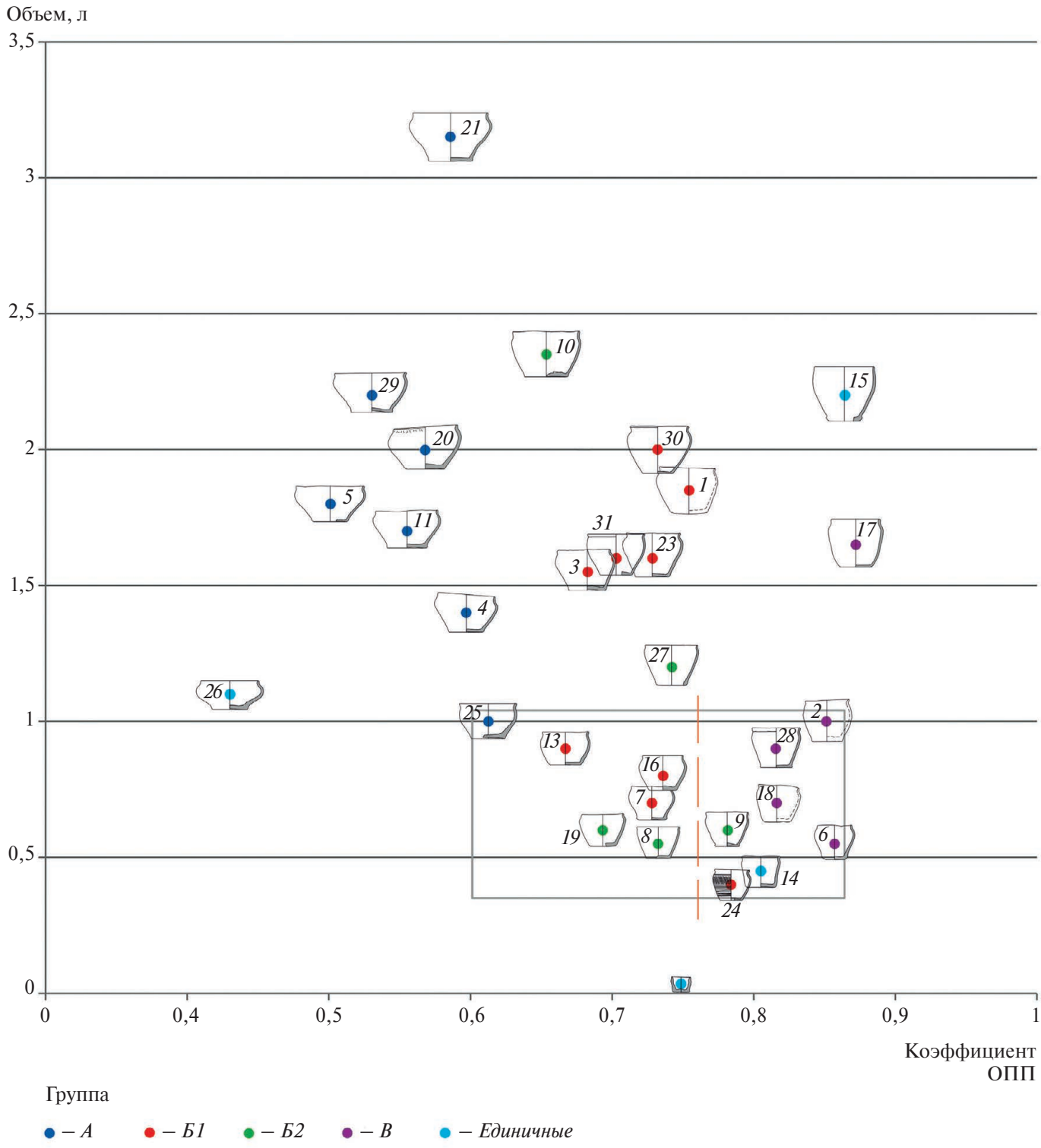


Рис. 31. График корреляции сосудов по общей пропорциональности и объему. Серый контур – граница зоны сосудов малого объема. Оранжевый пунктир – граница между приземистыми и «высокими» сосудами, помещенными по два у ног погребенного

отнесен к сосудам среднего объема, так как имел вместительность 1,65 л. Высота его составила 14 см, максимальный диаметр – 16 см. Еще две емкости среднего объема представлены миской с 6-частной структурой и очень низкой ОПП, что не позволило изначально объединить ее с мисковидными формами группы А (рис. 28: *31*), и горшком тюльпановидой формы, что выражается в тулове, переходящем в вертикальное предплечье, и слабо выделенном вертикальном венчике (рис. 28: *27*). Общее число сосудов среднего объема составляет 15 экземпляров.

После 2,3 л в ряду объемов разрыв и следующая по вместительности форма составила 3,1 л. Она представлена мисковидным сосудом (h = 14 см, d = 24 см) (рис. 28: *2*). Замыкает линию показателей объема очень крупный сосуд 8,8 л (h = 30 см, d = 25 см) (рис. 28: *28*).

Поверхность

По характеру поверхности лепные сосуды делятся на заглаженные (16 экз.), бугристые (8 экз.), подлощенные (2 экз.), гладкие (3 экз.). Причиной образования последнего варианта поверхности было её выбивание. Из двух раннекруговых сосудов один был без орнамента, другой с плотными рядами прямых и волнистых линий.

Заглаженная поверхность со слабо выступающей минеральной примесью характерна для приземистых и мисковидных емкостей с округлыми плечами (сюда входят пять из девяти форм подгруппы Б1 (рис. 28: *8–10, 13, 16*), пять из семи форм группы А (рис. 28: *1, 2, 4–6*) и одна миска (рис. 28: *31*) – всего 11 экз.). Устойчивым признаком этих сосудов является цвет теплых оттенков от светло-оранжевого до выраженного красно-оранжевого (в табл. 6 он коротко определен как «красный»). Еще один заглаженный горшок со слабо выступающей минеральной примесью морфологически располагается в скоплении В и отличается светло-серым цветом поверхности (рис. 28: *24*).

Заглаженную поверхность, но с еще менее выступающей и более редкой примесью имели два изделия серого цвета (рис. 28: *7, 19*), а также миниатюрный сосуд, в тесте которого минеральной примеси не было вовсе.

Бугристая поверхность отмечена у экземпляров, попавших в разные морфологические группы (рис. 28: *18, 20, 21, 22, 23, 26, 28, 29*), но ни один из них не вошел в группы, где присутствуют изделия с сочетанием приземистой формы, округлого плеча и красной поверхности. В целом для бугристых емкостей характерна более высокая ОПП и укороченное плечо.

Если рассматривать сочетание ОПП и цвета поверхности как взаимосвязанные черты, когда приземистый сосуд имеет заглаженную поверхность красного цвета и округлое плечо, а «высокий» – бугристую поверхность и укороченное плечо, то для пары горшков, которые располагались в одном погребении, сочетание характера поверхности и ОПП можно определить как «перепутанное»: приземистый горшок имеет бугристую поверхность и нехарактерное для его ОПП короткое плечо (рис. 28: *18*), а второй горшок по своей ОПП попал в более высокую группу В, имеет укороченное плечо, но заглаженную поверхность с участками небрежно размазанного слоя глины с комочками, что, вероятно, должно было придавать поверхности необходимый бугристый вид (рис. 28: *25*; рис. 32: Д).

Горшки со следами выбивания (рис. 28: *15, 12, 27*) происходят из разных погребальных объектов: из могильной ямы (№ 16), из курганной насыпи (№ 31) и один из ровика кургана (№ 15). Первые два относятся к подгруппе Б1, третий имеет уникальную профилировку и довольно равномерный темный красно-коричневый цвет поверхности.

Со следами лощения два разных по форме и цвету горшка (рис. 28: *11, 17*). Один выделяется из всей коллекции удлиненным венчиком, край которого уплощен и имеет выступ глины по внешнему контуру (№ 30). Сосуд входит в группу приземистых емкостей с округлым выраженным плечом и, как большинство экземпляров в этой группе, имеет красный цвет поверхности. Лощение данного сосуда проходило поверх выбивания. У второго горшка (№ 10) лощение сочетается с заглаживанием. Цвет преобладает серый. Сосуд входит в подгруппу приземистых емкостей с укороченным плечом. Венчик удлиненный и вертикальный, что сближает эту форму с двумя другими сосудами с серой поверхностью (№ 4 и 9).

Различия вида поверхности, которые достигались за счет разных способов обработки, как и цвет изделий, придаваемый с помощью разных условий обжига, несомненно, несут декоративное значение, придавая посуде необходимый облик. Только один лепной сосуд (№ 20) имел рельефный декор в виде округлых углублений по шейке, выполненный пальцевыми вдавлениями.

Примеси

Не ставя цели специального рассмотрения технологии подготовки формовочной массы, дадим описание основных минеральных примесей, встреченных в коллекции.

Все сосуды, для которых проводился анализ формовочной массы (28 экз.), изготовлены с добавлением дресвы (табл. 6). В одном случае дресва введена в глину вместе с песком. В тесте 17 сосудов присутствуют комки незапесоченной глины (рис. 33: *1а, 1б*). Примесь выполняет ту же технологическую функцию, что и шамот, но, так как под этим термином подразумеваются фрагменты дробленого сосуда, комки глины фиксировались отдельно. Шамот отмечен в трех сосудах, в одном из которых кроме шамота добавлена дресва и комки чистой глины, и еще в одном – дресва, комки чистой глины и дробленый бурый железняк.

Параметры сосудов: технология и обряд

позиция на рис. 28	исследовательский номер	искусст. минер. примеси				поверхность			
		дресва	включения комков чистой глины	шамот	бурый железняк	цвет сосуда	характер поверхности	количество сосудов	
10	1	+				красный	заглаженная	пара	
22	2	+				черный и серый пятнами	бугристая		
9	3	образец не брался				красный	заглаженная	1	
7	4	образец не брался				серый	заглаженная	1	
1	5	+	+		+	красный	заглаженная		
23	6	+				черный, темно-коричневый	бугристая	пара	
13	7	+	+			красный	заглаженная		
20	8	+	+			черный и светло-корич. пятнами	бугристая	1+1	
19	9	+				серый с участками осветления до светло-коричневого	заглаженная		
17	10	+	+			серый	заглажена и подлощена	1	
5	11	+				красный	заглаженная	1+1	
28	12	+	+			светло-красный и серый пятнами	бугристая		
16	13	+				красный	заглаженная	пара	
29	14	+		+		светло-корич. и серый пятнами	бугристая		
27	15	+	+			красно-коричневый	заглажена и выбита		
15	16	+				красно-корич. и черный пятнами, преобладает красно-корич.	заглажена и выбита	1+1	
24	17	дресва и песок	+			светло-коричневый и серый пятнами, преобладает серый	заглаженная		
25	18	+	+			коричневый	заглаженная	пара	
18	19	+	+			красно-коричневый с серым участком	бугристая		
6	20	+	+			красный (?) (поверхность сильно повреждена)	заглаженная	1+1	
2	21	+	+	+	+	красный	заглаженная	1+1	
30	22	минеральных примесей нет				коричневый и черный пятнами	заглаженная		
8	23	+	+			красный	заглаженная	1	
14	24	+				темно-коричневый и черный пятнами, круговой	круговой, с орнаментом	пара	
3	25	+				красный, круговой	круговой, без орнамента		
31	26	+	+			красный	заглаженная	3	
21	27	+	+			светло-коричневый и серый пятнами	бугристая		
26	28	+	+			красно-коричневый и серый пятнами, преобладает красно-коричневый	бугристая		
4	29	+	+			красный	заглаженная	1+1	
11	30	+			+	красный с черным пятном	выбита и подлощена	1	
12	31	+	+	+		красный и черный пятнами	заглажена и выбита		

Таблица 6

особенности обряда			пол погребенного	датировка комплекса	комплекс и номер находки в отчете
	место сосуда	**преднамеренное повреждение**			
	в ногах		подросток	п. п. XI в.	Р 2, К. 4, П. 1, №8
					Р 2, К. 4, П. 1, №9
	у левой голени		ж	п. п. XI в.	Р 3, П. 1, №1
	в ногах, у левой стопы		м	XI в.	Р 3, П. 2, №16
	ровик	разбит, помещена 1/2			Р 3, К. 9, юж. ров. Ск. к. №4
	у левой стопы		м	XI в.	Р 3, П. 7, №24
		разбит, помещен не весь (?)			Р 3, П. 7, №25
	в голове		ребенок	XI в.	Р 3, П. 8, №1
	в ногах	разбит+потек+помещен не весь (?)			Р 3, П. 8, №2
	в ногах	выбоина	ребенок (головой на В)	кон. X в. – рубеж X–XI вв.?	Р 3, П. 9, №10
	в ногах		ребенок	XI в.	Р 3, П. 11, №2
	в заполнении мог. ямы	разбит, помещен не весь			Р 3, П. 11, №3
	в ногах	потек	ж	п. п. XI в.	Р 3, П. 12, №2
					Р 3, П. 12, №3
	ровик				Р 3, К. 9, в. ров. Ск. к. №9
	в заполнении в центре ямы	разбит, помещены 3/4+потек внутри	подросток (головой на В)	кон. X – нач. XI в.	Р 3, П. 14, №1
	на дне в центре ямы				Р 3, П. 14, №2
	в ногах	выбоина+потек	ребенок	п. п. XI в.	Р 3, П. 16, №8
		разбит, помещены 2/3+потек			Р 3, П. 16, №9
	в ногах		ж	XI в.	Р 3, п. 10 (разруш.), №10
	фрагменты в кремации и в стороне от нее	разбит, помещены 2/3, часть фрагментов в погребении и несколько за его пределами	м (?)	вт. п. – кон. X в.	Р 2, К. 12, кремация, №2
	в кремации	в скоплении кремации			Р 2, К. 12, кремация, №67
	у левого колена	выбоина+потек	м	XI в.	Р 2, П. 2, №3
	в ногах, у левой стопы		ж	XI в.	Р 2, П. 3, №2
		разбит, помещены 2/3+потек внутри по венчику			Р 2, П. 3, №3
	в ногах (?)	разбит, помещен не весь (2/3?)	ребенок	XI в.	Р 1, П. 7. №32
		разбит? помещен не весь?			Р 1, П. 7, №33
					Р 1, П. 7, №33а
	у правой голени		м	п. п. XI в.	Р 2, П. 5, №3
	в ногах, у правой стопы		ж	нач. XI в.	Р 2, П. 6, №10
	в курганной насыпи				Р 1, К.2, слой кург. насыпи

Таблица 7

Расположение сосудов в погребениях

Количество форм в погребении	Расположение сосудов	Количество погребений
1	в ногах	5
2	в ногах	5
3	в ногах (?)	1
1+1	один сосуд в ногах, один – в заполнении ямы	3
1+1	один сосуд на дне в центре ямы (у бедра?), один – в заполнении	1
1+1	один сосуд в ногах, один – в голове	1
2 (кремация)	один целый сосуд в кремации, один фрагментированный сосуд частично в составе кремации, частично за ее пределами	1

Прослеживается сочетание размера минеральных примесей с характером поверхности сосудов: у изделий с заглаженной поверхностью размерность зерен дресвы начинается в пределах 1 мм и в основном не превышает 2 мм, а у красных приземистых форм подгруппы Б1 и части мисок диапазон размера может оставаться в пределах 1 мм. Для посуды с бугристой поверхностью, наоборот, самый минимальный размер дресвы начинается с 1 мм и может достигать 3 мм и более, а в некоторых случаях нет включений менее 2 мм.

Керамические формы в ритуале

Собранные данные позволили наметить определенные взаимосвязи между различными чертами сосудов. Однако остается ощущение, что любое обобщение распадется или, как в калейдоскопе, сменяется другими взаимосвязями составляющих при их сопоставлении на ином уровне. Чтобы ответить на вопрос, воспринималась ли присутствующая вариативность признаков керамических изделий средневековым населением Шекшова как часть единой материальной культуры, обратимся к погребальному обряду и к тому, как эти сосуды были в нем задействованы.

В могильнике Шекшово по отношению к погребенному керамические формы располагались поразному (табл. 7).

Почти все ингумации (14 из 16) содержали сосуды в ногах, с вариациями в их количестве или в сочетании с емкостями, расположенными иначе. Здесь важно отметить, что положение «в ногах» включает сосуды, размещенные в районе стоп, у голени и колена (эти детали отражены в табл. 6), но преобладает первый вариант.

Одиночные сосуды, поставленные в ногах, представлены емкостями среднего объема (1,4–2,3 л). Из них четыре – это приземистые горшки подгрупп Б1 (рис. 28: *8, 9, 11*) и Б2 (рис. 28: *17*). При этом сосуд из подгруппы Б2 расположен в погребении с восточной ориентировкой (с такой ориентировкой и помещенными внутрь могильной ямы горшками всего два захоронения). И еще один одиночный сосуд является мисковидной формой с заглаженной поверхностью серого цвета (рис. 28: *7*).

Второе погребение восточной ориентировки, где найдена керамика, включало сосуд, помещенный в центре могильной ямы (костяк не сохранился, но можно предполагать, что горшок находился в районе бедра), который сопровождался фрагментированной формой, помещенной в заполнение ямы. На дне ямы была поставлена емкость группы В с преобладанием серого цвета на поверхности (рис. 28: *24*), в заполнении располагалась емкость подгруппы Б1 с преобладанием красно-коричневого цвета поверхности (рис. 28: *15*). Первый сосуд выделяется из группы В своим объемом – он один вышел за границу в 1 л и составил 1,65 л.

Помещение одного сосуда в ногах, который сочетается с другим, расположенным в виде скопления фрагментов в заполнении могильной ямы, встречено дважды. В данных парах целые емкости представлены мисковидными формами красного цвета (рис. 28: *4, 5*). Одну фрагментированную емкость из заполнения удалось реконструировать. Она оказалась самой высокой и крупной (8,8 л), с бугристой поверхностью (рис. 28: *28*). Во втором случае сохранились лишь стенки и часть донца бугристого сосуда. С большой долей вероятности, к захоронениям с подобным расположением сосудов можно отнести разрушенное погребение, из сохранившейся восточной части которого происходит целый мисковидный сосуд (рис. 28: *6*), поставленный на дне могильной ямы, и в ее заполнении у восточной стенки располагались крупные фрагменты бугристого сосуда, из которых не удалось восстановить полный профиль, но можно отметить наличие высокого тулова.

В погребениях с двумя сосудами, размещенными в ногах (рис. 28: *3* и *14*, *10* и *22*, *13* и *23*, *16* и *29*, *18* и *25*), только одна емкость объемом более 1 л (№ 1 – 1,85 л), все остальные находятся в диапазоне от 0,4 до 1 л. Все пары имеют сочетание «низкого» и «высокого» сосуда,

Рис. 32. Пропорциональные пары сосудов, расположенные в одном погребении.
А – раскоп 3, погребение 7; Б – раскоп 3, погребение 12; В – раскоп 2, погребение 3; Г – раскоп 2, погребение 1; Д – раскоп 3, погребение 16

и в четырех из пяти пар приземистые формы имеют красный цвет, «высокие» формы с темной поверхностью коричневого или темно-серого цвета с черными участками (рис. 32: А–Г). Одна из этих двухцветных пар представлена круговыми сосудами. В их декоре, вероятно, полное отсутствие орнамента у красного и его наличие почти на всю высоту у темного сосуда несет то же отличие, заложенное в лепных парах с заглаженной и бугристой поверхностью. Особенность пары круговых сосудов в том, что только в ней приземистый красный сосуд относится к мисковидным, «высокий» темный – к подгруппе Б1, в остальных двухцветных парах красные емкости относятся к подгруппе Б1, темные – к группе В, и один из них из-за почти вертикальных стенок оказался среди единичных форм (рис. 28: *29*).

В детском захоронении три емкости располагались в зоне ног (рис. 28: *21, 26, 31*). Среди них находилась самая низкая форма – миска красного цвета с заглаженной поверхностью, и два горшка, оба с коротким плечом и бугристой поверхностью. Горшки обнаружены в сдавленном состоянии, и только при разборе конгломерата керамики с землей выяснилось, что под одним находился второй сосуд. При склейке форм стала очевидна значительная нехватка фрагментов от обеих емкостей, поэтому реконструировать изначальное положение сосудов относительно друг друга затруднительно.

Еще одно детское захоронение сопровождалось двумя горшками, поставленными в разных концах ямы. Сосуд, поставленный в ногах, заглаженный, с преобладанием серого цвета поверхности (рис. 28: *19*). У второго экземпляра поверхность бугристая светло-коричневая и черная пятнами (рис. 28: *20*).

В кремации был помещен миниатюрный сосуд (рис. 28: *30*), по профилировке близкий горшку № 14 с бугристой поверхностью из «двухцветной» пары. Второй сосуд в захоронении, мисковидный (рис. 28: *2*), был помещен в кремацию разбитым, и частично фрагменты располагались за ее пределами. Изделие имеет красный цвет и заглаженную поверхность, выделяется крупным размером – 3,1 л.

В преднамеренно разбитом состоянии сосуды встречены не только в кремации и заполнении могильных ям, но и среди экземпляров, поставленных рядом с погребенным. Для пяти ингумаций можно констатировать наличие разбитого сосуда: в трех погребениях с парой горшков в ногах; миска в погребении с тремя сосудами; погребение, в котором горшок в ногах сочетался с еще одним – в голове. При этом в могилу помещалось около 2/3 фрагментов емкости. У трех целых экземпляров четко фиксируется преднамеренное повреждение в виде выбоины – скола части внешней поверхности (рис. 33: *2*г). У 6 из этих сосудов (разбитых и с выбоиной) и одного целого (без повреждений) присутствуют следы жидкой органики на поверхности в виде темного потёка (рис. 33: *2*в). Здесь перечислены наиболее уверенно зафиксированные следы ритуальных действий на посуде. Можно лишь заметить, что из двух сосудов на дне могильной ямы один часто фиксируется в преднамеренно разбитом состоянии. Иной взаимосвязи между следами на сосудах и их положением или морфологией проследить не удалось.

Чтобы оценить значение полученных данных о керамике в погребальном обряде, обратимся к работе А. С. Уварова «Меряне и их быт. По курганным раскопкам» (Уваров, 1872). Примеры расположения керамики, перечисленные в прилагающихся к публикации дневниковых выписках, по его замечанию, включают «самые главные и любопытные курганы, а также все без исключения захоронения с монетами» (там же, с. 2), что сейчас позволяет нам оценить степень разнообразия вариантов обряда, связанного с размещением глиняной посуды во Владимирских курганах. По итогам сбора упоминаний керамики в захоронениях получены результаты близкие шекшовским, подтверждением чему служит и общее утверждение А. С. Уварова, что в голове или в ногах обыкновенно ставился глиняный горшок, но чаще всего положение было у ног, и часто их ставили в количестве двух (Уваров, 1872, с. 57). Для кремаций же описаны варианты обряда, как близкие могильнику Шекшово, это помещение одного целого миниатюрного сосуда или в сочетании с фрагментированной емкостью, также присутствие сразу трех целых емкостей или только фрагментов сосуда в составе кремации. Помимо этого, в могильниках у сёл Переславского района (Веськово, Городище, Большие Бремболы, Аламово) и для двух могильников Суздальского района (Гнездилово (Уваров, 1872, с. 172), Васильково (Лапшин, Мухина, 1988, с. 136)) известны комплексы, где сосуды выполняли функцию урны для кремированных останков.

Обобщая наши наблюдения по размещению сосудов в погребениях, вернемся к графику корреляции форм по их ОПП и объему (рис. 31). Серой рамкой на нём обозначена зона форм малого объема (от 0,4 до 1 л). Для проведения верхней границы основанием служит встречаемость пары сосудов у ног погребенного: из 10 емкостей 9 укладываются в эти пределы объема. Одиночные сосуды в ногах напротив превышают по вместительности емкости, поставленные в паре, в среднем в 2 раза (их объем начинается от 1,4 л). Такое взаимоисключение позволяет утверждать, что показатель объема учитывался при выполнении обряда. Разделение сосудов уже в рамках ОПП на более высокие и более низкие проходит по проведенной на этом же графике пунктирной линии. Пары емкостей малого объема, поставленные у ног, во всех случаях включают сосуды из двух намеченных на графике участков и характеризуются сочетанием «приземистого» сосуда с «высоким». Также в 4 парах первые имеют выраженный красный

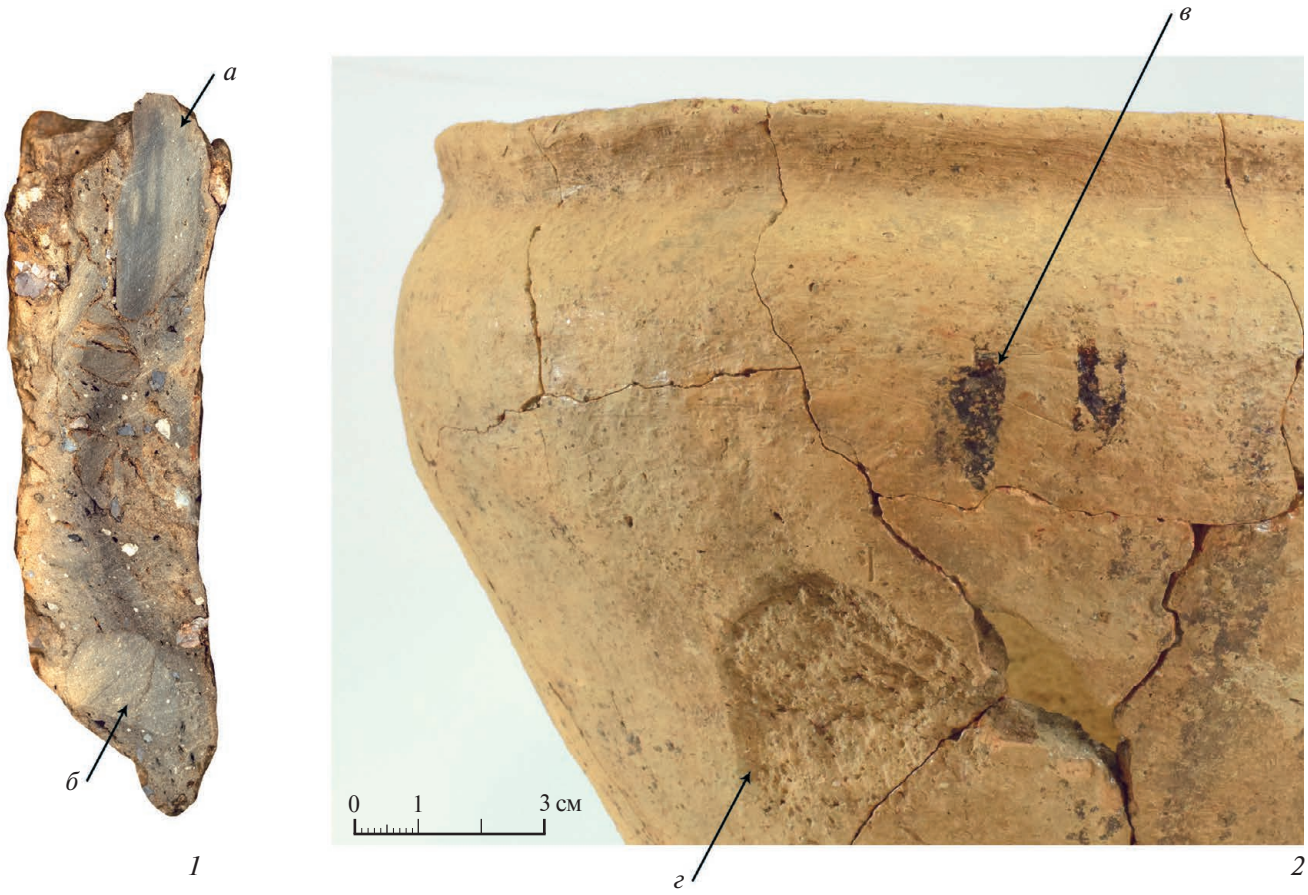


Рис. 33. Примеры:
1 (а, б) – включения искусственной примеси комков чистой глины;
2 (в) – остатки жидкой органики в виде потека на поверхности как след ритуальных действий;
2 (г) – пример преднамеренного повреждения сосуда в виде скола внешней поверхности (выбоины)

оттенок, а вторые – коричневый, серый и местами черный цвет поверхности. Таким образом, налицо проявление сформированных представлений о выполнении обряда, при котором значимыми признаками сосудов выступают общая пропорциональность, объем, затем цвет поверхности и ее характер. Профилировка сосудов при такой практике наименее стандартизована. Интересно, что самая однородная морфологическая группа – мисковидные формы – наоборот в этих двух вариантах обряда задействована минимально.

Коллекция Шекшова и керамика памятников Ополья

Чтобы оценить место керамики Шекшова в материальной культуре Суздальского Ополья, нужно отметить, что для керамических коллекций памятников региона второй половины X – первой половины XII в. выделение крупных морфологических групп и описание их дополнительных признаков проводилось и ранее. Так, в коллекции Васильковского селища, расположенного в Суздальском районе, лепная керамика была разделена на две основные группы, из которых одна преобладает и получила наименование «горшки», другая включает «баночные формы», они более высокие (Лапшин, Мухина, 1988, с. 136). Для первых характерно выраженное плечо, часто округлое, у вторых наоборот укороченное плечо с слабым наклоном (там же, с. 147, рис. 3). Дополнительно вся керамика селища охарактеризована как грубая, с крупной дресвой и окислительным обжигом (там же, с. 136).

Описание коллекции селища Весь 1, расположенного рядом с Суздалем, из раскопок 1986–1991 гг. дано более ёмко: «Наиболее часты невысокие, широкие горшки с выделенным плечиком, короткой шейкой и отогнутым наружу венчиком (Мошенина, А-1988, с. 56, табл. 29). Горшки этого типа изготовлены из светлого теста с небольшим количеством примесей. Наряду с ними встречены горшки, сужающиеся к донной части, с короткой шейкой и слабо отогнутым венчиком (Мошенина, А-1988, с. 57, табл. 30).

Они изготовлены из очень грубого теста с крупными примесями. Найдено много фрагментов миниатюрных сосудов, несколько мисок большого диаметра с хорошо выраженными плечиками и невысокой шейкой (Мошенина, А-1988, с. 58, табл. 30)». Данное описание форм, дополненное характеристикой поверхности и примесей, позволяет уверенно соотнести перечисленный набор с морфологическими группами А, Б, В коллекции Шекшова.

Среди обнаруженных керамических форм в раскопках могильника Сунгирь Н. Н. Мошенина также выделяет два типа (Мошенина, А-1973, с. 15): баночные (тип 1 – 5 экз.) и горшковидные (тип 2 – 9 экз.).

Имеющиеся изображения 14 форм из могильника у села Новоселка можно отнести к трем пропорциональным группам А, Б, В (Сабурова, А-1985, А-1986, А-1988б, А-1989). Два погребения в Новоселке, как и в Шекшове, сочетают пары более высокого и более низкого сосуда, поставленные в ногах погребенного. Для одной из этих керамических пар автором раскопок описан цвет изделий: более высокая емкость «из серой глины», низкая – «из желто-красной» (Сабурова, А-1985, с. 25). При этом второй сосуд представлен мисковидной емкостью.

Селища Васильково и Весь 1, помимо лепной керамики, содержали древнерусскую круговую посуду, как и еще одно селище X–XII вв. – Гнездилово 2, керамика которого типологически рассмотрена В. А. Лапшиным и В. М. Горюновой (Лапшин, 1991, с. 120–129; Горюнова, Лапшин, 2004, с. 55–72). В гнездиловской коллекции выделено три группы лепной посуды, самую многочисленную составили горшки с S-видным венчиком. Однако такое короткое описание затруднительно соотнести с какой-либо из групп Шекшова уверенно. Другая группа более узнаваема, в ней присутствуют формы удлиненных пропорций (Лапшин, 1991, с. 121, группа II). Третья группа неоднородна морфологически, но отличается тщательностью заглаживания поверхности, иногда наличием лощения и включает горшки с округлым плечом, миски подобные найденным в Шекшове, сосуды с удлиненным венчиком и ребром на уровне перехода шеи в плечо, а также емкости, которые имеют закрытую форму венчика (Лапшин, 1991, с. 121–122).

Также укажем аналогии единичной емкости очень высоких пропорций (№ 12). Подобные сосуды обнаружены на селище Весь 1 (Мошенина, А-1991, с. 12, 82, табл. 44) и в ровике кургана Суздальского могильника (Седова, 1997, с. 162, рис. 52).

Из приведенных описаний видно, что морфологические группы Шекшова проявляются также и на других памятниках. Однако вариативность керамических признаков, отмеченная для шекшовской посуды, еще более выражена, если привлекать к нашему анализу материалы из упомянутых здесь могильников и селищ. В частности, орнаментация лепных форм, которая в целом не характерна для Шекшова, присутствует на сосудах могильника у села Новоселка в виде насечек по краю венчика и отпечатков гребенчатого штампа. Поэтому представленные здесь данные о глиняной посуде разных памятников позволяют утверждать, что коллекция могильника несет распространенные и, значит, характеризующие материальную культуру региона черты, при этом, несомненно, она имеет своё «лицо», степень уникальности которого можно установить в процессе дальнейших исследований керамики Суздальской земли.

Заключение

Рассмотренные керамические формы могильника имеют разные по степени устойчивости признаки. Наиболее сформированное представление о глиняной посуде у населения Шекшова отражено в использовании мисковидных сосудов и горшков, которые, в свою очередь, разделяются на приземистые и более вытянутых пропорций, при этом доля горшков второго вида значительно меньше. Также ясно просматривается традиция сочетания приземистых горшков с округлым плечом и красным цветом заглаженной поверхности, «высоких» – с темным (коричневым, темно-коричневым, черным) цветом бугристой поверхности. Профилировка в рамках этих двух групп горшков неоднородна, чего нельзя сказать о мисковидных емкостях. Их наиболее выраженные черты – это раскрытые стенки тулова, округлое плечо, красный цвет заглаженной поверхности. Последние три характеристики позволяют мисковидные формы и ряд приземистых горшков назвать керамикой единого облика.

По собранным данным об использовании глиняной посуды в погребальном обряде, выделились три традиции размещения сосудов в ингумациях. Это пара небольших горшков (5 погребений) или один сосуд среднего объема в ногах погребенного (5 погребений) и мисковидная форма также в ногах, которая сопровождалась фрагментами высокого сосуда в заполнении могильной ямы (3 погребения). Использованные в этих вариантах обряда сосуды могут отличаться по общей пропорциональности, характеру поверхности, но соответствовать объемной категории; или могут сильно отличаться по профилировке (форме плеча и венчика), но отражать строгое соблюдение пропорционального сочетания емкостей в одном комплексе, как это отмечено в наиболее выразительном из этих трех вариантов ритуальной практики – размещении пары сосудов в ногах. Это все позволяет дать общий взгляд на коллекцию керамических форм могильника как на свидетельство ещё сохраняющейся изначальной культурной неоднородности, что отражается в вариативности отдельных признаков сосудов, и одновременно мы фиксируем стремление представителей социума воспроизводить единые детали погребального обряда.

М. В. Добровольская

ОБРАЗ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ ПО ДАННЫМ ИЗОТОПНОГО СОСТАВА КОСТНЫХ МАТЕРИАЛОВ[1]

Анализ маркеров обыденной жизни средневекового населения с возможностью персональных реконструкций – одно из методических достижений в области биоархеологии. Изучение индивида в контексте конкретной группы людей, представленной палеоантропологическими материалами из погребального памятника, отвечает интересам и целям археологического исследования. Изотопные «маркеры» мобильности и питания, вернее, изотопные соотношения некоторых элементов, определяемые средовыми особенностями, широко вошли в современную практику археологического исследования (DeNiro, 1985; Ambrose, 1993; Bownes, Ascough, Cook, Murray, Bonsall, 2017; Bently, 2006). Опубликованные к настоящему времени данные позволяют проводить первые сопоставления с другими средневековыми европейскими памятниками. Коллекция палеоантропологических материалов фрагментарной сохранности открывает перспективу изучения особенностей питания и оценки меры подвижности населения, жившего в этой крупной агломерации Суздальского Ополья.

Традиции питания и особенности сельского хозяйства

Состав пищевого рациона средневекового населения отражает традиции пищевых предпочтений, особенности экономики, природно-климатический контекст, социальную и культурную неоднородность общества. Возможность анализа питания индивида, его динамики на протяжении жизни человека позволяет на новом уровне исследовать связи между особенностями погребения и характеристиками образа жизни.

Определение изотопного состава азота и углерода коллагена костной ткани мужчин, женщин и детей из грунтовых погребений Шекшова 9 проведено для 26 образцов 16 индивидов (табл. 8). Восемь индивидов представлены двумя и более образцами, что позволяет оценить внутрииндивидуальную вариабельность. Как известно, перестройка костных структур происходит с неодинаковой скоростью. Сопоставляя изотопный состав углерода и азота в разных частях одного скелета, мы можем выявить следы резких изменений в структуре питания человека, если таковые были (Самородова, 2021). В нашем случае только для одного индивида выделены следы изменения в структуре питания. Это подросток из погребения 6 (номера 13 и 14). Показатель коллагена корня молочного зуба сопоставлен с показателем коллагена височной кости. Заметна разница в изотопном составе азота. Различия обусловлены тем, что формирование тканей первого молочного зуба происходит в основном до полутора лет, что соответствует грудному возрасту ребенка, в котором основой его питания служит высокобелковый продукт – молоко. Для остальных индивидов различия показателей для одного скелета не различаются более чем на 0,5‰ и не имеют направленного характера, что может быть интерпретировано как следствие стабильности типа питания на протяжении последнего десятилетия жизни индивида.

Для взрослых индивидов из Шекшова 9 соотношение изотопов углерода $\delta^{13}C$‰ ограничено значениями -20,28‰, -18,65‰. Это свидетельствует о том, что пищевые продукты растительного происхождения были представлены растениями С3 типа фотосинтеза, и фураж животных также формировался С3 растениями. Дельта азота изменяется от 9,32‰ до 11,30‰. Для того чтобы реконструировать основные составляющие белкового рациона, необходимо сопоставить полученные данные с аналогичными показателями растительности и травоядных животных средневековой экосистемы (табл. 9).

Для этого нами использованы данные об изотопном составе коллагена костной ткани коровы, лошади и мелкого рогатого скота, а также данные об изотопном составе зерен, полученных из датированных культурных слоев селища Большое Давыдовское 2, которое синхронно селищу Шекшово 2. Зерна культурных злаков происходят из культурного слоя близь расположенного синхронного некрополю селища Большое Давыдовское 2 (табл. 9). Образцы костной ткани травоядных животных происходят из контекста захоронений Шекшово 9.

[1] Предварительная публикация: Добровольская М. В., Макаров Н. А., Самородова М. А. К оценке мобильности жителей Суздальского Ополья X – первой половины XII века // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2020. Т. 48. № 4. С. 106–115.

Таблица 8

Изотопный состав коллагена костной ткани образцов из погребений некрополя Шекшово 9

№ п/п	Год	Погребение	Пол	Возраст	$\delta^{13}C$‰	$\delta^{15}N$‰	Образец
1	2012	погребение 1	мужской	30–45	-19,59	9,76	таранная кость
2	2012	погребение 1	мужской	30–45	-19,93	9,81	плечевая кость
3	2012	погребение 4	мужской	30–39	-19,79	10,41	пястная кость
4	2012	погребение 4	мужской	30–39	-20,03	11,21	свод черепа
5	2013	погребение 1	женский	30–39	-19,98	9,55	бедренная кость
6	2013	погребение 1	женский	30–39	-19,93	9,84	свод черепа
7	2013	погребение 1	женский	30–39	-20,09	9,51	позвонок
8	2013	погребение 1	женский	30–39	-19,76	9,90	свод черепа
9	2013	погребение 2	мужской	40–49	-20,11	10,16	свод череп
10	2013	погребение 2	мужской	40–49	-19,88	9,83	фаланга кисти
11	2013	погребение 4	ребенок	6–7	-20,24	10,97	свод черепа
12	2013	погребение 5	женский	20–29	-19,85	10,46	бедренная кость
13	2013	погребение 6	подросток	около 10 лет	-19,12	13,34	первый верхний молочный моляр
14	2013	погребение 6	подросток	около 10 лет	-19,22	10,65	височная кость
15	2014	погребение 7	мужской	40–49	-19,36	10,03	ребро
16	2014	погребение 10	женский	30–39	-19,35	9,79	плечевая кость
17	2014	погребение 12	женский	30–39	-19,46	9,32	височная кость
18	2015	погребение 13	мужской	взрослый	-19,21	10,69	надколенник
19	2016	погребение 3	женский	взрослый	-20,12	10,47	верхнечелюстная кость
20	2017	погребение5	женский	20–29	-19,32	10,45	свод черепа
21	2017	погребение 6	женский	20–29	-18,94	10,54	лобная кость
22	2017	погребение 6	женский	20–29	-18,98	10,19	ребро
23	2017	погребение 6	женский	20–29	-18,72	10,23	бедренная кость
24	2017	погребение 6	женский	20–29	-18,65	10,73	лопатка
25	2017	погребение 8	мужской	30–39	-20,28	11,10	малая берцовая кость
26	2017	погребение 8	мужской	30–39	-20,11	11,30	ребро
X					-19,71	10,31	
St. Dev.					0,40	0,50	

Таблица 9

Изотопный состав азота и углерода зерен культурных растений и коллагена костной ткани домашних животных с территории Суздальского Ополья. Определения зерен злаков Е. Ю. Лебедевой

Образец	$\delta^{13}C$‰	$\delta^{15}N$‰
Шекшово 9, курган 8, крупный рогатый скот	-20,19	7,42
Шекшово 9, курган 8, лошадь	-21,59	7,46
Шекшово 9, курган 13, мелкий рогатый скот	-20,81	9,05
Шекшово 9, пахота, мелкий рогатый скот	-21,25	9,91
Шекшово 9, пахота, мелкий рогатый скот	-20,62	7,42
Шекшово 9, погребение 1, раскоп 3, крупный рогатый скот	-22,28	6,88
Большое Давыдовское 2, раскоп 1, яма 5 (конец X – XI в.), зерно злака	-25,01	4,41
Большое Давыдовское 2, раскоп 1, яма 82 (конец X – XI в.), зерно злака	-23,77	5,53
Большое Давыдовское 2, раскоп 1, яма 80 (XII в.), зерно ржи	-23,16	6,05
Большое Давыдовское 2, раскоп 1, яма 80 (XII в.), зерно овса	-24,83	5,13
Большое Давыдовское 2, раскоп 1, яма 86 (XII в.), зерно ячменя	-24,71	6,76
Большое Давыдовское 2, раскоп 1, яма 86 (XII в.), зерно злака	-24,2	6,65
Большое Давыдовское 2, раскоп 1, яма 98 (XII в.), зерно проса	-10,94	5,14
Большое Давыдовское 2, раскоп 1, яма 98 (XII в.), зерно злака	-24,05	5,05

Расположение индивидуальных показателей на биплоте изотопных соотношений азота и углерода демонстрирует тенденцию расположения образцов на единой линии тренда (рис. 34), что типично для ситуации единой экосистемы и прямых трофических связей внутри нее. Иначе формулируя, растения С3 типа фотосинтеза, животные и люди могут быт отнесены к местной экосистеме. Изотопные показатели единственного зерна проса, расположенные в правом нижнем углу графика, свидетельствуют о том, что участие растений С4 типа фотосинтеза в питании средневековых людей и животных практически отсутствует.

При расчетах средних различий изотопных показателей между растениями, животными и людьми получаем следующие величины: $\Delta^{13}C_{животное-растение}$ 3,1‰, $\Delta^{13}C_{человек-животное}$ 1,4‰; $\Delta^{15}N_{растения-животные}$ 2,37‰ и $\Delta^{15}N_{животные-люди}$ 2,29‰. Как хорошо заметно, большие дельты (Δ) для азота и углерода, посчитанные для трофического шага «растение – животное», не меньше чем для шага «животное – человек». Это свидетельствует о том, что в рационе людей животная пища занимала небольшую долю, а растительная – преобладала. К сожалению, мы не располагаем данными о собственно фуражном питании домашних животных, а зерно вряд ли может рассматриваться как корм скота. Однако это в данном случае только усиливает вероятность правильности нашего предположения. Ведь растительная пища, которой кормили скот, скорее всего, характеризовалась еще более низкими показателями азота и углерода, что типично для обычной травянистой растительности, а, следовательно, ΔC и ΔN, характеризующие шаг «растение – травоядное животное», могли быть значительно больше, например, от -27 до -21 (6‰) и от 3 до 8 (5‰). Следовательно, сопоставление между большими дельтами (Δ) на шаге «растение – животное» и шаге «животное – человек» еще более отчетливо могло показать малую долю белковой пищи в обыденном рационе людей из Шекшова 9.

Если мы предполагаем, что основой питания человека был хлеб, то $\Delta N_{человек-растение}$ может составлять величину трофического шага. Проверим это предположение.

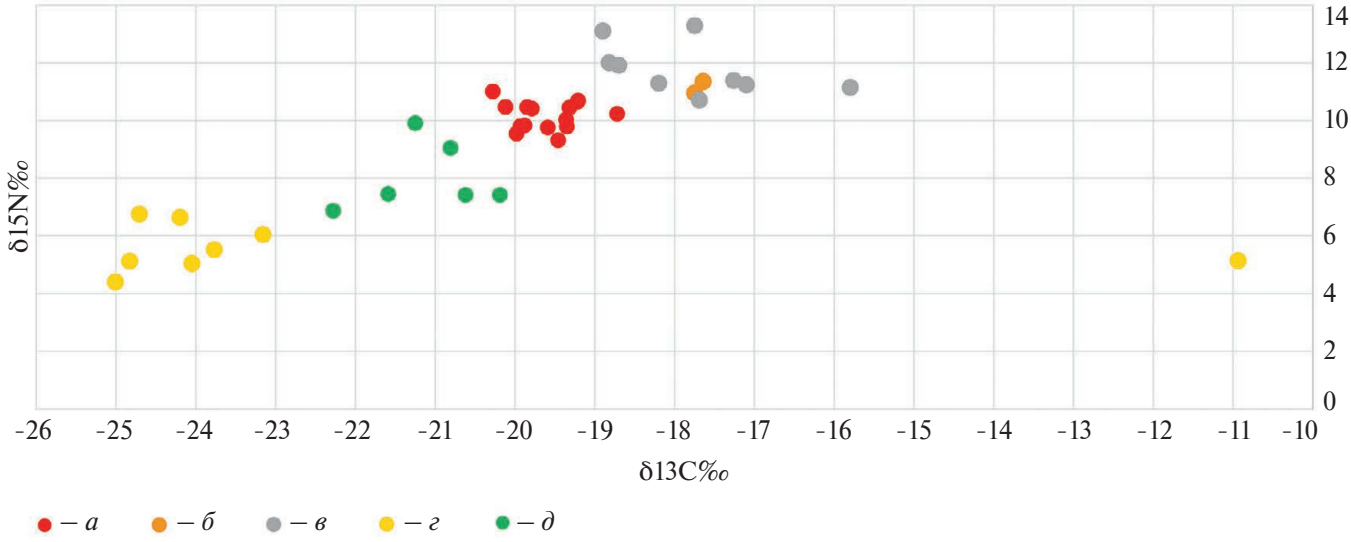


Рис. 34. Изотопные соотношения углерода и азота в компонентах антропогенной экосистемы средневекового Суздальского Ополья: растения – животные – люди. Привлечены данные о местных жителях первых веков н. э. (Большое Давыдовское) и индивидов из захоронений конца XII – начала XIII в. (Шекшово 2).

а – Шекшово 9, люди; б – Шекшово 2, люди; в – Большое Давыдовское 2, люди; г – местные средневековые сельскохозяйственные растения (зерна культурных злаков); д – местные средневековые животные

По имеющимся данным, в том числе экспериментальным, величина трофического шага для азота может составлять до 6‰, но не более (Bocherens, Drucker, 2003; O'Connell, Kneale, Tasevska, Kuhnle, 2012). Рассчитанная для взрослых индивидов из Шекшово 9 величина $\Delta N_{человек\ –\ растение}$ 4,66‰, что всего на 1,34‰ меньше максимально возможной величины шага. Эта небольшая «недостающая» часть полного трофического шага обеспечивалась белковым компонентом. Нетрудно заметить, что 4,66‰ более чем втрое превышает «недостающую» до 6‰ величину.

Эти несложные расчеты еще раз указывают на высокую вероятность того, что хлебные злаки были основой питания людей.

Серия погребений могильника Шекшово 9, для которых определены значения изотопного состава углерода и азота в коллагене костной ткани людей, включает 16 взрослых индивидов. Среди них люди из погребений начала – первой половины XI в. (курган 4, погребение 1, 2012 г.; погребение 1, 2013 г.; погребение 5, 6, 2017 г.), XI в. (погребение 4) и первой половины XII в. (погребение 8, 2017 г.). В этой серии представлены погребения с богатыми престижными наборами женских украшений, включающими византийские монеты и дирхамы (погребение 6, 2017 г.), с монетами –«оболами мертвых» (курган 4, погребение 1б, 2012 г.; погребение 5, 2017 г.)

Таким образом, преимущественно растительный рацион характеризует питание насельников Шекшово 9 со времени не позднее начала XI в. Выявленная традиция питания не связана преимущественно с низшей частью общества, она свойственна индивидам с высоким благосостоянием и социальными амбициями и отражает общий стиль жизни и культурную идентичность «больших поселений» Суздальского Ополья XI – начала XII в.

Аграрная колонизация Суздальского Ополья и сельскохозяйственные занятия жителей многочисленных поселений, сложившихся на этой территории в X–XII вв., в последние десятилетия хорошо документирована изучением средневековых пахотных горизонтов, находками сельскохозяйственных орудий, спорово-пыльцевыми спектрами X–XII вв. (Алешинская, Кочанова, Макаров, Спиридонова, Карпухин, 2008), изучением растительных макроостатков из средневековых культурных напластований (Лебедева, 2017). Совокупность этих данных указывает на динамичное сельскохозяйственное освоение центра Суздальской земли в X–XI вв., завершившееся в XII в. полным преобразованием ландшафтов и формированием безлесных территорий, занятых полями, на значительных пространствах между Клязьмой, Нерлью и Селекшей. Поэтому сам по себе вывод о том, что средневековые сельские жители Суздальского Ополья питались в основном зерновыми продуктами, представляется вполне ожидаемым и, казалось бы, не содержит каких-либо новых сведений. Однако возможность сравнить особенности питания средневекового населения Ополья с местными жителями предшествующей эпохи, а также с разно-

образием пищевых моделей некоторых групп Центральной и Восточной Европы X–XII вв. позволяет оценить разнообразие традиций питания. В этом сопоставительном контексте диета жителей Ополья X – начала XII в. представляется определённым выбором, а не единственно возможным вариантом.

Ранее были проведены аналогичные исследования изотопного состава костной ткани людей, живших в микрорегионе примерно на семь-восемь веков ранее. Могильник Большое Давыдовское был оставлен представителями культур круга финских древностей первых веков н. э., занимавших обширные пространства Волго-Окского междуречья (Макаров, Красникова, Зайцева, 2011). Результаты исследования изотопного состава образцов костной ткани девяти индивидов позволили оценить самые общие характеристики их питания (рис. 34). Очевидно, что расположение индивидуальных изотопных соотношений связано с другой пищевой моделью, облака точек даже не перекрываются. Для людей из Большого Давыдовского определены более высокие значения дельты азота и углерода. Повышенные показатели $\delta^{15}N$, вероятно, обусловлены большей долей животных белков в обыденном рационе этих людей. Более высокие значения $\delta^{13}C$ в данном контексте указывают на присутствие проса в качестве привычного пищевого компонента. Этот вывод может быть сделан на основании известной закономерности повышения $\delta^{13}C$ в тканях растений C4 типа фотосинтеза, к которым относится просо. Величина $\delta^{13}C$ -18‰ и выше исследователями рассматривается как зона систематического присутствия C4 растений на столе человека или в фураже домашнего скота (Pearson, Buitenhuis, Hedges [et al.], 2007).

Ранее было обосновано, что просо было широко распространено у «варварского» населения раннего железного века. Высокий процент карбонизированных зерен проса (24,8%) зафиксирован в археоботанических макроостатках середины – третьей четверти I тысячелетия из культурных слоев Кибол 7 – единственного поселения этого времени в Суздальском Ополье, на котором собраны растительные макроостатки, происходящие из закрытого комплекса (Лебедева, 2017).

При изучении могильника вельбарской культуры на землях северо-восточной Польши (могильник Рогова, II в. н. э.) были получены данные о величинах изотопных соотношений углерода и азота в образцах коллагена костной ткани людей из ингумационных погребений. Представленные в публикации значения $\delta^{13}C$ варьируют от -19,5 до -16,4‰ и $\delta^{15}N$ изменяется от 8,6 до 10,9‰ (Reitsema, 2012, p. 211). Автор интерпретирует величины изотопных соотношений углерода как результат присутствия в рационе смешения C3 и C4 растений и отмечает в целом широкое распространение традиций использования проса в варварской Европе в отличие от романизированной. Таким образом, на основании полученных сопоставительных данных возникает перспектива выделения обширной традиции, которая никак не связана с отдельными археологическими культурами, скорее, – с обширными областями. Для целей нашего исследования важно, что система питания и, вероятно, хозяйствования насельников Суздальского Ополья в римское время и Средневековье отличались, и это невозможно объяснить только природно-климатическими трансформациями.

Изотопные показатели, полученные для образцов из Шекшова 9, находят аналогии среди сельских современных ему памятников с территории Польши (рис. 35). Это, прежде всего, элитный некрополь крупного поселения Чепле. Исследователи памятника заключают, что питание этой группы базировалось на ресурсах местного сельского хозяйства с преобладанием растительных продуктов (зерно, овощи) (Bełka, Dopieralska, Królikiwska-Ciagło, Ratajczyk, Wadyl, 2019, S. 440–447), и отмечают сходство с другой сельской группой (Кальдус) (Reitsema, Kozłowski, Crews, Katzenberg, Chudziak, 2017, p. 38–52). Остановимся на последнем. Могильник Кальдус 4 из северо-восточной части центральной Польши датируется XI в. Исследователям удалось выделить несколько фаз внутри столетнего периода и проследить динамику изотопных показателей. Оказалось, что на протяжении XI в. происходит значительное изменение рациона: от разнообразного, включающего растительные продукты C3/C4 типа фотосинтеза, морской рыбный компонент и другие животные белки, свидетельства присутствия которых обнаруживаются в ходе исследований, к преимущественно основанному на растительных продуктах C3 типа фотосинтеза. Расположенный неподалеку сельский центр Гручно (XII в.) характеризуется изотопными показателями, сходными с погребениями последних десятилетий XI в. могильника Кальдус 4. Автор рассматривает эту динамику как отражение процесса угасания, трансформации торгового и административного центра Кальдус, в котором в начале XI в. могли оказаться представители элит из различных частей Европы и прежде всего с Севера, в региональный сельскохозяйственный центр, основу популяции которого составляют местные жители (Reitsema, 2012, p. 283–291).

Другая динамика событий представлена в Суздальском Ополье. Наблюдаемые на этих землях демографический рост, развитие технологий, приток дорогих и статусных вещей сопровождаются развитием преимущественно земледельческого сельского хозяйства. Вероятно, последнее успешно обеспечивало пищевыми ресурсами растущую популяцию, что важно для экономической независимости населения.

Интересно, что сравнение изотопных показателей всего двух индивидов из могильника Шекшово 2, относящегося к концу XII – началу XIII в., показало явное отличие состава их обыденных рационов от пищевых предпочтений людей из Шекшова 9.

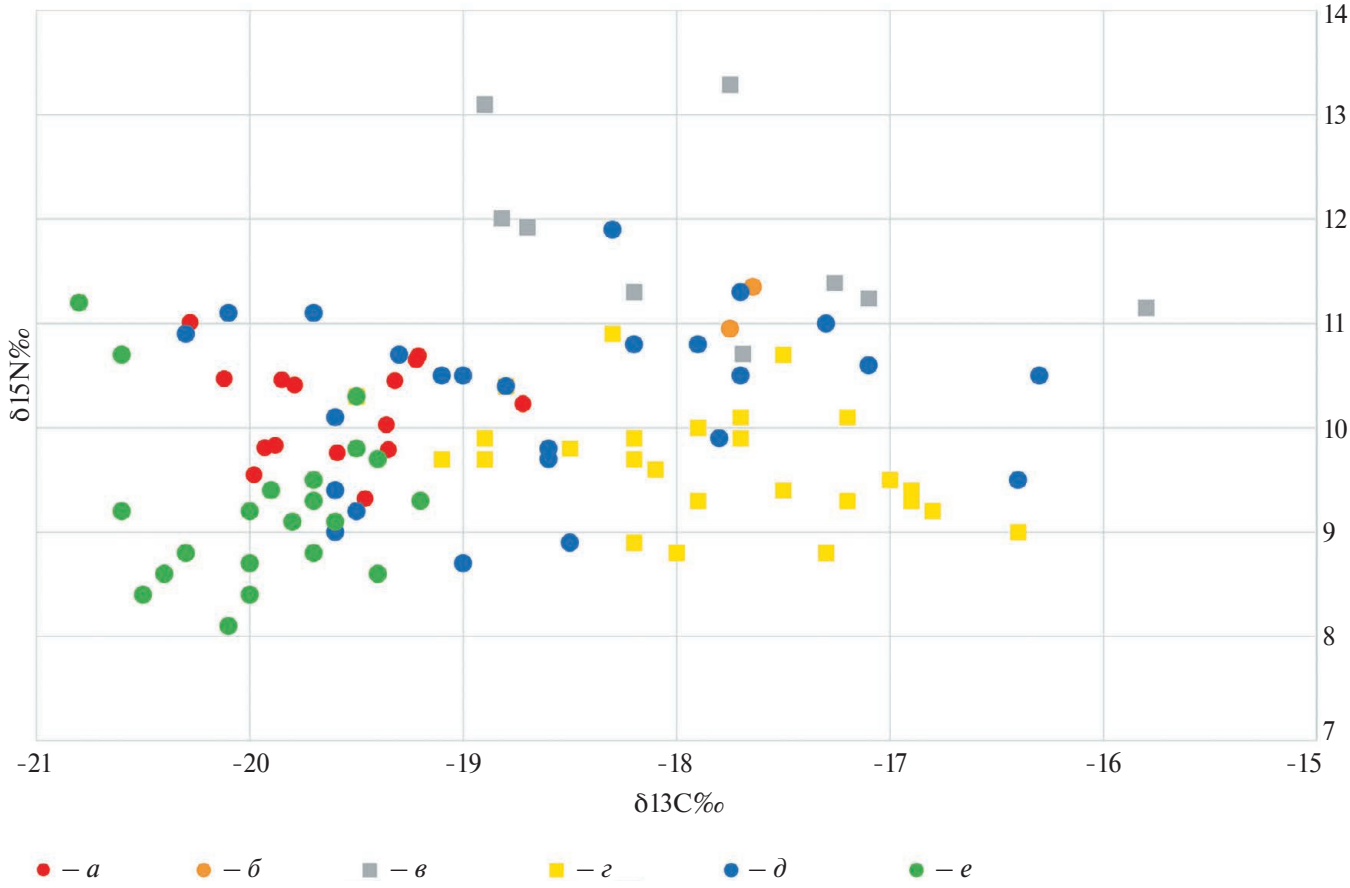


Рис. 35. Изотопные показатели людей из Шекшова 9 в сопоставлении с группами раннего железного века (Большое Давыдовское и Рогово), а также средневековыми сериями с территории Польши (Гручно, Кальдус) и двумя индивидами из Шекшова 2.
Данные об индивидах из памятников Рогово, Кальдус приведены по Reitsema, 2012.
а – Шекшово 9; б – Шекшово 2, XII–XIII вв., в – Большое Давыдовское 2, III–V вв.;
г – Рогово, II в.; д – Кальдус, XI в.; е – Гручно, XII в.

Эти различия проявляются в большей доле животной пищи и появлении «просяного компонента». На графике этот тип питания аналогичен пищевой модели людей из Большого Давыдовского. Добавим, что сходные варианты встречаются у индивидов из Подболотьевского могильника.

Таким образом, можно судить о своеобразии экономики и традиций питания, основанных на самостоятельном сельском хозяйстве, прежде всего земледелии, и соответствующих пищевых предпочтениях, которые в этот исторический период выглядят общими для представителей различных гендерных, имущественных или социальных групп.

Повышенная индивидуальная изменчивость изотопных показателей питания характерна для элит средневековых городских центров (Сигтуна, Бирка, Новгород), что может быть обусловлено как разнообразием культурных традиций, так и значительной долей людей, образ жизни которых связан с постоянными переездами. Поэтому также важно оценить уровень мобильности населения, оставившего некрополь Шекшово.

Местные уроженцы и мигранты первого поколения: данные исследования изотопного состава стронция эмали в биоархеологических материалах

Данные об изотопном составе стронция в костной ткани и эмали зубов людей и животных, а также другие биоархеологические материалы, как известно, широко применяются для изучения мобильности населения (Bentley, 2006; Frei, Makarov, Vanden Berghe [et al.], 2016). Индивидуальные данные сравниваются с местными фоновыми вариациями, и, если первые выходят за границы локальных величин отношения 87Sr/86Sr, следует считать объект сформировавшимся вне данной местности.

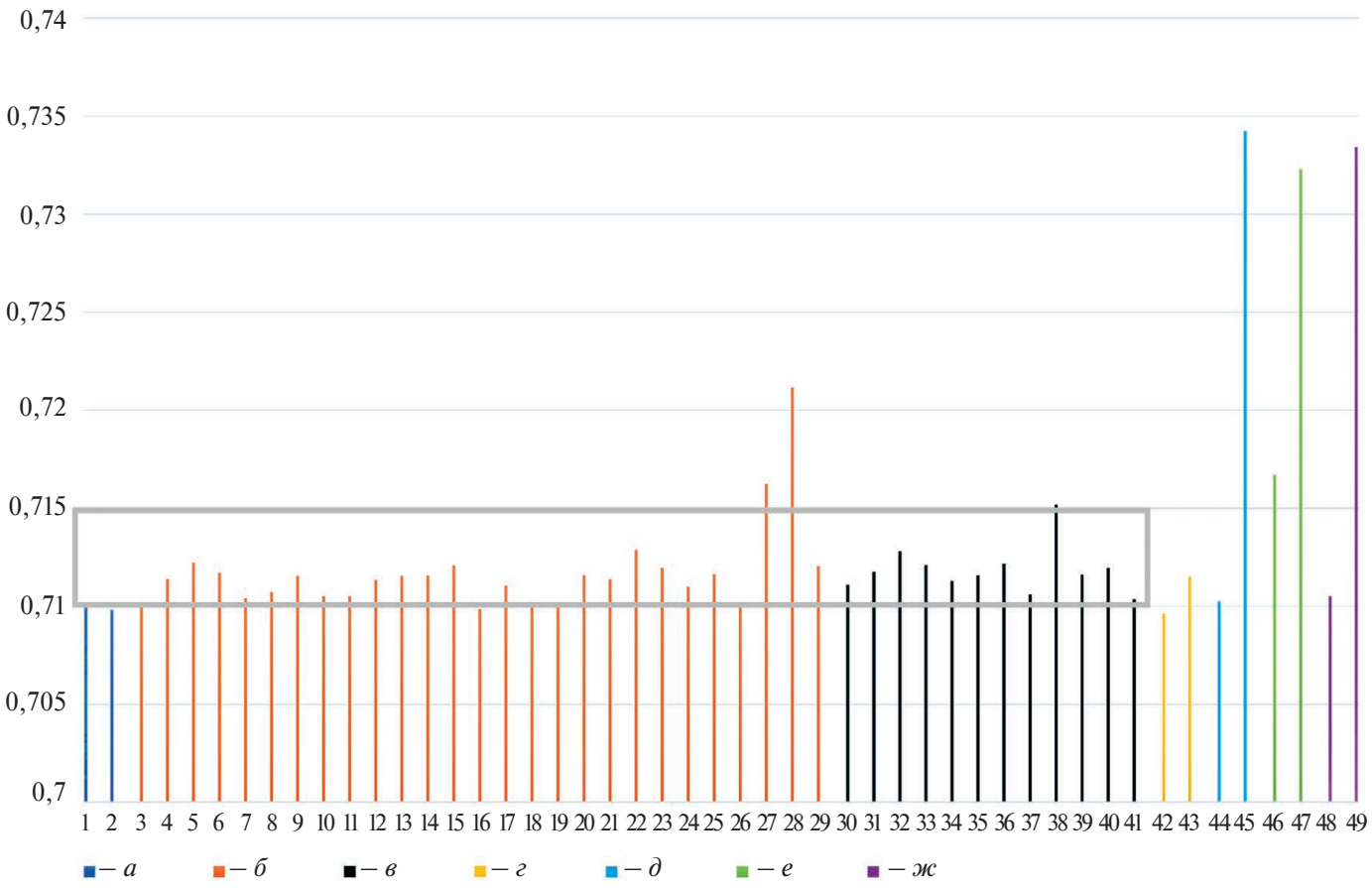


Рис. 36. Соотношение изотопов стронция 87Sr/86Sr в образцах из Шекшова 9, Шекшова 2, Большого Давыдовского 2 в сопоставлении с границами индивидуальной изменчивости по образцам из Чепле, Старой Ладоги, Бирки и Сигтуны. Серым прямоугольником обозначены границы локальной изменчивости 87Sr/86Sr биодоступного стронция в объектах среды Суздальского Ополья.
а — Шекшово 2; б — Шекшово 9; в — Большое Давыдовское 2; г — Чепле (min — max); д — Бирка (min — max); е — Сигтуна (min — max); ж — Старая Ладога (min — max)

Термин «мобильность» сейчас широко используется в археологии. Под ним понимается активность перемещений индивида на протяжении жизни. Напомним, что чаще всего исследователи используют сведения о составе зубной эмали, поэтому суждение об уровне мобильности выносят на основании того, жил ли индивид в детском возрасте в данной местности или нет. При сопоставлении данных, полученных по эмали и костной ткани, возможности оценки мобильности индивида увеличиваются, но при этом возникают дополнительная необходимость оценки прижизненного статуса исследуемого образца и загрязнения кости грунтовыми частицами и растворами. Перспективность изучения трупосожжений разносторонне рассмотрена (Snoeck, Pouncett, Claeys [et al.], 2018.). Очевидно, что эта возможность открывает перспективу изучения биритуальных могильников по единым биоархеологическим методикам. Поэтому мы включили в анализ образцы из кремационных погребений и ингумаций.

Основные границы изменчивости изотопного состава стронция в объектах среды (современные флора и фауна) были проведены ранее по образцам из различных геоморфологических ситуаций поймы и террас реки Ирмес (Frei, Makarov, Vanden Berghe [et al.], 2016). Соотношение изотопов стронция в 29 образцах скелетных останков людей и животных определено в Центре изотопных исследований Всероссийского научно-исследовательского геологического института им. А. П. Карпинского (Санкт-Петербург) Е. С. Богомоловым и в Институте геологии и геохимии Уральского отделения РАН (Екатеринбург) Д. В. Киселевой (Добровольская, Макаров, Самородова, 2020).

Присутствие значительной доли мигрантов первого поколения — черта, характерная для раннесредневековых городских поселений и крупных торговых центров. Рассмотрим соотношения изотопов стронция в образцах из погребальных памятников, хронологически близких шекшовскому

и также связанных с формированием властных центров (рис. 36). Бодзя и Чепле – некрополи с погребениями воинской элиты конца X – первой половины XII в. на территории современной Польши. Северную Европу представят захоронения из Бирки (VIII–X вв.), Сигтуны (X–XII вв.), Старой Ладоги, у церкви Климента (XI–XII вв.).

Изотопный состав стронция в эмали зубов индивидов из могильника Чепле указывает на то, что около половины из 21 изученного индивида – уроженцы самых разных территорий. Индивидуальные значения колеблются в пределах 0,7096–0,7115‰. Группу «нерезидентов» образуют индивиды из ординарных грунтовых погребений и статусных камерных захоронений. Пока нет возможности точно определять территорию, откуда прибыл человек. Ориентируясь на картографированные массовые определения стронциевого соотношения в объектах среды, можно предположить, что люди – уроженцы территорий Дании, Юго-Западной Швеции, Западной Норвегии, о-ва Рюген, Юго-Восточной Польши (Bełka, Dopieralska, Królikiwsk-Ciagło, Ratajczyk, Wadyl, 2019. S. 442–443).

Состав стронция 13 образцов из элитных погребений некрополя Бодзя только для одного индивида соответствует границам локальной изменчивости, остальные – мигранты первого поколения. (Price, Frei, 2015, p. 458). Таким образом, захоронения в Бодзе – финал жизни представителей воинской элиты, привлеченных сюда какими-то событиями. Стронциевое соотношение варьирует от 0,7090 до 0,7129, что, в частности, типично для Поднепровья. В связи с этим авторы предполагают, что эти погребенные – часть дружины Святополка Окаянного, которая участвовала в походе Болеслава I Храброго на Киев в 1018 г. и ушла по завершении компании на запад. Авторы замечают, что такие величины характерны для многих европейских территорий, покровные отложения которых связаны с лессами и присутствием карбонатов.

Разброс значений для погребений раннесредневековой Бирки очень значителен: от 0,71026 до 0,73425 на фоне местных вариаций в пределах 0,722–0,732 (Price, Arcini, Gustin, Drenzel, Kalmring, 2018, p. 32). Величины 87Sr/86Sr в образцах из Сигтуны варьируют еще значительнее: 0,7080 до 0,74215 при локальном диапазоне 0,7167–0,7323 (Krzewinska, Kjellström, Günther [et al.], 2018, p. 2733). Из 36 индивидов более половины отнесены к «нерезидентам».

Образцы из захоронений у церкви Климента в Старой Ладоге также показывают большой разброс значений – от 0,7105 до 0,7334. Величины соотношения 87Sr/86Sr более 0,720 типичны для различных территорий Скандинавии и Фенноскандии. Выделение собственно местных уроженцев пока не проведено. Сложность последнего обусловлена сходством местных изотопных характеристик с таковыми о-ва Готланд. В любом случае группа включает значительную долю «нерезидентов» (Price, Moiseev, Grigoreva, 2019, p. 6107).

Соотношение 87Sr/86Sr в скелетных останках людей из Шекшова варьирует от 0,7098 до 0,7211. Большинство индивидуальных значений находится в границах локальной изменчивости (рис. 35), а больше двух третей – в пределах более узкого диапазона 0,710–0,712. Величины 87Sr/86Sr в эмали зубов животных однозначно соответствуют местным. Все трупосожжения также могут быть отнесены к местным уроженцам.

Мигранты первого поколения происходят из ингумаций. Их всего четверо. Это погребение 14 – одно из наиболее ранних трупоположений на всем некрополе, датируется концом X – началом XI в. В могильной яме захоронен индивид 15–19 лет, судя по украшениям и скелетным маркерам пола, девушка. Эмаль верхнего резца растет и формируется с полугода до примерно четырех лет. Полученное значение 87Sr/86Sr составляет 0,70986. Вероятно, детство этой юной особы прошло вне Суздальского Ополья. Погребения 8 и 11 (2014 г.) детские, оба относятся к XI в. Ребенку из погребения № 8 3–4 года. Была проанализирована эмаль закладки первого верхнего моляра постоянной генерации зубов. Отношение 87Sr/86Sr составляет 0,716252. Аналогичные значения были получены, например, по эмали зубов индивидов с юга Новгородской области (Добровольская, Решетова, 2018, с. 14). Зуб формировался в возрасте 2–3,5 лет. Почти вся недолгая жизнь его прошла на других землях, и прибыл в Ополье он совсем незадолго до своей кончины. В столь раннем возрасте дети путешествуют только вместе с родными. Ребенок из погребения 11 несколько старше, хотя плохая сохранность скелета не позволила определить биологический возраст. В качестве образца также использована эмаль закладок первых моляров. Отношение 87Sr/86Sr составляет 0,721159. Это самый высокий показатель в Шекшове 9. Он может ассоциироваться с территорией Скандинавии и Фенноскандии (Price, Moiseyev, Grigoreva, 2019, p. 6098). Однако это не является прямым доказательством его приезда именно оттуда. Этот ребенок тоже родился и провел первые два-три года не в Ополье и также незадолго до смерти приехал на местные земли.

Как показал планиграфический анализ, описанные погребения располагаются неподалеку друг от друга (Добровольская, Макаров, Самородова, 2020, с. 112), датируются X и XI вв. (рис. 37).

Примечательно, что ни один взрослый мужчина не соответствует изотопным характеристикам мигрантов первого поколения, а выявленные редкие случаи приезжих представлены детьми и женщиной. Объем проведенных анализов не так велик, чтобы можно было считать это окончательной картиной для Шекшова 9.

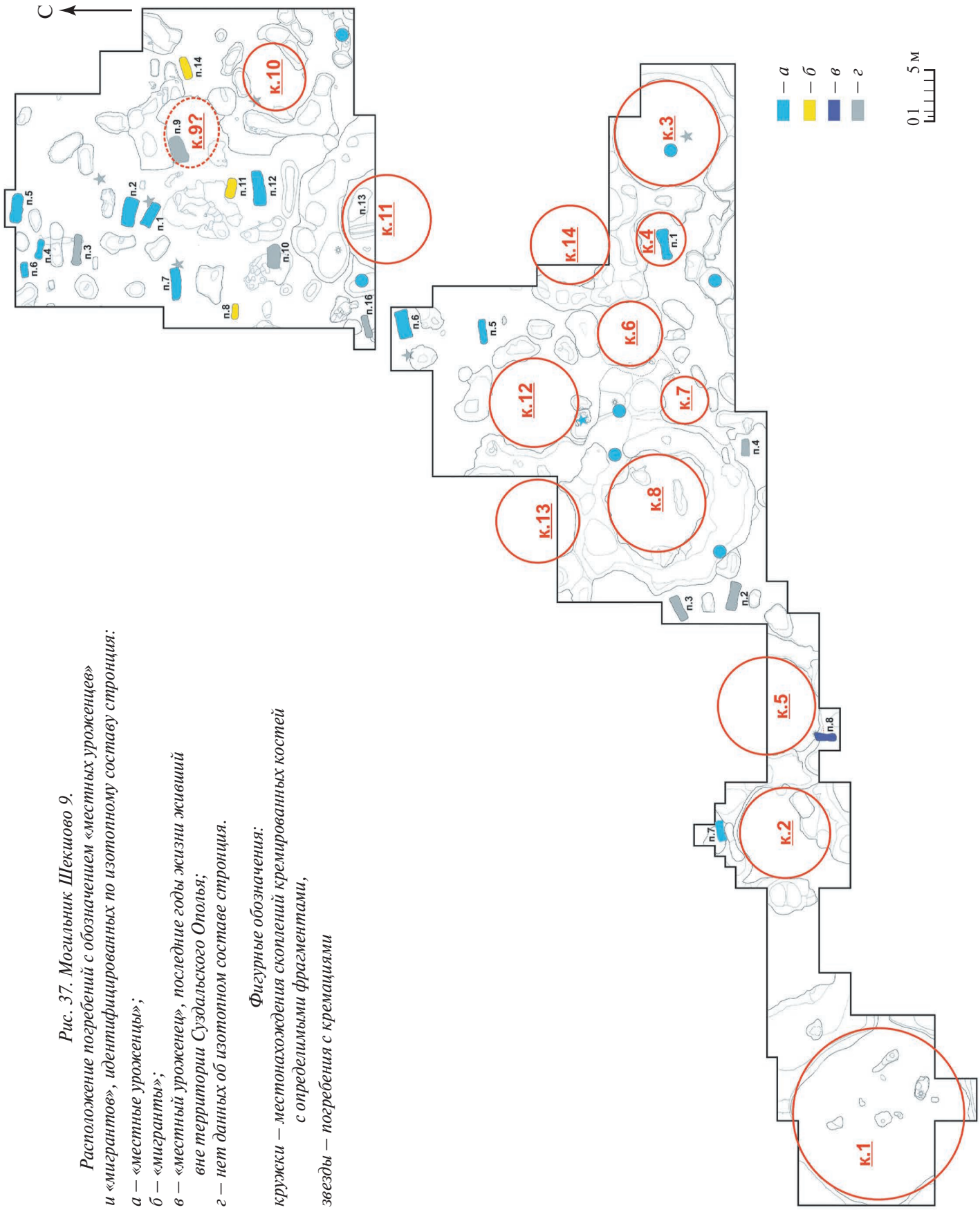


Рис. 37. Могильник Шекшово 9.
Расположение погребений с обозначением «местных уроженцев» и «мигрантов», идентифицированных по изотопному составу стронция:
а — «местные уроженцы»;
б — «мигранты»;
в — «местный уроженец», последние годы жизни живший вне территории Суздальского Ополья;
г — нет данных об изотопном составе стронция.

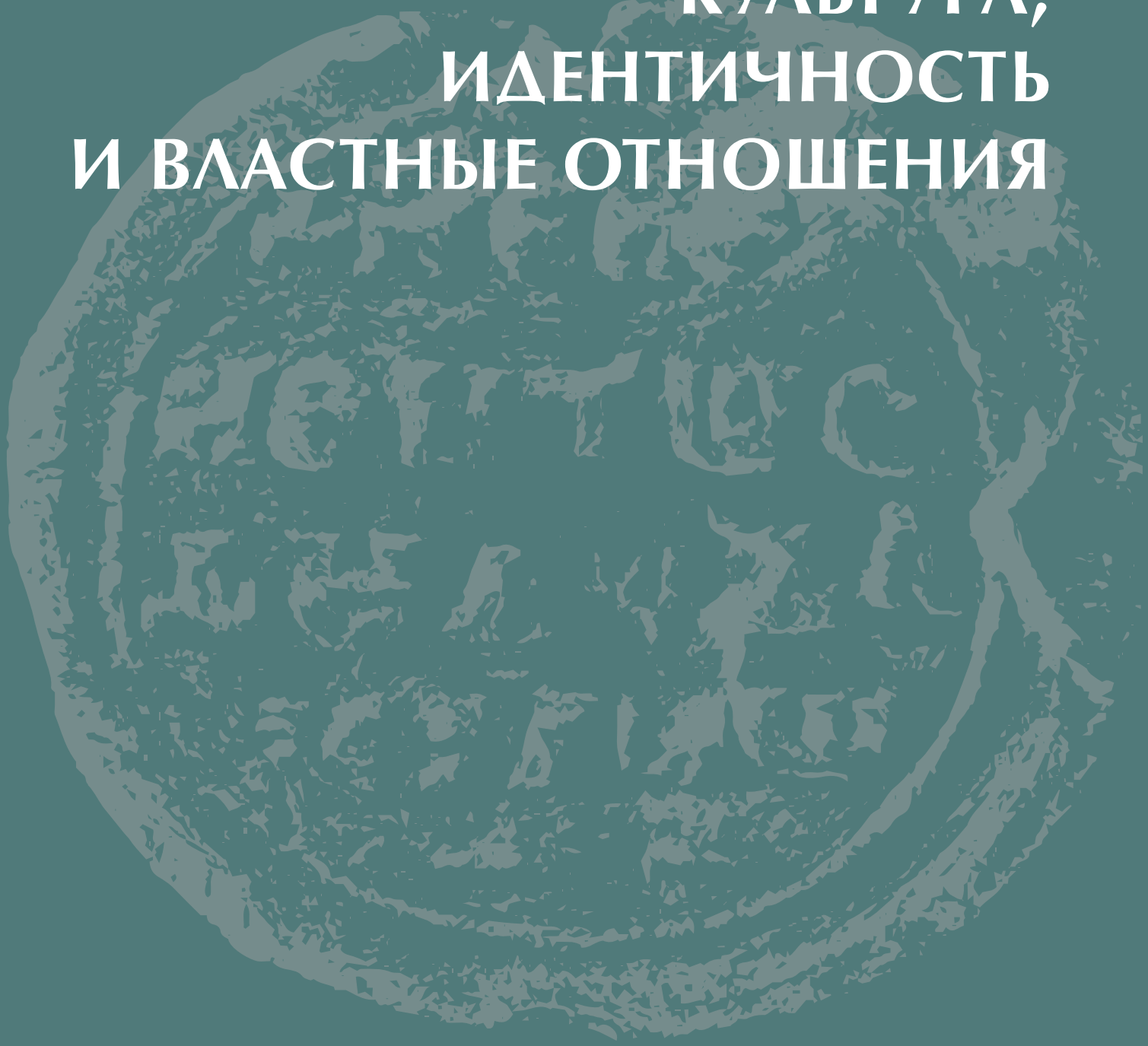
Фигурные обозначения:
кружки — местонахождения скоплений кремированных костей с определимыми фрагментами,
звезды — погребения с кремациями

Население упомянутых выше европейских раннесредневековых городских и административных центров в основном состояло из не так давно прибывших или, возможно, планировавших провести здесь лишь определенное время людей. Из самых общих представлений следует, что население, занимающееся земледелием и владеющее земельными наделами, гораздо более чем купцы или, например, дружинная аристократия, связано с территорией своего землевладения. Возможно, ситуация невысокой мобильности на фоне общего экономического и социального позитивного развития в Ополье отражает преобладание землевладельцев и земледельцев, успех которых зависел в первую очередь от эффективности обработки этих плодородных земель.

Погребение 8 (2017 г.) выделяется среди основной массы захоронений могильника Шекшово 9 обособленным расположением, необычными ориентировкой (южная) и положением рук (сложены на груди). Судя по наличию калачевидного кресала с язычком, погребение относится ко времени не позднее середины XII в., скорее всего – к первой его половине. Отношение 87Sr/86Sr в эмали клыка из него составляет 0,71194, то есть соответствует диапазону местных вариаций значений. Основываясь на этом показателе, данного индивида можно отнести к местным уроженцам. Однако значение 87Sr/86Sr в компакте его малой берцовой кости существенно ниже – 0,70989. Оно выходит за границы локальной изменчивости. Таким образом, можно предположить, что мужчина из погребения 8 родился в Суздальском Ополье, последние годы своей жизни прожил в других землях и незадолго перед кончиной вернулся на родину. Пока это единственный случай и без крупной серии сопоставительных данных все суждения преждевременны. Также важно отметить, что сохранность образцов костной ткани должна быть дополнительно подтверждена. Вероятно, наиболее сохранными будут участки самой плотной костной структуры в скелете человека – пирамиды височной кости. Интересно отметить, что 87Sr/86Sr эмали зуба девушки из погребения 14 и образца кости мужчины из погребения 8 очень схожи. Возможно, это следствие устойчивых демографических связей Суздальского Ополья с другими территориями. Таким образом, на настоящем уровне исследования мы можем лишь констатировать, что резкие эпизоды иммиграции связывают Суздальские земли с землями, значительно отличающимися друг от друга по изотопным показателям стронция.

Очерк независимых характеристик образа жизни людей, реконструируемых по данным исследований изотопного состава стронция, азота и углерода, дает нам возможность увидеть черты экономического и культурного своеобразия жизни в крупных сельских агломерациях Суздальского Ополья на примере Шекшово (Макаров, Федорина, 2015; Макаров, Федорина, Шполянский, 2018). Очевидно, система жизнеобеспечения такого центра базируется на местных природных и экономических ресурсах. Феномен крупных сельских поселений отражает яркое своеобразие исторической ситуации в Суздальском Ополье в конце X – начале XII в. Вероятно, привлечение данных об изотопных маркерах образа жизни человека также вносят свою независимую информацию в комплекс признаков, раскрывающих это своеобразие.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА, ИДЕНТИЧНОСТЬ И ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ



Фрагмент кольчуги. Селище Кистыш 3.
Вторая половина XII – XIII вв.

Н. А. Макаров, П. Г. Гайдуков

АКТОВЫЕ ПЕЧАТИ

Актовые печати – редкие находки на археологических памятниках центральных районов Ростово-Суздальской земли. В Суздале за всю историю его археологического изучения найдено лишь 4 печати (Седова, 1997, с. 86, 217, рис. 22; Баранов, А-2015, с. 545, рис. 40: *104*): во Владимире – 7 (Родина, 2007; Костылева, Уткин, 2007), в Ростове – 2, в Ярославле – 8 (Археология древнего Ярославля..., 2012, с. 257; Энговатова, Гайдуков, 2016). Основным источником новых сфрагистических поступлений в этом регионе остаются несанкционированные раскопки и сборы частных лиц. Зарегистрировано уже несколько десятков печатей, имеющих такое происхождение. Потенциал подобных находок как исторических источников в значительной степени обесценен отсутствием точных географических привязок и недокументированным археологическим контекстом. При обследовании селищ Ополья Суздальской экспедицией собраны четыре печати, одна булла была передана сотрудникам экспедиции находчиком сразу же после обнаружения, еще одна поступила от находчика в Новгородский музей-заповедник. Печати происходят с шести различных селищ, из различных районов Ополья, из ближайших окрестностей Суздаля и поселений, удаленных от городских центров. Эта небольшая серия находок, большая часть которых уже введена в научный оборот, представляет исключительный интерес для изучения социально-политической истории Северо-Восточной Руси.

1. Печать Дамиана (рис. 38: *1*). № 35Б–7 по Своду «Актовые печати Древней Руси».

Л. с. Четырехстрочная греческая надпись: +KЄRO|HΘHTѠC|ΔϑΛѠΔA|MIANѠ (K[ύρί]ε βοήθ[ε]ί τῶ σ[ω] δ[ο]υλω Δαμίανο – Господи, помоги рабу своему Дамиану); вокруг линейный ободок.

О. с. Поясные изображения святых Космы и Дамиана; над нимбами две буквы О (сокращение слова Ὁάγιος), по сторонам колончатые надписи: KOCM[A] (справа) и ДAMIAN (слева); вокруг линейно-точечный ободок.

Диаметр – 23,0–25,5 мм. Толщина – 2,0 мм. Место нахождения – Владимирская область, Суздальский район, д. Вышеславское, селище Вышеславское 3 (№ 30, из перемешанного распашкой культурного слоя конца XI – первой половины XIII в.); апрель 2018 г. Изд. – Макаров, Гайдуков, 2018.

Седьмой экземпляр печати, оттиснутой этой парой матриц. Печать датируется второй половиной XI – началом XII в.

В Своде древнерусских актовых печатей ранее была издана лишь одна печать с изображением Космы и Дамиана, оттиснутая той же матрицей. Она происходит с Новгородского (Рюрикова) городища (Янин, Гайдуков, 1998а, с. 120, № 66 а). Предположительно отнесена к Юрьевскому епископу Дамиану, современное место хранения печати неизвестно. Печать этих матриц находится в собрании Государственного Эрмитажа (приобретена как находка из Белоозера), она была введена в научный оборот В. И. Булгаковой как византийская булла (Bulgakova, 2004, S. 107–108, № 1.5.1a). Три буллы с изображением Космы и Дамиана находятся в частных коллекциях и документированы как грабительские находки 2006, 2010 и 2012 гг. (материалы сфрагистического архива П. Г. Гайдукова). Они происходят из Суздальского Ополья (Суздальский и Юрьев-Польский районы Владимирской области) и округи Плещеева озера (Переславский район Ярославской области). Еще одна такая печать из Касимовского района Рязанской области зарегистрирована в 2017 г. (Жуков, 2018, с. 199, № 2[1]).

Находка 2018 г. из Суздальской округи – единственная печать этого типа, полученная в результате легитимных археологических исследований, и единственная находка, контекст которой надежно документирован. Хотя достоверность определения пяти других булл Дамиана как находок из Северо-Восточной Руси не может быть строго доказана, представляется, что деятельность владельца печати была связана преимущественно с ростово-суздальскими землями.

Косвенным свидетельством этого можно считать находки на Северо-Востоке Руси круглых металлических образков с погрудным изображением парных святых, точно копировавших изображения святых на печати (см. главу настоящего издания «Христианская пластика: подвески-образки и змеевики», рис. 76) (Макаров, Зайцева, 2018, с. 119–121, рис. 2: *1, 2, 3*). На этих образках нет надписей, обозначающих имена святых, долгое время они идентифицировались как Петр и Павел (Седова, 1981, с. 62; Макаров, 1990, с. 73), однако на вновь найденных экземплярах, выделяющихся лучшим качеством отливки, отчетливо видно, что святые безбородые и не могут быть идентифицированы как первоапостолы. Сопоставление суздальской

[1] Здесь же опубликована печать из Юрьев-Польского района с указанием, что она происходит из Можайского района Московской области (см.: Жуков, 2018, с. 199, № 1).

Рис. 38. Печати, найденные на суздальских селищах:
1 – Вышеславское 3; 2 – Воронцово 1; 3 – Скомово 2;
4 – Мордыш 1; 5 – Михали 3; 6 – Григорово 2

печати с Космой и Дамианом с образками не оставляет сомнения в том, что иконки воспроизводят изображения на моливдовулах. Находки круглых иконок с изображением Космы и Дамиана происходят из различных областей Руси, от Среднего Поднепровья до Новгорода, однако более половины экземпляров (13 из 24) происходит с территории Северо-Восточной Руси. Несколько таких образков найдено в последние годы на селищах Суздальского Ополья (Макаров, Зайцева, 2018, с. 119–121).

Тип печати с греческой благопожелательной надписью на лицевой стороне и изображением святого патрона владельца на обороте хорошо известен в русской сфрагистике. Таким образом оформлялись буллы князей, начиная с печати Всеволода Ярославича (1054–1093). Печати с краткой легендой в четыре или в три строки, подобные суздальской, атрибутированы В. Л. Яниным как буллы князей, находившихся на столах во второй половине XI – начале XII в. (Янин, 1970, с. 14–33). В каталоге В. Л. Янина и П. Г. Гайдукова приведены данные о 10 типах подобных печатей, наиболее ранняя из них – печать Игоря Ярославича (1054–1060), наиболее поздние – печати Святополка Изяславича Киевского (1093–1113) (Янин, Гайдуков, 1998а, с. 24–25, 115–117, № 31а–39а). Греческие благопожелательные надписи помещались также на печатях церковных иерархов XI – начала XIII в., при этом на оборотной стороне моливдовулов епископов и митрополитов помещалось, как правило, изображение Богоматери как символа Церкви, но известны также печати с изображением святых патронов иерархов. Суздальскому моливдовулу типологически наиболее близки печати с краткой благопожелательной надписью и изображениями св. Иоанна Крестителя, атрибутированные как печати митрополита Феопемпта (1037 – ок. 1043) и св. Георгия (Янин, 1970, с. 174, № 41, 43), которые были определены как буллы митрополита Георгия (ок. 1068 – 1073) (Янин, 1970, с. 44–48; Янин, Гайдуков, 1998а, с. 27). Согласно предположению В. Л. Янина, некоторые печати византийского облика с краткими благопожелательными греческими надписями и изображениями святых на обороте могли принадлежать не самим князьям, а княжеским советникам (печатникам) (Янин, Гайдуков, 1998а, с. 25–26).

Учитывая особенности оформления буллы и общую датировку культурного слоя на поселении, печать Дамиана может быть датирована второй половиной XI – началом XII в. Князья с крестильным именем Дамиан неизвестны в летописях, рассказывающих о событиях XI–XII вв. Очевидно, обладатель печати – высокопоставленный представитель княжеской власти, в управлении которого могли находиться суздальские земли, советник князя или церковный иерарх. В истории Ростовской епархии и списке епископов, занимавших ростовскую кафедру, есть значительные пробелы, приходящиеся на конец XI – начало XII в., период между последним упоминанием в летописи епископа Исайи (1089) и первым упоминанием епископа Нестора (1147). Оформление буллы дает равную возможность для атрибуции ее как печати светского и духовного лица.

2. Печать новгородского епископа Илии (Иоанна) (рис. 38: *2*) (епископ: 1165 г.; архиепископ: 1165–1186). № 57а–7 по Своду «Актовые печати Древней Руси».

Л. с. Четырехстрочная надпись: +ІЛИЯ / ЕПСПЪНО / ВЪГОРДЬ / СКЫИ (Илия, епископ Новгородский); вокруг линейно-точечный ободок.

О. с. Изображение Богоматери «Знамение» в полный рост, по сторонам надпись под титлами: МР – Θυ; вокруг линейно-точечный ободок.

Диаметр – 21,0–22,0 мм. Толщина – 3,5–4,0 мм. Обратное соотношение осей! Место нахождения – Владимирская область, Суздальский район, д. Воронцово, селище Воронцово I, (№ 6, из перемешанного распашкой культурного слоя XII – первой половины XIII в.). Найдена В. А. Викторовым в октябре 2020 г.; передана находчиком в Суздальскую экспедицию ИА РАН в ноябре 2020 г.

Седьмой экземпляр печати, оттиснутой этой парой матриц. Печать принадлежала новгородскому владыке Илие до возведения его в сан архиепископа (1165 г.).

В период подготовки Свода древнерусских печатей были известны две буллы Ильи: епископская и архиепископская (Янин, 1970, с. 177, № 57, 58). К настоящему времени зарегистрировано уже 19 его печатей. На 11 буллах, оттиснутых тремя парами матриц, владыка Илия именуется епископом, еще на восьми (восходят к двум парам матриц) – архиепископом. Такое количественное соотношение удивляет, ведь в сане епископа Илия находился один год, а архиепископом был более 20 лет.

География находок печатей довольно широка. 11 булл связаны с Новгородской землей: 3 происходят из Новгородской области (1 – Новгород, 1 – Старая Русса), 4 – из Ленинградской (2 – Старая Ладога), 2 – из Псковской, 2 – из Тверской области (1 – Торжок). Пять печатей найдено во Владимирской области (3 епископские и 2 архиепископские), одна – на территории Украины (архиепископская), еще две печати не имеют сведений о месте находки (обе епископские).

Печать епископа Илии, обнаруженная на селище Воронцово 1, – седьмая из известных печатей, оттиснутых одной парой матриц. Отличительная особенность всех этих булл – обратное соотношение осей, когда изображение и надпись на лицевой и оборотной сторонах расположены под углом 180° по отношению друг к другу. На подавляющем большинстве древнерусских печатей это соотношение прямое, как на современных российских монетах.

Рис. 39. Печать с изображением св. Димитрия и благопожелательной надписью из-под Нежина. Зарегистрирована в 2016 г.

Первая печать этой пары матриц найдена в Новгороде на Троицком раскопе в 1997 г. (Янин, Гайдуков, 1998а, с. 341, 347, № 57а, рис. 9), вторая – в Старой Ладоге в 2006 г., при раскопках А. Н. Кирпичникова на Земляном городище (Кирпичников, Белецкий, 2006, с. 264–265, № 2, рис. 3: *2*). Еще четыре буллы епископа Илии находятся в частных коллекциях и документированы как грабительские находки 2004, 2012, 2016 и 2018 гг. (материалы сфрагистического архива П. Г. Гайдукова). Две из них происходят из Порховского района Псковской области, одна – из Волховского района Ленинградской области, одна – из Владимирской области.

Епископ Аркадий умер в 1163 г., Илья занял новгородскую епископскую кафедру через два года, после хиротонисания в Киеве 28 марта 1165 г. (Янин, 1970, с. 55; Мусин, 2016, с. 86–92). С Суздальской землей его связывает участие в защите Новгорода от похода суздальцев и их союзников в 1170 г., когда Илья вынес на городскую стену икону Знамение Богородицы, и участие в новгородском посольстве к Андрею Боголюбскому в 1172 г. (Янин, 2008, с. 63–66). Однако найденная на селище Воронцово печать, на которой Илья титулуется как епископ, скрепляла документ более раннего времени – 1165 г. Находка печати Леонтия в Новгороде (Янин, Гайдуков, 1998а, с. 120, № 62а) может указывать на то, что вопросы восстановления церковного управления Ростово-Суздальской землей после острого конфликта между Леонтием и Андреем Боголюбским решались не без участия архиереев из других епархий (Назаренко, 2013, с. 29–30). В. Л. Янин полагал, что пожалование архиепископского титула Илье и Леонтию было взаимообусловленым актом (Янин, Гайдуков, 1998а, с. 34–36).

3. Печать Димитрия (рис. 38: *3*). № 121зА по Своду «Актовые печати Древней Руси».

Л. с. Четырехстрочная надпись: ГИПО / МОЗИРА / БУСВОЕМ / УДЪМТ / РИЮ (Господи, помоги рабу своему Димитрию); вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Димитрия Солунского в полный рост, с копьем в правой руке и со щитом в левой; по сторонам неразборчивые колончатые надписи; вокруг точечный ободок.

Диаметр – 19,5–20,5 мм. Толщина – 3,5–5,0 мм. Место нахождения – Ивановская область, Гаврилово-Посадский район, с. Скомово, селище Скомово 2 (№ 11, из перемешанного распашкой культурного слоя конца XI – первой половины XIII в.); август 2009 г.

Печать оттиснута неизвестной ранее парой матриц. Тип печати с русской благопожелательной надписью на лицевой стороне и изображением святого патрона владельца обычен для русской сфрагистики второй половины XI – начала XII в., большинство печатей этого типа атрибутированы как княжеские (Янин, 1970, с. 67–71).

Известны 4 подобные печати, оттиснутые другой парой матриц (№ 121з по Своду). Одна из них обнаружена в 1984 г. в Броварском районе Киевской области (Брайчевский, Шумаков, 1988, с. 76–77, рис. 1, 2; Янин, Гайдуков, 1998б, с. 127, № 121з), вторая – в Черниговской области (Ярошевский, Боркевич, 2019, с. 132, № 10, табл. 7: *6*). Еще две буллы находятся в частных коллекциях и документированы как грабительские находки 2002 и 2016 гг. (материалы сфрагистического архива П. Г. Гайдукова). Первая происходит из Каширского района Московской области, вторая – из окрестностей г. Нежина Черниговской области (рис. 39).

Рис. 40. Изображение печати Икелия, найденной в селе Крылос (древнерусский Галич)

Публикуемую печать с изображением св. Димитрия в рост и благопожелательной надписью можно датировать последней четвертью XI – началом XII в. Она принадлежала неизвестному князю, для персональной атрибуции владельца нет данных. Судя по местам находок подобных печатей, можно заключить, что его деятельность осуществлялась не только в Северо-Восточной, но и в Южной Руси.

4. Печать князя Михалки Юрьевича (ок. 1145/1153–1176) (рис. 38: *4*). № 231аа–3 по Своду «Актовые печати Древней Руси».

Л. с. Изображение архангела Михаила в полный рост, с жезлом и сферой в руках; справа, под крылом, колончатая надпись: МІХАІЛ; вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Георгия в полный рост с копьем и щитом в руках; слева колончатая надпись: ГЕОРГІО; вокруг точечный ободок.

Диаметр – 23,0–27,0 мм. Толщина – 2,0–2,5 мм. Место нахождения – Владимирская область, Суздальский район, д. Мордыш, селище Мордыш 1 (№ 11, из перемешанного распашкой культурного слоя XII – первой пол. XIII в.); апрель 2012 г. Изд. – Макаров, Гайдуков, 2013.

Четвертый экземпляр печати, оттиснутой этой парой матриц. Печать принадлежала князю Михалке Юрьевичу, вероятно, великокняжеского периода (1174–1176).

Печати с изображением архангела Михаила и св. Георгия, оттиснутые теми же матрицами, что и публикуемая булла, ранее были обнаружены на Новгородском городище в начале 1990-х гг. и на селище Могутово 2 в Щелковском районе Московской области в 2001 г. (Янин, Гайдуков, 2000, с. 295, 296, 311, № 231аа, табл. III, 23; 2002, с. 164, № 231аа-2; Чернов, 2003, с. 14 (№ 11), 27, табл. 4, 11), однако их персональная атрибуция была установлена лишь после находки на селище Мордыш в 2012 г.

Еще одна булла описанных матриц документирована как грабительская находка во Владимирской области в 2014 г. Следует отметить, что зарегистрированы еще шесть печатей от двух других близких по оформлению пар матриц (№ 231аб и 231ав по Своду). Две из них происходят из Гаврилово-Посадского района Ивановской области, одна из с. Пировы Городищи Вязниковского района и одна из Юрьев-Польского района Владимирской области (материалы сфрагистического архива П. Г. Гайдукова).

В числе князей, занимавших столы в Ростово-Суздальской земле в XII–XIII вв., известен лишь один, на печати которого можно было бы ожидать подобное сочетание патрональных святых, соответствующих крестильным именам владельца печати и его отца. Это Михалко Юрьевич, младший брат Андрея Боголюбского, приглашенный владимирцами на княжение после смерти Андрея, изгнанный из Владимира в 1175 г. своими племянниками, Мстиславом и Ярополком Ростиславичами, при поддержке ростовцев и вновь вернувший себе владимирское княжение летом 1175 г. (Насонов, 1969, с. 161–162; Кучкин, 1984, с. 93). События, связанные с вокняжением Михалки во Владимире, – один из острых моментов борьбы за власть в Ростово-Суздальской земле, в которую оказались вовлечены различные княжеские группировки, местное боярство и «старейшие» и «младшие» города (Ключевский, 1911, с. 403–410; Пресняков, 1993, с. 125–129; Насонов, 1969, с. 158–167; Воронин, 1961, с. 345, 346; Свердлов, 2003, с. 623–627; Флоря, 2012, с. 44, 45). Короткое княжение Михалки во Владимире (он умер в июне 1176 г.)

насыщено активной деятельностью по урегулированию кризиса, последовавшего после смерти Андрея Боголюбского в период безвластия и правления в Ростовской земле Ростиславичей. В Суздале и Ростове он принял крестное целование горожан и «сотвори людем всем наряд». Переяславский стол был отдан Всеволоду Юрьевичу. Ростовцы, выступавшие как главные сторонники Ростиславичей, передали Михалке «многы дары». Из Рязани во Владимир были возвращены книги и церковная утварь «до золотника», изъятые из Успенского собора Мстиславом и Ярополком и переданные рязанскому князю Глебу. Логично предположить, что печать скрепляла один из документов, вышедших из княжеской канцелярии в этот период в связи с восстановлением управления ростово-суздальскими землями.

5. Печать неизвестной княгини (рис. 38: *5*). № 238ббА по Своду «Актовые печати Древней Руси».

Л. с. Изображение святой мученицы в полный рост, с крестом? в руке; справа колончатая надпись: АГІА (святая), надпись слева неразборчива; вокруг линейный ободок.

О. с. Изображение святого всадника вправо, возможно, св. Георгия; вокруг линейный ободок.

Диаметр – 23,0–25,0 мм. Толщина – 2,0–3,0 мм. Место нахождения – Владимирская область, Суздальский район, с. Михали, селище Михали 4 (№ 144, из перемешанного распашкой культурного слоя второй половины XI – первой половины XV в.); сентябрь 2016 г.

Печать оттиснута неизвестной ранее парой матриц. Тип печати с патрональными изображениями двух святых и ее стилистические признаки соответствуют кругу булл XII – первой половины XIII в. (Янин, 1970, с. 87–91). Судя по изображению святой мученицы, печать принадлежала какой-то княгине, возможно, одной из дочерей Юрия Владимировича Долгорукого (1090-е гг. – 1157).

6. Византийская печать переводчика Икелия. (рис. 38: *6*)

Л. с. Погрудное изображение Богоматери в мафории, держащей перед собой младенца Христа, по сторонам титлы: [МР] – ѲѴ, а также колончатая надпись: Богом хранимая; вокруг ободок из слившихся точек.

О. с. Пятистрочная надпись: +ѲКЄРѲ|ТѠСѠДѹ|ЛѹІКЄЛН.|ЄРМНЄ|ѴТН (Ѳ[εοτό]κε βο[ήθει] τῶ σῶ δούλου Ἰκελή[ω] ἑρμηνευτή – Богородица, помоги своему рабу Икелию, переводчику); вокруг ободок из слившихся точек.

Диаметр – 15,0–17,0 мм. Толщина – 3,3 мм. Место нахождения – Владимирская область, Юрьев-Польский район, с. Григорово, селище Григорово 2 (в 1,5 км к ЮЗЗ от села), найдена О. Д. Голубевым в мае 2016 г., передана находчиком в ИА РАН в октябре 2016 г. Хранится в НГОМЗ. Изд. – Чхаидзе, 2017.

Второй экземпляр печати, оттиснутой этой парой матриц. Такая же печать зарегистрирована в 2017 г. в древнерусском Галиче (Украина, Ивано-Франковская область, Галичский район, с. Крылос). Печать принадлежала переводчику Икелию (рис. 40).

В публикации В. Н. Чхаидзе приведены данные о 13 печатях византийских переводчиков VIII–XIII вв. (Чхаидзе, 2017, с. 124–128), две буллы Икелия, дополняющие этот список, – первые находки печатей переводчиков, происходящие с территории Руси. По типу оформления и стилистике автор публикации датировал буллу второй половиной XI в. Эта датировка не в полной мере согласуется с датировкой селища Григорово 2, на котором собраны керамика и вещевые находки XII–XIII вв.

Есть все основания полагать, что собранные в результате археологических обследований Ополья моливдовулы, – небольшая часть актовых печатей, еще недавно находившихся в культурном слое суздальских селищ. Основная часть сфрагистических материалов была изъята из средневековых напластований в результате несанкционированных раскопок до начала легитимных археологических работ на средневековых поселениях. Все шесть печатей относятся к домонгольскому времени. Все они найдены на селищах, не выделяющихся по своему внешнему облику и месту в локальных поселенческих структурах от основной массы памятников XII – первой половины XIII в. Печати происходят из культурного слоя поселений, находящихся (за единственным исключением – Мордыш) в глубине овражных систем. Площадь этих селищ варьирует от 0,8 до 7,8 га, в трех случаях она не превышала 3 га. Все печати представляют собой одиночные находки. В состав коллекций, собранных на всех шести памятниках, входили христианские предметы со сложной символикой (энколпионы и металлические образки), на трех найдены колты и их фрагменты, на двух – стили для письма.

Находка печати Дамиана открывает новое имя в ранней истории Северо-Восточной Руси. Хотя место Дамиана во властной иерархии и обстоятельства его присутствия в Ростово-Суздальской земле не могут быть точно установлены, очевидно, что он не был статистом в историческом действии. Находка печати Михалки Юрьевича логично связывается с политическими событиями 1175–1176 гг., призванием Михалки на Владимирское княжение и обустройством Ростово-Суздальской земли под его управлением. Исторические обстоятельства появления документа, скрепленного печатью Икелия, на одном из поселений в глубине Ополья не могут быть прояснены, но само присутствие здесь буллы византийского переводчика, связанной со сферой дипломатии и церковного управления, – яркое и неожиданное свидетельство контактов с Византией, воздействие которых распространялось далеко за пределы стольных городов.

А. А. Гомзин

КУФИЧЕСКИЕ МОНЕТЫ[1]

На территории европейской части современной России наблюдается несколько скоплений обнаруженных кладов восточного монетного серебра, сформировавшихся в конце VIII – XI в. Эти комплексы дополняются большим количеством находок одиночных серебряных дирхамов. Указанные нумизматические материалы являются ценным источником для изучения практики использования монетного серебра и торгово-экономических связей Древней Руси и соседствовавших с ней земель с государственными образованиями мусульманского Востока при посредничестве Хазарского каганата и Волжской Булгарии.

Одно из скоплений подобных кладов зафиксировано в районе оз. Неро и прилегающего к нему участка течения Волги. Здесь обнаружено не менее шести комплексов, сложившихся за период 810–860-х гг.: Угодичевский, Сарские, Угличский и Тимерёвские (Добровольский, Дубов, Седых, 1996, с. 184–187; Кулешов, 2012, с. 387–389, № 19, 23, 32, 35, 61, 68; Леонтьев, 1996, с. 156–157; Марков, 1910, с. 54–55, № 313, 314; Седых, 2007, с. 238–243; Уваров, 1871, с. 665, 752, 830). Сюда же тяготеет крупный клад начала 840-х гг. с городища Выжегша, расположенного на западной окраине Суздальского Ополья (Фомин, 1988)[2]. Этот регион наряду с соседствующими с ним районами озер Плещеево и Неро сыграл важную роль в формировании исторического ядра Северо-Восточной Руси (Леонтьев, 2012, с. 163; Макаров, 2012б, с. 195; Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 48).

Начиная с 870-х гг., ситуация с кладами монетного серебра здесь существенно меняется. В течение длительного времени их просто неизвестно. Лишь к последней четверти X в. относится клад саманидских дирхамов, обнаруженный на поселении Усть-Шексна, расположенном при впадении р. Шексны в Волгу на крайнем северо-востоке рассматриваемого региона (Молчанов, Рыкунова, Рыкунов, 2008, с. 316–318).

В кургане № 100 Тимерёвского археологического комплекса в кожаном кошельке был найден небольшой клад из шести целых и одной половинки саманидских дирхамов Мансура б. Нуха, чеканенных в Самарканде и Шаше в 352–366 гг. х. (963–976 гг.) (Добровольский, Дубов, Седых, 1996, с. 178–179; Зозуля, 2017, с. 82; Недошивина, Зозуля, 2012, с. 184; Седых, 2007, с. 234–235).

На территории Суздальского Ополья рубежом X–XI вв. датируется комплекс, найденный в 1852 г. в одном из курганов у р. Кестры в окрестностях с. Весь[3]. Он состоял из 21 куфической монеты, чешского и вендского денариев, помещавшихся в истлевшем холстяном мешочке[4].

К XI в. относятся клад дирхамов и западноевропейских монет из окрестностей Владимира[5] и монетно-вещевой комплекс 1836 г., обнаруженный между г. Ростовом и д. Новоселкой в районе северной оконечности оз. Неро[6].

---

[1] Предварительная публикация: Макаров Н. А., Гайдуков П. Г., Гомзин А. А. Серебро на селищах: монеты и торговый инвентарь IX–XI вв. в Суздальском Ополье // РА. 2016. № 4. С. 48–74.

[2] Имеются сведения о синхронном комплексе, обнаруженном кладоискателями на этом же поселении в 1997–1998 гг. (Калинин, Петров, 2000, с. 187–199). Еще один относительно недалеко расположенный клад первой четверти IX в., возможно, был найден не позднее 1821 г. около Владимира, однако надежно установить факт его существования по имеющимся сведениям не получается (Гомзин, 2013, с. 43–44).

[3] Выражаем искреннюю признательность П. Г. Гайдукову и Е. М. Ушанкову за оказанные консультации по английским и чешским денариям; С. С. Зозуле – по монетам Тимерёвского археологического комплекса.

[4] Саманиды: Исма‘ил б. Ахмад – 2, Мансур б. Нух – 2, Нух б. Мансур – 10, не определены – 2; Бувайхиды: Рукн ад-даула Абу ‘Али – 2, ‘Адуд ад-даула Абу Шуджа’ – 1; Чехия: Болеслав II (967–999 гг.) – 1; вендка – 1 экз. Места чеканки саманидских монет традиционны для комплексов этого времени – Бухара, Самарканд, аш-Шаш; для дирхамов Бувайхидов они не указаны (Марков, 1910, с. 54, № 310, здесь к кладу примешаны одиночные монеты; Савельев, 1855, с. 410, 411, № 7, 8, 10, 11, 15; Уваров, 1871, с. 669, 752–754, 831, № 17, 34, 56, 57, 60, 61, 66, 67, 69(?), 71).

[5] Найден не позднее 1821 г. Умайяды и Аббасиды: 80–203 гг. х. (места чеканки: ал-‘Аббасийа, Арминийа, Васит, Димашк, ал-Куфа, Мадинат ас-Салам, ал-Мухаммадийа); Тахириды: Самарканд, 208 г. х.; Саманиды: 293–366 гг. х. (места чеканки: Андараба, Бадахшан, Балх, Бухара, Самарканд, аш-Шаш); Бувайхиды: 349–370 гг. х. (места чеканки: Джурджан, Шираз); Зийариды: 364–368 гг. х.; Германия: Оттон II (973–983 гг.), Оттон III (983–1002 гг.), Генрих II (1002–1024 гг.) (Гомзин, 2013, с. 207, № 1, там же библиография).

[6] Количество монет в кладе отличается по разным публикациям. Как минимум речь идет об одном саманидском дирхаме с ушком Нуха б. Мансура, выпущенном в Шаше в 372 или 375 г. х. Упоминаются два подражания Саманидам с ушками, чеканенные волжскими булгарами. Судя по тому, что они названы вдвое большими, чем обычные куфические монеты, в них нужно видеть не волжскобулгарскую продукцию, а так называемые большие дирхамы (дирхамы с широким полем) или подражания им, которые начали выпускаться в 970-е гг. (Григорьев, 1844, с. 140–141, № 80; Марков, 1910, с. 53, № 306; Тизенгаузен, 1853, с. 49–50, № 7; Уваров, 1871, с. 660; Френ, 1842, с. 67–69, № 7).

Собственно, список кладов региона этим и заканчивается[7].

Здесь же на ряде поселений и могильников зафиксировано заметное количество находок одиночных куфических монет. В Суздальском Ополье в настоящее время эта выборка насчитывает не менее 90 экземпляров, происходящих с 12 селищ и трех могильников[8] (рис. 41). Селища: Васильково 1 – 2, Весь 1 – 1, Весь 5 – 13, Гнездилово 2 – 7, Гнездилово 7 – 1, Кибол 7 – 1, Ратницкое 4 – 2, Тарбаево 5 – 3, Тарбаево 6 – 1, Тарбаево 8 – 1, Шекшово 2 – 10, Яновец 1 – 1 экз. Могильники: Васильково 4 – 1, Сунгирский – 6, Шекшово 9 – 40 экз. В ходе раскопок А. С. Уварова куфические монеты найдены также в погребениях могильников из окрестностей сел Кубаево, Ненашевское и Шельбово (Шелебово) (Уваров, 1871, с. 671, 752–754, 833, 837, № 16, 27, 29, 31, 36, 37, 40, 41, 45, 48, 59, 60, 62, 63, 65, 68).

Среди определяемых хронологически дирхамов старший относится к аббасидскому чекану: ал-Мансур, ал-Мухаммадийа, 155 г. х. (список монет, № 18); младший – к эмиссиям Марванидов: Мумаххид ад-даула Абу Мансур, 390-е гг. х. (список монет, № 2). Из раскопок А. С. Уварова младшими можно считать два экземпляра из окрестностей с. Шельбово: Укайлиды, Хусам ад-даула, 390 г. х.[9] (999/1000 г.) и Бувайхиды, Баха' ад-даула, 379–403 гг. х. (989–1012 гг.) (Уваров, 1871, с. 671, 754, № 63, 68). Династическое распределение выборки из Ополья: Аббасиды – 8, Саманиды – 34 (из них 3 под вопросом), Саманиды или подражания Саманидам – 1, Симджуриды – 2, Бувайхиды – 4, Бувайхиды или Зийариды – 1, Марваниды – 1, волжские булгары – 3, подражания дирхамам – 11, монетовидные привески – 1, неопределенные – не менее 24 экз.

Большое количество неопределенных монет связано с их сохранностью. Как правило, это мелкие фрагменты дирхамов, не поддающиеся атрибуции. Некоторые из них по типологическим и палеографическим особенностям можно отнести к одному-двум столетиям в рамках периода второй половины VIII–X в.

Материалы А. С. Уварова дополняют список монет из Ополья следующей статистикой: Аббасиды – 1, Саманиды – не менее 30, Бувайхиды – не менее 5, Зийариды – 1, Ка'усиды Табаристана – 1, Укайлиды – 1, волжские булгары – 1, подражания Саманидам – не менее 1, неопределенные – не менее 2 экз.[10]

В обеих выборках совершенно отсутствуют дирхамы Умайадов. Число аббасидских монет невелико, при этом представлены они преимущественно экземплярами второй половины VIII – IX в. Три дирхама обнаружены на селище Весь 5 (список монет, № 5–7); еще два – на поселении Гнездилово 2 (список монет, № 18, 19); по одному – на селищах Гнездилово 7, Шекшово 2 и могильнике Шекшово 9 (список монет, № 25, 40, 50)[11].

Наибольшее количество находок в Ополье относится к саманидским эмиссиям, они встречены на восьми селищах и двух могильниках. Распределение дирхамов по правлениям амиров выглядит следующим образом: Исма'ил б. Ахмад – 2, Ахмад б. Исма'ил – 3, Наср б. Ахмад – 7, Нух б. Наср – 5, Нух б. Наср или 'Абд ал-Малик б. Нух – 1, 'Абд ал-Малик б. Нух – 4, Мансур б. Нух – 6, Нух б. Мансур – 1 экз. Номенклатура мест чеканки: Андараба – 3, Балх – 3, Бухара – 5, Ма'дан – 1, Нисабур – 1, Самарканд – 8, аш-Шаш – 6 экз.

Как видно, оба распределения, по эмитентам и географическое, выглядят достаточно нивелированными, ни один из параметров заметно не выделяется, даже дирхамы Насра б. Ахмада, которые в целом ряде регионов Древней Руси и сопредельных землях численно доминировали среди находок одиночных монет. В материалах А. С. Уварова дирхамы Насра количественно даже уступают монетам Мансура б. Нуха и Нуха б. Мансура, что, видимо, объясняется степенью изученности выборки.

---

[7] Встречаемые иногда в литературе сведения о кладе дирхамов из окрестностей с. Шельбова при проверке не соответствуют действительности (см., например: Марков, 1910, с. 53–54, № 309). На самом деле речь идет об одиночных монетах (Уваров, 1871, с. 671, 753, 754).

[8] Данные приведены без учета материалов раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева 1851–1854 гг., которые требуют дополнительного источниковедческого изучения вследствие депаспортизации комплексов и путанности опубликованных сведений. Далеко не все дирхамы из работы А. С. Уварова 1871 г. «Меряне и их быт по курганным раскопкам», где опубликованы результаты этих работ, возможно в полной мере идентифицировать. Особенно это касается мест и годов чеканки, первые из которых зачастую просто опущены, а вторые указаны по европейскому летоисчислению, так что их обратный перевод в годы хиджры вариативен. Ситуацию осложняет целый ряд допущенных ошибок в датировках, которые противоречат хронологии правления указанных для тех же монет эмитентов. Пока возможно лишь ограниченное использование этих материалов.

[9] Год чеканки был указан как 990 г., что слишком рано для упоминания этого амира на дирхамах. Подобные несоответствия в тексте наблюдаются еще для монет Саманида Нуха б. Мансура и Бувайхида Фахра ад-даули. Следует, видимо, полагать, что при этом были перепутаны системы летоисчисления и тройку в числе сотен года хиджры приняли за девятку. Во всяком случае, восстановление реальных дат при подобном механизме ошибок не противоречит типологии указанных дирхамов.

[10] Неопределенных монет значительно больше, однако, как правило, толком непонятно, где именно они были найдены.

[11] Из окрестностей с. Шельбова происходит аббасидский дирхам ал-Муттаки ли-ллаха с упоминанием хамданидского амира ал-умара Насир ад-даула Абу Мухаммада, чеканенный в ал-Маусиле в 330 г. х. (941/942 г.) (Уваров, 1871, с. 671, 753, № 31). Более ранних аббасидских монет в выборке А. С. Уварова не значится.

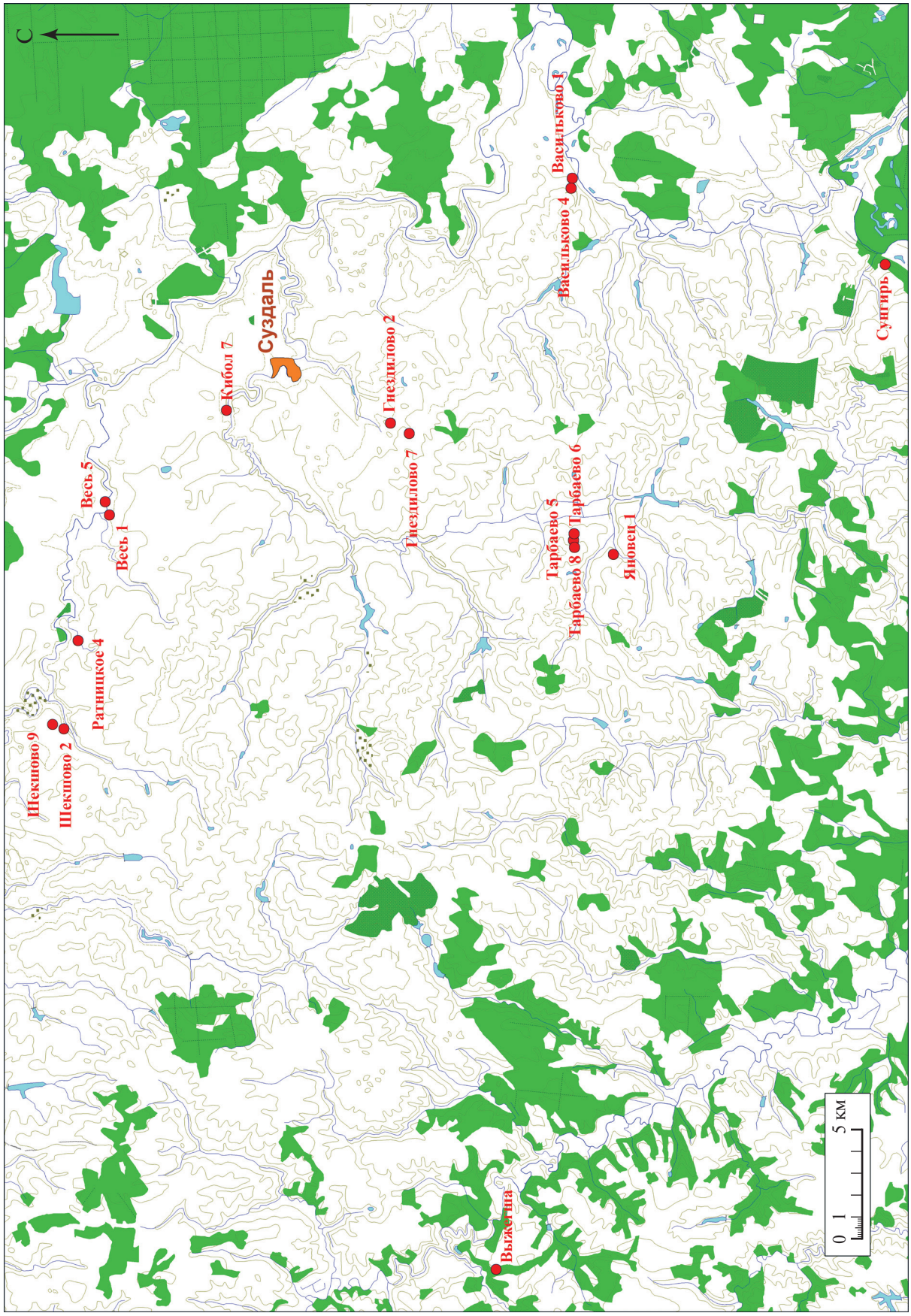


Рис. 41. Археологические памятники Суздальского Ополья с находками куфических монет

Номенклатура мест чеканки типична для саманидских дирхамов. Здесь характерно преобладание монет Самарканда и Шаша, но оно крайне незначительное. Пока сложно понять, обусловлено ли данное обстоятельство объемом выборки или на ее формирование повлияли хронологические особенности поступления монетного металла в регион.

Вторую по численности группу составляют подражания дирхамам. Среди них один экземпляр имитирует аббасидские монеты (список монет, № 10), семь – саманидские (список монет, № 11, 12, 28, 72–75), еще три не имеют конкретного прототипа, либо он не устанавливается из-за сохранности (список монет, № 31, 76, 77)[12].

Здесь, в первую очередь, стоит обратить внимание на экземпляр с селища Ратницкое 4 (список монет, № 28). Подражание отчеканено хорошо исполненными штемпелями и снабжено дополнительным полем с символическими элементами, которого не было на прототипе. Учитывая наличие отверстий, в том числе от заклепки ушка на 12 часов с оборотной стороны, нельзя исключать, что оно предназначалось не для обращения, а именно для ношения и имело какую-то особую смысловую нагрузку. Аналогий рассматриваемому экземпляру нам пока неизвестно, что только подчеркивает его редкость и специфичность. По характеру оформления, видимо, его можно ставить в один ряд с подражаниями с птицей и косым крестом (Rispling, 1987).

Заслуживают упоминания и два брактеата-подражания оборотной стороне саманидского дирхама Насра б. Ахмада из раскопок погребения 6 могильника Шекшово 9 (список монет, № 73, 74).

Однотипные либо же одноштемпельные им имитации, вторая сторона которых другого типа, но тоже копирует о. с. дирхамов Насра, известны из несанкционированных сборов в окрестностях с. Ляхи Меленковского района Владимирской области. Кроме того, однотипное, очень близкое по штемпелю о. с. подражание, лицевая сторона которого имитирует л. с. дирхамов Андарабы с именем саманидского наместника Хорасана Ахмада б. Сахла (303–307 гг. х. / 915–920 гг.), было опубликовано Г. Рисплингом (Rispling, 1987, p. 76, fig. 1G). Из сборов на территории могильника происходит еще одно одноштемпельное брактеатам из погребения 6 подражание; его л. с. из-за сохранности неясна (список монет, № 75).

Монеты Бувайхидов найдены на селищах Весь 5, Гнездилово 2, могильниках Васильково 4 и Сунгирском (список монет, № 3, 9, 23, 30). Они представлены экземплярами, выпущенными во второй половине 960–970-х гг. Любопытно, что пока их неизвестно в могильнике Шекшово 9, где обнаружено больше всего монет в Ополье. Отсюда происходит лишь один мелкий обломок вариативной атрибуции (список монет, № 70)[13].

Дирхамов волжских булгар всего три: с селищ Гнездилово 2, Тарбаево 5 и могильника Шекшово 9 (список монет, № 24, 35, 71). Только один из них целый, с ушком для подвешивания[14]. Два других представлены фрагментами и датированы лишь временными интервалами. При этом пока совершенно не зафиксировано монет с именами ал-амира Бармана (ал-амир Йалтавар), ʻАбд Аллаха б. Микаила и более поздних хронологически эмитентов.

В целом распределение куфических монет по памятникам Суздальского Ополья неравномерно. Как правило, оно варьирует от одного до семи экземпляров. Количественно выделяются лишь селище Весь 5 (13 монет) и Шекшовский комплекс (10 экз. на поселении Шекшово 2 и 40 из могильника Шекшово 9).

Весь 5 обладает достаточно любопытной выборкой. Как уже отмечалось, здесь обнаружено три аббасидских дирхама IX в., больше всего в Ополье. Один из них целый, и два представлены фрагментами в 1/2 и 1/4, все без следов вторичного использования в качестве нашивок или привесок. При этом из саманидских монет, которые доминируют в рассматриваемом регионе, тут всего лишь один мелкий обломок X в.[15] В то же время из трех подражаний, аналогично представленных фрагментами, два имитируют дирхамы Саманидов.

Распределение монет с селища Шекшово 2: Аббасиды – 1, Саманиды – 7, Симджуриды – 1, неопределенные X в. – 1 экз. Из могильника Шекшово 9:

[12] В 1986 г. в Суздале при работах М. В. Седовой на раскопе Кр-V найдено обрезанное по кругу подражание дирхаму Насра б. Ахмада (Фёдоров-Давыдов, 2001, с. 90, № 6).

[13] В материалах А. С. Уварова известен один бувайхидский дирхам с лакабом Рукн ад-даула Абу ʻАли из Шекшова. Еще одна монета с упоминанием этого же эмитента происходит из окрестностей с. Весь. Наиболее поздняя хронологически подборка из трех бувайхидских дирхамов отмечена у с. Шельбово. Они отчеканены при амирах ʻАдуд ад-дауле, 979 г., Фахр ад-дауле, 381(?) г. х. (991/992(?) г.) и Баха' ад-дауле (Уваров, 1871, с. 670, 671, 752–754, 831, 833, № 34, 52, 60, 62, 63).

[14] Еще один дирхам волжских булгар с ушком (Талиб б. Ахмад, Сувар, 338 г. х.) был найден в 1851 г. у с. Васильково (Уваров, 1871, с. 672, 753, 830, № 33).

[15] В книге «Русь в IX–X веках: археологическая панорама» помещено фото предметов из раскопок А. С. Уварова 1851 г. курганной группы у с. Весь. Согласно подписи, в числе прочего на нем присутствуют две подвески из куфических монет и одна из западноевропейской. У дирхамов сфотографированы оборотные стороны, по которым ясно, что они отчеканены при Саманиде Нухе б. Насре. Один из них с отверстием с обломанным краем. Второй обрезан по кругу и имеет частично сохранившееся ушко, прикрепленное заклепкой. Западноевропейской монеты на фото нет. Вместо нее показана о. с. дирхама без следов привешивания. Он отчеканен при правителе волжских булгар ʻАбд Аллахе б. Микаиле и несет на себе предметное граффито в виде лука со стрелой (Макаров, 2012б, с. 194). Ни одна из указанных монет в публикации А. С. Уварова среди экземпляров из окрестностей с. Весь не упоминается.

Аббасиды – 1, Саманиды – 17 (из них 3 под вопросом), Саманиды или подражание Саманидам – 1, Симджуриды – 1, Бувайхиды или Зийариды – 1, волжские булгары – 1, подражания Саманидам – 4, подражания дирхамам – 2, неопределенные IX в. – 1, неопределенные X в. – не менее 5, неопределенные IX–X вв. – 4, неопределенные – 2 экз.

Обращает на себя внимание достаточно близкая корреляция выборок с селища и могильника, даже по такой «поздней» хронологически позиции, как дирхамы Симджуридов, что дает возможность, несмотря на имеющиеся различия, полагать единство их происхождения. Те монеты, которыми пользовались жители поселения, попадали и на территорию могильника.

Среди материалов А. С. Уварова дополнительно стоит обратить внимание на подборку дирхамов из окрестностей с. Шельбово, некоторые из которых остаются пока единственно известными для всего Ополья. Отсюда происходят: один аббасидский дирхам с упоминанием хамданидского амира ал-умара (см. выше); не менее двух саманидских монет Насра б. Ахмада; по одной – Нуха б. Насра и ʻАбд ал-Малика б. Нуха (выпущена в Бухаре); 3 – Мансура б. Нуха, чеканенных соответственно в Бухаре, Самарканде и Шаше, и еще какое-то число экземпляров с неустановленными выпускными сведениями; 7 – Нуха б. Мансура, из которых два выпущены в Бухаре и Самарканде; подражание монетам Насра б. Ахмада; джурджанский дирхам Зийарида Кабуса б. Вушмагира; три монеты Бувайхидов (см. выше); дирхам Ка'усидов Табаристана – Рустам б. Шарвин, Фиррим[16]; укайлидская монета Хусам ад-даули (см. выше) (Савельев, 1855, с. 410, № 9, 12; Уваров, 1871, с. 671, 753, 754, № 27, 29, 31, 36, 37, 40, 41, 45, 48, 58–60, 62, 63, 65, 68).

Следует отметить, что выборка куфических монет из Ополья в целом обладает определенным своеобразием и пока не находит себе точных аналогий. По лидирующим позициям (Саманиды, Аббасиды, подражания) можно было бы проводить параллели с одиночными монетами Гнёздово или Среднего и Нижнего Поочья. Однако в гнёздовских материалах доминируют аббасидские дирхамы конца VIII – начала X в.; в курганах их доля меньше, но продолжает оставаться заметной (Пушкина, Мурашева, Ениосова, 2012, с. 263).

Поочье представляется более близким. Правда, там, в отличие от Ополья, в распределениях одиночных аббасидских и саманидских монет присутствуют хорошо выраженные числовые максимумы, приходящиеся на периоды правления отдельных эмитентов. Шекшово 9 можно было бы сопоставить с муромскими Малышевским (68 экз.) и Подболотьевским (42 экз.) могильниками, но последние все-таки отличаются по династическому составу и хронологии, а также сохранности монет, среди которых больше целых экземпляров (Гришаков, Зеленеев, 1990, с. 51–53; Бейлекчи, 2005, с. 63–64; Гомзин, 2013, с. 64, 324–329, 417–420). И, конечно, в Гнёздово и Поочье зафиксировано значительно больше кладов серебряных восточных монет. Видимо, подобные отличия следует объяснять большей удаленностью Суздальского Ополья от магистрального торгового пути по Оке.

Стоит обратить внимание еще на одну особенность нумизматического материала рассматриваемого региона. Подавляющее большинство куфических монет здесь представлено фрагментами – не менее 70 экземпляров, полученных ломкой и резкой. Из 20 целых 16 (из них один разделен на три части) имеют следы вторичного использования в качестве привесок и нашивок в виде отверстий, заклепок от ушек и самих ушек. Последние крепились исключительно с помощью заклепок, вставлявшихся в отверстия. Следов припоя и крепления подвесов без отверстий не зафиксировано. Ушки трех видов: пластинчатые гладкие, пластинчатые рельефные (с продольными валиками) и из проволоки с расплющенными концами.

Целые дирхамы, не использовавшиеся в указанном качестве, найдены на селищах Весь 5, Шекшово 2 и могильнике Шекшово 9 (список монет, № 6, 41, 53, 60). Среди фрагментов следы привешивания сохранились у восьми экземпляров.

Принимая во внимание количество монет с ушками и отверстиями, а также число фрагментов, можно полагать, что для использовавшего их населения они имели значение прежде всего в качестве источника драгоценного металла и материала для привесок и нашивок. Вместе с тем обнаружение монет в трех погребениях Шекшовского и Сунгирского могильников среди сопутствующих предметов и в том числе в кошельках свидетельствуют об их применении в виде платежного средства[17]. К тому же в рассматриваемое время они могли легко переходить из одного качества в другое.

В хронологическом плане следует отметить, что период последней четверти X – начала XI в. представлен крайне незначительным числом экземпляров. В Ополье зафиксировано совсем немного поздних дирхамов Саманидов, их эмиссии после 380 г. х. (990/991 г.) здесь неизвестны; монеты Бувайхидов, Зийаридов, Марванидов и Укайлидов одиночны; караханидских, мамунидских и синхронных им эмиссий других династий нет совсем. Это свидетельствует о сокращении поступления восточного монетного серебра в указанное время. Учитывая имеющийся в нашем распоряжении материал, можно полагать, что население региона знало и использовало куфические монеты в течение X – начала XI в., однако основной объем выборки сформировался где-то в середине – третьей четверти X в.

[16] В публикации назван «алидским». Приведенное там же имя эмитента с вариативной, пусть и неточной, датировкой помогают понять, о какой именно монете идет речь. Возможно, чеканена в 360 г. х. (970/971 г.).

[17] В этой связи стоит вспомнить и клад из материалов А. С. Уварова у с. Весь (см. выше).

Рис. 42. Куфические монеты из Суздальского Ополья

Рис. 43. Куфические монеты из Суздальского Ополья

Рис. 44. Куфические монеты из Суздальского Ополья

Рис. 45. Подражания дирхамам из Суздальского Ополья

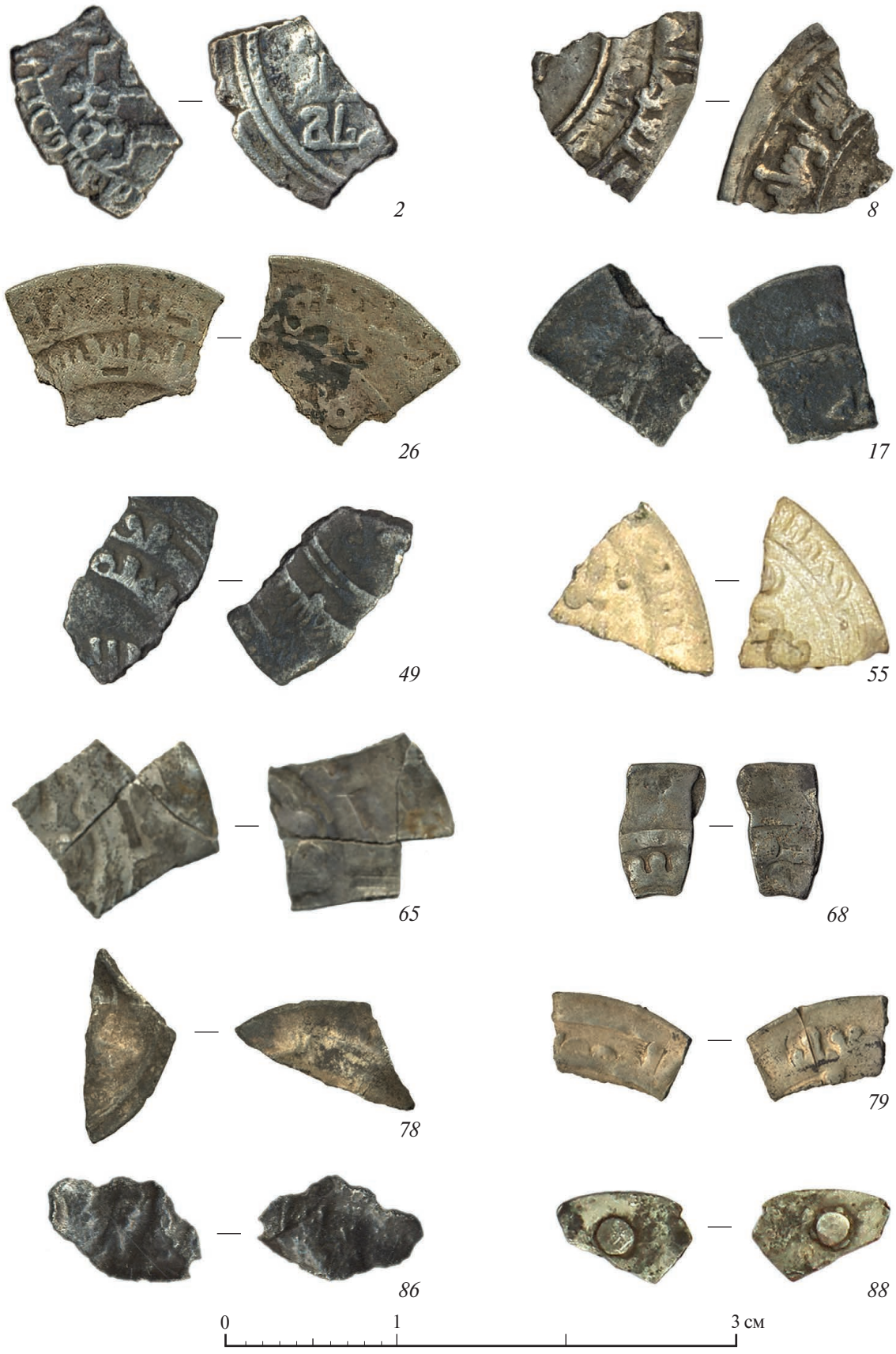


Рис. 46. Мелкие фрагменты куфических монет из Суздальского Ополья

Можно было бы думать, что сходные черты комплексов находок одиночных монет должны выявиться и для районов озер Неро и Плещеево с прилегающим волжским участком, как это было в IX в. (см. выше). Действительно, там аналогично известны примеры использования дирхамов в качестве привесок и их обнаружения в кошельках, равным образом встречаются и фрагменты куфических монет, хотя объективной статистики по ним нет, поскольку степень сохранности в описаниях зачастую либо предельно лаконична, либо вовсе опущена.

Однако для ростовской округи число известных нам находок одиночных монет невелико. Два саманидских дирхама Исма‘ила б. Ахмада и Нуха б. Насра обнаружены в курганах у д. Кустерь (Савельев, 1855, с. 420, № d). С Сарского городища происходят 10 одиночных экземпляров: один умайадский и четыре аббасидских дирхама VIII – середины IX в., а также четыре саманидских 289–300 гг. х. (901–913 гг.). Более поздних восточных монет на этом поселении не зафиксировано. Лишь А. С. Уваров отметил бухарский дирхам Караханидов XI в. (Леонтьев, 1996, с. 156, 158; Уваров, 1871, с. 830).

Угличские материалы пока маловыразительны. Известны два фальшивых саманидских дирхама X в., подражание Саманидам, и два фрагмента неопределенных монет, одна из которых отнесена к аббасидскому чекану (Томсинский, 2004, с. 117–118).

В районе оз. Плещеево пунктов находок одиночных куфических монет больше, однако по количеству эти материалы пока уступают Ополью. Здесь монеты обнаружены на Александровой горе, у сел Большая Брембола, Веськово, Городище, Кабанское[18], Осипова Пустынь и д. Криушкино. Известно не менее 51 экземпляра[19], в том числе: Аббасиды – 3, Саманиды – не менее 21, Бувайхиды – 3, Ка’усиды Табаристана – 1, волжские булгары – 1, подражания дирхамам – не менее 10 (Савельев, 1855, с. 407–409, 411, 420, № с; Уваров, 1871, с. 636, 655–657, 659, 667, 668, 682, 752, 753, 769, 780, 793, 796, 829, 830, 836–839; Фёдоров-Давыдов, 2001, с. 91, № 7).

Старшая монета выборки, при условии верно указанного 772 г. – Аббасиды, ал-Мансур, Мадинат ас-Салам, 155 (771/772 г.) или 156 (772/773 г.) г. х. (Уваров, 1871, с. 752, 796, 837, № 9). Младшая – Саманиды, Нух б. Мансур, Самарканд, 374 г. х. (984/985 г.) (Савельев, 1855, с. 411, № 13; Уваров, 1871, с. 656).

Наибольшие концентрации одиночных монет отмечены в курганах у сел Городище (не менее 8 – Аббасиды, Саманиды, Ка’усиды Табаристана, подражание), Большая Брембола (не менее 14 – Саманиды, Бувайхиды, подражания) и Кабанское (не менее 17 – Саманиды, Зийариды, волжские булгары, подражания).

По ряду позиций – Аббасиды, Саманиды и даже такой редкой как Ка’усиды (Рустам б. Шарвин, Фиррим) – плещеевская выборка достаточно близка материалам из Суздальского Ополья. Собственно, эти два скопления находок одиночных монет и расположены относительно недалеко друг от друга, что заставляет думать о едином источнике поступления сюда монетного серебра.

Вместе с тем из курганов у с. Городище происходят два ожерелья. На каждом из них в качестве привески располагалось по аббасидскому дирхаму. Один – старшая монета плещеевской выборки (см. выше). Другой – дирхам Харуна ар-Рашида столичной чеканки, судя по изображению о. с., выпущенный в 187–193 гг. х. (802–809 гг.) (Собрание карт, 1871, табл. XXXIV, 13; Уваров, 1871, с. 636, 656, 752, 769, 796, 837). Данные экземпляры на ожерельях соседствовали в первом случае с германской монетой Оттона I (936–973 гг.), во втором – с пятью английскими денариями Этельреда II типов A (978–979 гг.), C (991–997 гг.) и D (997–1003 гг.). То есть это случаи позднего применения дирхамов второй половины VIII – начала IX в. в комплексах, относящихся к X–XI вв. Такое характерно для ряда поселений северо-западных районов Древней Руси – Приильменья и Поволховья (см., например: Гайдуков, Гомзин, Шорин, 2020, с. 78; Гомзин, 2019, с. 142).

В материалах Ополья подобного пока не зафиксировано. Однако аналогичная ситуация наблюдается, например, в курганах № 54 и 95 Тимерёвского могильника, где синхронные дирхамы оказались в комплексах, датирующихся временем не ранее второй четверти X в. (Зозуля, 2017, с. 79, 81).

По количеству обнаруженных куфических монет Тимерёво лидирует среди археологических комплексов Ярославского Поволжья[20]. По имеющимся данным, можно говорить не менее чем о 44 одиночных экземплярах: Умайады – 2, Аббасиды – 11, аббасидские наместники Табаристана – 1, Идрисиды – 1, Саманиды – 14, Бувайхиды – 3, Укайлиды – 1, подражания дирхамам – 2, неопределенные – 9 (Добровольский, Дубов, Седых, 1996, с. 191; Зозуля, 2017, с. 81–83).

[18] Следует отметить, что в одном из курганов у с. Кабанское П. С. Савельевым был найден очень редкий саманидский дирхам Мансура б. Нуха, чеканенный в Газне в 359 г. х. (969/970 г.) (Савельев, 1855, с. 408–409, № 5).

[19] Часть дирхамов невозможно распределить по отдельности, поскольку они совокупно были охарактеризованы как саманидские, тахиридские и зийаридские 902–973 гг. В отношении Тахиридов произошла какая-то явная ошибка, поскольку последний представитель этой династии аббасидских наместников умер в начале X в. и серебряных монет не чеканил (Уваров, 1871, с. 667, 668, 682, 752, 829, 830, № 20).

[20] Нумизматические материалы соответствующего времени Петровского и Михайловского археологических комплексов пока крайне малочисленны для их характеристики (Зозуля, 2017, с. 84).

По младшей хронологической составляющей (укайлидский и бувайхидские дирхамы конца X в.), тимерёвская выборка могла бы чем-то напоминать материалы Суздальского Ополья. Однако в отличие от него и района Плещеева озера здесь пока совсем не зафиксировано саманидских дирхамов Нуха б. Мансура (366–387 гг. х. / 976–997 гг.). Да и в целом доля саманидских монет существенно ниже, в то время как присутствуют дирхамы Умайадов, и больше аббасидская составляющая второй половины VIII – IX в. Учитывая распределение кладов и одиночных монет, это обстоятельство позволяет предполагать, что где-то в X в. произошла дифференциация путей поступления восточного монетного серебра в рассматриваемый регион. В Суздальское Ополье и район оз. Плещеево дирхамы проникали из бассейна Оки, тогда как Тимерёво и соседствующие с ним поселения в указанном плане были связаны с участком Верхневолжского торгового пути. Движение монетного материала между ними, видимо, имело место лишь в существенно меньшем объеме. Собственно, это объясняло бы и крайнюю малочисленность нумизматических находок X в. в районе оз. Неро.

Список куфических монет из Суздальского Ополья

Васильково 1, селище

1. Саманиды, ‘Абд ал-Малик б. Нух, Бухара, год чеканки отломлен. В поле о. с. под именем амира три отрезка, сходящиеся в одной точке. Дирхамы с подобным дифферентом известны только для 343 г. х. (954/955 г.) (Марков, 1896, с. 150, № 882)[21]. В поле л. с. под символом веры дополнительная строка – [ал-малик] ал-муаййид – лакаб, проставлявшийся на бухарских дирхамах Нуха б. Насра 340–343 гг. х. Видимо, для чеканки рассматриваемой монеты был использован старый штемпель л. с. Фрагмент (обрезок-обломок) около 1/4.

2014 г., сборы, № 38 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 54, № 2).

2. Марваниды, Мумаххид ад-даула Абу Мансур, место чеканки не установлено, год отломлен, 390-е гг. х. (1000–1009 гг.). Вес 0,9 г. Обломок около 1/7. Известны однотипные дирхамы 391 г. х. (1000/1001 г.) (Leimus, 2007, p. 200, № 919).

2012 г., сборы, № 4 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 54, № 1).

Васильково 4, могильник

3. Бувайхиды, Рукн ад-даула Абу ‘Али, Исбахан, 354 г. х. (965 г.) (Treadwell, 2001, p. 178, Is354.3/R1). Вес 2,62 г. Обломок около 2/3.

2012 г., сборы, № 23 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 54, № 3).

Весь 1, селище

4. Монетовидная привеска, конец X–XI в. Целая, сильно обломана. С тремя отверстиями.

1987 г., раскопки, ВСМЗ, № АВ-834 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 55, № 17). Определение Вяч. С. Кулешова.

Весь 5, селище

5. Аббасиды, Харун ар-Рашид, место чеканки обрезано, 19х г. х., по типу – Мадинат ас-Салам, 192 г. х. (807/808 г.) (Тизенгаузен, 1873, с. 168, № 1505).

Обрезок около 1/2.

2006 г., раскопки, № 622 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 54, № 10). Определение А. А. Молчанова, А. А. Гомзина.

6. Аббасиды, ал-Ма‘мун, Мадинат Исбахан, 200 г. х. (815/816 г.) (Тизенгаузен, 1873, с. 190, № 1707). Вес 2,81 г. Целый.

2012 г., сборы, № 2 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 54, № 14).

7. Аббасиды, ал-Му‘тазз би-ллах, 252 г. х. (866/867 г.). Фрагмент около 1/4.

2004 г., раскопки, № 17 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 54, № 4). Определение А. А. Молчанова.

8. Саманиды, имя амира отломлено, Самарканд, хх6 или хх7 г. х., X в. Вес 0,35 г. Обломок около 1/9.

2012 г., сборы, № 59 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 55, № 16).

9. Бувайхиды, Му‘аййид ад-даула Абу Мансур, Кармисин, 967–983 гг. Фрагмент около 1/4.

2004 г., раскопки, № 305 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 54, № 5). Определение А. А. Молчанова.

Следует отметить, что кармисинских дирхамов с упоминанием этого амира неизвестно. Данное обстоятельство вызывает сомнения в атрибуции.

10. Подражание аббасидскому дирхаму, IX в. Фрагмент (обрезок-обломок) около 1/2.

2009 г., сборы, № 220 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 54, № 12).

11. Подражание саманидскому дирхаму Насра б. Ахмада, «322» г. х., не ранее 934 г. Вес 0,82 г. Обломок около 1/3.

2012 г., сборы, № 5 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 54, № 15).

12. Подражание саманидскому дирхаму, X в. Обломок около 1/8.

[21] В описании монет указаны династическая принадлежность, эмитент, место и год чеканки, вес (при наличии) и степень сохранности. Когда возможно, помещена ссылка на тип экземпляра по литературе. Утраченные выпускные сведения восстанавливались, ориентируясь на содержание легенд, взаимное расположение их элементов, дифференты, особенности палеографии надписей и сверяясь с однотипными и одноштемпельными экземплярами лучшей сохранности. Кроме того, указаны специалисты, чьи определения использованы в работе. Во всех случаях, где подобные отметки отсутствуют, монеты были атрибутированы А. А. Гомзиным. Номера на иллюстрациях соответствуют номерам в списке.

2009 г., сборы, № 89 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 54, № 13).

13. Династия, эмитент и выпускные сведения не установлены, вторая половина VIII – IX в. Мелкий фрагмент.

2006 г., раскопки, № 83 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 54, № 9). Определение А. А. Молчанова, А. А. Гомзина.

14–16. Династия, эмитент и выпускные сведения не установлены, вторая половина VIII – X в. Мелкие фрагменты.

2004 г., раскопки, № 16, 285, 341 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 54, № 6–8). Определение А. А. Молчанова.

17. Династия, эмитент и выпускные сведения не установлены, X в. Мелкий фрагмент.

2006 г., раскопки, № 662 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 54, № 10). Определение А. А. Молчанова.

Гнездилово 2, селище

18. Аббасиды, ал-Мансур, ал-Мухаммадийа, 155 г. х. (771/772 г.) (Тизенгаузен, 1873, с. 88, № 843). Вес 2,24 г. Обломок около 2/3, помят, с отверстием, вмятинами и царапинами.

2014 г., сборы, № 371 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 55, № 22).

19. Аббасиды, ал-Махди, Мадинат Джайй, 162 г. х. (778/779 г.) (Тизенгаузен, 1873, с. 99–100, № 922). Целый, с приклепанным рельефным ушком.

1984 г., раскопки, ВСМЗ, № АС-3364 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 55, № 18). Определение И. Г. Добровольского, А. А. Гомзина.

20. Саманиды, Наср б. Ахмад (301–331 гг. х. / 914–943 гг.), Самарканд, год чеканки обрезан. Вес 1,28 г. Фрагмент (обрезок-обломок) около 1/3, помят.

2014 г., сборы, № 103 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 55, № 20).

21. Саманиды, Нух б. Наср (331–343 гг. х. / 943–954 гг.), имя халифа, место и год чеканки отломлены. Обломок около 1/5.

2014 г., сборы, № 195 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 55, № 19).

22. Саманиды, ʻАбд ал-Малик б. Нух (343–350 гг. х. / 954–961 гг.), аш-Шаш, год чеканки утрачен. Вес 0,71 г. Обломок около 1/3.

2019 г., сборы, № 2.

23. Бувайхиды, Муʻаййид ад-даула Абу Мансур, лакаб другого амира, место и год чеканки обрезаны. Судя по расположению лакаба Муʻаййид ад-даули в двух последних строках поля о. с., дирхам может быть датирован промежутком 356–367 гг. х. (966–978 гг.). Вес 1,1 г. Фрагмент (обрезок-обломок) около 1/4.

2014 г., сборы, № 126 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 55, № 21).

24. Волжские булгары, Талиб б. Ахмад, Сувар, 338 г. х. (949/950 г.) (Фасмер, 1925, с. 33–34, № 14). Целый, помят, с трещинами и утратами по краю. Приклепано ушко с расплющенными концами.

2015 г., сборы, № 4.

Гнездилово 7, селище

25. Аббасиды, Харун ар-Рашид, место и год чеканки отломлены, по типу – 185–192 гг. х. (801–808 гг.). Фрагмент (обрезок-обломок) около 1/4.

2014 г., сборы, № 531/9 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 55, № 23).

Кибол 7, селище

26. Династия, эмитент и выпускные сведения не установлены, X в. Небольшой фрагмент.

2005 г., раскопки (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 55, № 24). Определение А. А. Молчанова.

Ратницкое 4, селище

27. Саманиды, Наср б. Ахмад, место чеканки затерто, по типу – Андараба, 323 г. х. (934/935 г.), в поле л. с. под символом веры – Харб, в поле о. с. под именем амира – неясный дифферент. Известны близкие по типу дирхамы этого года с упоминанием Билга тегина под именем амира (Марков, 1896, с. 137, № 619). Целый, погнут. Край с надрезами. С отверстием и приклепанным рядом гладким пластинчатым ушком.

2007 г., сборы, № 14 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 55, № 26). Определение А. А. Молчанова, А. А. Гомзина.

28. Подражание саманидскому дирхаму Исмаʻила б. Ахмада, «Самарканд, [2]93 г.х.», не ранее 906 г. С обеих сторон расположены дополнительные внешние круговые поля. Заполнение внешнего поля л. с. неясно из-за сохранности. На о. с. оно разделено на 16 секторов двойными столбцами из точек. В секторах на 3, 6, 9 и 12 часов расположен знак, напоминающий двузубец Рюриковичей (на 3 и 6 часов он утрачен, на 9 часов сильно затерт, на 12 часов нарушен отверстием). На соседних со знаками участках помещены восьмилучевые розетки, всего их восемь. Между ними находятся четыре Х-образные фигуры с небольшими немного изогнутыми вертикальными линиями по сторонам. Обломок около 3/4. Не менее трех отверстий. У единственного целого отверстия заметен след приклепанного ушка.

2007 г., сборы, № 9 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 55, № 25). Определение А. А. Молчанова, А. А. Гомзина.

Сунгирский могильник

29. Саманиды, Мансур б. Нух, Бухара, 353 г. х. (964/965 г.) (SNAT, 2008, p. 20, № 122). Целый. С отверстием, в котором сохранились заклепка и часть ушка.

1972 г., разрушенное погребение, ВСМЗ, АВ-2575 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 60, № 68). Определение Вяч. С. Кулешова, А. А. Гомзина.

30. Бувайхиды, Рукн ад-даула Абу ‘Али и ‘Адуд ад-даула Абу Шуджа’, Арраджан, 364 г. х. (974/975 г.). Целый. С двумя отверстиями, в одном из которых сохранилась часть заклепки от ушка.

1972 г., разрушенное погребение, ВСМЗ, АВ-2576 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 60, № 69). Определение Вяч. С. Кулешова, А. А. Гомзина.

31. Подражание куфической монете, X–XI вв. Фрагмент (обрезок-обломок) около 1/2, разделенный на две части.

1972 г., разрушенное погребение, ВСМЗ, В-14439/98 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 60, № 73). Определение Вяч. С. Кулешова, А. А. Гомзина.

32. Династия, эмитент и выпускные сведения не установлены, последняя четверть X в. Фрагмент, края обкрошились.

1972 г., разрушенное погребение, ВСМЗ, В-14439/143 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 60, № 71). Определение Вяч. С. Кулешова, А. А. Гомзина.

33. Династия, эмитент и выпускные сведения не установлены, X – начало XI в. Фрагмент (обрезок-обломок) около 1/4.

1972 г., погребение 5(?), ВСМЗ, В-14439/25 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 60, № 70). Определение Вяч. С. Кулешова, А. А. Гомзина.

34. Династия, эмитент и выпускные сведения не установлены, легенды не прочеканились, X – начало XI в. Обломок около 1/2.

1972 г., погребение 7(?), ВСМЗ, В-14439/103 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 60, № 72). Определение Вяч. С. Кулешова, А. А. Гомзина.

Тарбаево 5, селище

35. Волжские булгары, вторая половина X в. Фрагмент около 1/4.

2010 г., сборы, № 16 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 56, № 27).

36. Династия, эмитент и выпускные сведения не установлены, X в. Вес 0,34 г. Мелкий обломок.

2019 г., сборы, № 20.

37. Династия, эмитент и выпускные сведения не установлены, X(?) в., дирхам(?) с широким полем(?). Вес 0,56 г. Обломок около 1/10(?).

2019 г., сборы, № 23.

Тарбаево 6, селище

38. Саманиды, Нух б. Наср, Балх, 341 г. х. (952/953 г.) (Тизенгаузен, 1853, с. 203, № 1). Целый, погнут. Край надрезан. С приклепанным гладким пластинчатым ушком.

2010 г., сборы, № 221 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 56, № 28).

Тарбаево 8, селище

39. Саманиды, Наср б. Ахмад, место и год чеканки отломлены, по типу – Самарканд, с именем халифа ар-Ради би-ллаха или ал-Муттаки ли-ллаха, 326–331 гг. х. (937–943 гг.). Обломок около 1/8.

2011 г., сборы, № 2 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 56, № 29).

Шекшово 2, селище

40. Аббасиды, ал-Му‘тамид ‘ала-ллах, место и год чеканки отломлены, по типу – 273–278 гг. х. (886–892 гг.), с именами наследников ал-Муваффак би-ллаха и Ахмада б. ал-Муваффак би-ллаха (Album, 2011, p. 56, № 240.7). Вес 0,85 г. Обломок около 1/6.

2013 г., сборы, № 24 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 56, № 34).

41. Саманиды, Исма‘ил б. Ахмад, аш-Шаш, 287 г. х. (900 г.) (Тизенгаузен, 1853, с. 96, № 1). Целый, погнут.

2017 г., сборы, № 47.

42. Саманиды, Наср б. Ахмад, Самарканд, 323 г. х. (934/935 г.) (Тизенгаузен, 1853, с. 177, вариант 2). Фрагмент (обрезок-обломок) около 1/3, погнут. С обломанным приклепанным ушком.

2014 г., сборы, № 916/23 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 56, № 35).

43. Саманиды, имя амира частично обломано и затерто, место чеканки отломлено, 34х г. х., по типу и палеографии – Нух б. Наср или ‘Абд ал-Малик б. Нух, аш-Шаш, 340–349 гг. х. (951–961 гг.). Обломок около 1/5. С отверстием(?).

2014 г., сборы, № 1109/216 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 57, № 38).

44. Саманиды, Мансур б. Нух, аш-Шаш, 358 г. х. (968/969 г.) (Тизенгаузен, 1853, с. 220). Фрагмент около 1/2, помят.

До 2004 г., несанкционированные сборы (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 56, № 32). Определение А. А. Молчанова.

45. Саманиды, Мансур б. Нух, место чеканки не установлено, 350-е гг. х. Мелкий фрагмент.

До 2004 г., несанкционированные сборы (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 56, № 31). Определение А. А. Молчанова.

46. Саманиды, Мансур б. Нух, Самарканд, [3]61 г. х. (971/972 г.) (Марков, 1896, с. 159, № 1071(?)). Фрагмент (обрезок-обломок) около 1/2.

2014 г., сборы, № 1090/197 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 57, № 37).

47. Саманиды, Нух б. Мансур, Андараба, 370 г. х. (980/981 г.). Фрагмент около 1/2, немного погнут.

До 2004 г., несанкционированные сборы (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 56, № 33). Определение А. А. Молчанова.

48. Симджуриды, ‘Имад ад-даула Абу ‘Али Мухаммад, место и год чеканки отломлены, по типу – Нисабур, 382 г. х. (992/993 г.) (Zeno.ru. Oriental Coins Database. № 111678). Обломок около 1/3.

2014 г., сборы, № 962/69 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 56, № 36).

49. Династия, эмитент и выпускные сведения не установлены, X в. Мелкий обломок.

2014 г., сборы, № 1140/247 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 57, № 39).

Шекшово 9, могильник

50. Аббасиды, ал-Муктадир би-ллах (295–320 гг. х. / 908–932 гг.), место и год чеканки отломлены. Вес 0,595 г. Обломок около 1/4.

2013 г., сборы, № 52 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 59, № 59).

51. Саманиды, Исма‘ил б. Ахмад, место и год чеканки отломлены, по типу и палеографии надписей – Балх, с упоминанием аббасидского халифа ал-Муктафи би-ллаха (289–295 гг. х. / 902–908 гг.). Вес 0,98 г. Обломок около 1/3. Оплавлен

2014 г., раскопки, № 354 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 60, № 67).

52. Саманиды, Ахмад б. Исма‘ил, место чеканки отломлено, по типу – аш-Шаш, 298 г. х. (910/911 г.) (Тизенгаузен, 1853, с. 125, наличие или отсутствие дифферентов, особенности типа и штемпелей установить невозможно из-за сохранности). Вес 0,79 г. Фрагмент (обрезок-обломок) около 1/4, немного погнут. Отверстие с выломанным краем. Оплавлен

2013 г., раскопки, № 86 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 59, № 60).

53. Саманиды, Ахмад б. Исма‘ил, Андараба, 300 г. х. (912/913 г.) (Тизенгаузен, 1853, с. 132, № 1). Вес 2,81 г. Целый, помят, погнут, поцарапан. Край немного обломан.

2012 г., раскопки, № 42 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 58, № 47).

54. Саманиды, Ахмад б. Исма‘ил, аш-Шаш, год чеканки утрачен. Фрагмент (обрезок-обломок) около 1/3, оплавлен.

2014 г., раскопки, № 95 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 60, № 66).

55. Саманиды, имя амира и место чеканки отломлены, хх9 г. х., по типу – Наср б. Ахмад, Самарканд, 309 г. х. (921/922 г.) (Тизенгаузен, 1853, с. 156, наличие или отсутствие дифферента в поле л. с. установить невозможно из-за сохранности). Вес 0,37 г. Обломок около 1/10.

2013 г., сборы, № 206 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 59, № 63).

56. Саманиды, Наср б. Ахмад, Самарканд, 323 г. х. (934/935 г.) (Тизенгаузен, 1853, с. 177, № 1). Целый, сильно согнут. С отверстием.

2011 г., сборы, № 37 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 57, № 43).

57. Саманиды, Нух б. Наср, Балх, 3(40?) г. х. (951/952 г.), дирхам с широким полем. Общий вес 4,34 г, разрезан и разломлен на три неравные части, погнут. С отверстием и остатками ушка. Край подрезан.

2012 г., раскопки, № 143 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 58, № 51).

58. Саманиды, Нух б. Наср, Бухара, хх1 г. х., по типу – 341 г. х. (952/953 г.) (Тизенгаузен, 1853, с. 203). Вес 0,71 г. Обломок около 1/4, погнут.

2013 г., сборы, № 49 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 59, № 57).

59. Саманиды, Нух б. Наср (331–343 гг. х. / 943–954 гг.), выпускные сведения утрачены. Общий вес 0,46 г. Два обломка, вместе составляющие около 1/6 целой монеты.

2018 г., раскопки, № 68, 69.

60. Саманиды, ‘Абд ал-Малик б. Нух, Нисабур, 345 г. х. (956/957 г.), без упоминания аббасидского халифа. Целый. Края сильно обломаны.

2011 г., сборы, № 5 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 57, № 41).

61. Саманиды, ‘Абд ал-Малик б. Нух, Бухара, 348 г. х. (959/960 г.) (Тизенгаузен, 1853, с. 211). Целый, поцарапан, немного погнут. С отверстием и остатками заклепки от ушка.

2012 г., сборы, № 58 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 57, № 46).

62. Саманиды, Мансур б. Нух, Бухара, 358 г. х. (968/969 г.) (Янина, 1956, с. 198, № 171). Целый. С приклепанным рельефным ушком (обломано).

2011 г., сборы, № 27 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 57, № 42).

63. Саманиды, Мансур б. Нух, Самарканд, 365 г. х. (975/976 г.) (Марков, 1896, с. 161, № 1118). Целый. С приклепанным рельефным ушком (обломано).

2011 г., сборы, № 4 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 57, № 40).

64. Саманиды, имя амира, место и год чеканки отломлены, X в. Вес 0,57 г. Обломок около 1/5.

2012 г., раскопки, погребение 1, № 6 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 58, № 55).

65. Саманиды(?), имя амира, место и год чеканки отломлены, X в. Общий вес 0,25 г. Мелкий фрагмент, разломленный на три части.

2012 г., раскопки, № 140, 156, 160 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 58, № 50, 53, 54).

66. Саманиды(?), имя амира, место и год чеканки отломлены, X в. Вес 0,4 г. Обломок около 1/6.

2012 г., раскопки, № 210.

67. Саманиды(?), имя амира, место и год чеканки утрачены, X в. Вес 0,46 г. Обломок около 1/6.

2015 г., раскопки, верхний пахотный слой, № 72.

68. Саманиды или подражание Саманидам, эмитент, место и год чеканки не установлены, вторая половина X в., большой дирхам (дирхам с широким полем). Вес 0,41 г. Фрагмент (обрезок-обломок) около 1/20.

2013 г., раскопки, № 14 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 59, № 64).

69. Симджуриды, имя эмитента и год чеканки обрезаны, по типу и штемпельным особенностям – саййид ал-умара Абу ‘Али, Нисабур, 384 г. х.

(994/995 г.) (Бугарчёв, 2016, с. 426, 436, № 44). Фрагмент (обрезок-обломок) около 1/2. На о. с. восемь длинных царапин.

2017 г., раскопки, погребение 5, № 1.

70. Бувайхиды или Зийариды, фрагмент с упоминанием аббасидского халифа ал-Мути' ли-ллаха и бувайхидского амира Рукн ад-даула Абу 'Али, место и год чеканки отломлены, 335–364 гг. х. (947–975 гг.). Вес 0,2 г. Обломок около 1/8.

2012 г., раскопки, № 119 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 58, № 48).

71. Волжские булгары, Микаил б. Джа'фар(?), подражательный дирхам с двумя оборотными сторонами, середина X в. Вес 1,54 г. Обломок около 1/2.

2012 г., сборы, № 57 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 57, № 45).

72. Подражание саманидскому дирхаму Насра б. Ахмада, X в. Обломок около 1/3.

2018 г., раскопки, № 120.

73. Подражание о. с. саманидского дирхама Насра б. Ахмада с искаженным именем халифа ал-Муктадир би-ллаха и точкой в поле справа от промежутка между второй и третьей строками, вторая половина X в., брактеат. Целое. Край сильно обломан. Приклепано ушко с расплющенными концами.

2017 г., раскопки, погребение 6, № 27.

74. Подражание о. с. саманидского дирхама Насра б. Ахмада с искаженным именем халифа ал-Муктадир би-ллаха и точкой в поле справа от промежутка между второй и третьей строками, вторая половина X в., брактеат. Тот же штемпель, что и у предыдущего экземпляра. Целое. Приклепано ушко с расплющенными концами.

2017 г., раскопки, погребение 6, № 28.

75. Подражание саманидскому дирхаму Насра б. Ахмада, по о. с. одноштемпельное двум предыдущим брактеатам № 73 и 74. Другая сторона из-за слабой сохранности не ясна. Обломок около 1/4.

2017 г., сборы, № 6 (102).

76. Подражание куфической монете, IX – нач. XI в. Вес 0,52 г (с ушком) + 0,58 г. Целое, разломлено на две части. Край обломан. Приклепано гладкое пластинчатое ушко.

2016 г., раскопки, № 4.

77. Подражание о. с. куфической монеты, X в., брактеат. Вес 0,53 г. Обломок около 1/4.

2013 г., сборы, № 43 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 59, № 62).

78. Династия, эмитент, место и год чеканки утрачены, IX в. Вес 0,22 г. Обломок около 1/12.

2015 г., раскопки, верхний пахотный слой, № 80.

79. Династия, эмитент, место и год чеканки утрачены, вторая половина X в. Вес 0,18 г. Обломок около 1/18.

2015 г., раскопки, верхний пахотный слой, № 18.

80. Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены, X в. Вес 0,59 г. Обломок около 1/8.

2012 г., сборы, № 43 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 57, № 44).

81. Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены, X в. Фрагмент (обрезок-обломок) около 1/6. С приклепанным расплющенным на концах ушком.

2012 г., раскопки, № 145 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 58, № 52).

82. Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены, X в. Вес 0,36 г. Фрагмент (обрезок-обломок) около 1/7.

2013 г., сборы, № 37 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 59, № 56).

83. Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены, X в. Три мелких фрагмента, на двух наиболее крупных из которых сохранилось по несколько букв. Между собой не стыкуются, поэтому могут происходить более чем от одного дирхама.

2017 г., раскопки, яма 10, № 18.

84. Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены, IX–X вв. Вес 0,38 г. Обломок около 1/6.

2013 г., сборы, № 51 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 59, № 58).

85. Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены, дирхам IX–X вв., плохая сохранность. Вес 0,75 г. Обломок около 1/6, оплавлен.

2014 г., раскопки, № 3 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 60, № 65).

86. Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены, IX–X вв. Вес 0,16 г. Обломок около 1/20.

2018 г., раскопки, № 78.

87. Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены, IX–X вв. Вес 0,78 г. Обломок около 1/5.

2018 г., раскопки, № 102.

88. Династия, эмитент, место и год чеканки не установлены. Мелкий фрагмент с заклепкой от ушка.

2012 г., раскопки, № 135 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 58, № 49).

89. Дирхам(?) с непрочеканенными надписями или монетовидная пластинка(?). Вес 0,92 г. Фрагмент (обрезок-обломок) около 1/4, деформирован. С отверстием.

2013 г., раскопки, заполнение ямы погребения 3, № 314/1 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 59, № 61).

Яновец 1, селище

90. Саманиды, Наср б. Ахмад, Ма'дан, 320 г. х. (932 г.) (Тизенгаузен, 1853, с. 173). Целый, согнут. С отверстием, у которого сохранились следы крепления ушка.

2011 г., сборы, № 27 (Макаров, Гайдуков, Гомзин, 2016, с. 56, № 30).

С. В. Шполянский

ВООРУЖЕНИЕ И ВСАДНИЧЕСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ[1]

Рассмотрение воинского (охотничьего) и всаднического комплексов в материальной культуре поселений является важным ориентиром для интерпретации характера селищ Ополья. Длительность существования сельских памятников региона, сложная их иерархия, наличие так называемых больших поселений и сел с выраженным элитарным компонентом материальной культуры (Макаров, Федорина, 2014, с. 173–179; Макаров, Федорина, Шполянский, 2018, с. 7–25), промыслово-охотничий характер хозяйства части селищ (Макаров, Захаров, Шполянский, 2010) могут быть проиллюстрированы находками оружия и снаряжения верхового коня.

Учитывая особенности средневековых поселений Ополья, приходится констатировать, что датировка значительной части предметов возможна, часто, только исходя из общих представлений о хронологии вещей в рамках существующих типологий.

Тем не менее, благодаря публикациям в 70–90-е гг. XX в. коллекций из раскопок Ярополча Залесского (Седова, 1971, с. 87–95; 1978, с. 103–108), Суздаля (Данилов, 1991, с. 78–84), городищ конца I тысячелетия н. э. (Леонтьев, 1996, с. 110–114, 189) и работам последнего времени, посвященным находкам средневекового оружия в соседних регионах (Гоняный, Двуреченский, 2014; Курмановский, Панова, 2018; Валиулина, 2009, 2015), получена хорошая основа для рассмотрения имеющихся сейчас материалов с учетом хронологических изменений и иногда региональных особенностей набора предметов вооружения и комплекса всаднического снаряжения.

Всего в процессе сборов и раскопок на селищах Ополья, охранных работах в Суздале (преимущественно на территории Окольного города) было найдено 393 предмета, отнесенных к рассматриваемым категориям вещей. В это число не вошли массовые типы находок, такие как кольчатые удила без псалиев (более 170, в том числе 127 – из сборов), топоры (не менее 250, в том числе 191 – из сборов), подковы (около 40), которые в равной степени могли быть использованы как в военном деле, так и в хозяйственной деятельности.

Кроме материалов работ последнего двадцатилетия в выборке были учтены вещи, обнаруженные при стационарных исследованиях Н. Н. Мошениной на Семьинском городище и селище Весь 1 (АКР, Владимирская область, 1995, с. 259–260, 295–296). Материалы раскопок этих памятников имеют большое значение для характеристики материальной культуры населения региона и ранее не вводились в научный оборот[2].

В результате находки средневекового оружия и всаднического снаряжения зафиксированы на 85 поселениях Ополья. Наиболее представительные серии предметов ожидаемо происходят из Суздаля, Семьинского городища и ряда крупных селищ, на которых производились раскопки и системный сбор подъемного материала. Ситуация с распределением находок (табл. 10) лишь отчасти отражает реальную картину и иллюстрирует в первую очередь степень интенсивности исследований на разных памятниках. Вместе с тем разнообразие коллекции предметов вооружения, собранных на одном поселении, может иметь определяющее значение для обоснования возможности присутствия здесь воинских контингентов или отдельных их представителей.

Наличие на памятнике не менее трех разных категорий находок, относящихся к наступательному (наконечники стрел, булавы, кистени, детали клинкового оружия, копья), защитному (панцирные пластины, фрагменты кольчуги) вооружению либо всадническому снаряжению (шпоры, псалии, стремена) или средств борьбы с конницей (так называемый чеснок), вряд ли можно считать случайным.

Таким критериям в той или иной степени отвечают 13 селищ, два из которых (Шекшово 2, Тарбаево 5-7) представляют собой крупнейшие локальные центры в системе расселения в Ополье, еще восемь – это средневековые села, существующие в течение длительного времени (Кистыш 3, Михали 3, Новгородское 1, Кибол 5, Вышеславское 5, Сорогужино 4, Б. Давыдовское 2, Григорово 1). Остальные три памятника (Весь 5, Парша 3, Кибол 11) представляют собой сравнительно небольшие населенные пункты.

Вероятнее всего, этот перечень надо воспринимать как минимально возможный, поскольку на большей части селищ с находками предметов вооружения полевые исследования были ограничены разведочным циклом работ. Кроме того, на нескольких крупных памятниках оружие оказалось представлено недостаточно разнообразно

[1] Предварительная публикация: Шполянский С. В. Предметы вооружения и конского снаряжения X – первой половины XII в. из Суздаля и сельских поселений Суздальского Ополья // РА. 2017. № 1. С. 150–167.

[2] Пользуюсь случаем выразить благодарность М. Е. Родиной и Н. А. Кокориной за любезно предоставленную возможность ознакомиться с материалами раскопок Семьинского городища и селища Весь 1, хранящимися в фондах ВСМЗ.

(Суворотское 8, Весь 1, Гнездилово 2, Федоровское 2, Вишенки 6, Подолец 1), серии находок относительно многочисленны (от 5 предметов), что позволяет предполагать воинский статус отдельных его жителей либо промысловый (охотничий) характер хозяйства.

Существует и очевидная вероятность выпадения предметов вооружения в культурные слои поселений в связи с военными событиями (например, наконечников стрел «степных» типов), но доказать это достаточно сложно, за исключением отдельных случаев.

Таблица 10

Список памятников с находками оружия и всаднического снаряжения в Ополье. Аннотация по памятникам (по убыванию количества находок)

№ по приложению 1	№ п/п	Название памятника	Стрелы	Доспех	Шпоры	Кистени и булавы	Псалии	Стремена и др.	Детали клинкового оружия	Копья и сулицы	Всего находок
–	1	Суздаль	41		5				2	3	51
202–204	2	Тарбаево 5-7	25		2	1	3	5			36
297	3	Семьинское городище	22	1	1	1	1	5			31
99	4	Шекшово 2 (селище)	13			1	3	1	1	2	21
279	5	Суворотское 8	12				2				14
9	6	Весь 1	11								11
12	7	Весь 5	5				3	2		1	11
306	8	Гнездилово 2	8			1					9
1	9	Кистыш 3	3	2	2	1		1			9
196	10	Михали 3	3	1		1	3				8
218	11	Новгородское 1	5		1			1		1	8
193	12	Парша 3	6			1	1				8
212	13	Федоровское 2	6					1			7
66	14	Кибол 11	3		2		1	1			7
44	15	Кибол 5		2			2	2			6
62	16	Вишенки 6	4					1			5
344	17	Вышеславское 5	1			1		3			5
309	18	Григорово 1	1			2	1			1	5
130	19	Подолец 1	4					1			5
149	20	Ратницкое 9	4	1							5
327	21	Сорогужино 4	2		2	1					5
195	22	Скомово 2	5			1					5
159	23	Торки 5	4		1						5
191	24	Турабьево 2	5								4
84	25	Б. Давыдовское 2	2			1		1			4

Продолжение таблицы 10

№ по приложению 1	№ п/п	Название памятника	Стрелы	Доспех	Шпоры	Кистени и булавы	Псалии	Стремена и др.	Детали клинкового оружия	Копья и сулицы	Всего находок
254	26	Васильково 1	3		1						4
198	27	Тарбаево 1	4								4
374	28	Теренеево 1	3		1						4
26	29	Вишенки 3	1	1			1				3
364	30	Григорово 3	1					1		1	3
169	31	Карельская Слободка 4	3								3
170	32	Карельская Слободка 5	2			1					3
57	33	Кидекша 1	3								3
310	34	Кубаево 7	3								3
252	35	Мордыш 1	3								3
186	36	Осановец 1	2				1				3
284	37	Скородумка 6	2				1				3
36	38	Янево 4	1		1			1			3
236	39	Яновец 2	2		1						3
86	40	Б. Давыдовское 4	1			1					2
341	41	Вышеславское 2				1		1			2
357	42	Вышеславское 18	2								2
321	43	Гнездилово 11	2								2
43	44	Кибол 3	2								2
369	45	Крапивье 10						1	1		2
197	46	Михали 4	1					1			2
313	47	Павловское 2	1		1						2
20	48	Пантелиха 1	2								2
130	49	Подолец 1	1					1			2
143	50	Ратницкое 4	1							1	2
49	51	Сельцо 4	2								2
328	52	Сорогужино 5			1	1					2
334	53	Спасское городище 6	2								2
322	54	Улово 1						2			2
287	55	Васильково 6	1								1
350	56	Вышеславское 11						1			1

Окончание таблицы 10

№ по приложению 1	№ п/п	Название памятника	Стрелы	Доспех	Шпоры	Кистени и булавы	Псалии	Стремена и др.	Детали клинкового оружия	Копья и сулицы	Всего находок
351	57	Вышеславское 12	1								1
314	58	Григорово 2	1								1
375	59	Гнездилово 1			1						1
302	60	Гнездилово 6	1								1
163	61	Губачево 1						1			1
166	62	Карельская Слободка 1	1								1
363	63	Карельская Слободка 6	1								1
48	64	Кибол 1а	1								1
384	65	Кибол 1в	1								1
114	66	Константиновское 2				1					1
16	67	Менчаково 1	1								1
58	68	Новоселка 1					1				1
225	69	Овчухи 1	1								1
311	70	Озерцы 1	1								1
192	71	Парша 1	1								1
194	72	Парша 4	1								1
29	73	Поганое озеро 1						1			1
241	74	Раславское 1			1						1
144	75	Ратницкое 5	1								1
272	76	Суворотское 1	1								1
273	77	Суворотское 2	1								1
282	78	Сунгирь (селище)	1								1
199	79	Тарбаево 2	1								1
158	80	Торки 4	1								1
209	81	Туртино 5	1								1
213	82	Федоровское 3	1								1
365	83	Федосьино 1	1								1
96	84	Хламово 1					1				1
235	85	Яновец 1	1								1
		Всего	268	8	24	18	25	36	4	10	393

Наконечники стрел

Наиболее многочисленную категорию вещей, отнесенную к числу предметов вооружения, составляют железные наконечники стрел. Всего учтено 268 экземпляров, происходящих с 73 памятников. В составе массива находок было выделено не менее 41 типа наконечников, в целом соответствующих типологии А. Ф. Медведева (Медведев, 1966). Для определения некоторых наконечников XIV–XV вв. использованы наработки О. В. Двуреченского, предложенные для стрел раннего Нового времени (Двуреченский, 2007). 29 наконечников неопределимы из-за плохой сохранности.

Поскольку особенностью выборки является широкая датировка всей совокупности памятников, с которых происходят находки оружия (от конца I тысячелетия н. э. до XV столетия), для адекватной оценки материала необходимо было разделить его по хронологическому принципу. С учетом широкой датировки ряда типов было определено три хронологических диапазона, к которым были отнесены находки:

– конец I тысячелетия н. э. – начало XII в.,

– XII – первая половина XIII в.,

– вторая половина XIII – середина XV в.

Даже при таком общем подходе часть вещей не может быть датирована в рамках предложенных диапазонов, и период их бытования уточнялся, по возможности, с опорой на материалы, происходящие с памятников с ясной хронологической атрибуцией.

К **первому хронологическому периоду** было отнесено не менее 96 наконечников, более половины из них (50 штук) – это плоские черешковые стрелы без упора, найденные на 28 памятниках (рис. 47; 48: *1–3*). Достаточную сохранность для определения формы имеет 41 экземпляр, 26 из них отнесены к **типу 46** по А. Ф. Медведеву. Они происходят с 20 памятников (Весь 1, Карельская Слободка 4, Весь 5, Кибол 1а, Кибол 3, Турабьево 2, Сельцо 4, Тарбаево 7, Суворотское 1, Мордыш 1, Суворотское 8, Тарбаево 5, Скомово 2, Ратницкое 9, Б. Давыдовское 2, Кубаево 7, Вышеславское 12, Весь 1, Семьинское городище, Окольный город Суздаля).

Это стрелы «новгородского» типа ромбовидной формы с расширением в нижней трети пера (рис. 47: *9–17, 19, 22*). Их размеры варьируют в диапазоне от 55 до 120 мм, при длине пера от 36 до 110 мм, и весе от 4,8 до 13 г.

Наконечники новгородского типа – один из самых распространенных типов стрел лесной зоны Восточной Европы, использовавшихся в течение длительного времени (вплоть до конца XIII столетия), хотя подавляющее большинство их датируется IX–XI вв. (Медведев, 1966, с. 68).

Среди оставшихся экземпляров уплощенных стрел без упора большая часть представлена предметами остролистой и лавролистной формы (**типы 61, 63**). Их найдено 13 на 9 памятниках (Гнездилово 2, Тарбаево 6, Кибол 3, Тарбаево 5, Федоровское 2, Суворотское 2, Тарбаево 2, Ратницкое 4, Семьинское городище).

Разделение наконечников этих типов можно считать условным, поскольку очертания пера ряда изделий представляют собой переходные формы (рис. 47: *1–8, 18, 20, 21*). По справедливому замечанию С. Д. Захарова, форме пера, по-видимому, не придавалось слишком большого значения при изготовлении стрелы (Захаров, 1996, с. 214). Размеры наконечников колеблются от 50 до 100 мм при ширине 15–30 мм, в трех случаях (Тарбаево 6, Федоровское 2, Овчухи 1) наконечники имеют черешки большой длины, превышающую длину пера, что может свидетельствовать о приспособленности их для охоты на крупную дичь (Захаров 1996, с. 211).

Наблюдения, высказанные А. Ф. Медведевым о распространенности наконечников без упора ромбовидных или листовидных форм, преимущественно в IX–XI столетиях, очевидно, не являются достаточным основанием для датировки суздальских находок этим временем. Имеющиеся сейчас материалы свидетельствуют о долгом использовании таких стрел в регионах с выраженной промысловоохотничьей направленностью хозяйства (Захаров, 1996, с. 216–217). Полученные в последнее время данные, вероятно, расширяют географию и хронологию их бытования. Из района Куликова поля М. И. Гоняным и О. В. Двуреченским были опубликованы находки семи ромбовидных и 5 остролистых наконечников с памятников, датированных XIII–XIV вв. (Гоняный, Двуреченский 2014, с. 109). Но датировку куликовских находок надо воспринимать лишь как возможную, поскольку все наконечники найдены на распашке, а в регионе известна теперь серия памятников конца I тысячелетия.

Возможности прояснения времени бытования наконечников из Ополья открываются при сравнении с наборами стрел с хорошо датированных памятников сопредельных территорий. Наиболее крупная серия стрел, относящихся преимущественно к IX – началу XI в., происходит из раскопок Сарского городища под Ростовом (Леонтьев, 1996, с. 110–114, 189). Типы 46 и 61 называются А. Е. Леонтьевым в числе форм, традиционно принятых у финно-угорских племен. Совокупно ромбовидные «новгородского» типа и остролистые без упора составляют более трети всех найденных на памятнике наконечников.

Однако наиболее интересной для сравнения со стрелами из Ополья представляется серия железных наконечников, собранная на селище Клочково 2, которое расположено на левом берегу р. Тезы (левый приток Клязьмы в ее среднем течении). Раскопками под руководством О. А. Несмиян и В. Г. Несмиян изучена площадь, превышающая 1 100 кв. м, коллекция вещей, полученная в ходе работ, составляет более 1 100 находок.

Рис. 47. Наконечники стрел без упора.
1 – Гнездилово 2; 2, 8 – Тарбаево 6; 3, 12 – Кибол 3; 4, 17 – Тарбаево 5; 5, 18 – Федоровское 2; 6 – Суворотское 2; 7 – Тарбаево 2; 9 – Карельская Слободка 4; 10, 14 – Весь 5; 11 – Кибол 1а; 13 – Турабьево 2; 15 – Сельцо 4; 16 – Тарбаево 7; 19 – Суворотское 1; 20 – Овчухи 1; 21 – Ратницкое 4; 22 – Мордыш 1

Общая датировка памятника определена в пределах X–XII вв., хотя материалов, которые могли бы относиться ко второй половине XII столетия, на селище собрано сравнительно немного (Несмиян О. А., Несмиян В. Г., 2012, с. 101–110).

На селище было найдено 26 железных и 3 костяных наконечника стрел. Среди железных стрел считать пригодной для типологического описания можно 21 находку. Из этого количества 16 наконечников были представлены ромбовидными, остролистыми или лавролистными формами с плоским черешком без упора.

По всей видимости, полученную из раскопок селища серию наконечников стрел можно рассматривать как типичный набор для поселения с развитой промыслово-охотничьей составляющей хозяйства. Учитывая сравнительную близость памятника к территории Ополья (около 65 км), представляется возможным сопоставить комплекс охотничьего вооружения промысловых поселений, располагавшихся к востоку от Нерли, и синхронных им памятников сходной хозяйственной направленности в Ополье, существование которых доказано (Макаров, Захаров, Шполянский, 2010).

Близкий состав набора стрел происходит с селища Весь 1, раскопки которого проводились Н. Н. Мошениной (АКР, Владимирская область, 1995, с. 259–260). Площадь раскопа составила около 1000 кв. м, датировка памятника была определена XI–XII вв. В материалах раскопок селища, хранящихся в фондах Владимиро-Суздальского музея заповедника, наконечники стрел представлены 11 находками. Из них 4 – это изделия из кости (В-41520/8-10; В-43601/13), остальные представлены 7 железными стрелами, в том числе 4 ромбовидными без упора, с расширением в нижней трети пера (В-40882/18-19; В-41520/54-55).

Из раскопок в Суздале среди 83 наконечников стрел, опубликованных В. В. Даниловым (Данилов, 1991, с. 78–84), к числу снарядов без упора относится 11 изделий (рис. 47: *21–24*; рис. 48: *7–9, 11, 14, 17, 18*). Вероятно, такой состав коллекции отражает постепенный выход из употребления наконечников без упора в течение XII в.

Кроме наиболее многочисленных типов к числу наконечников стрел без упора относятся еще две находки. В первом случае это двушипный наконечник стрелы с длинным округлым в сечении черешком, который заканчивается уплощенным насадом (Гнездилово 6) (рис. 48: *1*). Сечение пера наконечника ромбическое, ребро жесткости хорошо выражено. Общая длина составляет 77 мм, в том числе черешок – 55 мм. Вес изделия 6,83 г. Происходящий из Ополья снаряд отличается от большинства известных в лесной зоне Восточной Европы наконечников **29 типа**. Наиболее близкая аналогия происходит из Тимерёвского могильника (Недошивина,1963, с. 58; Медведев, 1966, табл. 15, № 28).

Второй из сравнительно редких наконечников без упора был найден на селище Гнездилово 2, относится к числу одношипных, ближе всего по своей форме к **типу 28** (Медведев, 1966, с. 62) (рис. 49: *3*). Его длина составляет 45 мм, ширина 18 мм, длина черешка 16 мм, сечение пера линзовидное, черешок плоский. Вес наконечника 5,85 г. А. Ф. Медведев датирует наконечники этого типа XI–XIII вв., однако такую датировку сейчас нельзя считать точной. Находки подобных стрел на одном из мерянских памятников Поволжья (Леонтьев, 1996, с. 234) и на селище Царева 1 в Заволочье XI – начала XII в. (Иванищева, 2012, с. 155–157) позволяют уточнить время бытования таких наконечников в пределах X – первой половины XII в., что подтверждается и общей хронологической позицией поселения, с которого происходит стрела (Лапшин, 1991, с. 121).

Всего двумя экземплярами на памятниках Ополья представлены втульчатые наконечники. Один из них был найден в процессе раскопок селища Весь 5 в слое второй половины IX – X в. Это двушипный снаряд (**тип 2** по А. Ф. Медведеву) с довольно узким пером (рис. 49: *2*). Длина наконечника – 70 мм, ширина пера составляет 20 мм (без учета несохранившихся шипов), толщина шейки до перехода во втулку – 4–5 мм, ширина сохранившейся части втулки – 7 мм. А. Ф. Медведевым подчеркивалась редкость находки втульчатых двушипных наконечников во внутренних районах древнерусских земель, характерных преимущественно для западных соседей Руси (Медведев, 1966, с. 56).

Второй втульчатый наконечник представлен экземпляром остролистой формы (**тип 4**) (рис. 48: *5*), датируется не позднее XI столетия (Медведев, 1966, с. 57). Находка из Гнездилова 2 имеет длину 50 мм, ширину до 16 мм, довольно узкую втулку – около 5 мм.

Наконечников стрел с упором для древка, датируемых в пределах конца I тысячелетия н. э. – начала XII в., найдено 43 экземпляра.

Долотовидные стрелы с боевой головкой круглого сечения (**тип 98**) представлены двумя находками с селища Тарбаево 5 (рис. 48: *6, 7)*. Датировка их определяется в целом X в. или чуть более поздним временем (Медведев, 1966, с. 85). Возможно, к этому же типу относится и снаряд, происходящий из сборов на селище Скомово 2 (рис. 48: *9*). Он отличается от наконечников с Тарбаева 5 более короткой шейкой и массивным пером.

К числу распространенных стрел древнерусского времени, широко представленных и в материалах Волжской Болгарии (Руденко, 2003, с. 473–474, № 246–279), относятся долотовидные **типа 100**. Они делятся на две разновидности, различающиеся по форме и размерам (Медведев, 1966, с. 86). С памятников Суздальского Ополья происходит 12 наконечников первого варианта, с утолщением и перехватом у черешка (рис. 48: *10–14*).

Они встречены на восьми селищах, как правило, с большой долей лепной керамики и вещей относительно ранних типов в подъемном материале (Шекшово 2, Суворотское 8, Мордыш 1, Осановец 1, Кубаево 7 Скомово 2, Туртино 5, Тарбаево 5) и в Окольном городе Суздаля. Эти наконечники датируются широко, появляясь в древнерусских материалах в середине XI в. Из раскопок в Суздальском кремле известно две стрелы долотовидной формы (Данилов, 1991, с. 94, рис. 2: *12*; с. 95, рис. 3: *27*).

Косвенным подтверждением относительно раннего бытования долотовидных первого варианта (с перехватом у черешка) может служить их отсутствие в материалах с Куликова поля, где была собрана довольно представительная серия стрел (15 находок), относящихся только ко 2-му варианту (Гоняный, Двуреченский, 2014, с. 111–112, 141–142).

Одним из наиболее многочисленных наконечников, найденных на средневековых поселениях Ополья, являются стрелы **типа 83** (Медведев, 1966, с. 81). Это массивные бронебойные снаряды ромбовидных очертаний и ромбического сечения с выраженной шейкой, в основном округлого сечения, и хорошо оформленным, часто манжетовидным, упором (рис. 48: *15–24, 27–29*). Всего их найдено 18 штук. Наконечники имеют длину от 40 до 65 мм, ширину пера от 10 до 20 мм. Датируются такие снаряды в целом XI в. или чуть более ранним периодом. По всей видимости, можно считать стрелы типа 83 основной формой бронебойного наконечника в это время. Они найдены на 10 селищах и в Окольном городе Суздаля (Карельская Слободка 4, 5, Ратницкое 5, Гнездилово 2, Тарбаево 5, Новгородское 1, Сельцо 4, Скомово 2, Торки 5, Шекшово 2, Суздаль). Из раскопок М. В. Седовой таких наконечников известно 8 (Данилов, 1991, с. 81, табл. 1), или почти 10 % от всего количества найденных стрел. Это довольно большой процент, учитывая, широкую дату всего массива материалов (X–XIII вв.). В коллекции наконечников стрел, происходящих из Волго-Камья, снаряды, сопоставимые по форме, насчитывают 27 экземпляров, что подтверждает широту их распространения (Руденко, 2003, с. 460–461, № 33–50).

Одна из стрел (из Окольного города Суздаля), близкая по форме наконечникам 83-го типа, отличается уплощенным сечением пера и шейки (рис. 48: *31*) и, возможно, относится к более позднему времени. Подобный наконечник известен из района Куликова поля (Гоняный, Двуреченский, 2014, с. 140, рис. 14: *22*).

Тремя экземплярами представлены стрелы близкие к **типу 37** с треугольной формой пера, но не с плоским, а клиновидным в сечении профилем, расширяющимся от острия к основанию (рис. 48: *30, 32, 33*). Один из наконечников представляет собой довольно массивный снаряд, весом около 10 г, с ромбическим поперечным сечением, манжетовидным упором, вытянутой граненой шейкой, он найден при раскопках в северной части Окольного города. Несмотря на то, что тип имеет широкие рамки бытования (VIII–XIV вв.), суздальскую находку, по-видимому, можно отнести к ранним, учитывая особенности формы (Медведев, 1966, с. 63–64, табл. 13, № 20) и имеющиеся аналогии, опубликованные в последнее время (Челяпов, 2005, с. 413–426). Два других наконечника (рис. 48: *32, 33*) отличаются более вытянутыми пропорциями, меньшим размером, весом (7,03 и 7,08 г) и меньшей шириной пера (9–10 мм), приближаясь по своим очертаниям к наконечникам 83-го типа, найдены на селищах Суворотское 8 и Васильково 1.

Еще один довольно редкий наконечник стрелы представляет собой бронебойный снаряд с короткой пирамидальной, почти квадратной в разрезе, головкой и длинной шейкой округлого сечения, отделенной от головки манжетовидным расширением. Он относится к **типу 84** (Медведев, 1966, с. 81, таб. 17, № 25) и может быть датирован X – началом XI в. Длина наконечника составляет 81 мм, длина черешка круглого сечения – 31 мм, длина шейки – 42 мм. Шейка изделия плавно расширяется книзу, у упора на нее нанесен орнамент в виде двух параллельных рельефных полос (рис. 48: *25*).

Также единственным экземпляром представлен найденный на селище Кубаево 7 наконечник с коротким четырехгранным ромбовидным острием и вытянутой круглой в сечении шейкой, без выраженного упора (рис. 48: *8*). Общая его длина – 63 мм, ширина – 5–6 мм, вес – 6,09 г. Этот снаряд можно отнести к первому варианту **типа 85** (Медведев, с. 82, табл. 19, 24). Датировка его по аналогии с новгородскими находками определяется XI в.

Два наконечника **97-го типа** (рис. 49: *1, 2*) бронебойные в виде кинжальчика с ромбическим сечением пера и перехватом (Медведев, 1966, с. 85) найдены на селищах Тарбаево 1 и Тарбаево 7. Длина наконечников – 63–65 мм, ширина – 6–7 мм, длина черешка составляет 21–29 мм. Вытянутые снаряды проникающего действия близки к варианту первого этого типа, имеют круглую шейку, датируются IX–X вв. В случае с опольскими находками, исходя из хронологии памятников, они могут быть отнесены ко второй половине X – первой половине XI в.

Небольшой серией, по-видимому, ранних (до начала XII в.) стрел представлены плоские наконечники с упором. К **типу 53** (ромбовидные с широким острием) принадлежат две находки (с селищ Григорово 1, Тарбаево 1). Длина наконечников – 65–75 мм, максимальная ширина пера – 22–25 мм, черешок – 25–29 мм, вес – 5,5–6,2 г (рис. 50: *2, 4*). Такие стрелы были широко распространены у кочевников преимущественно до конца XI в., но встречаются вплоть до XIII столетия (Медведев, 1966, с. 70).

Из Кубаева 7 происходит наконечник с широким острием удлиненных пропорций **типа 52**

Рис. 48. Наконечники стрел двушипные, втульчатые, бронебойные с упором первого хронологического периода (конец I тысячелетия н. э. – начало XII в.).
1 – Гнездилово 6; 2 – Весь 5; 3, 5, 19 – Гнездилово 2; 4 – Парша 3; 6, 7, 23, 28 – Тарбаево 5; 8, 10 – Кубаево 7; 9, 18 – Скомово 2; 11 – Туртино 5; 12 – Мордыш 1; 15 – Карельская Слободка 4; 16, 29 – Карельская Слободка 5; 17 – Ратницкое 5; 20 – Новгородское 1; 21 – Сельцо 4; 13, 22, 26, 31, 32 – Окольный город Суздаля; 25 – Шекшово 2; 27 – Ратницкое 9; 30 – Торки 5; 14, 34 – Суворотское 8; 33 – Васильково 1

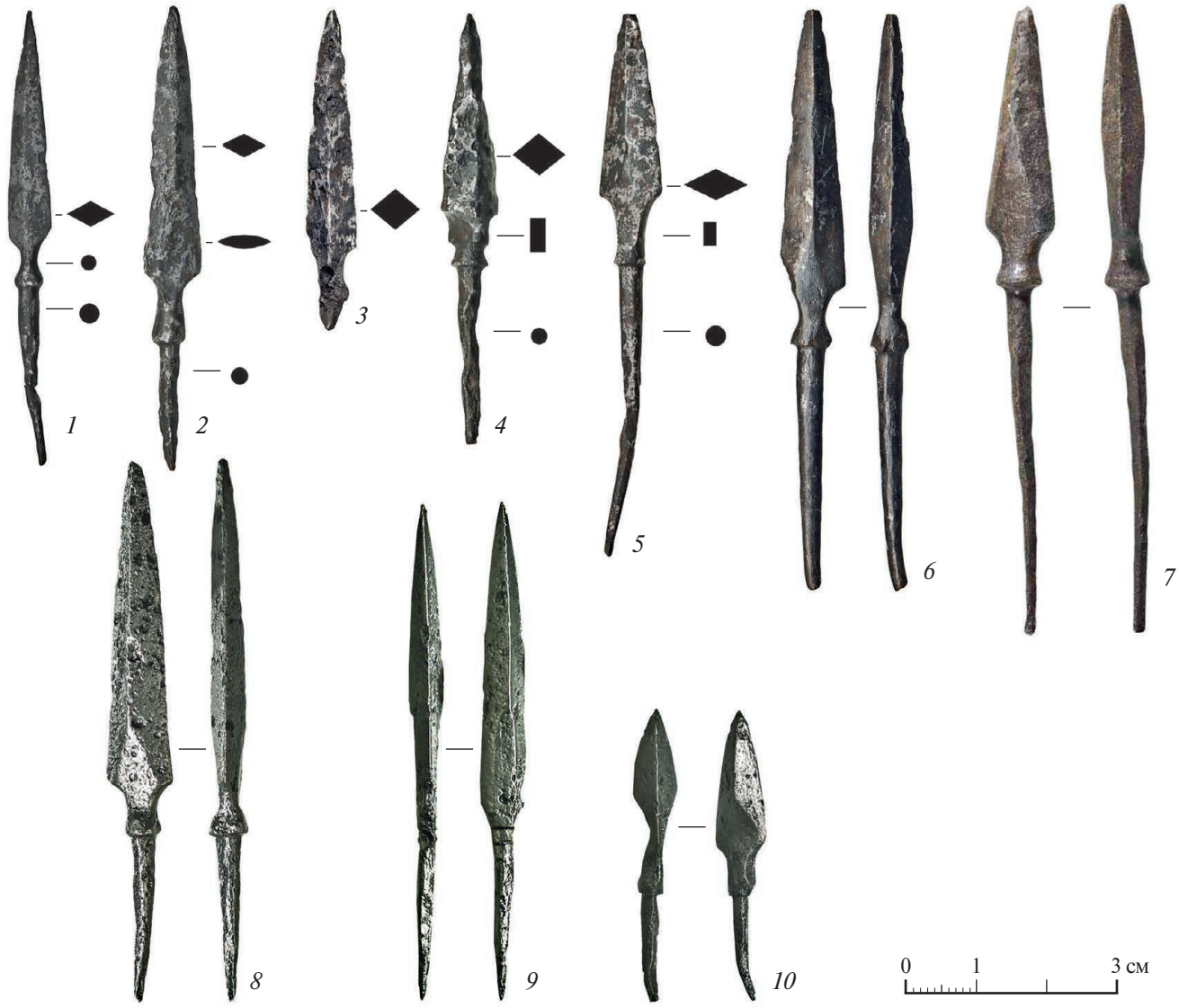


Рис. 49. Наконечники стрел в виде «кинжальчиков» (тип 97) и близкие им по форме.
1 – Тарбаево 1; 2 – Тарбаево 7; 3, 4 – Кибол 11; 5 – Парша 3; 6 – Тарбаево 5; 7 – Окольный город Суздаля; 8 – Сунгирь 1; 9–10 – Кидекша 1

(рис. 50: *3*). Его размеры: длина – 75 мм при ширине пера 24 мм, длина черешка – 18 мм. Датируется широко (VIII–XIII вв.), но, исходя из общей хронологии памятника, не позднее первой половины XII в.

Короткий секировидный срезень (**тип 55**) был найден на селище Михали 3 (рис. 50: *1*). Наконечник длиной 69 мм, максимальным расширением пера 23 мм и черешком 36 мм, весом 5,8 г датируется X–XI вв. (Медведев, 1966, с. 71). Учитывая состав материалов, собранных на селище, его датировка может быть сужена до XI столетия. Такие срезни были распространены на юго-западе Древней Руси, и находка его на одном из селищ центра Суздальской земли может считаться редкостью.

Среди стрел, собранных на поселениях Ополья, выделяется группа вещей, имеющих довольно большие размеры, в том числе два ромбовидных наконечника без упора (**тип 46**). Это стрелы длиной 100–112 мм, шириной 27–28 мм, весом 16–17 г (рис. 51: *3, 4*). Наконечники относятся к числу наиболее тяжелых снарядов, пригодных для использования в качестве наконечников стрел, могли применяться как в качестве охотничьего оружия на крупную дичь, так и боевого и за счет своего веса приспособлены для поражения защищенного доспехом противника. Оба изделия отличаются правильностью формы и наличием ребра жесткости, что отличает их от большинства наконечников без упора меньших размеров.

Рис. 50. Плоские наконечники стрел с упором:
с расширением в верхней трети пера, секторовидный срезень, двурогие наконечники.
1 – Михали 3; 2 – Тарбаево 1; 3 – Кубаево 7; 4 – Григорово 2; 5 – Вышеславское 18;
6, 10 – Суздаль, за пределами стен Окольного города; 7, 8 – Окольный город Суздаля; 9 – Суворотское 8

Важной находкой можно назвать крупный наконечник **типа 62** (вариант 2) с селища Шекшово 2 (Медведев, 1966, с. 73) (рис. 51: *11*). Он имеет уплощенное ланцетовидное перо, граненую длинную шейку, немного утолщающуюся у насада, округлый в сечении обломанный черешок. Длина его составляет 112 мм, размеры пера – 14 × 50 мм, вес – 14,76 г. Наконечник близок по размерам крупным ланцетовидным стрелам из Гнездова (Каинов, 1999, с. 49). По соотношению длины пера и шейки он относится к подварианту А 2 типологии Э. Верге – П. Линдбома (Каинов, 1999, с. 57), сопоставим с тремя суздальскими находками (Данилов, 1991, с. 82, 95, рис. 3: *1–3*), датированными концом XI в. М. Е. Родина упоминает об этих наконечниках как вещах скандинавского происхождения следом за М. В. Седовой (Родина, 2004, с. 101).

Уплощенные ромбовидные стрелы с расширением в нижней трети пера **40**, **41** («**гнездовского**») и **43 типов** (с расширением в середине длины пера с пропорциями 1:3) (Медведев, 1966, с. 64–67) относятся к числу наконечников, использовавшихся продолжительное время, и датируются исходя из контекста находки или общей хронологии памятника.

Всего их найдено не менее 23 на 12 поселениях, включая Суздаль. Памятники с ранними (до начала XII в.) материалами представлены селищами Ратницкое 9, Суворотское 8, Тарбаево 5, Карельсая Слободка 4. Возможно датирование концом XI – первой половиной XII в. наконечников со Скомова 2, Турабьева 2, Новгородского 1. Находки из Окольного города Суздаля и из Вишенок 6, Сорогужина 4, Янева 4, Веси 5 относятся к XII – первой половине XIII в.

Не позднее первых десятилетий XII в. датируются стрелы с Ратницкого 9.

Собранный на памятнике материал представлен преимущественно лепной керамикой, ножами с прямой спинкой и с клиновидным сечением лезвия, узкопластинчатым несомкнутым перстнем с литым орнаментом. Из четырех найденных на селище наконечников два – ромбовидные стрелы с упором (рис. 52: *8, 10*). Длина пера у них составляет 34 и 45 мм при ширине 17 мм и 20 мм, вес – 5,3 и 8,2 г.

Интересен третий из ратницких наконечников. Это стрела с боевой частью в виде короткой лопаточки, немного расширяющейся к прямо срезанному лезвию, с шейкой округлого сечения и упором (рис. 48: *26*). От **99 типа**, датируемого IX–XI вв. (Медведев, 1966, с. 85), отличается меньшей длиной пера-лопаточки. Длина наконечника – 60 мм, размеры пера – 15 × 8–13 мм, длина шейки – 17 мм. Вес снаряда составляет 6,5 г.

Исходя из общей датировки селища, к числу находок XI – середины XII в. можно причислить и стрелу с Карельской Слободки 4. Кроме наконечника типа 41 вариант 2 (рис. 52: *15*) здесь были найдены еще два: типа 46 (ромбовидный без упора) и бронебойный типа 83.

На крупных поселениях Тарбаево 5, Суворотское 8, Новгородское 1 собраны большие серии стрел (18, 13 и 6 находок), но памятники существуют в течение длительного времени, что не позволяет сузить дату вещей из сборов.

Поэтому представляется корректным, учитывая возможность ранней датировки, относить широко датируемые типы плоских ромбовидных стрел с упором с таких памятников **ко второму хронологическому периоду (XII – первая половина XIII в.)**, поскольку в это время они наиболее распространены.

Выделение комплекса наконечников стрел этого времени представляется не очень простой задачей. Длительность существования наиболее многочисленных типов, происхождение большинства находок из сборов и нестратифицированного культурного слоя позволяет представить характерный для XII – первой половины XIII в. набор стрел только в обобщенном виде. Важным маркером для выделения материалов этого времени и особенно вещей последних десятилетий перед монгольским нашествием служат находки из слоев южнорусских крепостей, погибших в результате катастрофических событий середины XIII в. (Гончаров, 1950; Возний, 2014; Пивоваров, Калініченко, 2014; Кирпичников, 2020), и отдельные комплексы, опубликованные из раскопок во Владимире (Зеленцова, Кузина, 2008, с. 130, рис. 2: *2–4*). На средневековых памятниках Ополья при таком подходе можно выделить около сотни наконечников стрел XII – первой половины XIII в.

В это число входят наконечники **типа 40** (рис. 52: *1–6*) из Суздаля, селищ Скомово 2, Суворотское 8, Турабьево 2, Тарбаево 5 и на Веси 5. Это ромбовидные снаряды вытянутых пропорций, длиной пера 53–65 мм, шириной 15–19 мм, весом 9–16,5 г. Стрелы, близкие по размерам и форме, известны в материалах Старой Рязани (Монгайт, 1955, с. 183, рис. 143: *1, 8, 9*; Даркевич, Борисевич, 1995, с. 328, табл. 100: *2*), Ярополча Залесского (Седова, 1971, с. 88, рис. 30: *2*) и из раскопок Суздальского кремля (Данилов, 1991, с. 93, рис. 1: *5–6*).

Стрелы так называемого «гнездовского» типа (**тип 41, вариант 2**) (рис. 52: *7, 9, 11–17, 19*) происходят, кроме памятников ранней хронологической группы, из Суздаля, селищ Новгородское 1, Суворотское 8, Сорогужино 4, Янево 4. По А. Ф. Медведеву второй вариант был распространен в XII–XIV вв. (Медведев, 1966, с. 65), что подтверждает серия находок с памятников Куликова поля (Гоняный, Двуреченский, 2014, с. 108, 133, рис. 7: *1–2, 4*). На Суворотском 8, Новгородском 1 материалов позже второй половины XIII в. не обнаружено. Вероятность более поздней датировки возможна только для вещей из Суздаля.

Рис. 51. Сулицы, копья, обоюдоострые ножи.
1–2 – Окольный город Суздаля; 3 – Тарбаево 5; 4 – Скомово 2; 5 – Весь 5;
6 – Суздаль, за пределами стен Окольного города; 7 – Ратницкое 4; 8 – Григорово 1;
9, 11, 13 – Шекшово 2, 10 – Новгородское 1; 12 – Григорово 3

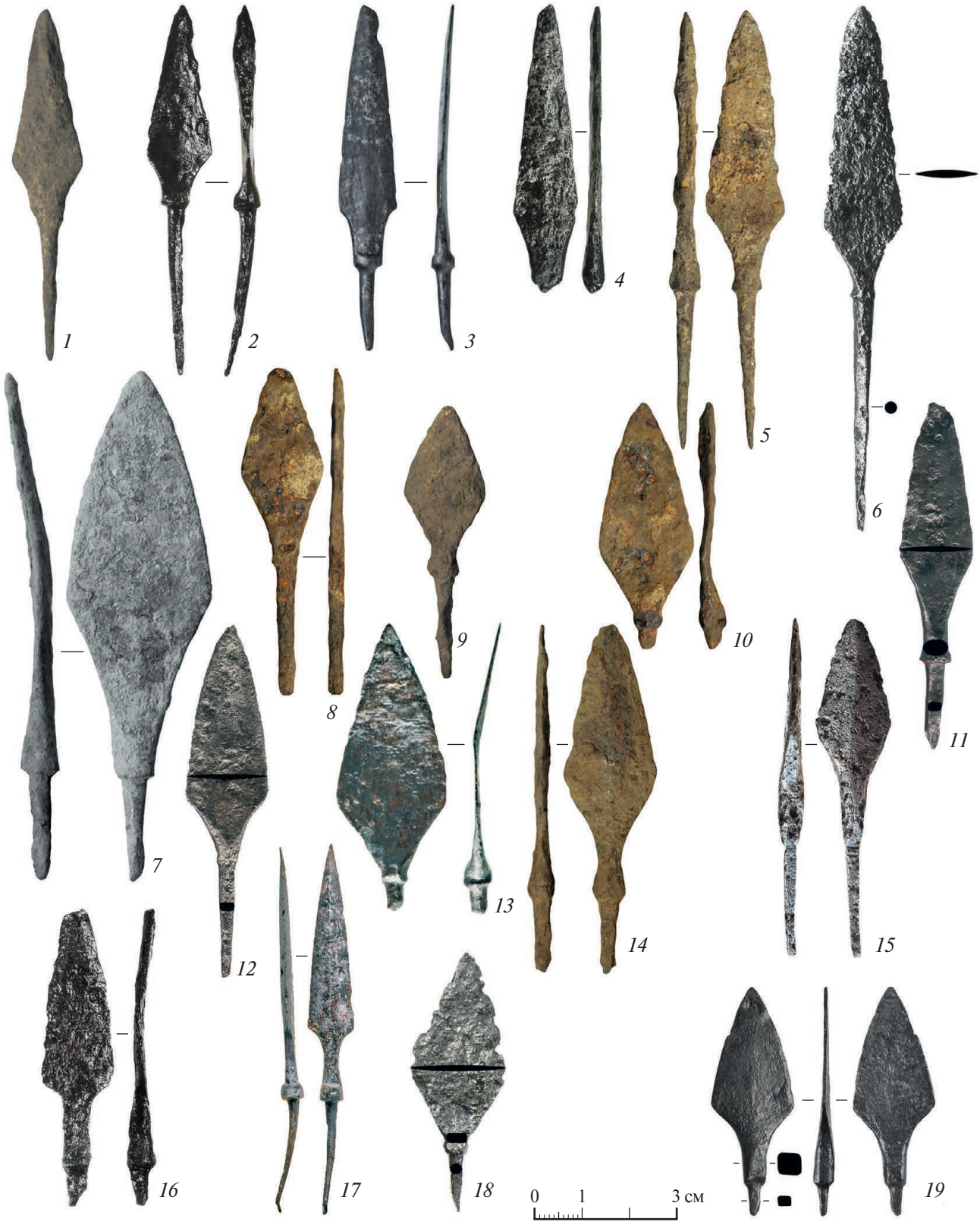


Рис. 52. Плоские наконечники стрел с упором, с расширением в нижней трети пера.
1 – Тарбаево 5; 2, 11, 12, 16 – Суворотское 8; 3, 13, 17 – Окольный город Суздаля; 4, 5 – Весь 5; 6 – Скомово 2; 7 – Янево 7; 8, 10 – Ратницкое 9; 9, 14 – Новгородское 1; 15 – Карельская Слободка 4; 18 – Вишенки 6; 19 – Сорогужино 4

Особенно выразителен крупный наконечник с селища Янево 4 характерной для типа формы: с выпуклыми сторонами пера и вогнутыми плечиками (рис. 52: *7*). Его длина – 107 мм, длина пера составляет 85 мм, ширина – 31 мм, вес – 16,5 г. Наконечник меньших размеров (общая длина 41 мм, длина пера 28 мм при ширине 12 мм) с выраженными признаками типа найден на Сорогужине 4. Эти находки происходят с памятников, где нет материалов ранее XII в. И если наконечник из Сорогужина 4 соотносится со вторым вариантом типа 41, то яневскую находку больших размеров можно считать нехарактерной для этого времени.

Двумя экземплярами представлены наконечники **типа 43** с расширением в середине своей формы (Медведев, 1966, с. 66) (рис. 52: *18*). Это небольшие снаряды с длиной пера 35–37 и шириной 16–18 мм, найдены на селищах Кистыш 3 и Вишенки 6. Близкая аналогия последнему из них известна в Твери (Лапшин, 2009, с. 322, рис. 72: *4*).

Одной из наиболее ярких форм наконечников XII – первой половины XIII в. можно назвать стрелы в виде кинжальчика ромбического сечения, сплющенные у черешка с прямоугольным в сечении перехватом (**тип 97, вариант 2**) (Медведев, 1966, с. 85). Три таких изделия происходят с Кибола 11 и Парши 3 (рис. 49: *3–5*). Длина пера составляет 31–35 мм, ширина – 9–12 мм, вес – 7–9 г. Близки к ним по форме килевидные сплющенные наконечники стрел (**тип 81**) (Медведев, 1966, с. 80), всего 4 экземпляра, которые происходят с Торговой площади Суздаля, Сунгирьского селища, Тарбаева 5 и Кидекши (рис. 49: *6–8, 10*). Килевидные наконечники сильно различаются по размерам, длина пера варьирует от 21 до 52 мм, ширина – от 9 до 12 мм. По-видимому, наиболее поздний, самый маленький, происходит из Кидекши (рис. 49: *10*). Косвенно это подтверждается сравнением с подобными стрелами из района Куликова поля, где четыре образца (найдены на селище Устье 3) имеют небольшие и даже миниатюрные размеры (Гоняный, Двуреченский, 2014, с. 110, 137, рис. 11: *1–4*, рис. 12: *1–3, 5–6*). Более крупных снарядов этого типа, вытянутых пропорций, на древнерусских памятниках верховьев Дона не встречено. Типологически сопоставимые наконечники из Волжской Болгарии также имеют сравнительно небольшие размеры и пропорции, близкие стреле из Кидекши (Руденко, 2003, с. 483, № 485–493).

Двурогие наконечники с упором XII – первой половины XIII в. (**тип 60**) представлены двумя экземплярами варианта 4, с выступами на боковых сторонах (Медведев, 1966, с. 72) (рис. 50: *8–9*). Это стрелы с длиной пера 23–26 мм и шириной развилки 17–22 мм, найденные в северной части Окольного города Суздаля и на Суворотском 8. Еще две находки обломков двурогих стрел известны за пределами городских укреплений, на территории музея деревянного зодчества и на возвышении левого берега Каменки, на ул. Слободской (рис. 50: *6, 10*).

Единственной находкой представлен двушипный черешковый наконечник с упором и круглой шейкой, отделенной от боевой части небольшим рельефным уступом (рис. 48: *4*). Стрела происходит из сборов на селище Парша 3, ее размеры: длина – 56 мм, длина боевой головки – 25, ширина сохранившейся части – 16 мм, вес – 7,2 г. Двушипные наконечники **типа 30** считаются характерными для западнорусских земель (Медведев, 1966, с. 62). Известны подобные стрелы на Райковецком городище (Гончаров, 1950, табл. 18, № 18), летописном Логойске (Штыхов, 1978, с. 92, рис. 38: *8*), в Минске (Загорульский, 1982, с. 313, табл. IX, 1–4), Черновском городище на Волыни (Пивоваров, Калініченко, 2014, с. 137, 138, рис. 1: *13*, рис. 2). Несмотря на нетипичность для региона, можно назвать и более близкие аналогии. В Печернем городе Владимира при раскопках в 13-м квартале в заполнении ямы 24а, представлявшей собой часть сооружения, погибшего, по мнению исследователей, в пожаре зимой 1238 г., было обнаружено три наконечника стрел, в том числе один черешковый двушипный треугольных очертаний, с ровными сторонами и удлиненной шейкой круглого сечения (Зеленцова, Кузина, 2008, с. 131–132, рис. 2: *3*). Наиболее близкая аналогия находке из Ополья происходит из Серенска, где стрела со слабо выпуклыми сторонами имеет рельефный уступ при переходе от шейки к основанию пера (Никольская, 1974, с. 37, рис. 11: *5*).

Наиболее массовыми среди наконечников стрел Ополья являются снаряды шиловидной формы, которых найдено более сорока на 17 памятниках. Значительная их часть (12 штук) имеет плохую сохранность, остальные типологически распределяются следующим образом:

К **типу 90** (квадратного сечения с простым упором) принадлежат 9 наконечников с Семьинского городища, селищ Вишенки 6, Тарбаево 1, Тарбаево 5, Тарбаево 6, Торки 4, Торки 5 и из раскопов в Окольном городе и суздальском предградье, на ул. Теремки и Слободской (рис. 53: *5, 15–18*). Размеры – от 35 до 70 мм, длина головки – 27–50 мм, ширина – 5–8 мм, вес – 6–11 г. Хронология типа определяется широкими рамками – X–XIV вв. (Медведев, 1966, с. 83). В случае с селищами Тарбаево 5–6 и, вероятно, Торки 4–5 нельзя исключить возможность датировки находок временем ранее начала XII в.

К типу 93 (квадратного и ромбического сечения без упора) относятся не менее семи наконечников с Семьинского городища, Суворотского 8, Тарбаева 5 и Окольного города Суздаля (ул. Теремки), размеры которых меняются от 35 до 60 мм с максимальным расширением у перехода черешка к боевой части 4–6 мм, длина головки составляет 25–40 мм. Так же, как и предыдущий тип, эти стрелы датируются в пределах X–XIV вв., по справедливому замечанию А. Ф. Медведева, по форме близки шильям, с которыми их можно спутать (Медведев, 1966, с. 84).

Тип 94 (ромбовидного сечения с простым упором). Три стрелы найдены на Семьинском городище и Тарбаеве 1. Они несколько больше наконечников типов 90, 93, общая длина снарядов составляет 68–77 мм при ширине 6–7 мм, длине боевой головки 50–60 мм и весе 9–11 г (рис. 53: *3*). Датировка типа определяется в пределах XII – первой половины XIII в. (Медведев, 1966, с. 84). Эти стрелы достаточно многочисленны на древнерусских памятниках верхнего Дона (Гоняный, Двуреченский, 2014, с. 111, 137, 139, рис. 11: *12, 13: 1–8*).

Тип 95 (узкие квадратного или ромбического сечения с перехватом у черешка) – наиболее многочисленные из шиловидных стрел. Их найдено не менее 23 на 12 памятниках, включая Суздаль и Семьинское городище (рис. 53: *1–2, 4, 6–12, 14, 19*). На последнем обнаружено три стрелы такого типа, по две найдено в Окольном городе и на селище Михали 3. Размеры стрел варьируют от 55 до 110 мм, длина боевой части – 35–67 мм, ширина у основания – 4–7 мм, вес – 5,5–12 г. Датировка этих наконечников определяется очень широко – от VIII до XIV в. (Медведев, 1966, с. 84), однако именно такие стрелы представляют собой наиболее массовый тип наконечников на Большом Шепетовском городище (летописный «Изяславль»), погибшем в результате монгольского похода на Южную Русь. Здесь было найдено 267 штук шиловидных наконечников 95-го типа (Кирпичников, 2020, с. 81). Есть они в Ярополче Залесском (Седова, 1971, с. 88, рис. 30: *7*), Серенске (Никольская, 1974, с. 37, рис. 11: *12*), Старой Рязани (Монгайт, 1955, с. 184, рис. 143: *14*) и в Суздальском кремле (Данилов, 1991, с. 95, рис. 3: *22–26*). Поэтому наиболее вероятное время их бытования можно определить в пределах второй половины XII – XIII в., когда, по мнению А. Н. Кирпичникова, они приобретают особое значение как средство противокольчужной борьбы.

По-видимому, это суждение может относиться и ко всем наконечникам стрел шиловидной формы. Именно боевая специализация шиловидных стрел косвенно подтверждается отсутствием таких находок на селищах с выраженной промысловой составляющей хозяйства – Веси 5 и селище Клочково на р. Тезе. Преимущественное распространение шиловидных наконечников всех типов в регионе со второй половины XII столетия представляется весьма вероятным, поскольку на поселениях, прекращающих свое существование или сильно сокращающихся в размерах не позднее середины XII в. (Весь 1, Ратницкое 9, Карельская Слободка 4–5, Гнездилово 2), они не встречены. Единственную, из известных сейчас в регионе, находку шиловидного наконечника типа 90 с городища Выжегша, по-видимому, можно считать случайной (Леонтьев, Александровский, Бейлекчи, Кашкин, 2017, с. 56, 59, рис. 3: *4*).

Помимо шиловидных стрел типа 95, на памятниках Ополья еще есть находки наконечников аналогичных собранным в крепостях, погибших в результате штурмов середины XIII столетия, что позволяет воспринимать их как возможный хронологический маркер этого времени. Эти предметы определяются обычно как древнерусские, а небольшое их количество в выборках (в Ополье часто это вообще единичные экземпляры), вероятно, может быть объяснено кратковременностью бытования.

Тип 32 (плоский ромбовидный с боковыми выступами) происходит из ближайших окрестностей городских укреплений Суздаля (ул. Гастева) (рис. 54: *11*). Размеры наконечника: длина – 67 мм, размеры пера – 39 × 22 мм. Острие деформировано от удара. Подобные стрелы найдены на серии древнерусских памятников и были распространены накануне монгольского нашествия (Медведев, 1966, с. 62). Встречен на Шепетовском городище (Кирпичников, 2020, с. 85), две близкие по форме стрелы обнаружены на Черновском городище на Волыни (Пивоваров, Калініченко, 2014, с. 137, 143–144, рис. 1: *11–12*), за пределами укреплений, видимо, они были выпущены защитниками крепости.

Тип 63 – два лавролистных наконечника с упором. Один найден на севере Ополья, на селище Григорово 3 (рис. 54: *12*). Общая длина снаряда составляет 78 мм, размеры пера – 42 × 20 мм. Между черешком и плоским пером располагается короткая (4 мм) шейка овального сечения. Второй наконечник обнаружен при охранных работах на ул. Теремки, в северо-западной части Окольного города (Бейлекчи, Родин, 2007, с. 210–211, рис 6: *8*) в переотложенном слое.

Этот тип имеет очень широкую датировку (Медведев, 1966, с. 74), однако ее можно уточнить. Подобная стрела была найдена в Ярополче Залесском (Седова, 1971, с. 88, рис. 30: *4*), на Большом Шепетовском городище известна небольшая серия похожих наконечников, выделенных в отдельный тип (Кирпичников, 2020, с. 86). Близкие, но не тождественные по форме стрелы есть в Поволжье (Руденко, 2003, с. 466, 491, табл. IX, 130; табл. XXXIV, 637), но поволжские находки отличаются сечением пера и формой шейки.

Тип 87 (бронебойный пирамидальный квадратного сечения с круглой шейкой, с резким уступом при переходе от шейки к боевой головке) найден на селище Тарбаево 7 (рис. 54: *8*). Его размеры: длина – 85 мм, длина черешка – 29 мм, длина шейки – 18 мм, размеры боевой головки – 38 × 7 мм (по нижней грани), вес – 11 г.

Такой вариант наконечника с уступом при переходе к шейке датирован второй половиной XII – первой половиной XIII в. (Медведев, 1966, с. 82, табл. 30: *80*), пять подобных стрел найдено на Шепетовском городище со следами деформации от удара.

Рис. 53. Шиловидные наконечники стрел.
1 – Тарбаево 5; 2 – Парша 1; 3, 4 – Тарбаево 1; 5, 12 – Суздаль, за пределами стен Окольного города; 6 – Федоровское 3; 7 – Подолец 1; 8 – Мордыш 1; 9 – Пантелиха 1; 10, 19 – Михали 3; 11 – Карельская Слободка 6; 13 – Озерцы 1; 14 – Новгородское 1; 15 – Торки 4; 16 – Тарбаево 6; 17 – Вишенки 6; 18 – Торки 5

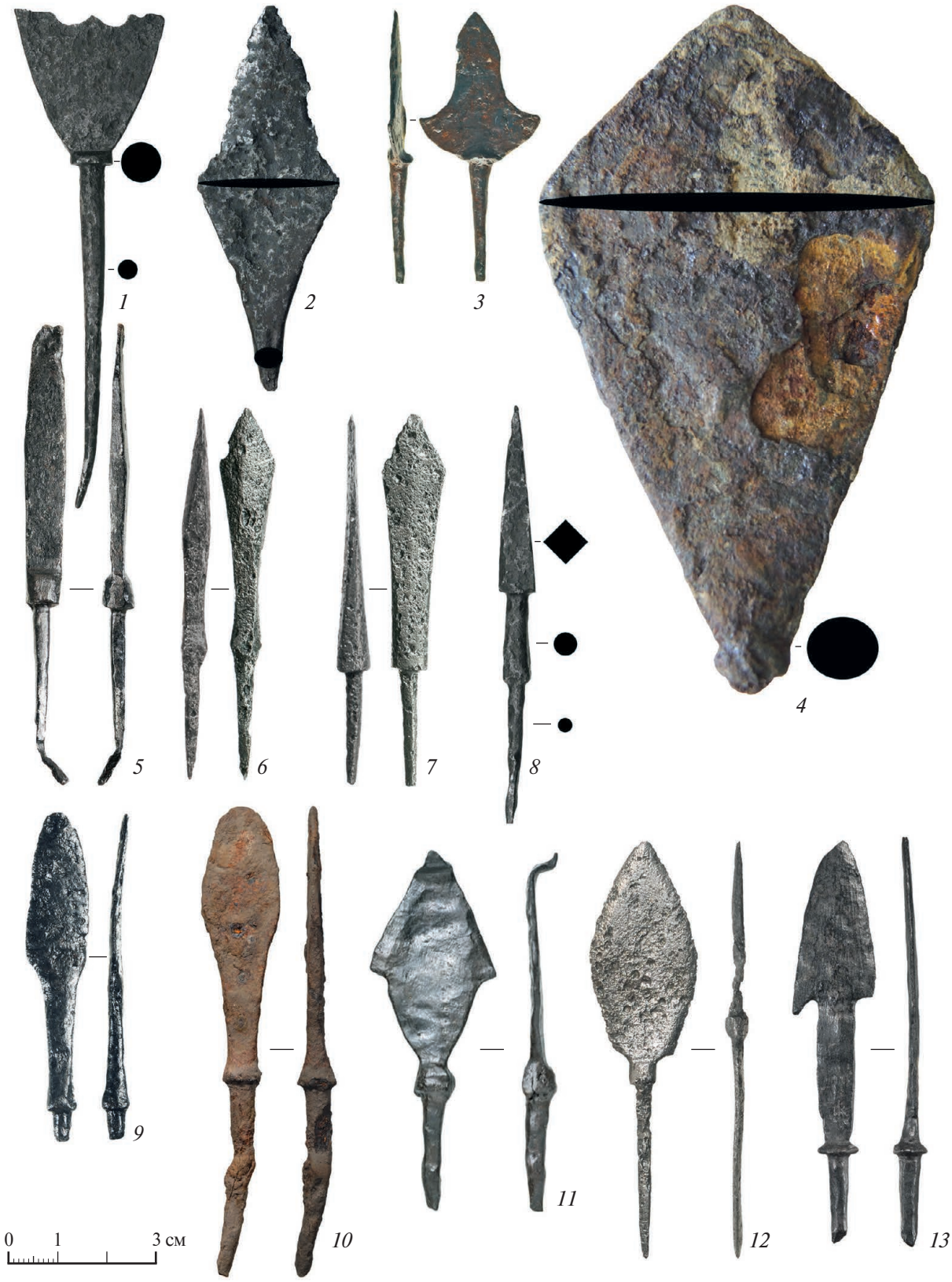


Рис. 54. Наконечники стрел времени монгольского нашествия – малочисленные типы.
1 – Тарбаево 7; 2 – Тарбаево 5; 3 – Окольный город Суздаля; 4 – Семьинское городище; 5 – Спасское городище 6; 6 – Вишенки 6; 7 – Пантелиха 1; 8 – Тарбаево 7; 9 – Павловское 2; 10 – Яновец 2; 11 – Суздаль, за пределами стен Окольного города; 12 – Григорово 3; 13 – Вышеславское 5

А. Н. Кирпичников считал эти стрелы монгольскими (Кирпичников, 2020, с. 81).

Не имеет близких аналогов плоская двушипная стрела с манжетовидным упором с селища Вышеславское 5 (рис. 54: *13*). Этот наконечник, по-видимому, можно отнести к **типу 31** – двушипный с короткими шипами (Медведев, 1966, с. 60). Его размеры: длина – 75 мм, длина пера вместе с плоской шейкой – 57 мм, ширина – не менее 20 мм. Датируется он также последними десятилетиями перед монгольским нашествием.

Материалы **третьего хронологического периода (вторая половина XIII – первая половина XV в.).**

Находки этого периода представлены двумя группами предметов, одна из которых – это образцы оружия, выпадение в культурные слои которых, хотя бы гипотетически, может быть связано с событиями зимы 1238 г. или с другими походами ордынцев. Вторая группа – вещи, отражающие состав комплекса вооружения военных корпораций региона в это время.

В первом случае таких предметов к настоящему моменту обнаружено совсем немного. М. В. Седова говорит о находках двух тупоугольных срезней из материалов городских раскопок 1974–1990 гг. (Седова, 1997, с. 71). В. В. Данилов упоминает только об одном наконечнике, который «можно связать с монголо-татарами», но при этом не дает ему никакого описания (Данилов, 1991, с. 83).

К этим находкам сейчас можно добавить еще 25 наконечников стрел, обнаруженных в последние годы.

Тип 66 представлен тремя находками (рис. 55: *7–9*), две из которых происходят из раскопок Семьинского городища и одна с селища Скородумка 6. Это так называемые веслообразные срезни вытянутых пропорций с острием формой близкой к прямому углу (Медведев, 1966, с. 75).

Больше всего найдено стрел **типа 67**, представляющих собой наконечники в виде узкой вытянутой лопаточки с тупоугольным или дугообразным лезвием (Медведев, 1966, с. 75–76). Находки срезней этого типа (рис. 55: *1–2, 5–6, 12–13*), кроме Суздаля, происходят еще с девяти памятников (Весь 5, Подолец 1, Кистыш 3, Яновец 2, Тарбаево 5–7, Скородумка 6, Торки 5, Спасское городище 6, Вышеславское 18). Всего известно девять наконечников (не считая суздальских). На селище Весь 5 срезень был обнаружен при проведении раскопок в заполнении крупного подполья (ямы 2). Стрела из комплекса памятников у с. Тарбаева не имеет точной привязки, поскольку была получена Владимиро-Суздальским музеем в качестве дара (Родина, 2012, с. 90–91).

К числу довольно распространенных стрел (**тип 68**), появляющихся в Восточной Европе во второй половине XIII в., относится находка из Окольного города Суздаля (с Торговой площади). Наконечник имеет форму широкой лопаточки секторовидной формы (Медведев, 1966, с.76) (рис. 55: *3*).

Две стрелы сохранились фрагментарно. О них можно сказать только то, что это плоские снаряды удлиненной формы одного из перечисленных типов (рис. 55: *10–11*). В целом все наконечники наиболее распространенных «степных» типов имеют сходные размеры, укладываясь в диапазон от 55 до 100 мм при ширине боевой части 16–22 мм.

Тип 33. К числу стрел, появление в Ополье которых связано с походами монголов на Русь середины XIII в., надо причислить килевидные вытянутые с наибольшим расширением в средней трети длины пера, их «лопатовидный» вариант (Медведев, 1966, с. 63). Таких стрел найдено две (рис. 54: *9–10*). Размеры экземпляра, происходящего с селища Яновец 2, сохранившегося полностью: длина – 97 мм, длина пера – 62 мм, ширина – 14 мм; размеры пера находки из Павловского 2 – 64 × 13 мм. Эти наконечники являются массовыми в раскопах Большого Шепетовского городища, их здесь найдено около 130 (Кирпичников, 2020, с. 79–80, 84), представлены они на Райковецком городище (Гончаров, 1950, табл. XIII), Черновском городище на Волыни (Возний, 2014, с. 73, фото 1: *1–3*). Правда, А. Ф. Медведев считал их общерусским типом, но наличие таких стрел в колчанных наборах стрелков монгольских степей (Немеров, 1987, с. 216, рис. 4: *1, 2*) не позволяет с ним согласиться.

Шесть наконечников принадлежат более редким типам:

Тип 71 (пламевидный с расширением в середине пера, размерами 63 × 26 мм) найден на селище Тарбаево 7 (рис. 54: *2*).

К «кунжутолистным» (**тип 72**) относится наконечник из Окольного города (ул. Теремки) (рис. 54: *3*). Стрела длиной 43 мм, размеры пера – 24 × 18 мм. Видимо, к этому же типу принадлежит фрагмент изделия с остатками фигурных вырезов на плоском в сечении пере, с хорошо сформованным упором, круглой короткой шейкой и насадом длинной 6,19 см (рис. 54: *1*) (Тарбаево 7).

Так называемый дучидский срезень (**тип 69**) с тупоугольным острием и слабо выгнутыми плечиками найден на Семьинском городище (рис. 54: *4*). Черешок у наконечника обломан, размеры пера составляют 70 × 40 мм, вес экземпляра – 15,86 г.

К стрелам, появившимся на Руси с монгольским нашествием, относятся и два двурогих наконечника **6-го варианта типа 60** (Медведев, 1966, с. 72) с прямыми рогами – выступами саблевидной формы. Они крупнее подобных более ранних древнерусских стрел, длина наконечников составляет 112–114 мм, ширина развилки (сохранившихся частей) – 35–50 мм (рис. 50: *5, 7*). Один из них найден на селище Вышеславское 18, другой – с внутренней стороны вала в восточной части Окольного города, на Торговой площади.

Вероятно, к наконечникам стрел степного происхождения надо относить находку со Спасского

Рис. 55. Наконечники стрел времени монгольского нашествия – срезни в виде узкой вытянутой лопаточки. 1 – Весь 5; 2 – Яновец 2; 3 – Окольный город Суздаля; 4, 9 – Скородумка 6; 5 – Подолец 1; 6 – Кистыш 3; 7–8 – Семьинское городище; 10 – Теренеево 1; 11 – Суздаль, за пределами стен Окольного города; 12 – Спасское городище 6; 13 – Вышеславское 18

городища 6 (рис. 54: *5*), не имеющую близких аналогов. Это узкая прямая долотовидная лопаточка с еле заметно выгнутыми сторонами, слабо сужающимися у самого острия, которое имеет деформацию от удара. Упор стрелы оформлен в виде массивного расширения овального сечения с резкими переходами от круглого в сечении черешка и от упора к перу. Длина наконечника составляет 96 мм, длина пера – 63 мм при ширине 7–9 мм.

По-видимому, также к степным принадлежит и изделие, обнаруженное у западных границ Ополья, на селище Озерцы 1, расположенном менее чем в 2 км к востоку от Семьинского городища (рис. 53: *13*). Это вытянутый шиловидный наконечник круглого сечения с упором, который формально можно отнести к **типу 102** – пулевидные (Медведев, 1966, с. 86, 153, табл. 21: *28*). От единственного узкого шиловидного наконечника этого типа, известного А. Ф. Медведеву, находка из Озерцов отличается отсутствием шейки. Размеры экземпляра из Ополья: длина – 97 мм, длина боевой части – 66 мм, диаметр (у упора) – 5 мм. Подобный наконечник, несколько меньших размеров, известен из раскопок в Старой Рязани (Даркевич, Борисевич, 1995, с. 288, табл. 60: *6*), близкая по форме стрела опубликована в числе предметов вооружения енисейских кырыгызов (Худяков, 1980, с. 93, табл. XXXI, 12).

Прямая связь появления стрел «степных» типов в культурных слоях русских средневековых городов и селищ с татарскими набегами представляется довольно очевидной.

Однако с накоплением новых данных такая интерпретация считается не единственно возможной. О. В. Двуреченский выделяет срезни в виде узкой вытянутой лопаточки в отдельный тип, констатируя вхождение в состав комплекса вооружения русского служилого сословия стрел, наиболее распространенных в степях Восточной Европы в золотоордынскую эпоху (Двуреченский, 2007, с. 288, 297; 2015, с. 247).

Конечно, в Ополье также нельзя исключить использование срезней в колчанных наборах русских лучников, но стоит обратить внимание на то, что подавляющее большинство находок «степных» стрел происходит с памятников, прекративших свое существование в течение XIII столетия, в момент или несколько позже монгольского завоевания (Тарбаево 5–7, Спасское городище 6, Яновец 2, Скородумка 6, Подолец 1, Торки 5). Только селища Весь 5 и Вышеславское 18 (не считая Суздаля и Семьинского городища) продолжают существование во второй половине XIII – начале XIV в.

Вероятно, к числу степных стрел можно отнести еще две находки. Это ромбовидные снаряды с расширением в верхней трети пера с вытянутыми вогнутыми плечиками и упором. Эти наконечники в целом близки **типу 51** по А. Ф. Медведеву, но отличаются от него более удлиненными пропорциями (1:4 против 1:2–1:3 стрел типа 51).

Тип 9 по типологии О. В. Двуреченского разделяется на два варианта, оба они есть на суздальских памятниках. Варианты различаются формой сечения пера, один из них имеет ромбическое сечение, другой – уплощенное. Наконечник с сечением наиболее широкой его части в виде усеченного ромба (вариант а) был найден на селище Вишенки 6. Общая его длина составляет 67 мм, перо – 50 мм при максимальной ширине 12 мм, вес снаряда – 9,09 г (рис. 54: *6*). Второй вариант уплощенного сечения (вариант б) происходит с селища Пантелиха 1. Его длина – 68 мм, размеры пера – 51 × 13 мм, вес составляет 9,4 г (рис. 54: *7*).

О. В. Двуреченскому известно 13 подобных наконечников XIV – первой половины XVII в. Исследователь подчеркивает близость наконечников 9-го типа с формами, широко распространенными в позднем Средневековье и раннем Новом времени за Уралом в Сибирском ханстве и комплексе вооружения кочевников южной Сибири и Центральной Азии (Двуреченский, 2007, с. 286, 296; 2015, с. 241–242). Учитывая тот факт, что суздальские стрелы были найдены на селищах, где вообще не встречены материалы XIV–XVII столетий, вероятно, их можно считать одними из самых ранних находок этого типа на русских памятниках.

В состав набора стрел, сформировавшегося в XIII – середине XV столетия, входили экземпляры бронебойных снарядов подквадратного и ромбического сечения с утяжеленной боевой головкой.

Три наконечника **типа 89** (Медведев, 1966, с. 82) происходят из Суздаля (Торговая площадь) и сборов на селищах Кистыш 3, Большое Давыдовское 4. Они представлены экземплярами пирамидальной формы с удлиненной, круглой в сечении шейкой, с выраженными гранями и иногда с шипиками по углам квадратной головки (рис. 56: *9–11*). Размеры наконечников: длина – 56–67 мм, размеры боевой головки – 47–60 мм, вес – 9–11 г. Датировка их определяется второй половиной XIII – XIV в. В культурном слое средневековой Твери два подобных наконечника имеют дендродату 1364–1419 гг. (Лапшин, 2009, с. 90, 322). Вероятно, хронологически близки к наконечникам типа 89 стрелы, имеющие уплощенную шейку и манжетовидный упор с боевой головкой, близкой по форме, но ромбического сечения. Два таких наконечника найдены на селищах Вишенки 3 и Вишенки 6, расположенных в нескольких сотнях метров друг от друга (рис. 56: *12–13*).

Серия стрел ромбовидных или почти квадратных в сечении с максимальным расширением в верхней трети своей формы представлена семью находками (рис. 56: *1–7*). Они различаются размерами и пропорциями (длина – от 42 до 70 мм, вес – от 8 до 13 г), определяющим является выраженное смещение центра тяжести к верхней части боевой головки.

Рис. 56. Наконечники стрел XIII – первой половины XV в.
1 – Парша 4; 2 – Тарбаево 5; 3 – Гнездилово 11; 4 – Суворотское 8; 5, 8, 10, 14, 16, 19 – Окольный город Суздаля; 6 – Михали 3; 7 – Подолец 1; 9 – Б. Давыдовское 4; 11 – Кистыш 3; 12 – Вишенки 3; 13 – Вишенки 6; 15 – Суздаль, за пределами стен Окольного города; 17 – Новгородское 1; 18 – Семьинское городище; 20 – Михали 3

Ближе всего по форме эти стрелы к ланцетовидным наконечникам ромбического сечения типа 78 варианту 2 (Медведев, 1966, с. 80). Хотя датируются они широко (XI–XIV вв.), период их наибольшего распространения – XIII–XIV вв. О. В. Двуреченский выделяет такие стрелы в отдельный тип (4). Ему известно всего 4 наконечника из Орешка, Москвы и Коломны, где их датировка приблизительно была определена в рамках второй половины XIV – третьей четверти XV в. (Двуреченский, 2007, с. 286, 296; 2015, с. 234). Большинство находок таких стрел тяготеет к землям Северо-Западной Руси и Прибалтики и соотносится исследователями с комплексом вооружения, формирующимся в результате орденской экспансии в регионе (Кильдюшевский, 1999, с. 65, 68; Rackevičius, 2002, с. 271–274).

Очевидно, что с влиянием европейского комплекса вооружения связано появление в землях Северо-Восточной Руси находок арбалетных болтов. Один черешковый наконечник стрелы от арбалета был найден при раскопках на ул. Теремки в Окольном городе (рис. 56: *8*), он квадратного сечения, массивная боевая часть имеет срезанные углы, приближаясь по форме к **типу 15** (Медведев, 1966, с. 95), но отличается более вытянутыми пропорциями. Размеры снаряда: длина – 57 мм, длина боевой головки – 38 мм, ширина – 8 мм, вес – 27,5 г, по нижней кромке боевой головки располагается рельефный поясок. Находки арбалетных болтов на памятниках Северо-Восточной Руси редки, из последних можно указать небольшую серию втульчатых наконечников из раскопок в Московском Кремле (Курмановский, Панова, 2018, с. 222) и единственную находку с Торецкого поселения в Среднем Поволжье (Валиулина, 2009, с. 20, рис. 2; 2015, с. 77).

Близким по форме и функции арбалетным болтам можно считать пулевидный наконечник, который приблизительно соответствует **типу 102** (Медведев, 1966, с. 106), найденный на селище Михали 3 (рис. 56: *20*). От известных форм он отличается шириной, наличием выраженной шейки с манжетовидным упором, почти квадратным сечением. Его размеры: длина 46 мм, длина боевой головки 20 мм, ширина 8 мм, вес 9,7 г. Другой наконечник этого типа, более привычной формы, происходит из того же раскопа на ул. Теремки, где был найден арбалетный болт (рис. 56: *19*). Его длина составляет 65 мм, длина боевой головки – 26 мм, ширина – 6 мм, над упором располагается рельефный поясок.

Кроме форм наконечников, отраженных в существующих типологиях, есть некоторое количество стрел, не соответствующих в полной мере известным типам, но, благодаря публикациям последних лет, появляется возможность их датировки.

Наконечник, найденный в раскопе 2008 г. в Кидекше в заполнении ямы 2 (рис. 49: *9*), представляет собой ромбовидный в сечении вытянутый снаряд, длиной 62 мм, длина черешка составляет 21 мм. Чуть ниже середины боевой части стрелы перо становится уплощенным, на его двух противоположных гранях появляются узкие (не более 1 мм) фаски, образующие чуть заметные шипики и спускающиеся к основанию. Максимальное расширение пера фиксируется у его основания на гранях, на которых нет фасок, составляет 7 мм. Упор образован плавным переходом от черешка к расширяющемуся перу, без выраженного уступа. Вес наконечника – 9 г. Две подобных стрелы происходят с селища XIV в. Веденец 1 на Куликовом поле (Гоняный, Двуреченский, 2014, с. 140, рис. 14: *5–6*).

Небольшая серия стрел, происходящих преимущественно из Суздаля, имеет довольно близкие аналогии в материалах раскопок Московского Кремля. Две стрелы треугольной формы с ул. Слободской и Торговой площади (рис. 56: *15–16*) близки наконечнику № 1357 раскопа 1 из слоя середины XIV в. (Курамновский, Панова, 2018, с. 209, 222, рис. 8). Еще один, с ул. Лебедева, представляет собой близкую аналогию стреле из раскопа 2 № 219 Ф (Курмановский, Панова, 2018, с. 209, 222, рис. 8) (рис. 56: 14). Это вытянутый уплощенный снаряд с ромбовидной формой пера и длинной плоской шейкой, постепенно расширяющейся к упору, у своего основания шейка имеет округлое сечение. Общая длина стрелы составляет 104 мм, длина пера вместе с шейкой – 81 мм, ширина – 13 мм. Подобный наконечник есть в материалах Торецкого поселения (Валиулина, 2009, с. 18, 20, рис. 2: *14*; 2015, с. 75, 77, рис. 3: *8*), который отнесен С. И. Валиулиной к числу «веслообразных».

Для находки с Семьинского городища (рис. 56: *18*) аналоги известны из раскопок подмосковного селища Ознобишино 8, датируемого в целом XV в. Это стрела с плоским вытянуто-ромбовидным пером, с уплощенной шейкой, постепенно утолщающейся к упору. Длина стрелы – 58 мм, длина пера вместе с шейкой – 46 мм, ширина – 12 мм, вес –8,76 г.

Последний из выборки наконечников Ополья происходит из сборов на селище Новгородском 1 (рис. 56: *17*). Стрела ромбовидной формы с вогнутыми плечиками, переходящими в шейку, сужающуюся к упору, который имеет манжетовидную форму. Длина наконечника – 63 мм, размеры пера – 36 × 11 мм.

Наконечники сулиц и копий

Находки сулиц на памятниках Ополья ограничены пятью экземплярами (рис. 51: *5–6, 8–10*). Четыре из них представлены черешковыми наконечниками листовидной формы, в двух случаях (селища Шекшово 2 и Новгородское 1) сохранились только их обломки (менее трети пера), кончики черешков были загнуты для крепления в древке. Датировка таких дротиков определяется довольно широко (Кирпичников, 1966б, с. 23–25), в Новгороде древнейший наконечник сулицы листовидной формы найден в слоях середины X в.

(Медведев, 1959, с. 128). Для находок из Ополья, по-видимому, наиболее вероятное время бытования может быть определено в промежутке между второй половиной X – первой половиной XII в.

Сулицы не были встречены при раскопках М. В. Седовой в Суздальском кремле, дротики с листовидной формой пера отсутствуют среди предметов вооружения, собранных при раскопках Ярополча Залесского (Седова, 1978, с. 106). Одна из учтенных находок происходит из-за пределов укреплений Окольного города (ул. Слободская), на отдалении от древнейшей зоны застройки, и, возможно, не связана с городским культурным слоем.

В двух случаях находки сулиц сделаны на памятниках с явным преобладанием материалов IX–XI вв. (Шекшово 2 и Весь 5).

Пятая находка – дротик с пером двушипной формы, найден на севере Ополья (Григорово 1) (рис. 51: *8*). Перо ромбического сечения треугольных очертаний со слабо отогнутыми шипами, черенок прямоугольный в сечении с прямым заостренным завершением. Общая длина изделия 123 мм, длина пера 32 мм, ширина 19 мм. Исходя из его размеров, можно сказать, что дротик из Григорова относится к числу наиболее легких подобных предметов (29 г) (Медведев, 1959, с. 128), но в целом его определение как наконечника метательного копья представляется вполне вероятным. Подробный историографический анализ публикаций, посвященных восточноевропейским находкам двушипных дротиков-ангонов, недавно был проделан Е. Р. Михайловой, находку из Ополья можно отнести к типу С в типологии М. Атгазиса (с коротким почти треугольным пером и четырехугольным в сечении черешком) (Михайлова, 2019, с. 305), датировка его может быть определена близко к рубежу I–II тысячелетий н. э.

В выборку вошли три находки наконечников копий, один из них с Ратницкого 4 может быть отнесен к **типу IIIA** (Кирпичников, 1966б, с. 7, 12, 13). Длина наконечника составляет 142 мм, размеры пера – 80 × 22 мм, диаметр втулки – 23 мм (рис. 51: *7*).

Подъемный материал, происходящий с селища, представлен в основном обломками лепных сосудов и выразительной коллекцией находок, состав которых позволял предполагать происхождение их из распаханного могильника, датирующегося не позднее XI в. (Макаров, 2008, с. 6, рис. 2).

Два других копья обнаружены при проведении охранных работ в Окольном городе Суздаля. Копье с ул. Теремки – это крупное изделие длиной около 35 см, длина втулки – 92 мм, ее ширина (внутренний диаметр) – 25 мм, максимальная ширина пера – 29 мм (рис. 51: *1*). Точно длину пера установить нельзя, поскольку кончик его загнут в обратную сторону. Типологически наконечник относится к типу IVA (Кирпичников, 1966б, с. 15) лавролистным XI–XIII вв. Копье найдено в материковом выбросе, поблизости от края котлована подполья крупной постройки второй половины XII–XIII в. (Бейлекчи, Родин, 2007, 210–211, рис. 7: *1*).

Копье с Торговой площади 12/1 найдено вне контекста стратифицированных напластований. Наконечник имеет переменную ширину пера: оно максимально расширяется близко к середине своей формы, а потом резко сужается и завершается шиловидным жалом. Размеры: длина – 29 см, втулка длиной 9 см, шириной 2,2–2,3 см, максимальная ширина пера – 2,1 см, вес изделия – 182 г (рис. 51: *2*). В сечении перо имеет форму вытянутого ромба с вогнутыми сторонами. Верхняя (суженная) часть пера длиной около 11 см тоже ромбического сечения, но без вогнутости сторон. У втулки имеется отогнутый манжет шириной 1,5–3 мм, но неясно, был ли он изначально: втулка разрезана или распилена до середины, сбоку у основания – круглое отверстие диаметром около 2 мм. Острие наконечника имеет следы перекрученности, а сам кончик, по-видимому, обломан. Копье с Торговой площади не имеет прямых аналогий среди древнерусского древкового оружия. Вероятно, (исходя из формы сечения пера), его можно отнести к образцам позднесредневекового вооружения (Двуреченский, 2015, с. 99–100, рис. 42–43; Бобров, Каинов, Веселицкая, Сальников, 2019, с. 546).

Обоюдоострые ножи

Находки, аналогов которым в опубликованных материалах средневековых древностей региона не встречено, – два обоюдоострых изделия, по своим формам очень близкие наконечникам сулиц, но с насадом, предполагающим наличие рукояти. Они условно названы обоюдоострыми ножами и, хотя функции их до конца не ясны, представлены в ряду предметов, которые могут быть использованы как оружие.

Наиболее крупный из двух нож из Шекшова 2 (рис. 51: *13*) имеет лезвие ромбической формы, с расширением чуть ниже середины, с выраженным ребром жесткости, уплощенно ромбовидное в сечении, которое без уступа или упора переходит в стержень насада рукояти. Насад, прямоугольный в сечении, заканчивается загнутой петлей. Длина предмета – 167 мм, размеры ромбовидного лезвия – 94 × 33 мм.

Второе изделие, меньших размеров, найдено на селище Григорово 3 (рис. 51: *12*), форма лезвия у него ближе к лавролистной с расширением в нижней трети пера, с выраженным ромбовидным сечением, ребро жесткости сглажено. Длина ножа составляет 117 мм, размер лезвия – 61 × 18 мм. В отличие от шекшовской находки, нож из Григорова 3 имеет

Рис. 57. Булавы и кистени.
1 – Карельская Слободка 5; 2 – Тарбаево 5 – 2; 3, 10 – Гнездилово 2; 4 – Григорово 1; 5 – Кистыш 3; 6 – Вышеславске 2; 7 – Сорогужино 5; 8 – Семьинское городище; 9 – Б. Давыдовское 2; 11 – Шекшово 2; 12 – Сорогужино 4; 13 – Парша 3; 14 – Константиново 2; 15 – Вышеславское 5; 16 – Б. Давыдовское 4; 17 – Михали 3

не насад, а уплощенную рукоять также с петлей в своей нижней части. Рукоять, видимо, могла оборачиваться кожей или другим органическим материалом.

Булавы и кистени

Ударное древковое оружие представлено в Ополье 17 находками на 16 памятниках. Только на селище Гнездилово 2 найдено два предмета (булава и железный сердечник от кистеня), на остальных поселениях находки единичны. Больше всего железных булав в виде куба со срезанными углами – тип II (Кирпичников, 1966б, с. 48, 49, рис. 10), 6 штук (на селищах Кистыш 3, Б. Давыдовкое 2, Сорогужино 5, Вышеславское 2, 5 и на Семьинском городище) (рис. 57: *5–9, 15*), дважды обнаружены экземпляры с односторонним клювовидным выступом – тип II А (селища Карельская Слободка 5, Тарбаево 5) (рис. 57: *1–2*), к типу 5 – шаровидным, относятся две находки (из Гнездилова 2 и Григорова 1) (рис. 57: *3–4*). Вес найденных экземпляров – от 117 г (булава с клювовидным выступом из Тарбаева 5) до 227 г (Б. Давыдовское 2). Это несколько меньше, чем средний вес булав (200–300 г), по данным А. Н. Кирпичникова (Кирпичников, 1966б, с. 50). Наиболее легкие экземпляры ближе по этому показателю к кистеням. Навершие из раскопа 2010 г. на Б. Давыдовском 2 сделано небрежно, его довольно условно можно отнести к кубовидным, с одной из сторон грани почти не различимы.

Наиболее крупные из булав с Б. Давыдовского 2 и Кистыша 3 имеют размеры – 3,4–3,6 см × 2,6–3,2 см при внутреннем диаметре – 2,3–2,4 см. Самые маленькие – булавы с клевцом. Их размеры – 2,4–2,6 см при диаметре внутреннего отверстия 1,7–1,9. Длина клювовидных выступов – 2,4–2,7 см.

Булав из цветного металла найдено всего две (Б. Давыдовское 4 и Михали 3), и в обоих случаях это обломки. Вероятнее всего, обе находки можно отнести к булавам типа IV – с четырьмя большими центральными и восемью малыми крайними шипами (Кирпичников, 1966б, с. 51). В случае с булавой с Б. Давыдовского 4 это очевидно: на обломке хорошо различим большой центральный шип с тремя сохранившимися небольшими полушарными выступами на углах и один малый (рис. 57: *16*). В другом случае от булавы остался только литой орнаментальный поясок, обрамляющий шипы, которые, по-видимому, были выломаны для переплавки (рис. 57: *17*).

Кистеней и их обломков найдено пять. Два из них роговые (рис. 57: *12, 14*), удлиненно-овальной с округлым отверстием под сердечник. Один из них (Константиново 2) сохранился почти полностью, его вес – 58,7 г, размеры – 61 × 28 мм; от второго, меньших размеров (34 × 17 мм), найденного на Сорогужино 4, осталась лишь половина. Остальные три находки – это два железных сердечника (рис. 57: *10–11*), один из которых сломан (Шекшово 2, Гнездилово 2), и совершенно целая гирька, обнаруженная на селище Парша 3 типа II (Кирпичников, 1966б, с. 59), весом 108 г.

Время бытования большинства имеющихся находок булав может быть определено очень широко. Только для вещей, изготовленных из цветного металла, можно назвать рубежом монгольское нашествие как время прекращения их изготовления (Кирпичников, 1966б, с. 53). Датировка роговых кистеней определяется в пределах X–XIII вв. (Кирпичников, 1966б, с. 59–65), но находка обоих роговых гирек на памятниках с материалами XIV – первой половины XV в. оставляет возможность и более позднего их использования. Железные булавы в виде куба со срезанными углами типа II продолжают использоваться в течение всего Средневековья (Двуреченский, 2015, с. 197).

Защитное вооружение

В составе коллекции оружия из Ополья, помимо примерно двух десятков отдельных колец плохой сохранности, которые к числу кольчужных можно отнести только исходя из их размера (от 7 до 11 мм в диаметре), найдено два обрывка кольчатого доспеха и серия из шести пластин разной формы, которые с разной степенью вероятности можно отнести к панцирным.

Обрывки кольчуги

Наиболее крупный фрагмент кольчуги обнаружен при сборах в 2004 г. на селище Кистыш 3 (рис. 58: *4*). Он представляет собой обрывок кольчужного полотна с неровными краями пятиугольной формы, с максимальными размерами 43–44 × 45–46 мм. Полотно волнообразно изогнуто, сильно проржавело, по краям большая часть колец деформирована и разломана. Тем не менее прослеживается не менее 12 рядов плетения, кольца мелкие – 7–8 мм диаметром, округлого или уплощенно-овального сечения, толщина проволоки – 1,1–1,4 мм, в нескольких случаях на кольцах различимы раскованные площадки для соединения дрота на гвоздь. Отдельно было подобрано одно колечко, которое по форме и размеру совпадало с входившими в состав обрывка.

Второй фрагмент кольчужного плетения (Ратницкое 9) состоит из семи колец диаметром 8–11 мм (рис. 58: *7*). Кольца имеют уплощенное сечение, угловатые края, на четырех из них хорошо видны уплощенные места соединения на гвоздь. Толщина дрота – 1,2–1,5 мм.

Панцирные пластины

Почти полностью сохранившаяся панцирная пластина от ламеллярного доспеха происходит из раскопок Семьинского городища (рис. 58: *3*). Это вытяну-

тое изделие размером 86 × 24–25 мм со скругленным верхним краем толщиной около 0,8 мм. В верхней части пластины размещаются три пары отверстий диаметром 2,5–3,5 мм, одно – в середине (диаметр – 3,5 мм), еще два отверстия по бокам изделия в ее нижней части (верхние из пары) сохранились фрагментарно. Нижняя часть пластины пострадала от коррозии, угадывается лишь общий ее абрис. В целом находка с городища по своей форме и расположению отверстий полностью соответствует пластинам типа А, который выделен на материалах мастерской из Гомия (Макушников, Лупиненко, 2004а, с. 213, 214), но отличается бóльшими размерами.

Фрагмент, происходящий из шурфа 1 на селище Вишенки 3, также можно определить как обломок пластины ламеллярного доспеха (рис. 58: *8*). Его размеры – 37 × 44 мм. Обломок представляет собой окончание пластины шириной не менее 37 мм, возможно, со слабо скругленными углами. Частично сохранилась только одна из прямых сторон предмета. На расстоянии 34–35 мм от предполагаемого угла, в 2,5–3 мм от края пластины размещается округлое отверстие диаметром 3 мм, ниже него – еще одно, наполовину обломанное. Пара крепежных отверстий располагалась перпендикулярно верхнему (предположительно) краю посередине пластины, диаметр отверстий – 2,7–2,8 мм.

Третья из доспешных пластин происходит из сборов на селище Михали 3 (рис. 58: *6*). Находка разломана на два фрагмента, линия разлома проходит наискосок через все изделие, задевая одно из крепежных отверстий. Тем не менее общий облик и размеры находки восстанавливаются довольно уверенно. Ее форму можно описать как расширяющуюся вниз трапецию со слабо выпуклыми сторонами и двумя выемками, которые образуют волнистый нижний край пластины. Длина изделия – 54 мм по нижнему краю и 49 мм по верхнему, максимальная ширина – 30 мм (по центральному выступу), толщина – около 1–1,3 мм. Вдоль верхнего края пластины, близко к ее центру, располагаются два отверстия диаметром 2,5–2,7 мм на расстоянии 3 мм одно от другого. У нижнего края, над выступом между двумя выемками, есть еще два отверстия, одно из которых диаметром 1,8–1,9 мм, а второе, слева от первого, только намечено. В обоих случаях видны следы сверления по краю отверстий, что позволяет предположить, что первоначально на изделии их не было. Еще одно отверстие, которое размещается у ее левого нижнего угла, вероятно, также высверливалось намеренно, оно имеет вытянуто-овальную форму, неровные края, размеры его составляют 1,6 × 0,9 мм, но может быть и следствием коррозии.

Близких аналогий находке из Михалей представить сейчас нельзя, но, судя по форме, она является частью сложносоставного пластинчатого доспеха, по оформлению нижнего края ее можно сравнить с известными новгородским находками, недавно получившими уточненную атрибуцию (Каменский, Кулешов, 2014, с. 166–167, 181, рис. 19, а-б).

Две панцирные пластины были обнаружены при раскопках селища Кибол 5 в заполнении большого подполья (яма 1) в слоях второй половины XIII – XIV в. (рис. 58: *1–2*).

Пластины похожи между собой и имеют, по-видимому, пятиугольную форму. Полностью восстановить форму изделий нельзя, поскольку один из краев у каждой из них утрачен. В обоих случаях довольно хорошо сохранилась та сторона пластин, которая имеет форму треугольного выступа, по его углам размещены отверстия для крепления. Пластины немного расширяются к противоположному от выступа краю, имеют слабую вогнутость. Ширина пластин составляла от 48–52 мм у узкого края до 51–55 мм у сохранившихся частей широкого края. Максимальная длина (от вершины выступа) в одном случае составляла 62 мм, в другом – 76 мм. Последнюю величину можно, по-видимому, считать близкой реальным размерам. Толщина пластин составляет от 0,7 до 1,3 мм. Прямых аналогий таким пластинам «дощатого» доспеха найти не удалось, однако их форма и размеры, близкое сходство, нахождение в одном комплексе позволяют, с большой долей вероятности, предполагать именно такую атрибуцию.

Последняя из находок к панцирным пластинам может быть отнесена только гипотетически. Она происходит из сборов на селище Кистыш 3, представляет собой обломок пластины изначально, вероятно, прямоугольной формы (рис. 58: *5*). Сохранившийся фрагмент обломан с трех сторон, с четвертой прослеживается оббитый, но ровный край. Максимальные размеры находки – 45 × 27 мм. На лицевой ее стороне частично сохранились следы инкрустации белым металлом в виде двух концентрических окружностей, занимавших, по-видимому, большую часть поверхности пластины. Пространство между окружностями также было покрыто тонким слоем белого металла. Толщина пластины меняется, уменьшаясь от центра к краям, и составляет от 1,7 до 0,5 мм.

Исходя из характера декора, можно предположить принадлежность изделия к числу предметов, происходящих с территории средневековой Литвы. Вещи с подобной инкрустацией известны в погребальных древностях Понеманья в XIII–XIV столетиях, входят обычно в состав всаднического снаряжения или поясных наборов, а не пластинчатого доспеха. Находка из Ополья может представлять собой или военный трофей, или часть снаряжения, попавшего в регион вместе выходцем из Прибалтики или западнорусских земель (Petrauskas, 2017, p. 473, pav. 137; Bugys, Venckūnienė, Zaveckienė, 2020, p. 265, 276, 289–291, pav. III, 18–20, 32, 42–44).

Несмотря на небольшое количество находок, коллекция предметов, относящихся к защитному вооружению, демонстрирует широкий спектр видов доспеха, представленного кольчатым и тремя видами пластинчатых панцирей. Наиболее ранней находкой, по-видимому, можно считать обрывок кольчуги с Ратницкого 9, который, исходя из времени существования селища, может быть датирован второй половиной – концом XI – первой половиной XII в. Фрагмент кольчужного полотна с селища Кистыш 3, пластины от ламеллярного доспеха с Семьинского городища и Вишенок 3 можно предположительно датировать второй половиной XII – XIII в. Концом XII – XIV в. можно датировать находку из Михалей. Наиболее поздними можно считать пластины из Кибола 5, исходя из состава комплекса и атрибуции их в качестве части пластин от куяка или корацины (Курмановский, Панова, 2018, с. 211), – не ранее середины – второй половины XIV в.

Клинковое оружие

Детали клинкового оружия представлены всего четырьмя находками, одной из которых (сабельному клинку из раскопок в Окольном городе Суздаля) в настоящем издании посвящена отдельная небольшая работа.

Среди оставшихся трех предметов выделяется ***основание навершия рукояти меча***, обнаруженное при сборах на селище Крапивье 10. Это довольно массивный предмет ладьевидной формы, при виде сбоку имеет форму трапеции, расширяющейся книзу. Размеры предмета: длина по нижнему краю – 83 мм, по верхнему – 77 мм, высота – 17,5–19 мм. Максимальное поперечное расширение в нижней части – 28 мм. Деталь пустотелая, на верхнем торце расположен паз ладьевидной формы размерами 65 × 11–13 мм при максимальном расширении в средней части детали, глубина паза – 9–11 мм. На нижнем торце находится отверстие под черен клинка размерами 11 × 5–6 мм. С двух сторон от него на расстоянии 14 и 17 мм располагаются круглые отверстия для монтировки верхней части навершия. В одном случае диаметр отверстия составляет более 3 мм, в другом сказать что-либо определенное сложно, поскольку оно заполнено продуктами коррозии. На внешней поверхности боковых сторон под продуктами коррозии заметна частично сохранившаяся инкрустированная проволока цветного металла. Инкрустация формирует плотно расположенные, вытянутые в вертикальной проекции треугольники. Трапециевидная форма детали и его орнаментация позволяет предположить, что основание навершия принадлежит мечу типа Т-2 по типологии Я. Петерсена, менее вероятно, к типу V[3] (Петерсен, 2005, с. 178–181, 183–184; Кирпичников, 1966а, с. 28–32; Андрощук, 2013, с. 71–74).

Наконечник ножен меча. Пожалуй, наиболее выразительной находкой, относящейся к комплексу предметов вооружения, можно считать фрагмент бронзового изделия с человеческой личиной, который достоверно может быть определен как часть ажурного наконечника ножен меча (происходит с территории селища Шекшово 2) (рис. 58: *10*). Это вторая находка в Ополье подобного наконечника, первая была сделана при раскопках графом А. С. Уваровым Васильковских курганов в 1851 г. (Каинов, 2009, с. 99). В пределах территории Древней Руси это седьмой подобный наконечник ножен, а в целом, судя по опубликованным данным, без учета Шекшовского, их известно 27 (Wyrwa, Janowski, 2014, с. 335, 340–343). Время бытования таких изделий, оформленных в стиле Borre, определяется в пределах X в., возможно, второй его половины (Wyrwa, Janowski, 2014, 335–339)[4].

Наконечник сабельных ножен (рис. 58: *11*) обнаружен в 2013 г. в процессе охранных работ на ул. Шевченко. Прямоугольный по форме (вид сбоку), линзовидный или вытянуто-овальный в разрезе предмет размерами 68 × 36 мм, максимальная ширина в поперечнике – 11 мм. По верхнему краю наконечника, с внешней стороны, расположен декоративный вырез скобчатой формы шириной 28 мм и глубиной в середине 10 мм.

Выяснение времени бытования находки представляет определенные сложности, поскольку набор аналогий ограничен. Суздальский наконечник можно соотнести только с кочевническими материалами позднего Средневековья, где подобные формы (уплощенно-цилиндрические, вариант 3 – длинные) составляют большинство известных (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 133–134, рис. 6: *3*). Вероятно, датирующим элементом может служить фигурный вырез на верхнем краю изделия, но аналогий такому декоративному оформлению сейчас предложить нельзя. Наконечник ножен из Суздаля отличается от немногочисленных вещей подобного назначения, известных сейчас для XVI – начала XVII в. (Двуреченский, 2015, с. 62, рис. 16), и с учетом места находки, состава комплекса, в котором был обнаружен предмет, наиболее вероятная датировка – вторая половина XII – XIV в.

Снаряжение верхового коня

Предметы, относящиеся к деталям упряжи и снаряжения верхового коня, на памятниках Ополья довольно многочисленны. Деталей кольчатых удил

[3] Более точное типологическое определение возможно после более полной расчистки поверхности детали.

[4] Пользуясь случаем, выражаю признательность С. Ю. Каинову за помощь в атрибуции пластины с инкрустацией, деталей рукояти и ножен меча с памятников Суздальского Ополья

Рис. 58. Детали защитного вооружения и клинкового оружия.
1, 2 – Кибол 5; 3 – Семьинское городище; 4, 5 – Кистыш 3; 6 – Михали 3; 7 – Ратницкое 9; 8 – Вишенки 3; 9 – Крапивье 10; 10 – Шекшово 2; 11 – Суздаль, за пределами стен Окольного города

(тип IV по А. Н. Кирпичникову) насчитывается сейчас около 170 находок. К наиболее редким экземплярам можно отнести грызло удил «без перегиба» длиной почти 13 см (тип VI) (Шполянский, 2017б, с. 160, рис. 6: *13*). Такие удила, датируемые X–XI вв., считаются характерными для степных районов Восточной Европы (Кирпичников, 1973, с. 15).

К достаточно многочисленным находкам, относящимся к всадническому снаряжению, принадлежат более 40 средневековых подков серповидных с передним шипом (Двуреченский, 2004а, с. 239), шесть ледоходных шипов.

Помимо этих предметов собрано 75 вещей, включающих псалии, обломки стремян, шпор, отдельные детали декора узды. Единичными экземплярами или совсем небольшим количеством представлены скребницы, замки от пут, вертлюги, средства борьбы с конницей – четырехконечные шипы («чеснок»).

Псалии

Обломков и целых псалиев без учета вещей, найденных в раскопках М. В. Седовой на памятниках Ополья, сейчас известно 25. За единственным исключением, они обнаружены при проведении археологических исследований. Один экземпляр из района села Тарбаево был передан в дар в фонды Владимиро-Суздальского музея-заповедника (Родина, 2012, с. 91, 92).

Типологически наиболее ранних, стержневидных псалиев, соотносимых обычно с 1-м типом удил (Кирпичников, 1973, с. 15–16) (рис. 59: *14, 18, 20–25*), найдено 8 штук на семи памятниках (Шекшово 2, Весь 5, Осановец 1, Тарбаево 5, 7, Михали 3, Семьинское городище). Их можно разделить на составные и простые (цельнокованые). Первые представляют собой стержень овального, округлого, иногда подпрямоугольного сечения, в средней части которого есть два сквозных отверстия-паза, в которые вставляется плоская пластина с петлей и выемкой между выступами, крепящимися в пазах. В результате при сборке двух деталей получается псалий с двумя отверстиями под ремень узды и кольцо грызла. На Семьинском городище найден боковой щиток от псалия прямоугольной формы с одним сохранившимся выступом для крепления в паз стержня (рис. 59: *14*).

Цельнокованый псалий, происходящий из сборов на Тарбаеве 7, имеет расширение в центральной части, в котором также сделаны два отверстия (рис. 59: *25*). Поскольку все находки стержневидных псалиев представляют собой обломки, то достоверно говорить о размерах изделий нельзя. Тем не менее в большинстве случаев сломаны они примерно посередине – у пазов. Размеры обломков – от 30 до 75 мм в длину. Большинство стержней украшено рельефными валиками, завершение оформлено в виде шишечек грибовидной или конусовидной формы.

Такое декоративное оформление псалиев находит многочисленные аналогии в степной и лесостепной зоне Восточной Европы, (Крыганов, 1987, с. 268, рис. 69; Майко, 2014, с. 27, рис. 3; Кравченко, 2020, с. 216, рис. 2), однако относятся кочевнические удила к более раннему времени – VIII – первой половине X в. Общая хронология памятников, с которых происходят стержневидные псалии в Ополье, позволяет предполагать наиболее вероятную их датировку в пределах X – первой половины XI в., что в целом соответствует датировке древнерусских удил 1-го типа (Кирпичников, 1973, с. 18). Правда, подобные новгородские находки, опубликованные А. В. Андриенко, имеют более поздние даты (Андриенко, 2006, с. 141–154), но среди них нет декорированных вещей. Аналогии суздальской серии предметов в лесной зоне немногочисленны: один псалий найден в погребении № 16 на Чертовом городище в бассейне Верхней Оки (Прошкин, 2015, с. 69, 71, рис. 4: *3*), один происходит из смоленских длинных курганов (Нефедов, 2020, с. 158, 168, рис. 4: *1*) и с Сарского городища (Леонтьев, 1996, с. 138–139, рис. 57: *1*).

Наиболее выразительны среди имеющихся находок так называемые крылатые псалии (10 штук), происходящие с 8 селищ (Весь 5, Кибол 5, Шекшово 2, Хламово 1, Суворотское 8, Григорово 1, Скородумка 6, Михали 3) и из района с. Тарбаево (рис. 59: *1–10*), в том числе один целый с грызлом с завершением восьмеркообразной формы (Суворотское 8) (рис. 59: *10*) и два почти полностью сохранившихся экземпляра с инкрустацией медной проволокой (Кибол 5, Хламово 1). Находка из-под Тарбаева (рис. 59: *8*) изготовлена из цветного металла, ее щиток украшен литым орнаментом. Большинство «крылатых» псалиев составные, стержни часто инкрустированы (рис. 59: *6–7*). Псалий из цветного металла литой, но форма предмета – изогнутый стержень округлого сечения с утолщениями на концах с примыкающим к нему щитком, довольно точно копирует конструктивные детали составных железных образцов. Изогнутые псалии со щитками являются основным признаком удил типа III, время бытования которых определяется в пределах XI–XII вв. (Кирпичников, 1973, с. 14).

Среди суздальских находок есть вещи, которые хоть в целом и могут быть отнесены к выделенным типам, но обладают заметными морфологическими особенностями. По-видимому, один из наиболее поздних псалиев найден при раскопках селища Вишенки 3 (рис. 59: *12*), где он происходит из слоя второй половины XII – начала XIII в. Он цельнокованый, с тонкими сужающимися к концам стержнями, на которых располагаются декоративные шишечки, украшенные рельефными валиками.

Рис. 59. Псалии с памятников Суздальского Ополья.
1, 6 – Кибол 5; 2 – Хламово 1; 3 – Григорово 1; 4 – Скородумка 6; 5, 18, 21 – Весь 5; 7, 19, 24 – Шекшово 2; 8 – район Тарбаева; 9, 17, 23 – Михали 3; 10, 16 – Суворотское 8; 11 – Парша 3; 12 – Вишенки 3; 13 – Кибол 11; 14 – Семьинское городище; 15 – Новоселка 1; 20 – Осановец 1; 22 – Тарбаево 5; 25 – Тарбаево 7

Обломок такого же стержня, плавно расширяющегося к центру изделия, завершение которого оформлено двумя рельефными поясками, происходит из сборов на Шекшово 2 (рис. 59: *19*). Псалий с похожим оформлением окончаний стержня найден на Рюриковом городище (Носов, Горюнова, Плохов, 2005, с. 195, табл. 23: *19*).

Грубостью исполнения выделяется изделие с селища Парша 3 (рис. 59: *11*). Это массивный предмет, в целом повторяющий очертания форм «крылатых» псалиев, с пластинчатыми слабо выгнутыми ветвями. Видимо, как подражания форме «крылатых», надо воспринимать предметы с селищ Кибол 11, Суворотское 8, Новоселка 1, Михали 3 (рис. 59: *13*, *15–17*). Это цельнокованые изделия с рельефным валиком по краю, имитирующим стержень в составных псалиях. Общая хронология бытования таких находок, вероятно, совпадает со временем использования псалиев широко известных форм.

Шпоры

Представлены 24 находками на 16 памятниках. Пять фрагментов найдено в Суздале. В Сорогужине 4, Кистыше 3, Тарбаеве 5–7 и Киболе 11 известно по две находки. В единственном экземпляре обломки шпор и их детали встречены на Семьинском городище и десяти селищах (Новгородское 1, Торки 5, Васильково 1, Теренеево 1, Янево 4, Яновец 2, Павловское 2, Соргужино 5, Раславское 1, Гнездилово 1).

К числу так называемых каролингских шпор 1-го типа относится 4 вещи из учтенных (рис. 60: *4–5, 10, 18*). Из них три железные обнаружены в Суздале, на ул. Теремки, и при сборах на Сорогужине 5 и Теренееве 1. Фрагмент изделия из цветного металла происходит с Семьинского городища. В трех случаях это шпоры с сигарообразным шипом (тип А) и прямой скобой, но без сохранившихся петель крепления. В Теренееве, напротив, найдена часть скобы с петлей с круглыми отверстиями под заклепки (тип 1) (Кирпичников, 1973, рис. 37; 69: *1–3*). Первая находка шпоры такого типа в регионе известна из раскопок в Суздальском кремле (Данилов, 1991, с. 89, 99; рис. 7: *1*).

К типу 1А (с приподнятым шипом) принадлежит шпора из Кистыша 3 (рис. 60: *9*), на шипе прослеживается точечная инкрустация. Датировка шпор типов 1–1А на древнерусских материалах в целом определяется в рамках XI–XII вв. (в течение XII столетия они постепенно выходили из употребления) (Кирпичников, 1973, с. 60–62).

В Ополье известно два обломка шпор с плавным волнообразным изгибом дуги и шипом, находящимся в плоскости этого изгиба (тип II) (рис. 60: *1–2*). В одном случае сохранился фрагмент дуги с шипом (Суздаль, ул. Ленина, 82), в другом – дуга с петлей прямоугольной формы (Тарбаево 5). У обеих шпор (на дугах и шипе) были отмечены следы утраченной или остатки точечной инкрустации. Основной период бытования шпор типа II определен между 1150 и 1250 гг., однако начало их распространения начинается примерно на полстолетия раньше этого интервала (Кирпичников, 1973, с. 62–63, рис. 37; 69: *4–6*).

К числу шпор самого распространенного в XII–XIII вв. типа III (с резким изгибом окончания скобы с петлей вверх и шипом, обращенным под углом вниз) можно с некоторой натяжкой отнести только одну находку – шпору из Новгородского 1 (рис. 60: *11*), шаровидным ограничителем на шипе (тип Е). Вместе с тем очень близкая по всем параметрам находке из Новгородского 1 шпора из Окольного города (Суздаль, ул. Ленина, 82) (рис. 60: *12*) может быть, скорее, отнесена к типу IV, с плавным («полуциркульным») изгибом скобы и шипом, расположенным к ней под прямым или тупым углом (Кирпичников, 1973, с. 62–65). Определенно к типу IV принадлежит изготовленный из цветного металла фрагмент плавно изогнутой скобы с прямоугольной петлей (Тарбаево 5) (рис. 60: *3*) и шпора из Павловского 2 – массивное изделие с плавным изгибом, прямоугольной петлей с крупными прорезями и шипом пирамидальной формы квадратного сечения, расположенного под тупым углом к скобе (рис. 60: *8*).

В остальных случаях (Раславское 1, Васильково 1, Кибол 11) шпоры с пирамидальными шипами и с шаровидными ограничителями, расположенными под углом к скобе, найдены во фрагментах, что позволяет определить их обобщенно типами III–IV (рис. 60: *13–15*). Еще две находки (Торки 5, Кибол 11) представлены обломками прямоугольной и округлой петель с прямыми прорезями (рис. 60: *6–7*). Датировка обоих типов, бытовавших, по-видимому, синхронно, определяется в пределах XII–XIII вв. (Кирпичников, 1973, с. 62–68).

Фрагменты и целые экземпляры колесцовых шпор представлены 8 экземплярами (Суздаль, селища Гнездилово 1, Сорогужино 4, Янево 4, Кистыш 3, Яновец 2). Из Суздаля и Сорогужино 4 происходит по две находки.

Практически полностью сохранилась шпора из заполнения подполья постройки второй половины XII – XIII в. из с. Гнездилово, утрачено только звездчатое колесико (рис. 60: *16*). В соответствии с предложенной недавно типологией колесцовых шпор гнездиловскую находку (с дугообразно изогнутой скобой с округлыми крепежными петлями) можно определить как тип Vб вариант 3, время бытования этих вещей по новгородским аналогиям – XIV в. (Двуреченский, 2018, с. 126, 150, рис. 4). К более позднему времени, судя по S-видному профилю скобы, прямоугольной форме крепежных петель

Рис. 60. Шпоры с памятников Суздальского Ополья.
1, 3 – Тарбаево 5; 2, 10, 12, 17, 24 – Окольный город Суздаля; 4 – Семьинское городище; 5 – Сорогужино 5; 6, 13 – Кибол 11; 7 – Торки 5; 8 – Павловское 2; 9, 22 – Кистыш 3; 11 – Новгородское 1; 14 – Раславское 1; 15 – Васильково 1; 16 – Гнездилово 1; 18 – Теренеево 1; 19, 20 – Сорогужино 4; 21 – Яновец 2; 23 – Янево 4

Рис. 61. Стремена, детали узды, снаряжение верхового коня, средства борьбы с конницей.
1 – Шекшово 2; 2 – Улово 2; 3 – Крапивье 10; 4 – Григорово 3; 5, 18 – Кистыш 3; 6 – Б. Давыдовское 2; 7 – Михали 3; 8, 14 – Тарбаево 6; 9, 13, 19 – Вышеславское 5; 10 – Улово 1; 11 – Тарбаево 7; 12 – Кибол 11; 15 – Губачево 1; 16 – Федоровское 2; 17, 22 – Кибол 5; 20 – Вышеславское 2; 21 – Весь 5

и длине штанги для крепления колесца, относится шпора с Сорогужина 4 (рис. 60: *19*), которая соответствует типу VIII (Двуреченский, 2018, с. 130, 147, рис. 1). Она датируется второй половиной XIV – первой половиной XV в. Плоская пяточная часть скобы с ул. Теремки в Суздале (рис. 60: *17*) может быть определена как фрагмент шпоры VII или VIII типов и датирована этим же временем.

Отдельные колесики от шпор только отчасти возможно разделить по типам, поскольку существующая классификация опирается преимущественно на форму скобы и петель. Тем не менее три колесца (из Кистыша 3, Янева 4 и с Торговой площади) (рис. 60: *22–24*) при диаметре до 2,6 см и количестве лучей от 8 до 16 могут быть суммарно отнесены к V–VI типам и датированы второй половиной XIII – XIV в. (Двуреченский, 2018, с. 125–127).

Крупные колесики диаметром около 3,5 см с 32–33 лучами из Сорогужина 4 и Яновца 2 (рис. 60: *20–21*) в настоящий момент нельзя соотнести с опубликованными образцами из Северо-Восточной Руси, но в Европе шпоры с такими колесиками хорошо известны. Именно на морфологию этих изделий ориентируется О. В. Двуреченский, когда описывает типы позднесредневековых «острогов» (см., например: Clark, Ellis, Egan [et al.], 2004, p. 144, 147–149, № 348–49, 361–62). Датировка находок такого типа – вторая половина XIV – первая половина XV в.

Стремена и другие детали снаряжения верхового коня

Стремена на памятниках Ополья найдены в основном в обломках. Всего известно о 12 находках, в том числе о пяти – из раскопок Семьинского городища, остальные семь найдены на селищах Улово 1, Тарбаево 6, 7, Губачево 1, Кибол 11, Федоровское 2, Вышеславское 5.

Поскольку большинство находок представлены фрагментами, то не всегда ясно можно определить тип стремени. Находки из Губачева 1 и Тарбаева 6 (рис. 61: *14–15*), по-видимому, относятся к типу VII (Кирпичников, 1973, рис. 29), из Улова 1 и Федоровского 2 (рис. 61: *10, 16*) можно определить VII или IX типом (от стремян сохранились только верхняя петля с частью дужек). Фрагменты пластинчатых дужек из Кибола 11, Тарбаева 7 и Вышеславского 5 с фрагментами расширяющихся слабо вогнутых подножек с типом IX соотносятся более уверенно (рис. 61: *11–13*). Находки на Семьинском городище представлены тремя фрагментами стремян IX типа, одним – типа VIIA и неопределимым обломком подножки.

В целом все рассмотренные находки укладываются в широкую датировку – конец XI – XIII в.

Кроме стремян из вещей, связанных со снаряжением верхового коня, надо упомянуть об уздечных ременных распределителях, других декоративных деталях узды: налобных бляхах и наносных султанчиках (рис. 61: *1–9*). Эти находки уже достаточно подробно публиковались (Зайцева, 2014; Шполянский, 2019), стоит только отметить некоторые редкие вещи, крупную миндалевидную решму из Тарбаева 6 (рис. 61: *8*) и железный наносный султанчик из Вышеславского 5 (рис. 61: *9*). Единичными находками в Ополье представлены костяной замок от конских пут (Кистыш 3) (рис. 61: *18*), фрагмент скребницы (Кибол 5) (рис. 61: *17*), вертлюги для недоуздка (рис. 61: *20–21*) найдены на Вышеславском 2 и Веси 5.

Среди вещей, очевидно, связанных с военным делом, есть пара четырехконечных шипов («чеснока»), предназначавшихся для борьбы с конницей (рис. 61: *19, 22*). Они обнаружены в одной из построек в раскопе на Киболе 5 и в сборах на Сорогужине 4.

Боевые топоры

Обломки топоров, как и детали удил, это одна из самых массовых находок на средневековых поселениях Ополья. Большинство из более 250 вещей представлены мелкими фрагментами лезвий или обуха, что не позволяет определить тип и назначение изделия. Поэтому при выделении среди поселенческих материалов образцов боевого оружия пришлось ограничиться небольшой выборкой целых топоров.

Топоры IV типа (Кирпичников, 1966б, с. 37) известны из раскопок на Семьинском городище (два практически целых экземпляра хранятся в фондах ВСМЗ: В-55741/52 и В-27826/287) и сборов на селище Турабьево 2 (Шполянский, 2017б, с. 163, рис. 7: *1*). Дать описание сейчас есть возможность только для последней находки. Вес топора составляет 384 г, длина от лезвия до обуха – 147 мм, ширина лезвия – около 100 мм, с внутренней стороны лезвия располагается миниатюрная шпорца, в лезвии почти квадратное отверстие для крепления чехла. С тыльной стороны обуха – две щекавицы, нижняя достигает 26 мм.

Два топорика, значительно меньшие по размеру и весу (127 и 145 г), происходят с площади могильника Шекшово 9 и с селища Суворотское 8 (Шполянский, 2017б, с. 163, рис. 7: *2, 6*). Топорик с Суворотского сохранился очень хорошо. Он наиболее тяжелый из двух миниатюрных орудий, у него выраженный вырез в основании, опущенное вниз лезвие со шпорцей с тыльной стороны лезвия (тип VI) (Кирпичников, 1966б, с. 30). Топорик, найденный в Шекшове, близок по форме к типу V, но из-за плохой сохранности это можно определить только предположительно. Размеры суворотского топорика составляют 90 × 50 мм, находка из Шекшова близка ему по своим параметрам.

Заключение

Представленный обзор происходящих со средневековых поселений Суздальского Ополья находок оружия X – первой половины XV в. позволяет приблизиться к пониманию того, как выглядел комплекс вооружения центральных районов Владимиро-Суздальской земли и какие изменения происходили в его составе в течение этого времени.

Выделение в коллекции стрел, собранных на памятниках Ополья, материалов разного времени не всегда можно признать удачным, поскольку часть типов наконечников существует в течение длительного времени. Тем не менее удается наметить группы находок, составляющих основу наборов стрел, характерных для основных хронологических периодов.

Для раннего периода (**конец I тысячелетия н. э. – начало XII в.**) среди всего массива материала можно выделить группу относительно узко датируемых предметов, относящихся к самому раннему этапу древнерусской истории Ополья – X – началу XI в. Количество находок этого времени невелико, их всего около десятка.

В составе этого набора вещи североевропейских типов (ланцетовидная стрела, деталь навершия рукояти и наконечник ножен меча), наконечники стрел, привычные для памятников эпохи викингов (типы 41, 97). Есть находки, сочетание которых с этим набором ожидаемо (двушипные наконечники стрелы и дротика), и, наоборот, почти неизвестных в синхронных комплексах Волго-Окского междуречья. Это втульчатые наконечники, характерные преимущественно для западнорусских земель, долотовидные с головкой круглого сечения, наконечник с пирамидальной головкой и длинной круглой шейкой (тип 84), грызло для удил «без перегиба» и стержневидные псалии с рельефным декором – свидетельство степного влияния или импорта.

Учитывая масштабность проводимых работ последних двух десятилетий, полученные результаты свидетельствуют о сравнительно слабо выраженном североевропейском компоненте в региональном комплексе вооружения. Это довольно неожиданно, учитывая составы наборов предметов вооружения, происходящих из Владимирских курганов, наличие находок оружия североевропейских типов на памятниках, расположенных в непосредственной близости (Выжегша) или в пределах границ формирующейся Ростово-Суздальской земли (Сарское городище, Тимерёво).

Вместе с тем количественные показатели рассмотренной выборки кажутся вполне достаточными для получения представлений о тенденциях в развитии комплекса вооружения в регионе. Для XI – начала XII в. представленный материал позволяет говорить о составе набора стрел с ведущей ролью массивных бронебойных долотовидных с утолщением и перехватом у черешка (тип 100, вариант 1), и стрел 83-го типа, являющихся в это время одним из наиболее массовых наконечников.

Сравнительно большое количество стрел без упора в составе коллекции свидетельствует о заметной доле промыслово-охотничьего компонента в хозяйственной деятельности части населения Ополья. Сопоставимость наборов стрел селищ Весь 1 и Клочково 2, одно из которых расположено на северо-востоке Ополья, а другое – более чем 60 км к востоку – в лесном краю, свидетельствует об этом достаточно красноречиво.

На вторую половину X – XI в. приходится, по-видимому, начало активного применения верховой лошади в военном деле, что документируется находками шпор ранних типов и псалиев, однако основное развитие всаднического воинского комплекса происходит во второй хронологический период (**XII – первая половина XIII в.**).

Именно к этому времени относится основная масса находок шпор и, наряду с составными «крылатыми», простых (цельнокованых) псалиев, не украшавшихся инкрустацией. Широко распространяется ударное короткодревковое оружие (булавы и кистени), появляются свидетельства использования сабель и пластинчатого ламеллярного доспеха.

Для XII – первой половины XIII в. среди универсальных стрел доминируют ромбовидные плоские с расширением в нижней трети и середине пера (типы 40, 41, вариант 2, 43), распространение которых начинается еще в предшествующий период. Можно выделить стрелы типа 97 (в виде «кинжальчика») и разные типы шиловидных как наиболее массовые среди бронебойных стрел. Также заметны в это время двурогие срезни (тип 60, вариант 4), появляется довольно широкий спектр малочисленных типов, бытование которых, во-видимому, прекращается близко к середине XIII столетия.

Для **второй половины XIII – середины XV в.** наличие серии колесцовых шпор и деталей пластинчатого доспеха подтверждает тенденцию к утяжелению в позднем Средневековье всего комплекса вооружения. Набор стрел этого времени демонстрирует заметную долю бронебойных (89 тип) и стрел с утяжеленным верхом (тип 78, вариант 2 и близкие), остальные наконечники представлены небольшим количеством и достаточно разнообразны, для того чтобы уверенно говорить об их доле в составе колчанных наборов.

Отдельно стоит задача выделения находок, связанных с походами ордынцев, которые представлены разными вариантами срезней, килевидными 33-го типа, двурогими стрелами с выступами саблевидной формы. Наличие в регионе серии памятников с находками стрел «степных» типов, прекращающих свое существование близко к середине XIII в., позволяет видеть в них реальные следы «монгольского разорения».

Н. А. Макаров, И. Е. Зайцева

ХРИСТИАНСКИЕ ПРЕДМЕТЫ: ОБЩИЙ СОСТАВ КОЛЛЕКЦИИ, ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ, ХРОНОЛОГИЯ[1]

Распространение христианской металлопластики на Руси в домонгольское время – яркое явление, значение которого для понимания идентичности и религиозной практики древнерусского общества в полной мере не раскрыто, несмотря на острый исследовательский интерес к этой группе древностей. Коллекция средневековых предметов христианского культа, собранная на памятниках центра Суздальской земли, насчитывает 307 предметов. Сегодня это одно из крупнейших региональных собраний христианских древностей средневековой Руси. Оно открывает новые возможности для изучения распространения христианской металлопластики в XI–XIII вв. и специфики ее бытования в древнерусском обществе.

Стремительный рост количества средневековых крестов-тельников, металлических иконок и энколпионов, находящихся в поле зрения археологии, – следствие, прежде всего, совершенствования технических средств, используемых для сбора археологических предметов, широкого использования металлодетекторов как археологами, так и копателями-нелегалами. Обращение к новейшим академическим публикациям и грабительским сайтам показывает, что находки металлических предметов христианского культа, предназначенных для личного обихода, на древнерусских памятниках значительно более многочисленны, чем это представлялось исследователям в 1980–2000-х гг. Увеличение числа находок хорошо заметно по материалам Новгорода, несмотря на отсутствие общих подсчетов христианской пластики из раскопок четырех последних десятилетий. Коллекция христианской металлопластики XI–XIV вв., собранная за последние 10 лет экспедицией Института археологии в Новгороде на участках охранных раскопок на площади около 2 га, составляет 414 экз. На одном только Десятинном раскопе обнаружено 102 предмета личного благочестия XI–XV вв. (Олейников, 2019). В культурных отложениях XI – начала XII в. на Троицком XIII и XIV раскопах найдено 30 крестов и крестовидных подвесок (Покровская, Степанов, Сингх, 2017, с. 467). Между тем в итоговом исследовании М. В. Седовой, посвященном изделиям из цветного металла, найденным в Новгороде в 1932–1980-х гг., были приведены данные о 56 крестах и 11 энколпионах конца X – XV в. (Седова, 1981), а общий фонд предметов личного благочестия, послуживший основой для реконструкции христианизации Новгородской земли в X–XIII вв. в начале 2000-х гг., составлял лишь 132 единицы (Мусин, 2002).

Коллекция христианской культовой пластики, происходящей с археологических памятников центра Суздальской земли, включает 222 крестательника, 58 целых и фрагментированных энколпионов, 29 подвесок-образков, 7 амулетов-змеевиков и 1 подвеску с крестом. В составе коллекции 28 крестов из камня, глины, кости и янтаря и 1 каменная иконка, остальная ее часть – предметы из металла. Учтены находки по 2018 г. включительно, происходящие с суздальских селищ и могильников и с территории самого города[2], материалы из раскопок советского времени, уже введенные в научный оборот (Седова, 1997; Кокорина, 2013), и находки, полученные в результате охранных раскопок в последние десятилетия. По материалам дневников А. С. Уварова собраны сведения о находках крестов в курганных могильниках, исследованных в 1851–1852 гг.[3] Основная часть собрания – свыше 80% – материалы, полученные в 2001–2018 гг. Суздальской экспедицией ИА РАН и ГИМ при обследовании и раскопках селищ Суздальского Ополья, главным образом в результате сбора подъемного материала на распаханной поверхности средневековых поселений с использованием металлодетекторов (рис. 62).

[1] Предварительная публикация: Макаров Н. А., Зайцева И. Е. Кресты на селищах: репрезентация христианства в Суздальской земле в X–XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М.: Индрик, 2020. № 3 (81). С. 52–67.

[2] В сводку не включены христианские предметы из раскопок Владимира-на-Клязьме.

[3] В коллекции, хранящейся в ГИМе, точно идентифицированы лишь два креста из этих раскопок.

Ценность этой коллекции в том, что она получена путем систематического обследования большой серии однотипных памятников на значительной территории по одной методике с точной фиксацией координат находок. Очевидно, что наши находки составляют меньшую часть христианской пластики, некогда находившейся в пахотном слое, – значительная часть крестов и энколпионов ранее была извлечена грабителями. Можно полагать, что среди утраченных наиболее крупные целые предметы (например, большие энколпионы), которые подают сильный сигнал при использовании металлодетектора и в силу этого оказываются легкой добычей при нелегальном поиске.

Металлические кресты и энколпионы, собранные на селищах в 2001–2018 гг., по своей численности близки тем категориям украшений, которые наиболее широко использовались в костюме (табл. 11). Кресты более многочисленны, чем фибулы, поясные пряжки, бубенчики, браслеты и пуговицы, и примерно равны перстням.

Таблица 11

Находки христианских предметов и украшений X–XIV вв. на селищах Суздальского Ополья в 2001–2018 гг.

Предметы	Количество
Кресты-тельники	186
Энколпионы	46
Образки	26
Фибулы	21
Пряжки поясные	122
Бубенчики	131
Пуговицы	131
Браслеты	145
Перстни	182

В суздальской коллекции присутствуют отдельные предметы, изготовленные с использованием драгоценных металлов (крест с селища Григорово 3) или сложных технических приемов как индивидуальные изделия (квадрифолий с эмалью с селища Семеновского-Советского 3, эмалевая пластинка из Суздаля, каменная иконка с селища Кистыш 3). Очевидна принадлежность этих вещей представителям социальной элиты. Основная часть коллекции – предметы стандартных типов, простые в технологическом отношении, которые производились из недорогих материалов, некоторые – большими сериями. Большинство этих предметов принадлежит к типам, имевшим широкое географическое бытование на Руси. Вместе с тем в коллекции представлены также предметы, изготовленные из недорогих материалов с использованием относительно сложных технических приемов с высоким качеством исполнения (например, гладкие черневые энколпионы с Распятием и Богоматерью Орантой), принадлежность которых к предметам «элитного» или массового обихода не может быть однозначно определена.

Находки из Суздаля (64 экз.) составляют около 20 % всей коллекции. За время, прошедшее после завершения раскопок М. В. Седовой, общее количество находок христианской пластики в городе увеличилось более чем в полтора раза, главным образом в результате спасательных раскопок, производившихся в Окольном городе и на окраинах, за пределами городских укреплений XII–XIII вв. Из раскопов в городе происходят кресты, образки и энколпионы, все типы вещей имеют аналогии на селищах. Соотношение энколпионов и остальных категорий предметов, изготовленных из металла, близкое: в Суздале доля энколпионов составляет 15 %, на селищах – 21 %. Различие заключается в том, что в коллекции из раскопок в городе значительно выше доля крестов из камня, глины, кости и янтаря. Она составляет 35 % от общего количества крестов, тогда как на селищах – лишь около 6 %. Очевидно, что различие объясняется спецификой сбора находок: в Суздале кресты происходят из раскопок, на селищах – из сборов с использованием металлодетектора.

В дневниках А. С. Уварова содержатся сведения о четырнадцати погребениях с крестами, исследованных в 1851–1852 гг. в пяти курганных могильниках на территории Суздальского Ополья (Уваров, 1872, с. 107; ГИМ. ОПИ. Ф. 17. Оп. 1. № 209). Раскопками второй половины XX – начала XXI в. в Суздале и суздальской округе исследовано не менее 250 погребений домонгольского времени, ни одно из них не сопровождалось крестом-тельником. Два креста-тельника XI–XII вв., пополнившие коллекцию в последнее десятилетие, подняты на площадках могильников, затронутых раскопками 1851–1852 гг., очевидно, они происходят из разрушенных погребений. Таким образом, 94 % находок христианских предметов связано с культурным слоем поселений. Материалы Суздальского Ополья подтверждают сделанные ранее наблюдения о том, что кресты-тельники и металлические подвески-образки, находившиеся в обиходе жителей средневековых городов и сельских поселений, редко попадали в погребения и включались в погребальный костюм (Макаров, 2009б).

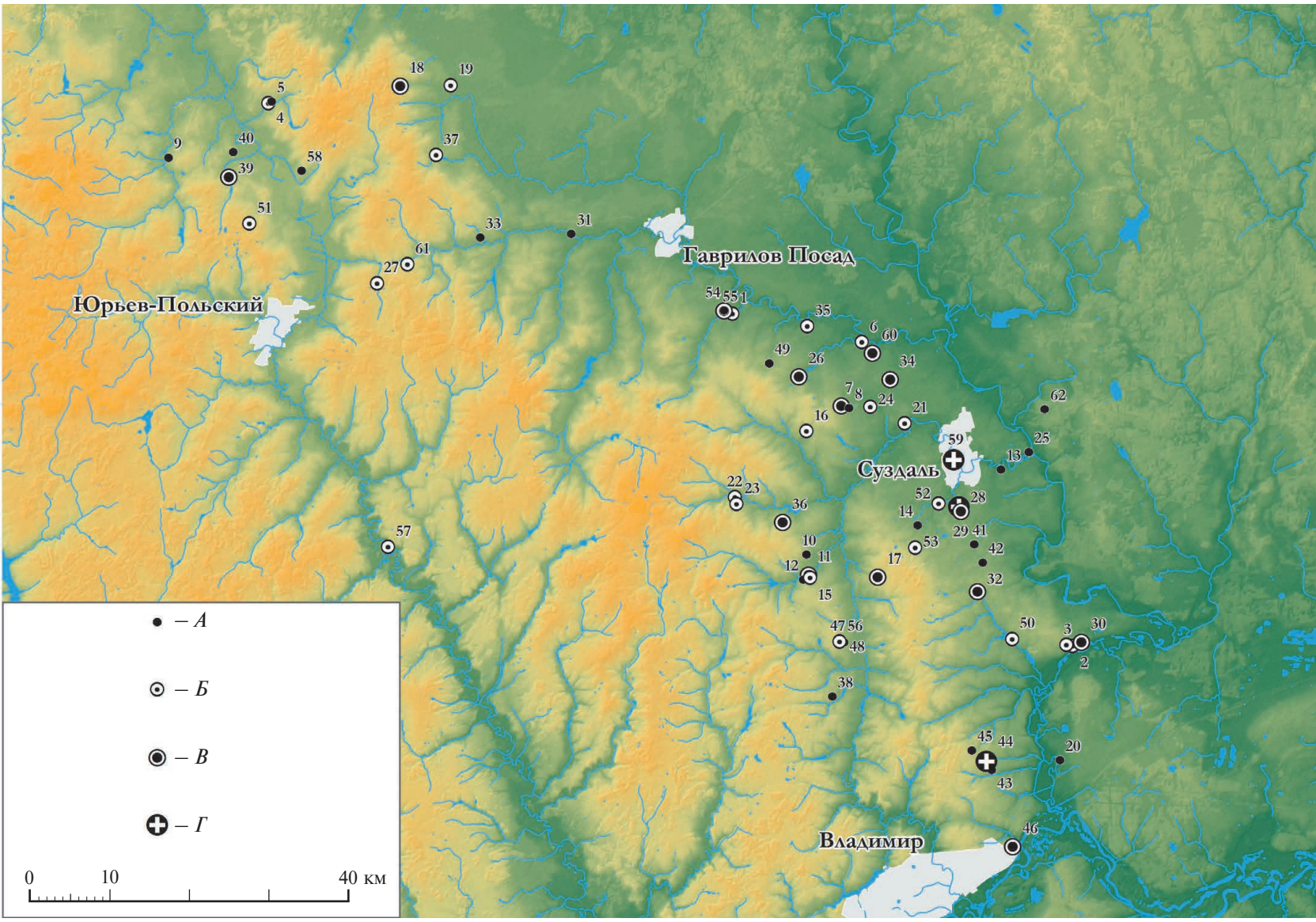


Рис. 62. Археологические памятники с находками предметов христианского почитания XI–XV вв. в центре Суздальской земли.

А – с находками 1 предмета; Б – с находками 2–4 предметов; В – с находками 5–14 предметов; Г – с находками более 15 предметов.
1 – Большое Давыдовское 2; 2 – Васильково 1; 3 – Васильково 4; 4 – Веска 1; 5 – Веска 2; 6 – Весь 1; 7 – Вишенки 3; 8 – Вишенки 6; 9 – Волствиново 2; 10 – Вышеславское 11; 11 – Вышеславское 3; 12 – Вышеславское 4; 13 – Вышеславское 5; 14 – Глебовское 1; 15 – Гнездилово 2; 16 – Гнездилово 11; 17 – Григорово 1; 18 – Григорово 2; 19 – Григорово 3; 20 – Добрынское; 21 – Карельская Слободка 4; 22 – Карельская Слободка 5; 23 – Кибол 5; 24 – Кибол 11; 25 – Кидекша; 26 – Кистыш 3; 27 – Кубаево 7; 28 – Михали 3; 29 – Михали 4; 30 – Мордыш 1; 31 – Осановец 1; 32 – Павловское 2; 33 – Парша 3; 34 – Поганое озеро 1; 35 – Подолец 1, 36 – Семеновское-Советское 3; 37 – Скомово 2; 38 – Скородумка 6; 39 – Сорогужино 2; 40 – Сорогужино 4; 41 – Спасское городище 6; 42 – Спасское городище 7; 43 – Суворотское 1; 44 – Суворотское 8; 45 – Суворотское 9; 46 – Сунгирь; 47 – Тарбаево 5; 48 – Тарбаево 6; 49 – Торки 4; 50 – Улово 1; 51 – Федосьино 1; 52 – Черниж 2; 53 – Черниж 3; 54 – Шекшово 2; 55 – Шекшово 9; 56 – Тарбаево, местонахождение; 57 – Семьинское; 58 – Мстиславль; 59 – Суздаль; 60 – Весь, могильник; 61 – Кубаево, могильник; 62 – Красносельские панки, могильник

Кресты, энколпионы и подвески-иконки происходят с 59 поселений Суздальского Ополья, в том числе с двух городищ и 56 селищ. Это примерно 19 % от всех селищ, на которых выявлен культурный слой XI – первой половины XIII в. (рис. 63). Однако для понимания реальной частоты встречаемости христианской пластики на селищах более показательны данные о присутствии ее на памятниках, на которых собраны представительные коллекции средневековых артефактов. Среди селищ с вещевыми коллекциями, насчитывающими от 50 до 100 единиц, доля поселений с находками христианских предметов составляет 50 % (11 из 22), среди селищ с находками более 100 артефактов – 78 % (25 из 33). На 31 поселении количество находок ограничено одной-двумя, на 10 найдено от 6 до 20 предметов христианского культа, наиболее многочисленная серия, насчитывающая 27 крестов и энколпионов, происходит с селища Суворотское 8 вблизи Владимира. Пространственное распределение находок широкое: от Клязьмы и устья Нерли на юго-востоке (Сунгирь) до междуречья Селекши и Гзы на северо-западном пограничье Ополья. Наибольшая их концентрация в южной части Ополья и в районе Суздаля объясняется тем, что эти участки были наиболее подробно обследованы. Находки представлены на поселениях разного размера и разного статуса: на «больших поселениях», составлявших основной каркас расселения в X–XI вв., на крупных поселениях, возникших в XII в. на малых реках и водоразделах, и на небольших по площади селищах XII–XIII вв., сформировавшихся в глубине овражных систем. Большинство памятников, выделяющихся многочисленностью находок, – поселения, мало затронутые грабительским раскопками, сохранившие в своем культурном слое предметы из цветного металла различных категорий.

Не углубляясь в вопросы типологии христианской пластики, отметим, что значительная ее часть не несет иконографических изображений. Среди крестов-тельников предметы с подобным изображением составляют лишь 3 % (5 – с изображением Распятия, 2 – с погрудным изображением святого в средокрестии). У крестов нет дополнительных перекладин, символизирующих табличку с надписью и подножие Голгофского креста. Среди энколпионов целые реликварии и створки с изображениями Распятия, Оранты и святых составляют около 63% (22 из 35). Преобладание в домонгольской металлопластике крестов без изображений, прямо обозначающих их связь с Крестом Распятия и новозаветной историей, ранее уже было замечено исследователями и интерпретировано как отражение особой ментальности и сдержанности художественного языка этого времени (Кокорина, 2013, с. 10). Лопасти значительной части металлических крестов (49 %, 87 из 178 типологически определимых предметов) оформлены в виде шариков или дисков, что соответствует тому виду лучезарного креста с золотыми яблоками, в котором его увидел Константин перед битвой с Максенцием и который, в византийской традиции, символизировал победу христианства и распространение его по четырем концам света (Беляев, М. А. М., 2015, с. 540–558; Смирнов, 1975). Остается неизвестным, как воспринимались эти элементы крестов в древнерусской среде и насколько осознавалась в Суздальской земле их первоначальная символика, однако массовое распространение крестов подобной формы не может рассматриваться как случайность.

Лабораторный анализ 14 закрытых энколпионов из суздальских селищ и Суздаля, выполненный в НИЦ «Курчатовский институт», выявил в 13 из них остатки или следы вложений. Определены человеческий волос, смесь воска и ладана, волокна льняной, шелковой и конопляной тканей или нитей, остатки воскомастичной смеси, использовавшейся для консервации вложений и скрепления створок. Костные остатки во вложениях ни разу не встречены. Лабораторное исследование показало, что точное определение изначального характера реликвий, находившихся между створками энколпионов, не всегда возможно, однако само использование суздальских энколпионов как вместилищ священных вложений, в составе которых находились ткани и воскомастичная смесь, надежно установлено (Макаров, Грешников, Зайцева [и др.], 2020; Макаров, Грешников, Зайцева [и др.], 2022).

Основная масса суздальских крестов и энколпионов происходит из перемешанного культурного слоя, поэтому отдельные предметы не могут быть узко датированы исходя из контекста находок. Хронология различных типов древнерусских крестов, энколпионов и образков домонгольского времени детализирована лишь для отдельных, преимущественно наиболее ранних типов. Большинство стандартных типов крестов по-прежнему могут быть датированы сегодня лишь в широких хронологических рамках. В этой ситуации для понимания общего хронологического распределения христианской металлопластики предметы из суздальской коллекции целесообразно разделить на три хронологические группы с достаточно широкими и частично перекрывающими друг друга периодами бытования.

Первая включает предметы XI – первой четверти XII в.: кресты с грубым изображением Распятия, кресты скандинавского типа (за исключением крестов с фигурными ветвями, расширяющимися к концам трехчастной формы, изготовленных из высокооловянистых сплавов),

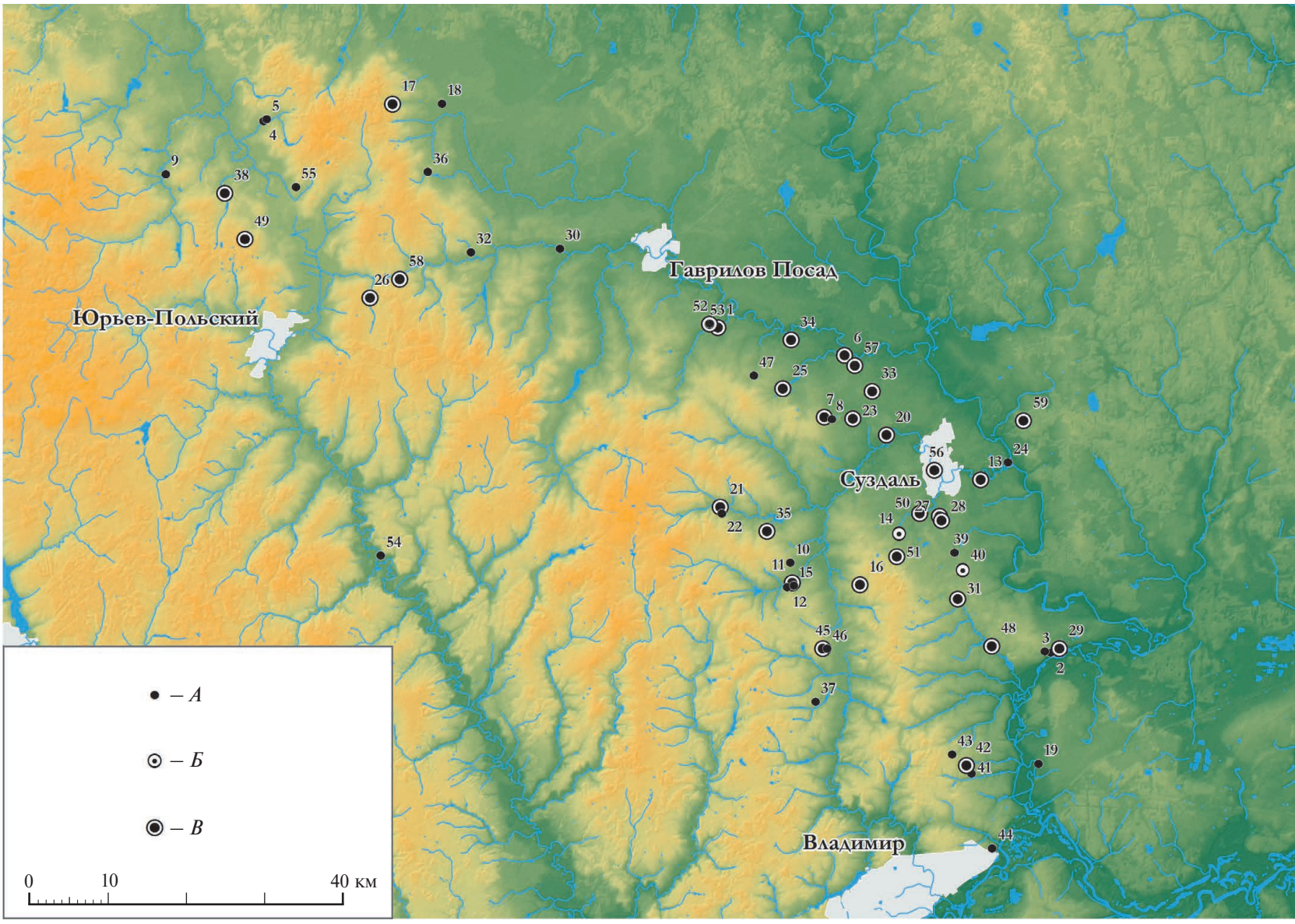


Рис. 63. Археологические памятники с находками предметов христианского почитания XI – первой половины XIII в. в центре Суздальской земли.
А – памятники с находками крестов-тельников.
Б – памятники с находками энколпионов или образков.
В – поселения с находками нескольких категорий предметов христианского почитания (крестов-тельников и энколпионов, крестов-тельников и образков; крестов-тельников, энколпионов и образков).
1 – Большое Давыдовское 2; 2 – Васильково 1; 3 – Васильково 4; 4 – Веска 1; 5 – Веска 2; 6 – Весь 1; 7 – Вишенки 3; 8 – Вишенки 6; 9 – Волствиново 2; 10 – Вышеславское 11; 11 – Вышеславское 3; 12 – Вышеславское 4; 13 – Вышеславское 5; 14 – Глебовское 1; 15 – Гнездилово 2; 16 – Григорово 1; 17 – Григорово 2; 18 – Григорово 3; 19 – Добрынское; 20 – Карельская Слободка 4; 21 – Карельская Слободка 5; 22 – Кибол 5; 23 – Кибол 11; 24 – Кидекша; 25 – Кистыш 3; 26 – Кубаево 7; 27 – Михали 3; 28 – Михали 4; 29 – Мордыш 1; 30 – Осановец 1; 31 – Павловское 2; 32 – Парша 3; 33 – Поганое озеро 1; 34 – Подолец 1; 35 – Семеновское-Советское 3; 36 – Скомово 2; 37 – Скородумка 6; 38 – Сорогужино 2; 39 – Спасское городище 6; 40 – Спасское городище 7; 41 – Суворотское 1; 42 – Суворотское 8; 43 – Суворотское 9; 44 – Сунгирь; 45 – Тарбаево 5; 46 – Тарбаево 6; 47 – Торки 4; 48 – Улово 1; 49 – Федосьино 1; 50 – Черниж 2; 51 – Черниж 3; 52 – Шекшово 2; 53 – Шекшово 9; 54 – Семьинское; 55 – Мстиславль; 56 – Суздаль; 57 – Весь, могильник; 58 – Кубаево, могильник; 59 – Красносельские панки, могильник

различные варианты плоских крестов с окружностями на концах, плоские кресты с ромбическим средокрестием с округлыми концами и растительным орнаментом на лопастях, равноконечные кресты с простыми прямыми концами, крест со стержневидными лопастями с перехватами (опоясывающими валиками), равноконечный крест с расширяющимися концами с оформлением лопастей в виде рельефной рамки, гладкие черневые энколпионы с изображениями Распятия и Богоматери Оранты. Бытование всех этих типов в XI в. документировано находками в стратифицированных культурных отложениях Новгорода и Ростова (Леонтьев, 2015) и в погребальных комплексах, при этом большинство из них оставалось в обиходе в первой четверти XII в., а некоторые – до середины XII в.

Вторая группа объединяет кресты, энколпионы и образки, рамки бытования которых определены как XII – первая половина XIII в. Она включает металлопластику разнообразных типов, известных по находкам в датированных культурных отложениях и погребениях указанного периода, но не представленных в комплексах более раннего времени. Очевидно, большинство этих типов появилось в обиходе в начале XII в. и какое-то время сосуществовало с крестами, вошедшими в обиход в предшествующий период. Среди наиболее распространенных стандартных типов – плоские крестики с эмалью с округлыми концами с боковыми выступами, различные варианты крестов с шаровидным завершением лопастей, кресты со стержневидными лопастями с тремя шариками зерни на концах. Нельзя исключить, что отдельные типы крестов этой группы в течение непродолжительного времени оставались в обиходе и после середины XIII в., но документированные факты такого бытования единичны.

Третья группа объединяет предметы христианского культа, появившиеся во второй половине XIII – XIV в. и остававшиеся в обиходе в XV в. Это различные варианты крестов с криновидными концами, кресты с остроконечными лопастями, украшенные желтой эмалью, прямоугольные иконки из легкоплавких сплавов. Предложенная группировка не учитывает нюансов датировки отдельных типов и вариантов крестов и энколпионов и возможности их пережиточного бытования, но позволяет в общем виде оценить распространение христианских предметов в различные периоды.

В составе первой группы 54 предмета. Очевидно, к этому времени относится и 11 крестов из раскопок Уварова, известных по описаниям погребальных комплексов, но не идентифицированных в коллекциях. Находки происходят с 23 селищ, из четырех могильников и из культурного слоя Суздаля. Христианская металлопластика присутствует на десяти «больших поселениях» (в коллекциях 11 селищ) и в четырех связанных с ними могильниках. Наиболее многочисленны находки с селищ Шекшово 2 (10 предметов) и Суворотское 8 (5 предметов). С «больших поселений» происходят наиболее ранние находки, относящиеся к середине – второй половине XI в.: кресты с грубым изображением Распятия и большие кресты скандинавского типа с фигурными ветвями, расширяющимися к концам, украшенным тремя полусферическими выступами. Однако основная часть крестов, отнесенных к этой группе, по-видимому, должна быть датирована более поздним временем – последней четвертью XI – первой четвертью XII в. 10 крестов и энколпионов найдены на поселениях, возникших не ранее рубежа XI–XII вв. Это небольшие малодворные поселения в глубине овражных систем (Парша 3, Семеновское-Советское 3, Вишенки 3, Карельская Слободка 5). Из Суздаля происходит пять христианских предметов этого периода.

Особого внимания заслуживают находки крестов с грубым изображением Распятия, известных как одна из наиболее ранних групп христианской металлопластики, первоначальное происхождение которой связано с Дунайской Болгарией. Все суздальские находки (4 экз., Тарбаево 5, Кибол 5, Шекшово 2) представляют собой фрагменты изделий, в двух случаях это небольшие обломки тельников, однако сохранившиеся части достаточны для типологической атрибуции предметов. Кресты прямоконечные, с несколько расширяющимися к концам ветвями, они принадлежат ко второму типу, выделенному А. Е. Мусиным, характерными признаками которого являются склоненная к правому плечу голова Христа, крестовидная перевязь на груди и руки с большими кистями, на которых видны стигматы (Мусин, 2002, с. 152–156; Пескова, 2006, с. 125). На территории Северо-Восточной Руси известно в настоящее время 13 крестов этого типа, происходящих из 11 пунктов (Макаров, 2018). Находки крестов с грубым изображением Распятия в Ростове в стратифицированных культурных слоях третьей четверти XI в. и середины – второй половины XI в. (Леонтьев, 2015, с. 48) хорошо согласуются с датами крестов из Новгорода, в том числе с датировкой последних экземпляров, происходящих с Троицкого раскопа (первая половина XI в., вторая половина XI в. (Покровская, Степанов, Сингх, 2017, с. 468). Кресты из Ростова важны для определения хронологических позиций остальных крестов с грубым изображением Распятия на территории Северо-Восточной Руси, найденных вне закрытых комплексов. Находки с суздальских селищ происходят из перемешанных культурных напластований, контекст находок не дает оснований для их узкого датирования. Тем не менее для хронологического определения

этих предметов существенна связь их с участками, заселенными с X в. (Шекшово 2, Тарбаево 5) или с рубежа X–XI вв. (Шекшово 2, Кибол 5), на которых керамика и вещевой материал второй половины X–XI в. или XI – начала XII в. преобладают. По-видимому, эти кресты находились в обиходе в XI в. Распределение находок определенно указывает на связь их с «большими неукрепленными поселениями».

Вторая хронологическая группа включает 215 предметов. Они происходят из 54 памятников: 50 селищ, разрушенного могильника, двух городищ и культурного слоя Суздаля. 34 предмета найдено в Суздале на раскопах в кремле, на территории Окольного города и на участках за пределами городских валов. Селища с находками христианской пластики этого времени исключительно разнообразны по своему характеру: среди них крупные поселения, запустевшие в середине XIII – XIV в., села, наследовавшие «большим поселениям» X–XI вв., селища на территории современных исторических сел. Однако основная часть памятников – поселения площадью от 0,7 до 5 га на овражных системах, основанные в XII в. и прекратившие существование во второй половине XIII – XIV в.

В суздальской коллекции лишь 27 христианских предметов, атрибутированных как артефакты второй половины XIII – XV в. Они найдены на девяти селищах и в Суздале: в кремле, в Окольном городе и на участках за валами. Находки из города (11 предметов) составляют более трети этой группы. Немногочисленность находок может быть отчасти связана с тем, что значительная часть селищ этого времени находится на территории ныне существующих сел и оказалась в меньшей степени затронута разведками с использованием металлодетектора. Весьма вероятно также, что период XIII–XIV вв. был временем широкого бытования каменных крестов, хронология которых не детализирована. Как бы то ни было, обращение к суздальской коллекции выявляет радикальное сокращение количества христианской металлопластики в центре Суздальской земли во второй половине XIII – XIV в. Выход из обихода стандартных типов крестов и энколпионов, сложившихся в XII в., не сопровождался здесь замещением их численно сопоставимой металлопластикой, отражающей религиозные веяния и художественные вкусы второй половины XIII – XIV в.

Для понимания характера бытования христианских предметов на сельских поселениях и возможной связи их с элитой, духовенством и рядовыми сельскими жителями рассмотрим наборы артефактов, происходящие с отдельных памятников, сочетания различных категорий и типов и планиграфию находок.

На 15 селищах находки христианской пластики насчитывают более четырех предметов. В составе 14 из этих коллекций присутствуют различные категории христианских предметов: кресты и энколпионы (на шести памятниках), энколпионы и образки (на шести памятниках), кресты, иконка и змеевик (на одном селище), кресты, энколпион, иконка и змеевик (на одном селище). На двух селищах (Кистыш 3, Семеновское-Советское 3) эти наборы, наряду с обычными предметами, включают образки, выделяющиеся высоким художественным качеством. Анализ планиграфического распределения христианских предметов (рис. 64–74) не выявляет локализации их на каких-то отдельных обособленных участках с особым составом находок. Они присутствуют на значительных площадях, преимущественно на участках, где отмечена концентрация бытовых предметов и украшений, но нередко и за их пределами. На некоторых селищах (Михали 3, Михали 4, Семеновское-Советское 3, Мордыш) прослеживаются скопления из двух-пяти находок. Находки энколпионов и образков топографически не отделяются от находок крестов-подвесок, они присутствуют в одних и тех же скоплениях (Мордыш). Стоит отметить, что некоторые предметы христианской пластики, в том числе энколпионы, найдены на окраине поселений, за пределами участков, занятых усадьбами. Планиграфическое распределение христианских предметов в целом повторяет распределение на поселениях других категорий находок, прежде всего, украшений, деталей костюма и бытовых вещей.

Основываясь на этих наблюдениях, можно заключить, что кресты, энколпионы и образки бытовали в одной среде, владельцы предметов различных категорий не были обособленными социальными группами.

На ряде селищ предметы христианского культа XII – первой половины XIII в. представлены в коллекциях, включающих находки печатей, пломб, стилей для письма, книжных застежек, предметов вооружения и конского снаряжения с инкрустацией медью и серебром, амфорной керамики. Селищ с таким сочетанием находок всего 21, они составляют 80 % памятников с вещами, маркирующими «усадьбы знати». В составе девяти подобных комплексов собраны серии, насчитывающие более пяти предметов личного благочестия. Использование предметов христианского культа, безусловно, характеризует верования и стиль жизни жителей поселений с «усадьбами знати». Однако нет оснований полагать, что они связаны исключительно с этой группой поселений. Среди памятников XII – первой половины XIII в. выделяется значительная группа селищ с представительными коллекциями обычного состава, в которых присутствуют кресты и энколпионы.

Рис. 64. Христианские предметы из сборов на селище Григорово 2:
1–3, 6, 7 – цветной металл; 4, 5 – цветной металл, чернь

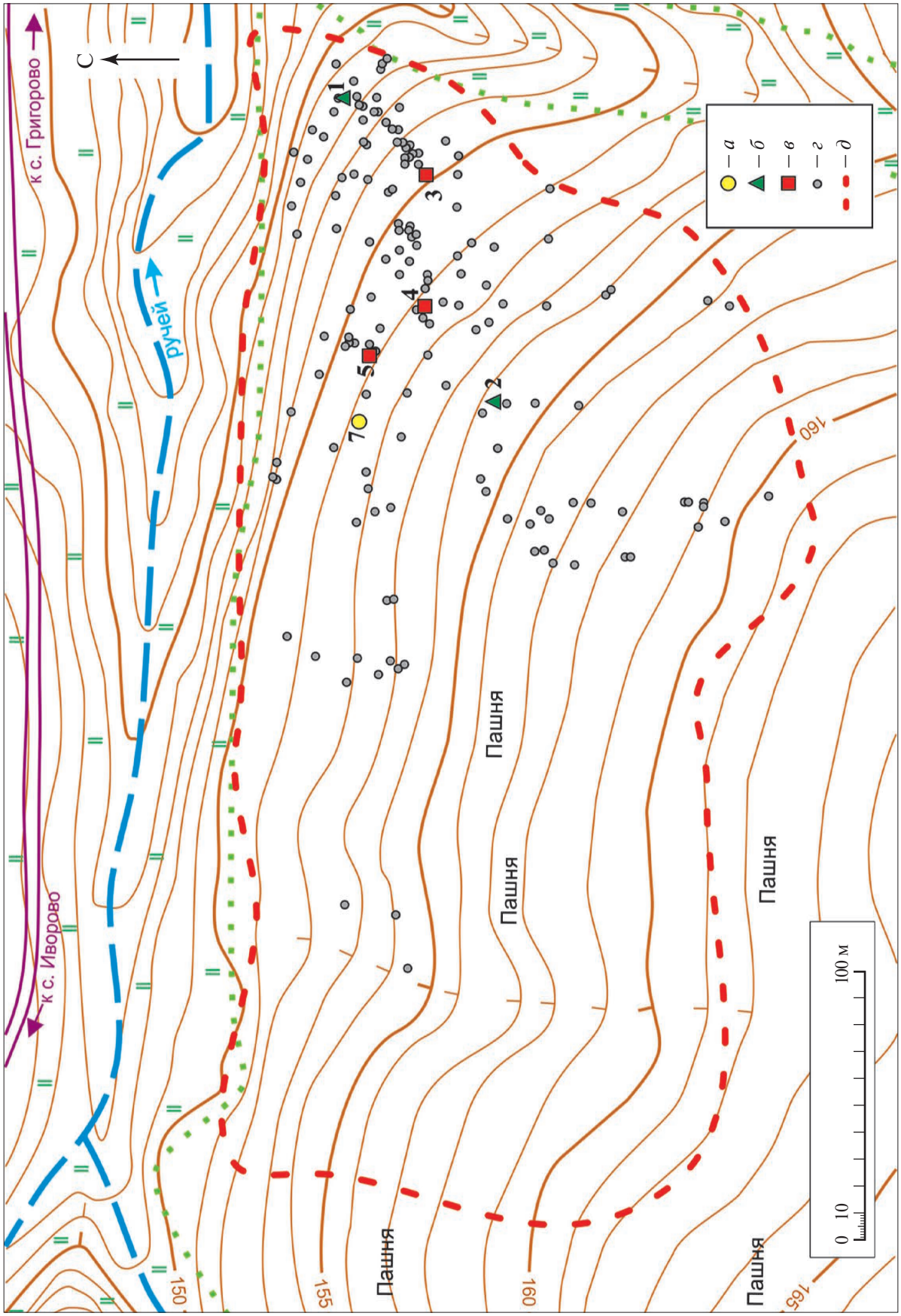


Рис. 65. Планиграфия находок христианских предметов на селище Григорово 2 (номера находок на плане соответствуют их позициям на рис. 64): а – крест; б – иконка; в – энколпион; г – прочие находки XII–XIII вв.; д – граница памятника

Рис. 66. Христианские предметы из сборов и раскопок на селище Михали 3.
1–3, 5, 6, 8–12, 15, 16, 19, 20 – цветной металл; 4 – янтарь; 7, 13 – цветной металл, чернь;
14 – серебро, чернь; 17, 18 – цветной металл, эмаль

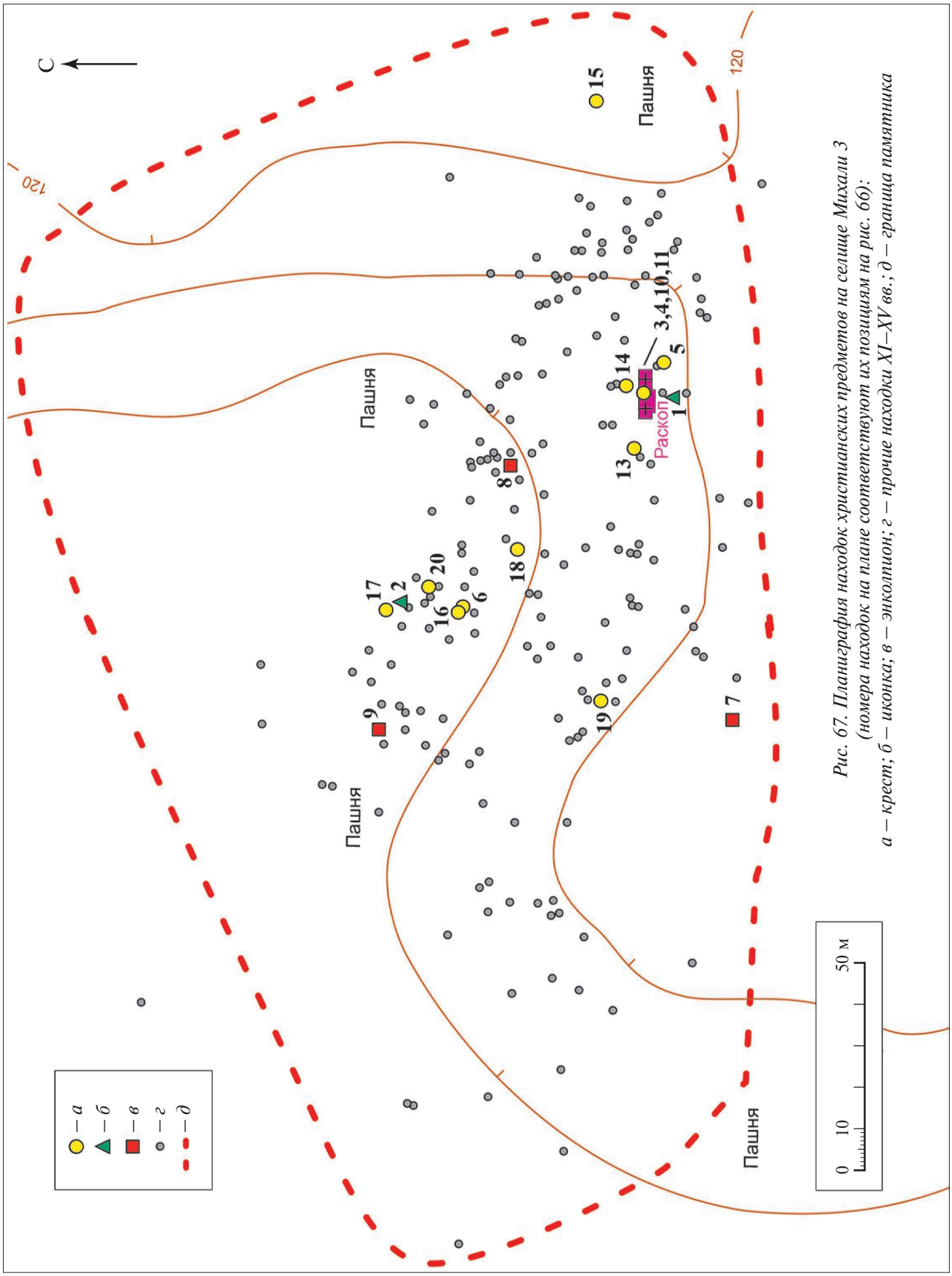


Рис. 67. Планиграфия находок христианских предметов на селище Михали 3 (номера находок на плане соответствуют их позициям на рис. 66): а – крест; б – иконка; в – энколпион; г – прочие находки XI–XV вв.; д – граница памятника

Рис. 68. Христианские предметы из сборов на селище Михали 4.
1, 3 – цветной металл, чернь; 2, 4–11, 13 – цветной металл; 12, 14 – цветной металл, эмаль

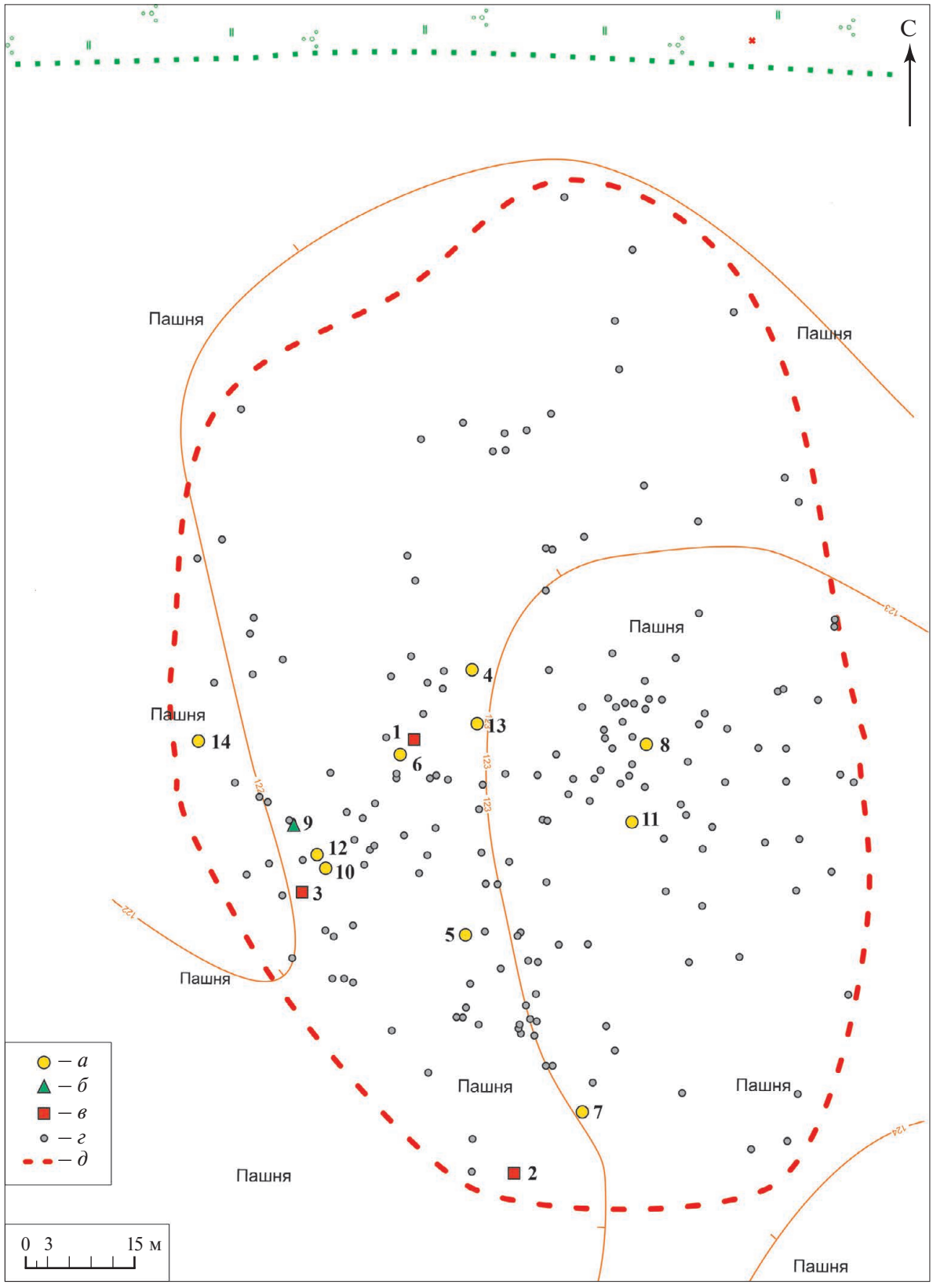


Рис. 69. Планиграфия находок христианских предметов на селище Михали 4 (номера находок на плане соответствуют их позициям на рис. 68): а — крест; б — подвеска; в — энколпион; г — прочие находки XII–XIII вв.; д — граница памятника

Рис. 70. Христианские предметы из сборов на селище Семеновское-Советское 3:
1, 10–12 – цветной металл, эмаль; 2, 4, 6–9 – цветной металл; 3, 5 – цветной металл, чернь (утрачена)

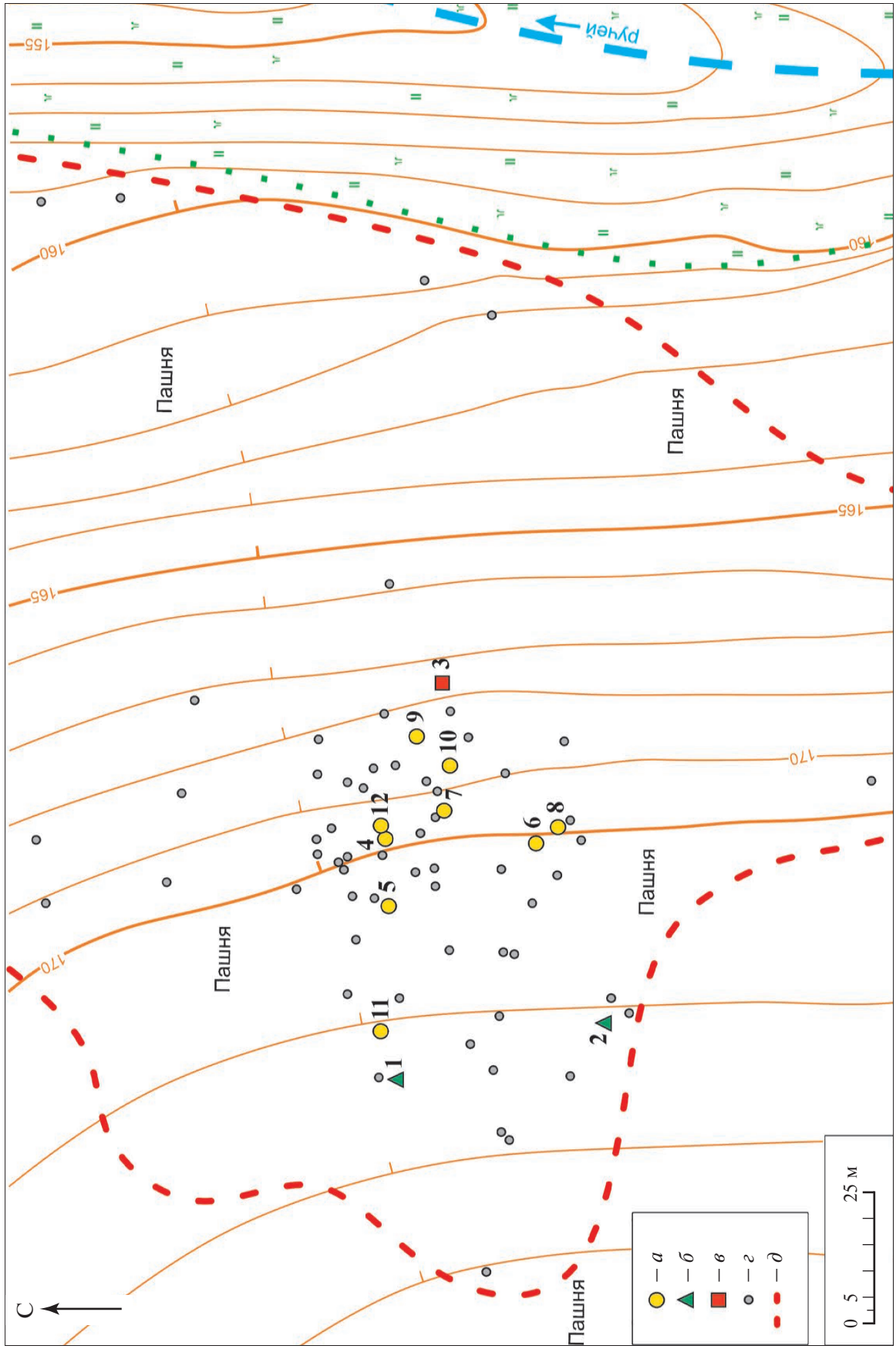


Рис. 71. Планиграфия находок христианских предметов на селище Семеновском-Советском 3 (номера находок на плане соответствуют их позициям на рис. 70): а – крест; б – иконка; в – энколпион; г – прочие находки XI–XIII вв.; д – граница памятника

Рис. 72. Христианские предметы из сборов на селище Суворотское 8:
1, 6, 7, 11–14 – цветной металл; 2–5, 8–10 – цветной металл, чернь

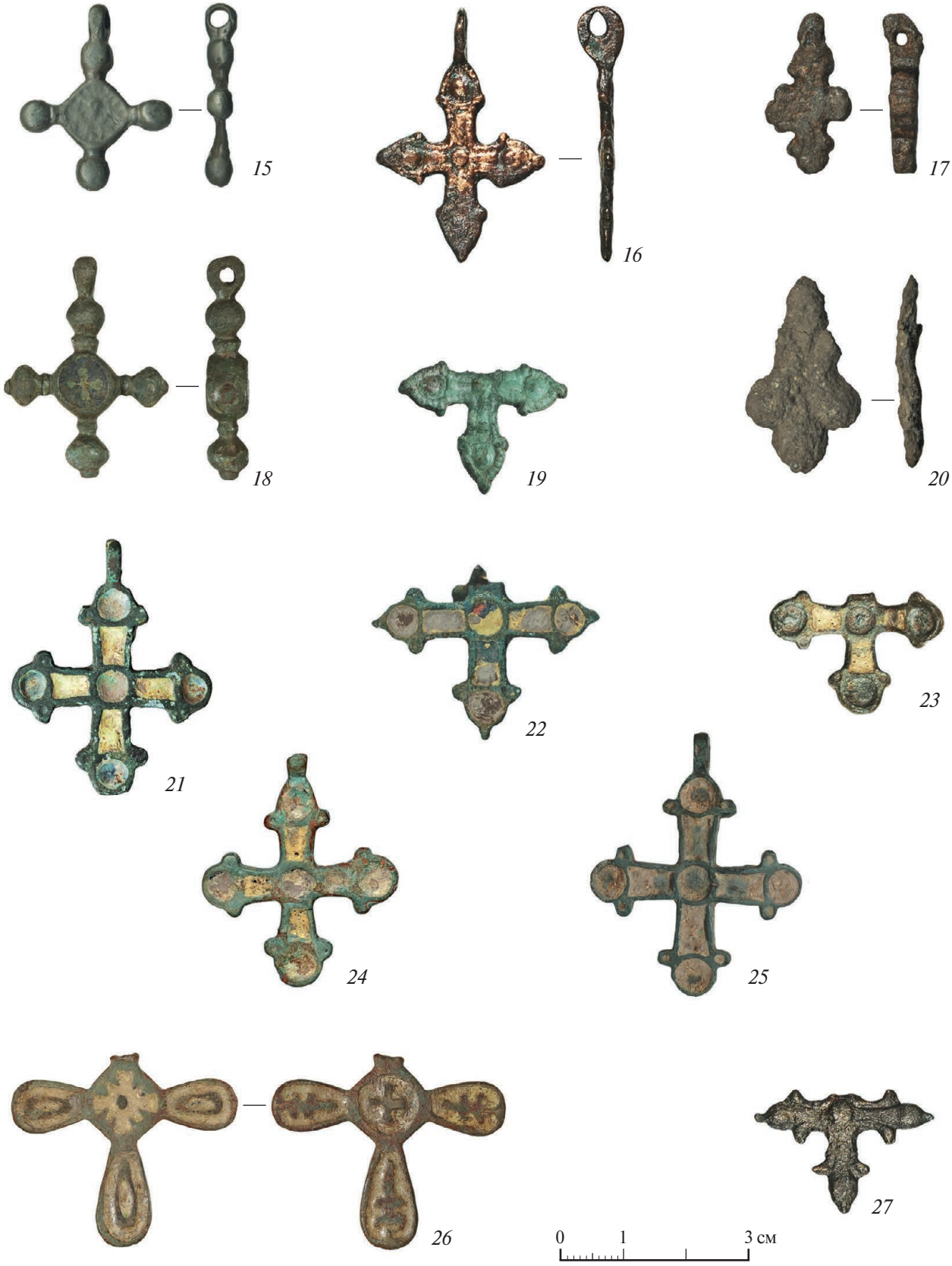


Рис. 73. Христианские предметы из сборов на селище Суворотское 8:
15–17, 19, 20, 27 – цветной металл; 18 – цветной металл, чернь; 21–26 – цветной металл, эмаль

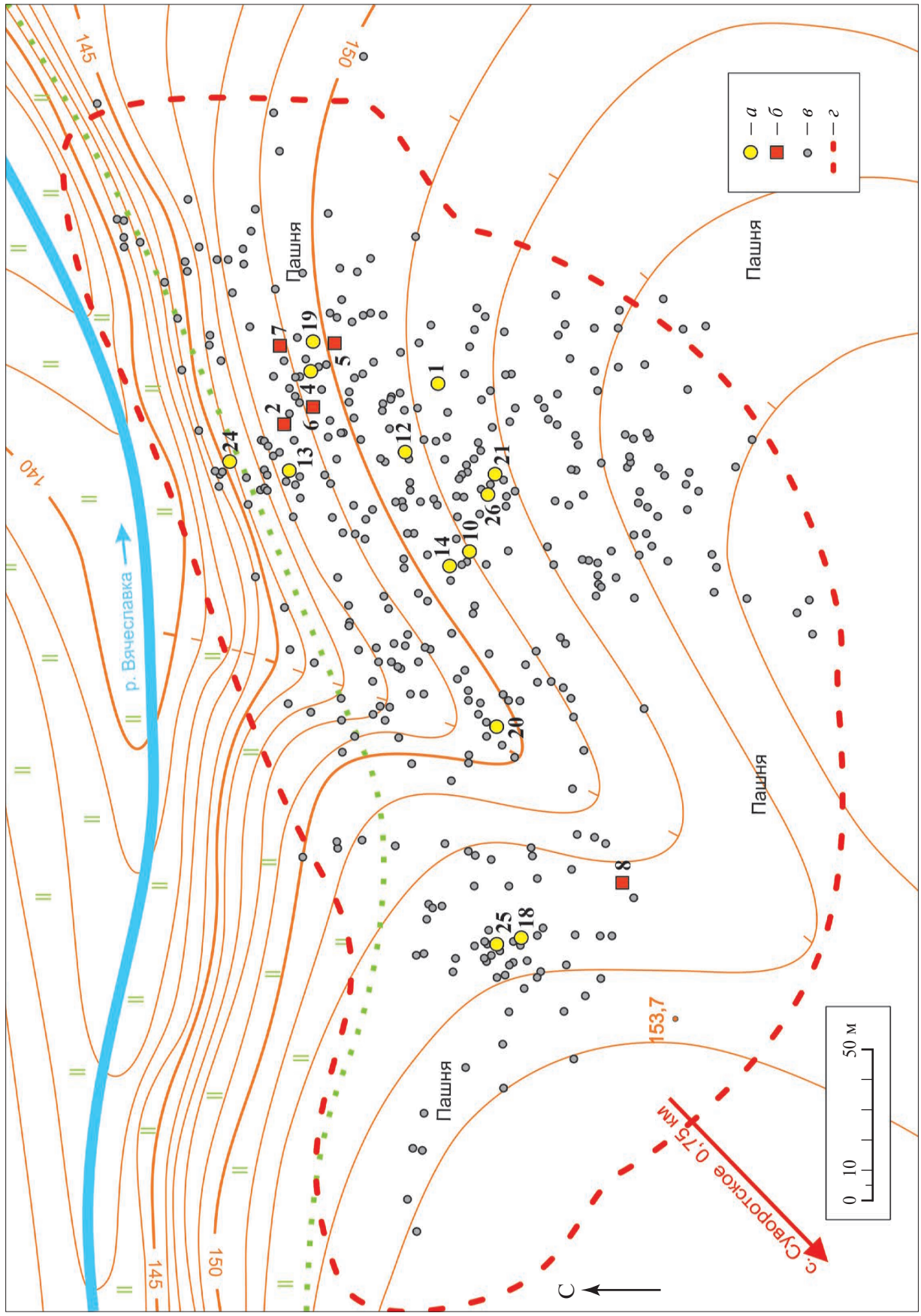


Рис. 74. Планиграфия находок христианских предметов на селище Суворотское 8 (номера находок на плане соответствуют их позициям на рис. 72, 73): а – крест; б – энколпион; в – прочие находки X–XIII вв.; г – граница памятника

Выводы

Христианская пластика, прежде всего кресты-тельники, но также и энколпионы, получила в XII – первой половине XIII в. массовое распространение в центральных районах Северо-Восточной Руси, сопоставимое с распространенностью наиболее популярных категорий украшений костюма, производившихся большими сериями. В течение полутора столетий они были важнейшими средствами демонстрации христианской идентичности. Обычай носить кресты-тельники, энколпионы и образки в этот период был воспринят широкими слоями населения, разными социальными группами, от элиты до простолюдинов. Основную часть владельцев христианской металлопластики, собранной на памятниках центра Суздальской земли (в том числе энколпионов), составляли светские лица. Выделить среди рассмотренных материалов специфические типы и категории, находившиеся в обиходе духовных лиц, не удается. Находки энколпионов и образков на селищах вместе с предметами вооружения и конского снаряжения (Михайлов, Пескова, 2019) позволяют предположить, что обладателями части этих предметов могли быть представители младшей дружины, дворяне, усадьбы которых находились на селищах. Однако никаких указаний на преимущественную связь этих категорий предметов личного благочестия с воинской средой нет.

Наборы предметов личного благочестия, типологический состав христианских древностей и частота их встречаемости в Суздале и на селищах Суздальской округи близки. Широкое использование христианской металлопластики в XII – первой половине XIII в. в равной мере характеризует религиозную практику и повседневный обиход города и сельских поселений. Различия в отношении к этим предметам и распространении их среди городских и сельских жителей не прослеживаются. Анализ пространственного распределения находок на селищах не выявляет приуроченности их к отдельным участкам, на которых могли располагаться церковные постройки, часовни, места совершения обрядов или усадьбы духовенства. Общий характер топографического распределения крестов и энколпионов соответствует распределению украшений костюма и бытовых вещей, тяготеющих к участкам, занятым дворами сельских жителей.

Хотя кресты и другие предметы личного благочестия домонгольской эпохи по своему характеру функциям кажутся близкими нательным крестам и образкам Нового и Новейшего времени, в облике и использовании их заметны существенные особенности. Нагрудные кресты домонгольского времени носились поверх одежды и были важными элементами парадного убора, что нисколько не снижает их религиозное значение. Поэтому привычное для нас именование металлических крестов XI–XIII вв. «тельниками» не вполне точно. Металлические кресты и энколпионы мало использовались в погребальном костюме (хотя именно находки из погребальных комплексов, прежде всего в Белозерье и в Новгородской земле, дают основание документировать их место в парадном уборе) (Макаров, 2009б). Симптоматично полное отсутствие их в погребальных комплексах центра Суздальской земли, исследованных в последние полвека.

Нагрудные кресты XII – первой половины XIII в. характеризуют особое состояние религиозного сознания и ментальности, в котором крест выступал, прежде всего, как символ благодати, животворящей силы и мирового торжества христианства. Учитывая количество вновь найденных предметов, следует признать, что производство и использование в уборе крестов в этот период было важнейшим способом манифестации христианства в материальной среде, сопоставимым по своему значению с храмовым строительством. Значительное сокращение использования крестов-тельников в центре Северо-Восточной Руси во второй половине XIII – XIV в. и выход из употребления стандартных типов этих предметов, сложившихся в конце XI – первой половине XII в., невозможно объяснить одним лишь разгромом мастерских, в которых производились христианская металлопластика. Это явление – свидетельство серьезных перемен в репрезентации христианства, за которыми просматриваются определенные изменения религиозного сознания и общественного настроения во второй половине XIII в.

Недостаток сводных работ по христианским предметам средневековой Руси, Балкан и Восточного Средиземноморья сегодня не позволяет дать точный ответ о степени распространенности подвесок крестов в различных областях восточнохристианского мира. По имеющимся публикациям (Staecker, 1999; Carver, 2003; Böhlendorf-Arslan, Ricci [eds.], 2012; Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe, 2013; Cleymans, Talloen, 2017) складывается впечатление, что на Руси эти предметы представлены в большем количестве, чем в Скандинавии и на территории Византии. Подунавье (Дончева-Петкова, 2011) – единственный пока регион, где документирована столь же высокая концентрациях этих находок, как и в древнерусских землях. Очевидно, что численность находок культовой пластики в той или иной области сама по себе не может рассматриваться как показатель ее статуса в иерархии религиозных центров и прочности позиций христианства. Тем не менее с появлением новых находок культовой пластики центр Суздальской земли открывается перед нами как один из значимых очагов христианской традиции XII–XIII вв., доминировавший на северо-восточной периферии христианской ойкумены. Наблюдения над хронологическим распределением и особенностями бытования христианской пластики в Суздальской земле в значительной степени отражают общие закономерности ее бытования на Руси.

Н. А. Макаров, И. Е. Зайцева

ХРИСТИАНСКАЯ ПЛАСТИКА: ПОДВЕСКИ-ОБРАЗКИ И ЗМЕЕВИКИ[1]

Средневековые подвески-образки, изготовленные из металла и камня, составляют одну из наиболее выразительных категорий христианских предметов, получивших распространение на Руси. В результате полевых работ двух последних десятилетий (2001–2019 гг.) в Суздальском Ополье собрана коллекция, включающая 28 металлических подвесок-образков, 4 подвески-змеевика с каноническим христианским изображением на лицевой стороне и змеевидной композицией на обороте и одну каменную иконку. Два образка найдены в Суздале, остальные происходят из культурного слоя 24 селищ. Находки получены в результате сбора подъемного материала на распахиваемой поверхности памятников или в ходе раскопок. Это одна из наиболее представительных серий христианской пластики, собранная при изучении компактного средневекового региона в результате легитимных полевых работ (Макаров, Зайцева, 2018).

Значение металлических иконок для понимания христианской культуры средневековой Руси определяется, прежде всего, тем, что это одна из древнейших групп серийно изготавливавшихся предметов, несущих образы Христа, Богоматери и святых. Дополнительный интерес к новым находкам образков в Суздальской земле придает то обстоятельство, что начало целенаправленного изучения данной категории древностей было связано с археологическими находками из этой области Руси. Первая специальная публикация на эту тему – статья М. В. Седовой, посвященная подвескам с изображением Успения и Богоматери Одигитрии, которые были атрибутированы исследовательницей как предметы, производившиеся на территории Северо-Восточной Руси и получившие здесь наиболее широкое распространение (Седова, 1974). В последующих работах М. В. Седова отметила, что Северо-Восточная Русь выделяется среди регионов Древней Руси высокой концентрацией металлических образков второй половины XI – начала XIII в.: в других областях Руси находки подобных предметов единичны (Седова, 2006, с. 241–242). Металлические образки, хранящиеся в фондах Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника (15 предметов), недавно еще раз рассмотрены Н. А. Кокориной (Кокорина, 2016).

Публикуемые нами материалы найдены вне закрытых комплексов, однако все находки имеют точные пространственные координаты. Хронологические рамки памятников, на которых они обнаружены, определены с учетом общей совокупности находок-хроноиндикаторов и керамики. Находки собраны на поселениях, разбросанных по обширной территории Ополья, от низовий Нерли на юго-востоке до междуречья Селекши и Гзы на северо-западной границе опольских земель. Часть их происходит с поселений, составлявших ближайшую округу Суздаля (Черниж 2, Гнездилово, Михали 3, Вишенки 3, Спасское Городище 7), другие найдены на селищах, маркирующих окраины Ополья (Добрынское 1, Григорово 2, Скомово 2; рис. 75). Большинство предметов принадлежит к уже известным типам, неоднократно описанным исследователями культового литья. Обратимся к детальному их рассмотрению.

Круглые иконки

Подвеска с изображением св. Георгия и княжеского знака (рис. 76: *1*). Подвеска с поясным изображением св. Георгия на лицевой стороне и изображением трезубца на обороте происходит из сборов на селище Вышеславское 3. Диаметр подвески равен 25 мм, толщина – 1,3 мм, верхняя часть с ушком отломана. Рельефное изображение святого плохо читаемо. У святого кудрявая голова, видны складки плаща, в левой руке щит, слева – остатки колончатой надписи с буквой «р». По периметру сделан двойной выпуклый бордюр из ложных перлов. На оборотной стороне помещено изображение трезубца с нечеткими сглаженными очертаниями. Верхняя часть среднего зубца с кружком, отличающим тамгу Ярослава Владимировича, отломана, по периметру виден бордюр из ложных перлов. Подвеска отлита из легкоплавкого сплава по оттиску. На торце заметны остатки литейного шва. Подвеска имитирует сребреник Ярослава первого типа, при этом подражание грубое. Она сделано по оттиску подвески с изображениями, отличными от изображений святого и княжеской тамги на подлинных сребрениках.

[1] Предварительная публикация: Макаров Н. А., Зайцева И. Е. Христианская металлопластика Суздальской земли XII–XIII вв.: новые находки // Нескончаемое лето: сборник статей в честь Елены Александровны Рыбиной / отв. ред., сост. В. К. Сингх. М.; Великий Новгород; СПб.: Любавич, 2018. С. 119–130.

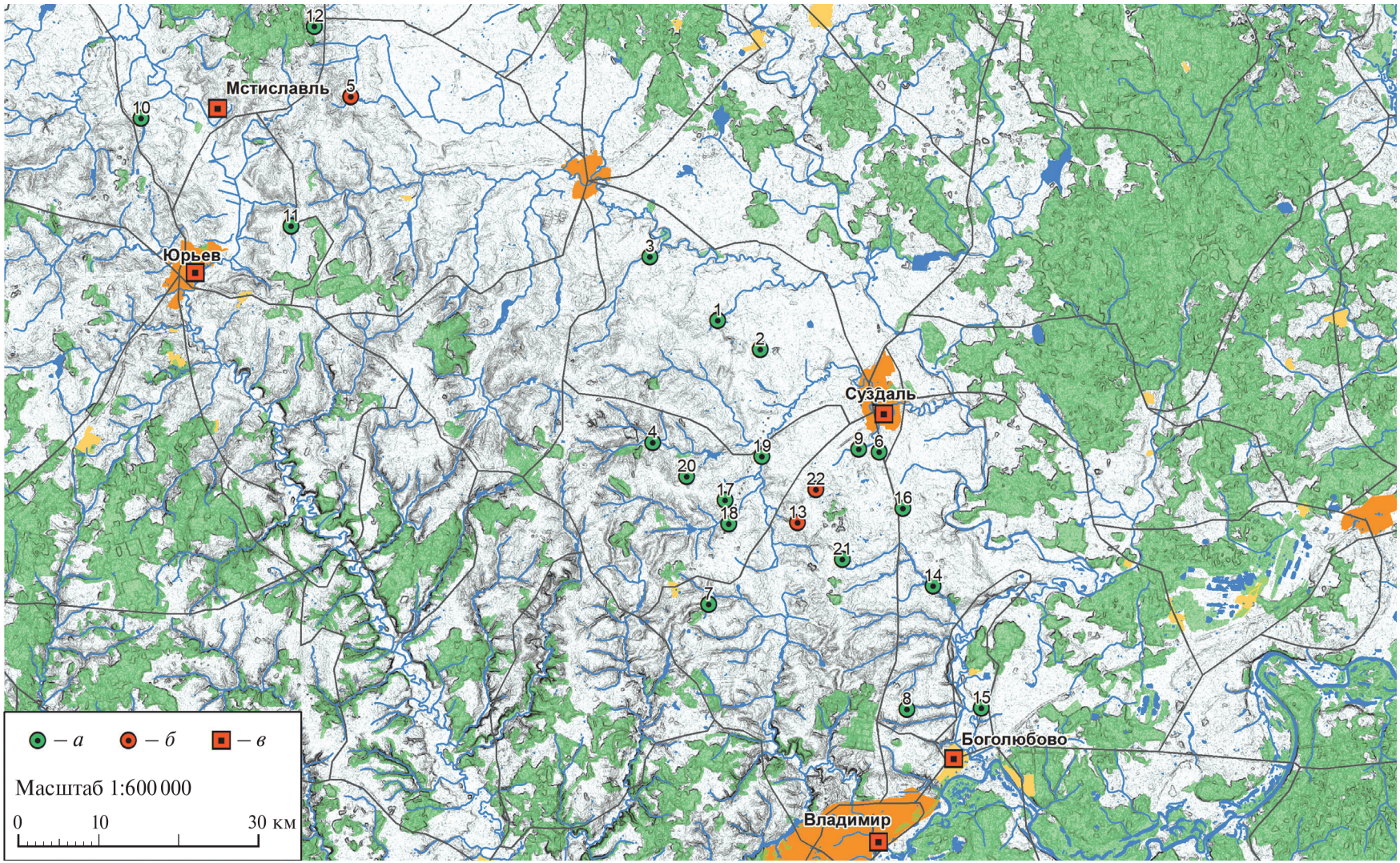


Рис. 75. Археологические памятники с находками иконок-подвесок и амулетов-змеевиков в центре Суздальской земли:
а — памятники с находками иконок-подвесок и амулетов-змеевиков XII–XIII вв.;
б — памятники с находками иконок-подвесок второй половины XIII–XV вв.; в — средневековые города.
1 — Кистыш 3; 2 — Вишенки 3; 3 — Большое Давыдовское 2; 4 — Карельская Слободка 4; 5 — Скомово 2; 6 — Михали 3; 7 — Раславское 1; 8 — Суворотское 8; 9 — Черниж 2; 10 — Сорогужино 2; 11 — Кубаево 7; 12 — Григорово 2; 13 — Гнездилово 11; 14 — Улово 1; 15 — Добрынское 1; 16 — Спасское городище 7; 17 — Вышеславское 3; 18 — Вышеславское 5; 19 — Крапивье 6; 20 — Семеновское-Советское 3; 21 — Теренеево 1; 22 — Гнездилово 1; 23 — Суздаль

Рис. 76. Бронзовые образки:
1 – Вышеславское 3; 2 – Павловское 2; 3 – Кубаево 7; 4 – Михали 3; 5 – Григорово 2; 6 – Добрынское. 1–6 – бронза.
Прорисовки всех предметов для публикации выполнены А. С. Дементьевой

Первые находки копий сребреников и подражаний сребреникам Ярослава были включены в свод древнейших русских монет (Сотникова, Спасский, 1983, с. 96–111, 196–201, № 222–227). Всего в настоящее время известно не менее трех десятков подобных подвесок, включая предметы, происходящие из раскопок и полученные в результате грабительского поиска. Наиболее полные обзоры этих находок, сделанные П. Г. Гайдуковым, В. А. Калининым и О. М. Олейниковым (Гайдуков, Калинин, 2012, с. 431–432; Гайдуков, Олейников, 2018), показывают, что подвески имели широкое географическое бытование – от Волго-Окского междуречья и Верхнего Поднепровья до Шведской Лапландии, однако основная масса находок тяготеет к Новгороду, Новгородской земле и территориям, связанным с Новгородом данническими отношениями. Находки из новгородских раскопок и раскопок на Рюриковом городище (Носов, Хвощинская, Дорофеева, Полигаев, Носова, 2020, с. 30–31, рис. 10: *2*) важны для датирования этого типа подвесок: они происходят из культурных отложений конца XI – первой половины XII в. В напластованиях конца XI – начала XII в. в Новгороде найден незаконченный бракованный экземпляр, сохранивший несрезанные литники. Как полагают П. Г. Гайдуков и В. А. Калинин, подвески, копирующие сребреники, отливались в Новгороде в XI – начале XII в. и продолжали производиться и оставаться в обиходе спустя долгое время после исчезновения из обращения самих прототипов (Гайдуков, Калинин, 2012, с. 431–432; Гайдуков, Олейников, 2018, с. 30–31).

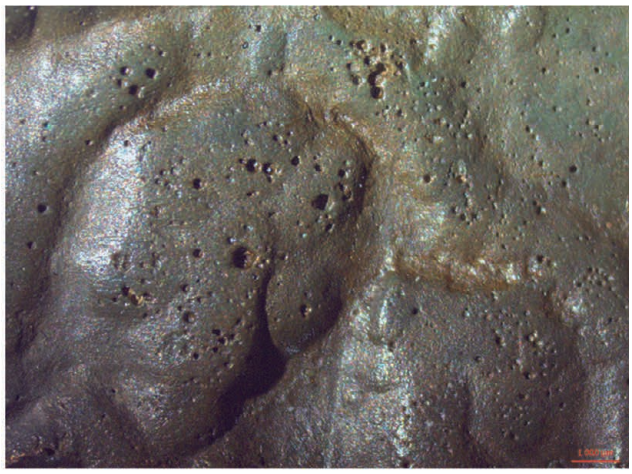
В землях Северо-Восточной Руси подвески – подражания сребреникам – ранее были найдены в Ярополче в культурном слое XII в. (Седова, 1978), в Белоозере и в могильнике Нефедьево на Волоке Славенском в погребении рубежа XI–XII – первой четверти XII в. (Макаров, 1997, с. 117, 126, 218, табл. 6: *10*). С территорией Владимирской области, очевидно, связаны и некоторые нелегитимные находки (Гайдуков, Олейников, 2018, с. 29–31). Подвеска с селища Вышеславское 3 отличается от ранних копий сребреников, отливавшихся в глиняных формах, оттиснутых с оригинала, стилистически она близка наиболее поздним экземплярам, бытовавшим в XII в.

Подвески с погрудным изображением двух святых (рис. 76: *2–4*). В коллекции представлены 3 экземпляра бронзовых иконок, происходящие с селищ Павловское 2, Михали 3 и Кубаево 7. Диаметр подвесок составляет 22–24 мм, они снабжены простыми петельчатыми ушками высотой 7 мм (у подвески с селища Павловское 2 оно обломано). Все три экземпляра сделаны литьем по оттиску. На подвесках изображены погрудные фигуры двух святых анфас в складчатых одеждах. Их лица округлые, молодые, безбородые, у левого кудрявые волосы, правый с вьющимися волосами. На иконке из Павловского 2 хорошо просматриваются хитоны с тонко прочерченными складками и правые руки святых, показанные в благословляющем жесте. Края подвесок украшены выпуклым двойным рубчатым бордюром. Полное совпадение размеров и всех деталей рисунка на подвесках позволяет полагать использование единой первоначальной матрицы, однако наиболее приближена к исходной матрице подвеска из Павловского 2, на которой в высоком рельефе четко видны мелкие прорезные детали, сделанные на модели. Другие экземпляры более плоские и имеют стертые изображения без прорисовки деталей (рис. 77: *1*). Оборотные стороны всех подвесок гладкие.

М. В. Седовой в 1997 г. было учтено 13 круглых образков с изображением парных святых, происходящих из Суздаля, Новгорода, Старой Рязани, курганных и грунтовых могильников Костромского и Ивановского Поволжья, Мещеры и Белозерья, а также из курганов в Псковской области, из Прикамья и из собрания Львовского музея (Седова, 1997, с. 201–202). За прошедшее время в научный оборот были введены новые находки из могильников и поселений на Белозерье (Нефедьево 1, Нижнее Селище 1, см.: Макаров, 1997, с. 117; Кудряшов, 2014, с. 91–92, рис. 1: *6*) и в Ярославском Поволжье (Введенское, Усть-Шексна, см.: Праздников, 2001, с. 173–174, рис. 1: *13*). Пять таких подвесок, происходящих, по версии издателей, из Тверской, Ивановской и Рязанской областей и с территории Украины, опубликованы в каталогах грабительских находок, находящихся в частных коллекциях (Станюкович, 2011, № 235–238; Чудновец, 2008, с. 124, № 1) (рис. 78).

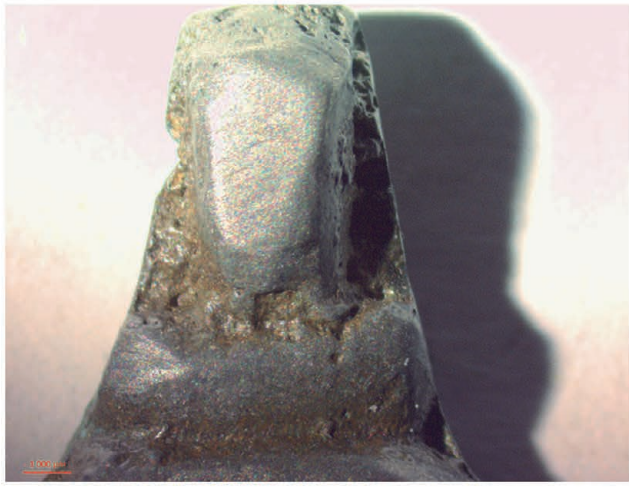
Новгородские и белозерские находки были предположительно атрибутированы как изображения Петра и Павла (Седова, 1981, с. 62; Макаров, 1990, с. 73), при этом М. В. Седова отметила, что окончательное определение затруднено из-за плохого качества отливок. В. В. Праздников высказал мнение, что парные святые на подобных образках с равной долей вероятности могут быть идентифицированы как Козьма и Дамиан или Флор и Лавр (Праздников, 2001, с. 173). М. В. Седова полагала, что прототипами для этих образков могли быть изображения Петра и Павла на актовых печатях (Янин, 1970, № 208; Седова, 1981, с. 62). А. К. Станюкович указал в качестве прототипа печати с изображением Козьмы и Дамиана (Янин, Гайдуков, 1998а, № 66а; Янин, Гайдуков, 2005, № 333, рис. 19). Вновь найденные образки из Павловского и Кубаева, на которых отчетливо видно, что святые безбородые, заставляют отказаться от идентификации их как первоапостолов: очевидно, это Козьма и Дамиан. Для определения хронологических позиций образков этого типа важны находки из Неревского раскопа в Новгороде (20 ярус, 1116–1134 гг.) и из погребальных комплексов XII в. в могильнике Нефедьево (Макаров, 1997, с. 128, 154). М. В. Седова отметила локализацию основной массы образков с изображением парных святых на территории Владимиро-Суздальской земли (Седова, 1997, с. 201), с Северо-Восточной Русью связано и большинство новых находок.

1



2

3



4

5

6

Рис. 77. Макрофото деталей подвесок:
1 – Кубаево 7; 2 – Черниж 2; 3, 4 – Раславское 1;
5 – Суздаль, ул. Гастева, д. 1б;
6 – Суздаль, Торговая площадь, д. 20

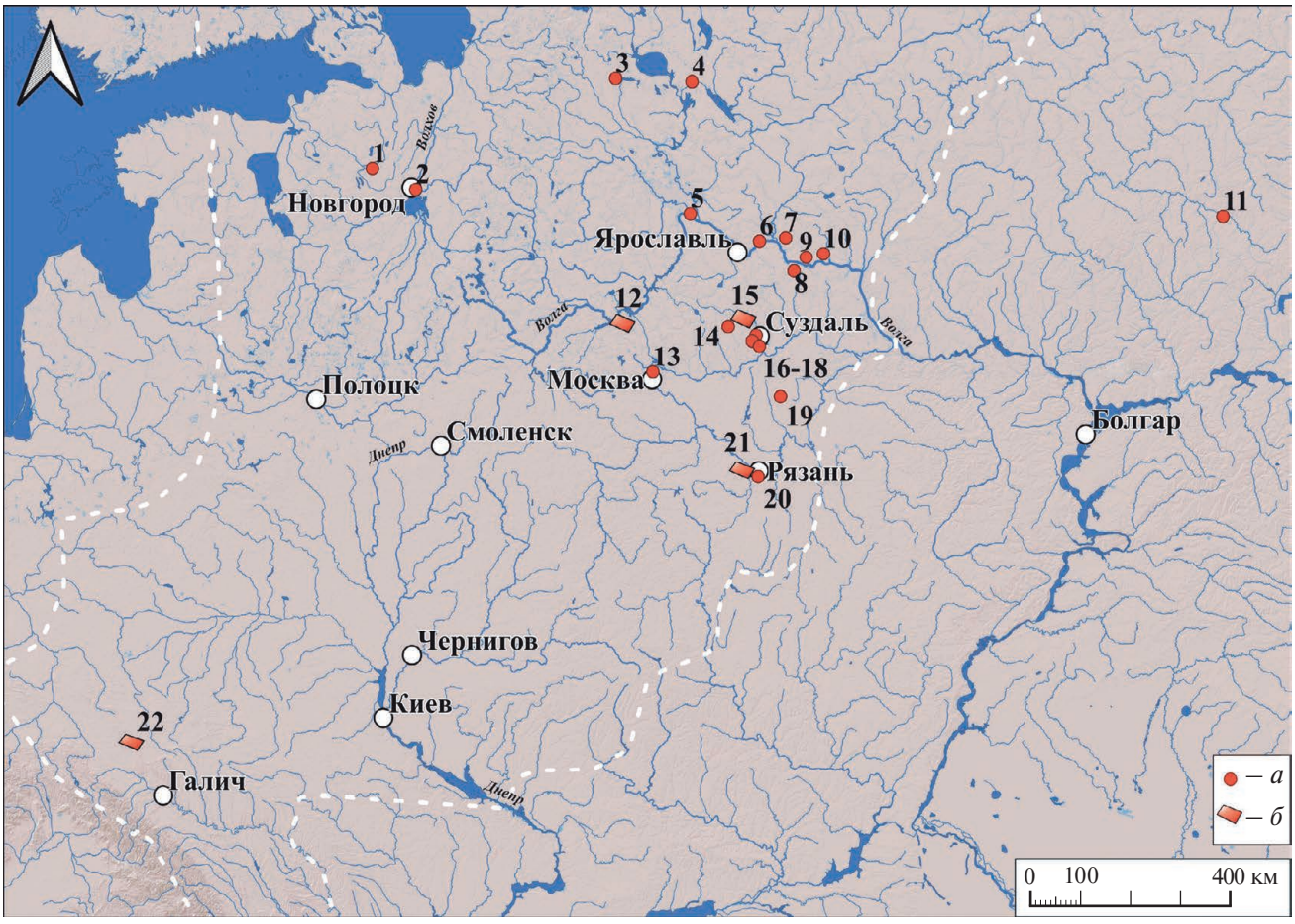


Рис. 78. Подвески-образки с погрудным изображением Козьмы и Дамиана:
1 – Раглицы; 2 – Новгород; 3 – Нижнее Селище; 4 – Нефедьево; 5 – Усть-Шексна; 6 –Введенское; 7 – Васильевская; 8 – Босиха; 9 – Кузнецовка; 10 – Зайкова; 11 – Глазов; 12 – Тверская обл.; 13 – Яуза; 14 – Кубаево; 15 – Гаврилово-Посадский р-н Ивановской обл.; 16 – Суздаль; 17 – Михали 3; 18 – Павловское; 19 – Заколпский; 20 – Старая Рязань; 21 – Рязанская обл.; 22 – Львов

а – документированные находки на археологических памятниках;
б – находки из музейных собраний и нелегитимных коллекций, не имеющие точной привязки

Подвески с изображением св. Дмитрия Солунского. В коллекции представлено 2 экземпляра: целый бронзовый образок диаметром 19,5 мм с гладким петельчатым ушком высотой 7 мм найден на селище Григорово 2 (рис. 76: *5*); фрагмент иконки, составляющий примерно нижнюю треть тулова, обнаружен на селище Добрынское 1 (рис. 76: *6*). Иконка из Григорова 2 сделана по оттиску готового предмета. Выпуклый рисунок сильно сглажен, детали изображения неясны, что свидетельствует о многократном тиражировании. Святой изображен в рост анфас, с нимбом, в короткополой одежде, правая рука поднята вверх и держит копье, левая опирается на щит овальной формы. На щите видны шесть выпуклых жемчужин. Край иконки оконтурен узким рельефным рубчатым валиком. Оборот подвески плоский.

Образок с селища Добрынское 1 имеет четкий рельеф, однако на дошедшем до нас фрагменте видны лишь левая рука святого, край одежды и щит с такими же шестью выпуклыми жемчужинами. Слева от фигуры колончатая надпись «ДИМИТРИ» с зеркальным начертанием букв. По краю подвески имеется выпуклый гладкий бортик. Оборот иконки гладкий. Предмет отлит из высокооловянной «белой» бронзы.

Круглые иконки с изображениями святых воинов в рост известны по находкам в кургане 9 в могильнике у с. Кнутиха на р. Уводи (современная Ивановская область) (Уткин, 1991, с. 98, рис. 2: *2*), из могильника Шитовичи 6 на Верхней Волге (Олейников, А-1989) и на Троицком раскопе в Новгороде. Образки из Кнутихи и Шитовичей весьма близки суздальским подвескам, при этом надписи на них отсутствуют.

Новгородская подвеска имеет более крупные размеры (диаметр – 36 мм). Это двусторонний образок, на оборотной стороне которого помещено изображение Архангела. В каталоге пластики из частных собраний представлены изображения шести круглых подвесок с изображением святого воина в рост того же иконографического вида. На двух из этих образков находились колончатые надписи «ФЕО» и «ГЕОРГИОС». Два образка изданы как находки с территории Украины, для третьего место находки указано как Черниговская область (Станюкович, 2011, № 120–126).

Для хронологической атрибуции подвесок этого типа существенна находка из Кнутихи: комплекс кургана датирован автором раскопок второй половиной XII – началом XIII в. (подвеска в ожерелье вместе со стеклянными бусами) (Уткин, 1991, с. 97–99). Новгородская подвеска со святым воином найдена в культурном слое второй половины XII в.[2], она существенно отличается от остальных по оформлению и по размерам.

Надписи на круглых образках с фигурой святого воина указывают, что почти идентичные изображения принадлежат св. Дмитрию, св. Федору Стратилату и св. Георгию. Композиция иконок, иконография изображений, присутствие колончатых надписей определенно указывают на связь этих образков с печатями, послужившими для них образцами. Подвеска с колончатой надписью «ДИМИТРИ» в зеркальном начертании, происходящая с селища Добрынское 1, выделяется среди всех остальных высоким качеством исполнения. В своде древнерусских печатей присутствуют моливдовулы, несущие сходные изображения св. Дмитрия и надписи, хотя и отличающиеся деталями (в частности, отсутствием жемчужин на щите (Янин, 1970, № 196, 199, 200, 201; Янин, Гайдуков, 1998а, № 199). Одна из подобных булл найдена в Суздальском Ополье, в северной его части (Makarov, 2013, p. 371–386).

Установить связь подвески-образка из Добрынского с конкретным типом булл позволяет находка из Владимира, происходящая с территории, где предположительно локализуется княжеский двор: свинцовая пластина с оттисками печати, несущая зеркальные изображения Архангела Гавриила и св. Дмитрия Солунского и надпись «ОАГОС ДИМИТР» также в зеркальном начертании. Этот тип моливдовула идентифицируется как печать князя Святослава (Гавриила) Всеволодовича (Дмитриевича), одного из сыновей Всеволода Большое Гнездо. М. Е. Родина, опубликовавшая эту необычную находку, полагает, что свинцовая пластина использовалась для пробы матрицы печати и была выброшена после того, как выяснилось, что матрица изготовлена с ошибкой (Родина, 2007, с. 145–150). В сфрагистических материалах известны и печати Святослава Всеволодовича, на которых изображение св. Дмитрия представлено без ошибки: с копьем в правой руке и левой рукой, опирающейся на щит, а колончатая надпись – зеркальная, одна из них найдена во Владимире на том же участке, что и пластина с оттисками (Янин, Гайдуков, 1998а, № 196; Родина, 2007, с. 148–149). Очевидно, что мастер, изготовлявший матрицу для оттиска подвески из Добрынского, воспроизводил зеркальную надпись на печати Святослава или матрицу печати, повторяя ошибку резчика, работавшего во Владимире. М. Е. Родина считает, что изготовление матрицы должно быть отнесено к самому началу 1200-х гг., когда малолетний Святослав был посажен отцом на княжение в Новгород. Эти соображения существенны для хронологической атрибуции находок из Добрынского и Григорова.

Подвеска с изображением святого всадника (рис. 79: *1*). Один бронзовый экземпляр диаметром 20 мм найден на селище Михали 3. Подвеска снабжена простым петельчатым ушком высотой 4 мм, которое перетерлось в результате ношения. В центре иконки изображена выпуклая рельефная фигура едущего влево всадника с нимбом, одетого в кафтан с развевающимся плащом, с копьем в левой руке, острие которого обращено вверх. Контур подвески обрамлен двойным выпуклым гладким бордюром, оборот плоский. Подвеска изготовлена литьем по оттиску готового изделия, фигуры всадника и лошади несколько стерты.

Круглые подвески с изображением святого всадника образуют многочисленную группу в древнерусской металлопластике домонгольского времени, на большинстве этих подвесок помещено изображение всадника змееборца, который атрибутируется как св. Георгий (Седова, 2006; Соболев, 2016; Чуракова, 2016; Żółkowska, 2012, 2016). Основанием для идентификации святого на подвесках некоторых типов являются надписи (Чуракова, 2016, с. 611–612), но для большей части – иконография. М. В. Седовой были собраны данные о находках иконок с изображением св. Георгия на территории Ростово-Суздальской земли (Седова, 2006), но в этом своде нет подвесок с изображением воина с копьем, обращенного влево, аналогичных образку с селища Михали 3.

Свод круглых подвесок с изображением конного Георгия, включающий образки со святым всадником с поднятым копьем, обращенным влево, с развевающимся плащом, был составлен Дж. Жолковской (Żółkowska, 2016). Польской исследовательницей учтены 32 находки подобных образков (группа 2 по классификации Дж. Жолковской), происходящих с современных территорий Украины (18 экземпляров), России (10 экземпляров) и Польши (один экземпляр). К этой сводке можно добавить лишь три новые находки, обнаруженные в погребении древнерусского могильника Ксизово 17 на Верхнем

[2] Сообщение Л. В. Покровской.

Дону (Зоц, 2017, с. 63), в культурном слое Смоленска (Олейников, 2014, с. 10) и Новгорода (Гайдуков, Олейников, Исаев, Богомолов, Короткова, 2019, с. 70–71, рис. 9: *5*), и две из грабительских сборов из Житомирской и Владимирской областей (Нечитайло, 2000, № 572; Чудновец, 2008, с. 24, № 4). Большинство находок происходит с территории Южной Руси. Во Владимирской области ранее была зафиксирована лишь одна подвеска этой группы (Żółkowska, 2016, s. 266–267). Три подвески (самая многочисленная серия) найдены далеко на северо-востоке, на Печоре, среди приношений на святилище на р. Гнилке (Ясински, Овсянников, 2003, с. 69, 73, рис. 16), на территориях, находившихся в XII–XIII вв. в даннической зависимости от Руси.

Строгих оснований для идентификации всадника на иконках этого типа как святого Георгия нет, так как в византийской и древнерусской иконографии хорошо известны конные изображения других святых воинов, в том числе Федора Стратилата, Федора Тирона и Дмитрия Солунского (Степаненко, 2000). Дж. Жолковска датирует подвески второй группы XI (XII)–XIII вв. (Żółkowska, 2016, s. 270). Все находки, археологический контекст которых документирован, происходят из комплексов и культурных напластований, время формирования которых не ранее второй половины XII в. (Зоц, 2017, с. 67; Соболев, 2016, с. 543).

М. В. Седова высказала мнение, что изображение святого всадника на круглых образках восходит к древнерусской сфрагистике, указав в качестве прототипа печать с конным изображением св. Георгия, найденную в Суздале (тип 212 по В. Л. Янину; Седова, 1997, рис. 22: *3*; Янин, 1970, с. 208, № 212). Против этого может указывать как редкость изображения конных воинов на древнерусских и византийских печатях (Степаненко, 2000, с. 108–110), так и характер изображений и крупные размеры образков наиболее распространенных типов (вариант 1 по В. Соболеву; Соболев, 2016, с. 537–544). Однако для подвесок с изображением всадника с поднятым копьем, обращенного влево, связь с сфрагистикой подтверждается как особенностями иконографии и стилистики, так и размерами щитка и характером оформления бордюра.

Подвеска с изображениями святого воина и святителя (рис. 79: *2*). Один бронзовый экземпляр обнаружен на селище Григорово 2. Подвеска диаметром 20 мм имеет простое петельчатое ушко высотой 4 мм. Иконка отлита по резной восковой модели. Это не оттиск, на изделии заметны следы потертости в результате ношения. На обеих плоскостях ее тулова представлены выпуклые поясные фигуры святых, вырезанные грубовато, без изящества, по краю имеется узкий рельефный гладкий валик.

На одной стороне подвески выполнено поясное изображение святого воина с небольшой бородой и кудрявой головой с копьем в правой руке, вокруг головы нимб. Справа от фигуры плохо различимые знаки, слева читается буква «Г» (?) – часть колончатой надписи «Георгий» (?). На другой стороне – поясное изображение святого в омофоре, вокруг головы нимб, правая рука в благословляющем жесте, слева – евангелие.

Сводка образков с поясным изображением святого воина с копьем в правой руке, происходящих с территории Ростово-Суздальской земли, была составлена М. В. Седовой (Седова, 2006). Основываясь на иконографии, исследовательница идентифицирует святого как Георгия. М. В. Седовой учтены сведения о 40 круглых образках с подобным изображением, 29 из них происходят из севернорусских областей, основная масса – с территории Северо-Восточной Руси (Седова, 2006, с. 242–244). В эту сводку вошли подвески, различающиеся по своим размерам, высоте рельефа, деталям изображения и оформлению рельефного валика, в который заключены изображения.

Семь подвесок с поясным изображением святого воина с копьем или мечом изданы в сводке металлопластики из грабительских раскопок как находки с территории Украины (Ровенская, Житомирская и Черниговская области), из Брянской области и из Переславского района Ярославской области. На некоторых из этих подвесок отчетливо читаются части надписи: буквы «ГЕ» и «Г». Одна из подвесок двусторонняя, имеющая на обороте изображение святителя, идентифицированного издателем как св. Николай (Станюкович, 2011, № 130–135). В последние годы коллекция подвесок с поясным изображением святого воина с копьем пополнилась находками из Белоозера (один экземпляр) и Мининского археологического комплекса на Кубенском озере (три экземпляра), которые отличаются от основной массы меньшими размерами (их диаметр составляет 17 мм; Захаров, 2004, рис. 38; Зайцева, 2008а, с. 64–65), из поселения Октябрьский мост в г. Череповце (Кудряшов, 2006, с. 96), а также находками из грабительских сборов (Нечитайло, 2000, № 577, 579). В статье 2016 г. Дж. Жолковской приведены сведения о 58 таких образках с территории Восточной Европы (группа 3; Żółkowska, 2016, s. 268–271).

М. В. Седова считала, что появление круглых подвесок с поясным изображением Георгия следует относить ко времени не позднее второй половины XI в.[3], однако основная масса находок, происходящих из закрытых комплексов и стратифицированных культурных напластований (находки из Ярополча, могильника Минино, Гочевского могильника, курганов Костромского и Кинешемского Поволжья) датируется XII – началом XIII в.

[3] Ее поддерживает и Дж. Жолковска (Żółkowska, 2016, s. 270–271).

Рис. 79. Бронзовые образки:
1 – Михали 3; 2 – Григорово 2; 3 – Вышеславское 5; 4 – Раславское 1; 5 – Вишенки 3; 6 – Семеновское-Советское 3.
1–6 – бронза

Подвеска с изображением Господа Вседержителя или неизвестного святителя (рис. 79: *3*) происходит из сборов на селище Вышеславское 5. Он имеет круглую форму диаметром 20,5 мм. Подвеска снабжена простым петельчатым ушком высотой 7 мм. В центре круга помещена рельефная поясная фигура с длинной бородой с благословляющим жестом правой руки и Евангелием в левой руке. Вокруг головы имеется крестчатый нимб. На лицевой стороне по периметру подвески сделан рубчатый бортик. Нечеткий рисунок свидетельствует о многократном тиражировании исходного образца. Оборот изделия гладкий. На нем видны остатки полуды. Бронзовый образок отлит по оттиску в форму с крышкой.

Три аналогичных предмета известны в публикациях христианской пластики из грабительских раскопок как находки из Брянской и Ивановской областей (Станюкович, 2011, с. 83–84, табл. 1, 7, 8, 9). Типологически и стилистически близкие круглые образки с поясными изображениями святых датируются XII – первой половиной XIII в.

Подвеска с изображением святого Николая (рис. 79: *4*). Один бронзовый экземпляр найден в сборах на селище Раславское 1. Размеры щитка составляют 15 × 16 мм. Иконка сделана литьем по оттиску верхней части створки обломанного энколпиона. Створка была оттиснута вместе с граненым ушком, составлявшим отдельную часть энколпиона (рис. 77: *3, 4*). В отливке на ушке высотой 9 мм на готовом изделии было сделано отверстие. На обороте иконки видны остатки полости энколпиона. На торце иконки и на ушке четко заметен литейный шов. На лицевой стороне образка в центре помещено поясное изображение святителя в омофоре, правая рука в благословляющем жесте, слева – Евангелие, вокруг головы нимб. По сторонам – колончатая надпись, буквы справа от фигуры святого расплылись и не читаются, слева хорошо различимы буквы «НИ» – Никола. Оригиналом для оттиска послужил, вероятно, энколпион группы VII по А. А. Песковой, представленной большим количеством находок. На лицевой стороне энколпионов этой группы помещалось изображение Богоматери, в медальонах на лопастях – погрудные изображения святых, в том числе святителя Николая (Корзухина, Пескова, 2003, с. 193–195, табл. 117–141). Несмотря на свою необычность и несерийность, по композиции, иконографии и стилистике образок вписывается в группу круглых иконок с погрудным изображением святого, распространенную в XII–XIII вв., эта датировка хорошо согласуется с датировкой основной массы энколпионов группы VII по А. А. Песковой.

Подвески с изображением Богоматери Одигитрии (рис. 79: *5, 6*). Два круглых бронзовых образка найдены на селищах Вишенки 3 и Семеновском-Советском 3. Диаметр подвесок, изготовленных по оттиску готового предмета, равен 21–22 мм. Изделия снабжены простыми петельчатыми ушками высотой 5 мм. В центре круга помещено выпуклое поясное изображение Богоматери с младенцем на левой руке. Справа от головы Богоматери – выпуклость неясных очертаний, соответствующая расположению части монограммы «МР ΘΥ». Вдоль края имеется выпуклый гладкий бортик, второй такой же располагается в 2 мм к центру. Рельефные изображения получены в результате многократного оттиска, у экземпляра из Семеновского-Советского 3 оно более четкое. Оборотная сторона подвесок гладкая.

Аналогичный образок, отличающийся высоким качеством отливки, происходит из Херсонеса (Яшаева, Денисова, Гинькут, Залесская, Журавлев, 2011, № 148). Такие же иконки, с ясно видимыми нимбами и монограммами, находились в собраниях Б. И. и В. Н. Ханенко (Ханенко Б. И., Ханенко В. Н., 1899, табл. VI, с. 17, № 78) и Одесского нумизматического музея (Алексеев, Лобода, 2005, № 160). Подвеска из собрания Б. И. и В. Н. Ханенко происходит из Витичева. Одна подвеска найдена в Усть-Шексне (Рыкунова, Рыкунов, 2020, с. 163–164). Шесть подобных образков изданы в каталогах грабительских находок. По сведениям издателей, два из них происходят из Киевской области, два – из Суздальского Ополья (Гаврилово-Посадский район Ивановской области; Станюкович, 2011, № 57–61; Нечитайло, 2000, № 595). На Белоозере обнаружены три сходных иконки, на которых изображение Богоматери повернуто вправо. Это отливки низкого качества с нечеткими изображениями (Захаров, 2004, рис. 38) (рис. 80).

Весьма вероятно, что прототипом для подобных образков служили актовые печати с изображением Богоматери: характер ободка подвесок соответствует оформлению печатей. География немногочисленных находок указывает на их связь с Южной и Северо-Восточной Русью.

Подвески с изображением Успения Богоматери (рис. 81: *1, 2*). В коллекции представлены два бронзовых экземпляра круглой формы, происходящие с селища Улово 1 и пахотного слоя поселения Большого Давыдовского 2. Диаметр иконок составляет 21–22 мм, массивное подпрямоугольное ушко высотой 6 мм сохранилось только на подвеске из Улова 1. Предметы изготовлены литьем по оттиску, при этом экземпляр из Улова 1 более качественный: фигуры выполнены в высоком рельефе, подвеска обрамлена высоким рубчатым валиком. Оборот иконки гладкий. Возможно, модель для ее изготовления была отлита в каменной форме. Экземпляр из Большого Давыдовского 2 получен в результате многократного тиражирования: изображения на нем очень размыты, видны большие усадочные полости от некачественного литья.

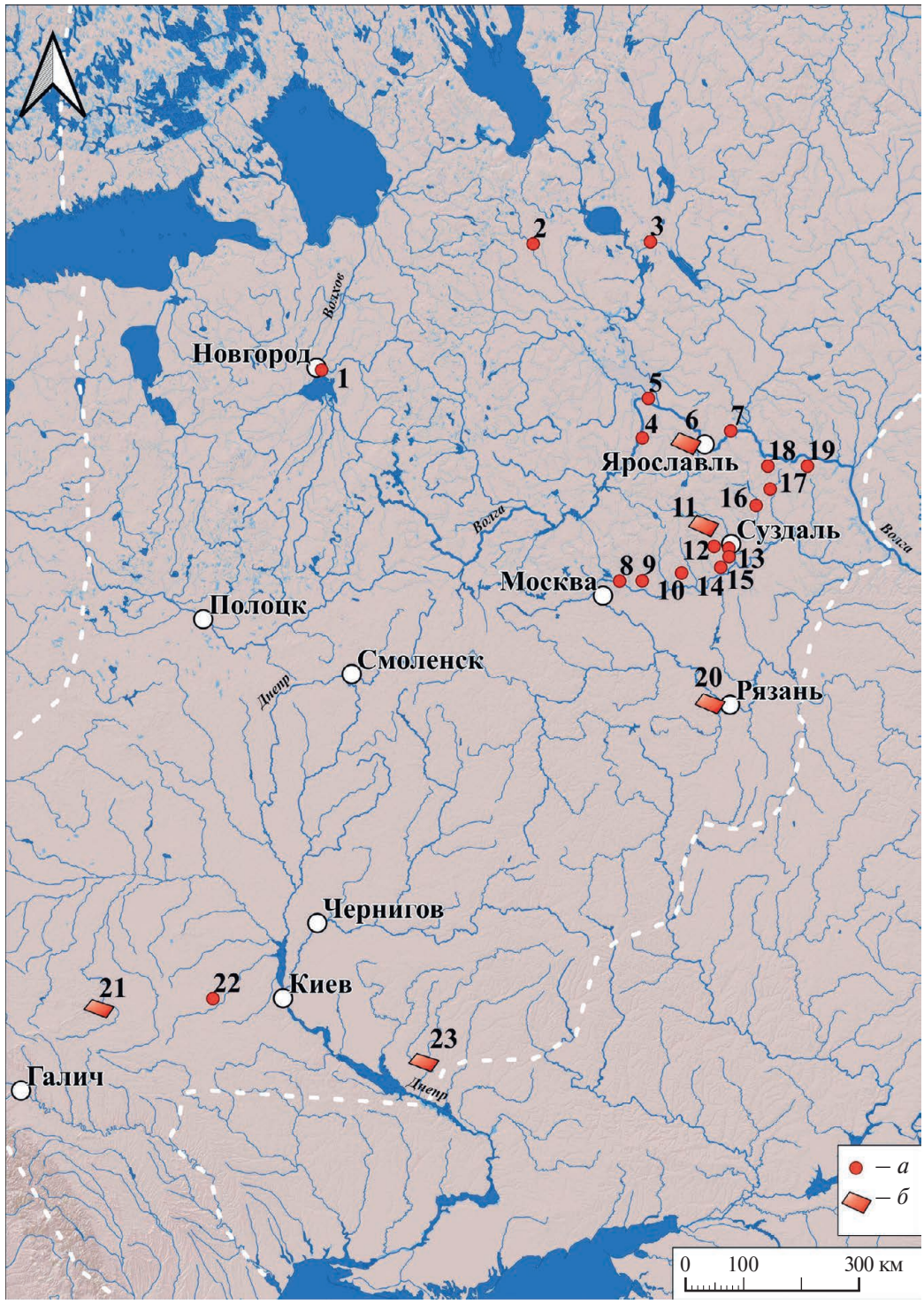


Рис. 80. Подвески-образки с изображением Богоматери Одигитрии:
1 – Новгород; 2 – Митино-Зворыкино; 3 – Нефедьево; 4 – Кирьяново; 5 – Усть-Шексна; 6 – Ярославская обл.; 7 – Введенское; 8 – Балашиха; 9 – погост Петра и Павла; 10 – Петушки; 11 – Гаврилово-Посадский р-н Ивановской обл.; 12 – Черниж 2; 13 – Спасское городище 7; 14 – Владимир; 15 – Теренеево 1; 16 – Сверчково; 17 – Василево; 18 – Босиха; 19 – Рыжково; 20 – Рязанская обл.; 21 – Ровенская обл.; 22 – Городеск; 23 – Полтавская обл.

а – документированные находки на археологических памятниках;
б – находки из музейных собраний и нелегитимных коллекций, не имеющие точной привязки

В центр лицевых сторон иконок помещено рельефное изображение Успения Богоматери: тело Богоматери на смертном ложе повернуто головой вправо, вокруг шесть фигур апостолов. На оборотной стороне иконки с селища Большое Давыдовское 2 различимо плохо читаемое изображение стоящей фигуры святого с младенцем на руках.

Круглые подвески с изображением Успения получили широкую известность в средневековой археологии благодаря исследованиям М. В. Седовой, составившей свод этих образков, обосновавшей их связь с византийскими печатями с изображением Успения и высказавшей предположение о производстве их в Суздале (Седова, 1988). Ей было сделано важное наблюдение о присутствии среди образков двусторонних экземпляров с изображением Успения и стоящей фигуры Богоматери (подвески из Галича и Ярополча), отличающихся несколько большими размерами и более высоким качеством отливки. Очевидно, формы для отливки этих образков были оттиснуты с печатей, имеющих идентичное сочетание изображений. Подвески с гладкой оборотной стороной имеют более сглаженный рельеф изображения Успения, указывающий на многократные переливы с оригинала. Исследовательницей было учтено 22 экземпляра подвесок с Успением, происходящих из 12 памятников (происхождение трех находок осталось неустановленным), приуроченность 11 находок к территории Владимиро-Суздальской земли стала убедительным аргументом в пользу атрибуции их как продукции ремесленников, работавших на этой территории. М. В. Седова определила найденную в Суздале печать с изображением Успения и стоящей фигуры Богоматери как моливдовул епископа Ефрема, упомянутого в летописи как жертвователя сел в суздальский монастырь св. Дмитрия (Седова, 1988, с. 276; Седова, 1997, с. 197–220). Находка на Белоозере хорошо сохранившегося экземпляра печати с Успением, на обороте которой помещено изображение стоящей фигуры с младенцем с надписью «ОГИА АНА» (Янин, Гайдуков, 2006, № 347 в), ставит под сомнение атрибуцию ее как Богоматери, скорее, на печатях, послуживших образцами для изготовления подвесок, находилось изображение св. Анны с младенцем Марией (Аврам, 2008).

К настоящему времени количество известных иконок с Успением значительно увеличилось и составляет 40 экземпляров (рис. 82). С учетом новых находок составленный М. В. Седовой свод может быть дополнен подвесками, найденными в культурном слое первой трети XIII в. в г. Владимире (Кокорина, 2016, с. 142–143), на селище Степаново 2 в Дмитровском районе Московской области (Сарачева, 2009, с. 209–210), Усть-Шексне (Рыкунова, Рыкунов, 2020, с. 162–163) и в Борском районе Нижегородской области (выставка в музее-усадьбе Рукавишниковых в Нижнем Новгороде). Две подвески находились в составе ожерелья вместе с бронзовыми лунницами и стеклянными бусами в погребении кургана 8 могильника Которск III, датируемого авторами раскопок XII – первой третью XIII в. (Михайлова, Соболев, 2016, с. 181–189), и одна в ожерелье в кургане 26 (вторая половина XII в.) в Раглицах в Новгородской земле (Мусин, 2002, с. 187). 9 подобных подвесок опубликованы в сводах металлопластики из грабительских раскопок, из них два экземпляра определены как находки из Среднего Поднепровья и два экземпляра – из Переславского и Ростовского районов Ярославской области (Станюкович, 2011, № 251–257; Нечитайло, 2000, № 647; Чудновец, 2008, с. 124, № 3). Три из этих образков отличаются высоким качеством отливки и имеют надписи, одна из которых хорошо читается как «ОАГИА АНА». По версии издателя, эта находка происходит из Житомирской области. В этом случае следует признать, что подвески, в которых можно видеть первоначальные отливки, изготовленные как прямые копии печатей, происходят из Поднепровья (Станюкович, 2011, с. 176). Рассматривая общее распространение образков с Успением, В. Ю. Соболев отметил внушительный рост числа грабительских находок с территории Украины, ставящий под сомнение традиционный взгляд на эти предметы как на областной тип, бытование которого было ограничено северо-восточными землями Руси (Соболев, 2019, с. 429–438). Тем не менее с учетом новых находок с селищ Улово 1 и Большое Давыдовское 2 образки с территории Северо-Восточной Руси образуют пока наиболее многочисленную группу.

Подвеска с изображением Богоматери Знамение (рис. 81: *3*). Круглая бронзовая подвеска диаметром 24 мм происходит из пахотного слоя селища Кистыш 3. Довольно толстая пластинка с гладкой тыльной стороной имеет граненое ушко высотой 5 мм. На лицевой стороне пластины прямо по металлу оттиснуто погрудное изображение Богоматери Знамение с младенцем в медальоне, получившееся врезным. Оттиск, вероятно, вышел не совсем удачным, и его доработали прямо по металлу (пальцы, нимб Богоматери).

Круглые подвески с поясным изображением Богоматери с воздетыми руками с младенцем на груди, изображенным «прямолично», широко представлены в древнерусской металлопластике и сфрагистике XII–XIII вв. А. Ю. Кононович рассмотрены иконки с изображением Богоматери Воплощение, отличающимся от иконографии Знамения отсутствием медальона, в котором находится младенец. В сводке А. Ю. Кононович учтено 12 таких образков, большая часть которых происходит с территории Южной Руси, одна подвеска найдена в Ростове Великом (Кононович, 2015).

Аналогии изображениям Богоматери Воплощения на подвесках исследовательница находит в древнерусской сфрагистике, полагая, что, как и во многих других случаях, прототипом подвесок могли быть актовые печати с изображением Богоматери с воздетыми руками. Круглые образки с изображением Богоматери Знамение в единичных находках известны в курганных могильниках Северо-Запада (три экземпляра; Мусин, 2002, с. 188). 11 круглых подвесок с изображениями Богоматери Знамение и Богоматери Воплощение, различающихся размерами, особенностями изображения и качеством отливок, представлены в публикации грабительских находок, хранящихся в частных коллекциях. 9 из них атрибутированы в издании как находки из Южной Руси, одна находка связывается с Нижегородской областью (Станюкович, 2011, №45–55). 4 иконки (№49–52) очень близки рассматриваемому нами экземпляру, но все они имеют выпуклые изображения. Вероятно, подобный экземпляр и был использован для оттиска на иконке из Кистыша 3. Образки датируются XII–XIII вв., хотя граненое ушко находки из Кистыша 3 может указывать и на более позднюю дату.

Подвеска с изображением Богоматери Воплощение (рис. 81: *4*). Случайная находка на селище Гнездилово 1 на территории современного села Гнездилово была передана в ИА РАН. Она имеет круглую форму диаметром 33 мм и граненое ушко. На лицевой стороне представлено рельефное поясное изображение Богоматери с молитвенно воздетыми руками и младенцем на груди. По сторонам головы видны остатки плохо читаемой заплывшей монограммы, справа – «МР», слева – «ХС». По краю сделан рельефный бортик толщиной 2 мм. Обратная сторона гладкая.

Отсутствие медальона вокруг младенца дает основание атрибутировать иконографический тип как Богоматерь Воплощение, хотя образки со сходным изображением часто определяются как Богоматерь Знамение. Два подобных экземпляра, близкие по стилю, пропорциям фигур и размерам, найдены при раскопках в Коломне в культурном слое XV в. (Остапенко, А-2015, т. 1, с. 127; т. 2, с. 444, рис. 89: *1*, *2*) и на селище Мельгуново 4 на Верхнем Дону (случайная находка, см.: Гриценко, Пуцко, 2000, с. 216, 220, рис. 17). Образок с селища Мельгуново 4 по стилистическим особенностям отнесен авторами публикации ко второй половине XV – началу XVI в. (Гриценко, Пуцко, 2000, с. 216), на принадлежность его к послемонгольскому времени определенно указывает оформление ушка.

Подвески с изображением Господа Вседержителя и процветшего креста (рис. 81: *5, 6*). Один предмет найден в Суздале в раскопе на Торговой площади, 20, второй происходит из сборов на селище Теренеево. Диаметр бронзовых круглых образков составляет 21–22 мм. Они отлиты в двусторонних формах по оттиску. На обеих сторонах иконок имеются черневые рисунки. Чернь положена в узкие канавки, полученные при литье (рис. 77: *5, 6*). На лицевой стороне находится схематичное поясное изображение Господа Вседержителя, правая рука в благословляющем жесте, в левой руке Евангелие. Вокруг головы нимб. По периметру расположен черневой ободок. На оборотной стороне черневое изображение процветшего креста. Ободок отсутствует.

Круглые образки с черневыми изображениями Господа Вседержителя и процветшим крестом на оборотной стороне известны по находкам в Среднем Поднепровье (Ханенко Б. И., Ханенко В. Н., 1900, табл. XXVIII, 323), в Новгороде, в курганах на северо-западе Новгородской земли, на одном из селищ на Кубенском озере (Макаров, 2007, с. 50, 52, рис. 31: *1*), в могильнике Нефедьево на Белозерье в комплексах первой половины – середины XII в. и XII – первой половины XIII в. (Макаров, 1997, с. 128, 154, табл. 139: *11, 12*; 141: *11*), на селище Чаадаево 5 под Муромом (Макаров, Зеленцова, Милованов [и др.], 2021). В центре Северо-Восточной Руси подобный образок найден в курганном могильнике Кнутиха на р. Уводи в погребении середины XII – начала XIII в. (Уткин, 1991, с. 97, рис. 2: *3*). В южнорусских землях такие образки найдены в раскопках на поселениях Кощеевка 8 в Киевской области (середина XII – XIII в.) и Пастивник около Пересопницы (XII – первая половина XIII в.) и три экземпляра в сборах в Тернопольской области и Среднем Поднепровье (Пескова, 2020, с. 177). 17 экземпляров с черневым изображением Вседержителя опубликованы в каталогах грабительских находок, пять из них определены как находки из Среднего Поднепровья, по одному экземпляру представлены как находки из Смоленской, Брянской и Московской областей (Станюкович, 2011, с. 15–16, 86–93, табл. II: *17–24*; табл. III: *25–33*).

Локализовать первоначальный центр производства образков с черневым изображением Вседержителя, основываясь на географическом распространении находок, трудно. Возможно, это Среднее Поднепровье: в центральных районах Северо-Восточной Руси подобные образки немногочисленны. Г. Ф. Корзухина справедливо обратила внимание на стилистическое и технологическое сходство изображений Вседержителя на этих образках с изображениями Спасителя и святых в круглых медальонах на лопастях плоских черневых энколпионов (Корзухина, Пескова, 2003, с. 101–102, 140–141, табл. 48–94) и предположила, что они могли изготовляться в одних мастерских в Киеве (Корзухина, Пескова, 2003, с. 21; Пескова, 2020, с. 117; Станюкович, 2011, с. 87). Изображение на иконке из Суздаля полностью повторяет рисунок Спасителя в верхних центральных медальонах некоторых энколпионов (Корзухина, Пескова, 2003).

Рис. 81. Бронзовые образки:
1 – Большое Давыдовское 2; 2 – Улово 1; 3 – Кистыш 3; 4 – Гнездилово 1;
5 – Суздаль, Торговая площадь, д. 20; 6 – Теренеево 1. 1–4 – бронза; 5, 6 – бронза, чернь

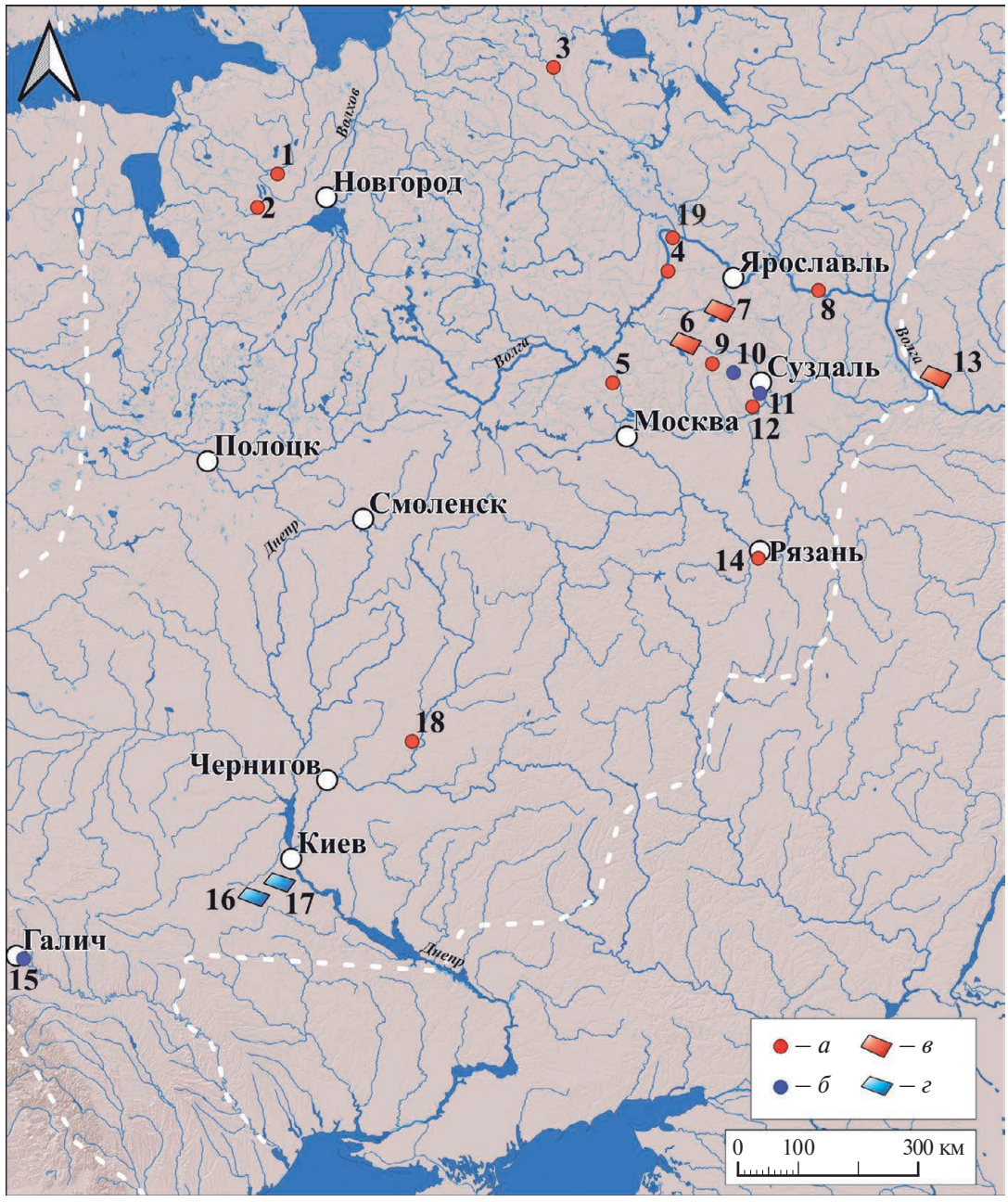


Рис. 82. Подвески-образки с изображением Успения Богоматери:
1 — Раглицы; 2 — Которск III; 3 — Митино-Зворыкино; 4 — Кирьяново; 5 — Степаново;
6 — Переяславский р-н Ярославской обл.; 7 — Ростовский р-н Ярославской обл.; 8 — Студенец; 9 — Ненашевская;
10 — Большое Давыдовское 2; 11 — Улово 1; 12 — Владимир; 13 — Борский р-н Нижегородской обл.;
14 — Старая Рязань; 15 — Галич; 16 — Попельнянский р-н Житомирской обл.; 17 — Великая Офирна;
18 — Новгород-Северский; 19 — Усть-Шексна.

а — односторонние подвески с изображением Успения,
документированные находки на археологических памятниках;
б — двусторонние подвески с изображением Успения и св. Анны,
документированные находки на археологических памятниках;
в — односторонние подвески с изображением Успения,
находки из музейных собраний и нелегитимных коллекций, не имеющие точной привязки;
г — двусторонние подвески с изображением Успения и св. Анны,
находки из музейных собраний и нелегитимных коллекций, не имеющие точной привязки

Подвеска с изображением неизвестного святого или ангела (рис. 83: *1*). Подвеска найдена в Суздале в культурном слое второй половины XII – первой половины XIII в., в северной неукрепленной части города, в раскопе на ул. Гастева, 1б. Диаметр образка равен 21–22 мм. Иконка отлита из бронзы по резной восковой модели и покрыта полудой (рис. 77: *5*). На лицевой стороне помещено схематическое поясное изображение святого или ангела с круглым безбородым и безусым лицом в нимбе, выполненное по модели углубленными линиями. По сторонам – фигуры, образованные четырьмя радиально расходящимися прямыми линиями (возможно, это схематические изображения крыльев четырехкрылого существа). По периметру располагается линейный углубленный контур. Оборотная сторона иконки гладкая. В стилистическом и технологическом отношении иконка близка описанным выше образкам с изображением Вседержителя, очевидно, она близка им и хронологически.

Прямоугольные иконки

Подвески с изображением Богоматери Одигитрии (рис. 83: *2–4*). Три экземпляра подвесок найдены на селищах Спасское городище 7, Черниж 2 и Теренеево 1. На селищах Спасское городище 7 и Теренеево 1 обнаружены идентичные целые бронзовые подвески высотой 20,5–22,5 мм и шириной 21–22 мм с простым петельчатым ушком высотой 7 мм. В Черниже 2 найдена только верхняя часть подвески шириной 20 мм с перетертым простым петельчатым ушком высотой 7 мм. На лицевых сторонах подвесок расположено выпуклое поясное изображение Богоматери Одигитрии с младенцем на левой руке. Головы Богоматери и младенца помещены в соединяющиеся нимбы в виде выпуклых овальных жемчужин. Иконки обрамлены выпуклыми рубчатыми бордюрами. Носы и глаза у Богоматери и младенца преувеличенно крупные, Богоматерь представлена в складчатых одеждах. Обороты подвесок гладкие. Иконка из Теренеева изготовлена литьем в каменную форму с крышкой, остальные тиражированием готового изделия (рис. 77: *2*).

Сводка прямоугольных иконок с изображением Богоматери Одигитрии была составлена в 1974 г. М. В. Седовой, выделившей две серии образков этого типа, происходящие из двух различных литейных форм. Одна из этих серий объединяет иконки, имеющие на обороте изображения процветшего креста, другая – иконки с гладкой оборотной стороной (Седова, 1974, с. 191–192). В дальнейшем эта сводка, включавшая 16 образков из 10 пунктов, пополнялась новыми находками, среди которых подвески из Новгорода (слой 70–80-х гг. XII в.), Владимира, могильника Нефедьево на Волоке Славенском, с поселения Введенское под Ярославлем, из Усть-Шексны и с селища Василево на р. Уводи (Олейников, 2015, с. 123; Кокорина, 2016, с. 139; Макаров, 1990; Праздников, 2001, с. 173–175), Усть-Шексны (Рыкунова, Рыкунов, 2020, с. 163–164). 17 таких подвесок изданы как новые находки из грабительских раскопок, находящиеся в частных коллекциях, одна из них атрибутирована как находка из Суздальской земли (Гаврилово-Посадский район Ивановской области) и одна из Ярославской области, шесть – как находки из Южной Руси (Станюкович, 2011, № 68–77; Нечитайло, 2000, № 597–599; Чудновец, 2008, № 7–10). Для определения хронологической позиции этих предметов важны находки из могильника Нефедьево (погребальный комплекс середины – второй половины XII в.) и из Ярополча (слой XII в.) (Макаров, 1997, с. 128; Седова, 1974, с. 191).

Несмотря на появление новых находок, происходящих, если можно верить их издателям, с территории Южной Руси, заключение М. В. Седовой о связи этих предметов преимущественно с Северо-Восточной Русью представляется в целом справедливым.

Подвеска с изображением Богоматери Воплощение и святого Николая (рис. 83: *5*). Один бронзовый экземпляр обнаружен на селище Скомово 2. Высота иконки составляет 19 мм, ширина 17 мм, ушко отломано. Изделие получено литьем в каменную форму, схематичный рисунок выполнен в невысоком рельефе. На лицевой стороне иконки помещено поясное изображение Богоматери Воплощение с младенцем, вокруг головы Богоматери нимб. По контуру иконки сделана рамка шириной 3 мм, украшенная геометрическим орнаментом. В верхней части рамки просматриваются расплывшиеся нечитаемые буквы – монограмма «МР ΘY» (?). На оборотной стороне помещено поясное изображение святителя в омофоре, вокруг головы нимб. По контуру также дана рамка шириной 3 мм с геометрическим орнаментом. В верхней части рамки имеется надпись, выполненная низким рельефом с расплывшимися буквами, читаются четыре буквы «ИКОЛ».

Двусторонние прямоугольные образки с рамками характерны для металлопластики послемонгольского времени. По своим стилистическим особенностям образок из Скомова близок иконкам второй половины XIII – XV в. Широкая рамка с геометрическим орнаментом воспроизводит резной декор на рамках каменных образков и на металлических окладах иконок этого времени (Гнутова, Зотова, 2000, с. 53). Основная масса керамики и бытовых вещей, собранных при обследовании селища Скомово 2, принадлежит к типам, распространенным в XII – первой половине XIII в., однако в коллекции представлены также предметы, период бытования которых заходит во вторую половину XIII в.

Подвеска с полукруглым завершением с погрудным изображением святого (рис. 83: *6*). Один экземпляр, изготовленный из легкоплавкого сплава, найден на селище Гнездилово 11. Верхняя часть образка (арочка) отломана. Ширина изделия составляет 14,5 мм. Предмет отлит в каменной форме. В центре щитка представлено схематичное изображение бородатого святого, вокруг головы нимб. Изображение дано невысоким рельефом и помещено в двойную рельефную гладкую рамку шириной 2 мм.

Тонкие небольшие образки с полукруглым завершением известны с XII–XIII вв., но получили широкое распространение в XIV – начале XV в. Два из них обнаружены в слоях 70-80-х гг. XII в. в Новгороде. Целые образки не имеют ушек и, по мнению М. В. Седовой, крепились на основу (Седова, 1981, с. 62–63). Два образка подобной формы с погрудным изображением святого (св. Николай?) опубликованы в своде грабительских находок из частных коллекций (Станюкович, 2011, № 192, 193).

Центральная часть складня с арочным завершением с изображением Иисуса Христа и двух святых (рис. 84: *1*). Один экземпляр бронзового складня найден на селище Кистыш 3. Ширина складня равна 43,5 мм, высота сохранившегося фрагмента составляет 42 мм, по сторонам – два выступа для крепления боковых створок. В верхней части сделано простое петельчатое ушко высотой 7 мм, в которое продет фрагмент бронзового колечка, по сторонам – два выступа. Оборот плоский. На лицевой поверхности изображены три арочки, в которые помещены выпуклые поясные фигуры святых (на фрагменте сохранились две из них). В верхней части представлено погрудное изображение Христа, в левой нижней арочке – голова с небольшой бородой в нимбе и острие копья справа от нее. Это изображение святого воина. Святые находились между колоннами с капителями, на которые опирались арки. Фигуры даны невысоким рельефом, иконка имеет плохую сохранность (предмет побывал в огне), изображения плохо видны.

Иконки со святыми, изображения которых помещены под арки с колоннами, редки в древнерусской металлопластике. Сходные складни происходят из раскопок Бородинского городища в Смоленской земле и из Серенска, но в левой нижней нише иконки из Серенска помещено женское изображение (Зайцева, Сарачева, 2011, с. 254, 257, рис. 131: *14*), очевидно, образки различаются по составу святых. При первой публикации складня мы указали, что образок из Кистыша не относится к массовым типам древнерусского литья, а прием помещения святых под арки между колоннами с капителями характерен для византийской каменной и металлической пластики и книжной миниатюры (Макаров, Красникова, 2007, с. 67). С нашей точкой зрения о воспроизведении византийских прототипов не согласна А. А. Пескова, указывающая на отсутствие маленьких металлических складней-триптихов в византийском прикладном искусстве (Пескова, 2021, с. 148).

Подвески в виде фигуры Архангела (рис. 84: *2, 3*). Два экземпляра бронзовых подвесок найдены на селищах Суворотское 8 и Сорогужино 2. Они представляют схематичное изображение фигур Архангелов в рост с распростертыми крыльями. Архангелы изображены в складчатых одеяниях, с прижатой к груди правой рукой, круглые лица окружены нимбами, крылья показаны с перистой разделкой. Размеры подвесок составляют 25 × 17 мм и 29 × ? (отломано левое крыло). Подвески снабжены петельчатыми ушками. У подвески из Сорогужина 2 оно обломано, у экземпляра из Суворотского 8 ушко имеет продольное ребро и высоту 6 мм. Первоначальная модель экземпляра из Суворотского 8 была отлита в каменной форме с плоской крышкой, Архангел из Сорогужина 2 сделан по оттиску (низкий рельеф, плохо просматриваются детали изображения). Оборотные стороны гладкие.

Подвески в виде фигур Архангелов представлены в средневековой металлопластике несколькими типами, которые до недавнего времени рассматривались обособленно (Недошивина, 1996, с. 201–204). Общий свод этих предметов, включающий около 30 находок, был составлен А. А. Остапенко. Он выделил схематичные упрощенные фигурки с крестовидной перевязью на груди, подобные подвескам из Сорогужина 2 и Суворотского 8, в отдельный тип 4. Как отличительную черту этого типа он отмечает отсутствие у архангелов рук, держащих мерило и зерцало, очевидно, этот вариант иконографии предполагал их положение согнутыми, и они не видны на отливках невысокого качества. Исследователем учтены 7 подвесок этого типа, происходящих из костромских и подмосковных курганов, курганов Суздальского Ополья, из Черниговской области и Старой Рязани (Ostapenko, 2012, p. 496–497). К этому же типу относятся подвеска из Суздаля (Седова, 1997, с. 92) и новая находка из Новгорода (Гайдуков, Олейников, Исаев, Богомолов, Короткова, 2019, с. 71, рис. 11: *2*). Несколько таких подвесок изданы в каталогах металлопластики из грабительских раскопок как предметы, происходящие из Суздальского района, Владимирской, Рязанской и Черниговской областей (Станюкович, 2011, № 358–361; Нечитайло, 2000, № 614; Чудновец, 2008, с. 73, № 46).

При первой публикации миниатюрной подвески в виде крылатой фигуры ангела из костромских курганов Д. Н. Анучин высказал мнение о связи ее культовым литьем Прикамья и Приуралья,

Рис. 83. Бронзовые образки: 1 – Суздаль, ул. Гастева, д. 1б, № 5; 2 – Спасское городище 7; 3 – Чернiж 2; 4 – Теренеево 1; 5 – Скомово 2; 6 – Гнездилово 11. 1–6 – бронза

в котором широко представлены фигуры парящих птиц (Анучин, 1899, с. 35), однако появление в поле зрения исследователей более качественных отливок, на которых хорошо просматриваются детали изображений, и общее пространственное распределение находок заставило отказаться от этого предположения. Очевидно, что миниатюрные подвески в виде крылатых фигур представляют собой упрощенный вариант подвесок, изображающих Архангела в диаконских одеждах, держащего в руках мерило и зерцало. Прототипы этих подвесок представлены в византийской металлопластике (Залесская, 1988, с. 45–47; Макаров, 2005). Изображения Архангелов близки рисункам на печатях, в том числе на печатях Святослава (Гавриила) Всеволодовича (Дмитриевича), обнаруженных в Новгороде и Владимире (Янин, 1970, с. 122; Родина, 2007, рис. 2). Подвески в виде фигур Архангелов имеют очень широкое территориальное распространение, однако большинство фигурок типа 4 по классификации А. А. Остапенко происходит с территории Северо-Восточной Руси (Седова, 1997, с. 92; Ostapenko, 2012). Связь их с ростово-суздальскими землями еще более четко проявляется с накоплением новых находок.

Змеевики

Круглый змеевик с изображением Крещения (рис. 84: *4*). Бронзовая подвеска с двусторонним изображением диаметром 41–41,5 мм найдена на селище Кистыш 3. Она снабжена перетертым петельчатым ушком длиной 7 мм. Обе стороны сильно потерты. На лицевой стороне помещено рельефное изображение сцены Крещения Господня: в центре трехфигурной композиции расположена обнаженная фигура Иисуса Христа, слева – Иоанна Предтечи, справа – фигура ангела с полустертым крылом. По периметру просматриваются остатки стертого гладкого валика. Между фигурами внизу показаны два шестиконечных креста. На обороте в центре помещено рельефное изображение женщины с ногами, переходящими в тела 11 змей. Бортика нет. Змеевик был отлит по оттиску готового изделия.

В каталоге змеевиков Т. В. Николаевой и А. В. Чернецова учтено девять подвесок с изображением Крещения, три из которых происходят из южнорусских земель (Киев, Остерский уезд Черниговской губернии), один найден в новгородской земле (могильник Лихарева Горка в Лужском уезде), происхождение остальных неизвестно (Николаева, Чернецов, 1991, с. 71). Экземпляр из Кистыша точно соответствует одному из вариантов этих змеевиков – № 27 (Николаева, Чернецов, 1991, с. 71–72, табл. XIII: *1, 3*). Среди находок новейшего времени – змеевик из раскопок селища Мякинино в Подмосковье, происходящий из культурного слоя первой половины XIII в. (Коваль, 2007, с. 55–56). Изображение на предмете из Мякинино полностью идентично композиции на суздальском змеевике, но не имеет следов потертости. Серия из 8 подобных змеевиков издана в каталогах грабительских находок. Два из них происходят из Смоленской области, еще два из Переславского района Ярославской области (Станюкович, Коршун, 2014, с. 151, 313–314, № 233–240).

Находка из Мякинина дала толчок для создания новой классификации змеевиков, основанной на иконографии змеевидных композиций, и поиска возможных прототипов этих изображений (Коваль, 2007; 2014). По наблюдениям В. Ю. Коваля, амулеты с изображением женской фигуры с вырастающими из нее змеями (класс 2) составляют сравнительно небольшую группу (около 1/6 всех змеевиков), бытовавшую с конца XI в. до середины XIII в. Прообразом змееногого существа он считает статую Сциллы, находившуюся на Ипподроме в Константинополе. Основываясь на географическом распространении змеевиков с изображением Крещения, В. Ю. Коваль высказал мнение об их южнорусском происхождении (Коваль, 2007, с. 56). Предложенная им датировка змеевика из Мякинино, первая половина XIII в., установленная по набору датирующих вещей и керамики из культурного слоя, хорошо согласуется с датировкой амулета из Кистыша, найденного на распаханном участке селища с керамикой и артефактами конца XII – XIII в.

Круглый змеевик с изображением Архангела Михаила (рис. 84: *5*). Бронзовый змеевик найден на селище Карельская Слободка 4. Его диаметр равен 40–43,5 мм, сверху приделано рифленое ушко высотой 9 мм. На лицевой стороне помещено рельефное изображение Архангела Михаила в полный рост анфас с мерилом в правой руке и зерцалом в левой. Мерило имеет вид длинного посоха с навершием, зерцало представлено уплощенной полусферой. Архангел одет в стихарь с орарем, один конец которого накинут на левую руку. Крылья развернуты, они имеют перистую разделку. Край окаймлен рубчатым валиком. На обороте в центре помещено рельефное изображение человеческой личины с крупными круглыми глазами, от которой отходят 6 раздваивающихся ног и одна одинарная. На концах ног помещены изображения змеиных голов. По периметру расположен рубчатый валик. Змеевик изготовлен литьем в двустороннюю форму по оттиску готового изделия (виден торцевой шов). Оттискиваемый предмет был немного меньше по размеру так, что на рассматриваемом экземпляре по краю видны наплывы металла. Он покрыт полудой.

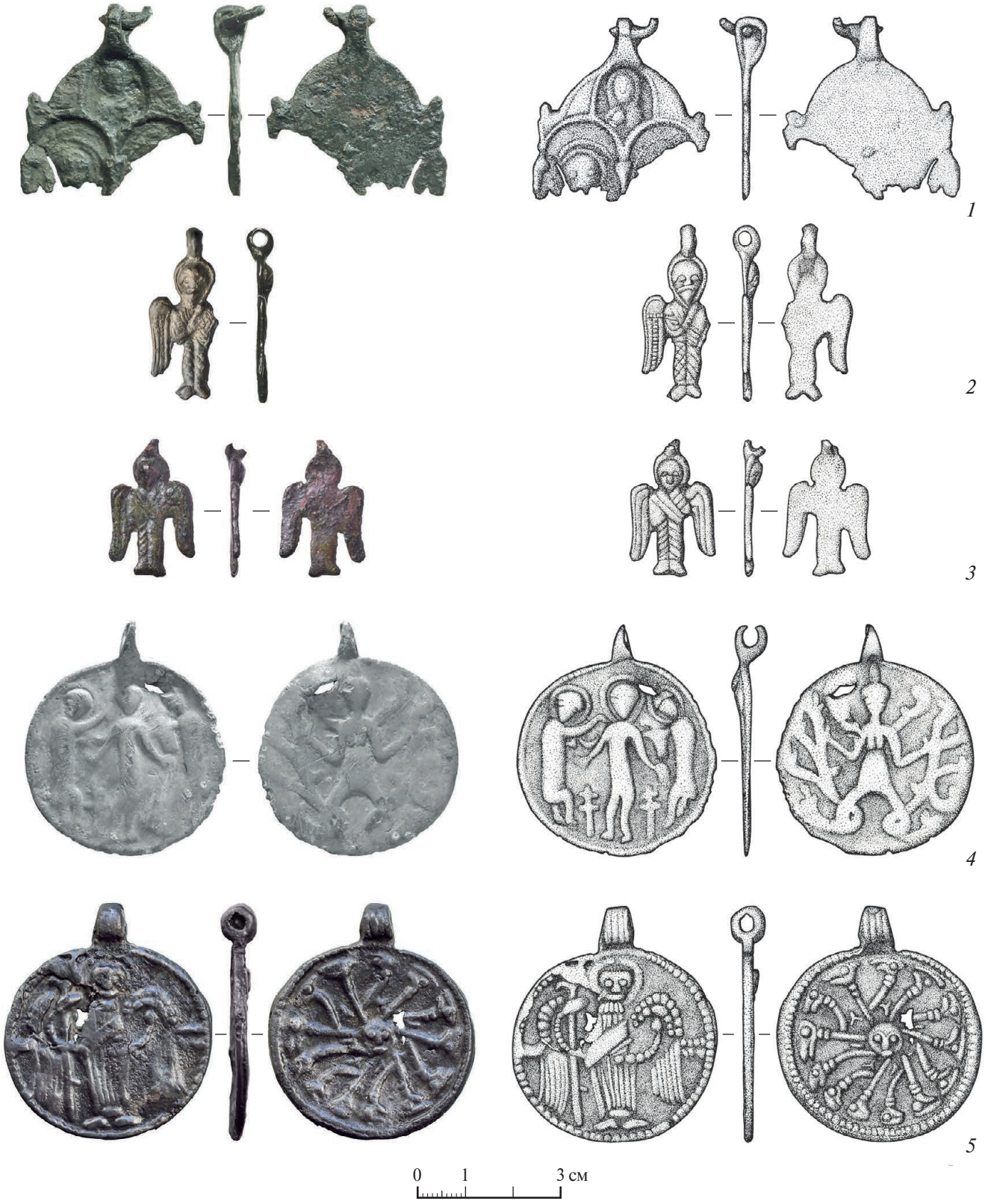


Рис. 84. Часть складня, образки-подвески в виде фигуры Архангела и подвески-змеевики: 1, 4 – Кистыш 3; 2 – Суворотское 8; 3 – Сорогужино 2; 5 – Карельская Слободка 4. 1–5 – бронза

В каталоге Т. В. Николаевой и А. В. Чернецова учтен 21 амулет с изображением Михаила Архангела, в том числе два золотых. Большинство из них, в отличие от змеевика с селища Карельская Слободка 4, имеют обронные кольцевые надписи. Четыре змеевика полностью аналогичны рассматриваемой подвеске, три из них найдены в Новгороде на Троицком раскопе на усадьбе А в культурных напластованиях середины или конца XII в. и начала XIII в., четвертый происходит из раскопок в Суздальском кремле из слоя усадьбы конца XII – начала XIII в. (Николаева, Чернецов, 1991, с. 56–57, табл. II: 4; табл. III: *1*; Седова, 1981, с. 69, рис. 23: *5, 6*; Седова, 1997, с. 212, рис. 74: *2*; Покровская, Тянина, 2009, с. 433–434, рис. 1: *3, 4*; Ениосова, 2021, с. 181–184). Новые находки змеевиков этого типа известны в Ярославле, Новгороде и Рюриковом городище (Коваль, 2014, с. 202; Ениосова, 2021, с. 184–185). 11 змеевиков с изображением Михаила Архангела без обронных кольцевых надписей опубликовано в каталогах грабительских находок (Станюкович, Коршун, 2014, № 145–155). Два из них обнаружены в Новгородской области, по одному во Владимирской и Ивановской (Гаврилово-Посадский район). Один экземпляр найден в Полтавской области в Украине (Станюкович, Коршун, 2014, с. 304).

Датировки змеевиков с Троицкого раскопа, основанные на их стратиграфическом положении, у разных исследователей несколько различаются. В последней публикации находок Л. В. Покровская и Е. А. Тянина относят их к 20–40 гг. XII в. и началу XIII в. и рассматривают как предметы, изготовленные не позднее конца XI в., находившиеся в длительном использовании (Покровская, Тянина, 2009, с. 440). Такая датировка представляется неубедительной, с учетом всех известных в настоящее время находок можно полагать, что змеевики этого типа производились и бытовали в Новгороде и в Северо-Восточной Руси во второй половине XII – начале XIII в.

Змеевики с арочным завершением с изображением Богоматери с младенцем на престоле (рис. 85: *1, 2*). Целый змеевик происходит с селища Вышеславское 3, фрагмент (нижняя половина) – с селища Крапивье 6. Размеры целого экземпляра равны 34,5 (42 с ушком) × 26 × 2,8 мм. На лицевой стороне иконки помещено выпуклое рельефное изображение Богоматери с младенцем, сидящей на престоле. Изображение выполнено рубчатыми валиками. По контуру имеется рубчатый бордюр. Фон неровный. Изображение сильно затерто. На обороте в квадрате показана рельефная змеевидная композиция, в верхней части – выпуклый прямоконечный крест с центральными врезными линиями. Крест и змеевидная композиция разделены рубчатым бордюром, им же украшен периметр иконки. Фон неровный, низ змеевидной композиции сильно затерт. Оба змеевика, литые из бронзы в двустворчатой форме (на торце видны литейные швы), сделаны, вероятно, по одной модели и покрыты полудой.

Змеевики с арочным завершением (киотчатой формы) довольно редки в металлопластике домонгольского времени (Николаева, Чернецов, 1991, с. 63). Аналогии суздальским змеевикам с изображением Богоматери на престоле известны среди находок из Старой Рязани (коллекция А. И. Черепнина, изображение ошибочно атрибутировано как «Спас на престоле»; Бобринский, 1898, с. 315, рис. 7–8) и Болгара (Полубояринова, 1993, с. 82, рис. 28: *3*), а также в коллекции ЦМДКиИ имени Андрея Рублева (Гнутова, Зотова, 2000). Болгарская находка происходит из слоя домонгольского времени. Из двенадцати змеевиков этого типа, опубликованных в каталогах грабительских находок (Станюкович, 2011, с. 110, табл. VI: 81; Станюкович, Коршун, 2014, № 112–122, с. 89, 228–229, 301–302), шесть представлены как происходящие из Владимирской, Ивановской и Ярославской областей, три – как находки с Украины (Киевская и Ровенская области), один – как находка из Курской области. Если доверять этим данным, более половины находок происходит с территории Северо-Восточной Руси. Здесь, во Владимире, известны и находки печати с редким в древнерусской иконографии XII–XIII вв. изображением Богоматери с младенцем на троне (Уткин, Костылева, 2015, с. 195–198).

* * *

Двусторонняя подвеска с изображениями Христа Эммануила и св. Нестора (рис. 85: *3*). Предмет происходит из сборов на селище Семеновское-Советское 3 (Макаров, Зайцева, 2019). Щиток подвески имеет квадрифолийную форму размерами 27 мм, толщина равна 2,5 мм. Высота округлого ушка составляет 6 мм. Высота и ширина центральных квадратов неравны и составляют 16,5 и 17 мм соответственно. На обеих сторонах предмета имеется по 5 полостей, заполненных рисунками, выполненными эмалями.

На одной стороне образка в центральный квадрат помещено изображение Христа Эммануила с белым крестчатым нимбом с субститутами букв, показанных красными кружками, на синем эмалевом фоне. Христос изображен с черными кудрявыми волосами, спускающимися на шею. На верхней и нижней лопастях квадрифолия помещен городчатый орнамент: красные городки на белом фоне, обведенные полуокружностями синего цвета; на боковых – белые эмалевые буквы «IC» и «XC» на красном фоне.

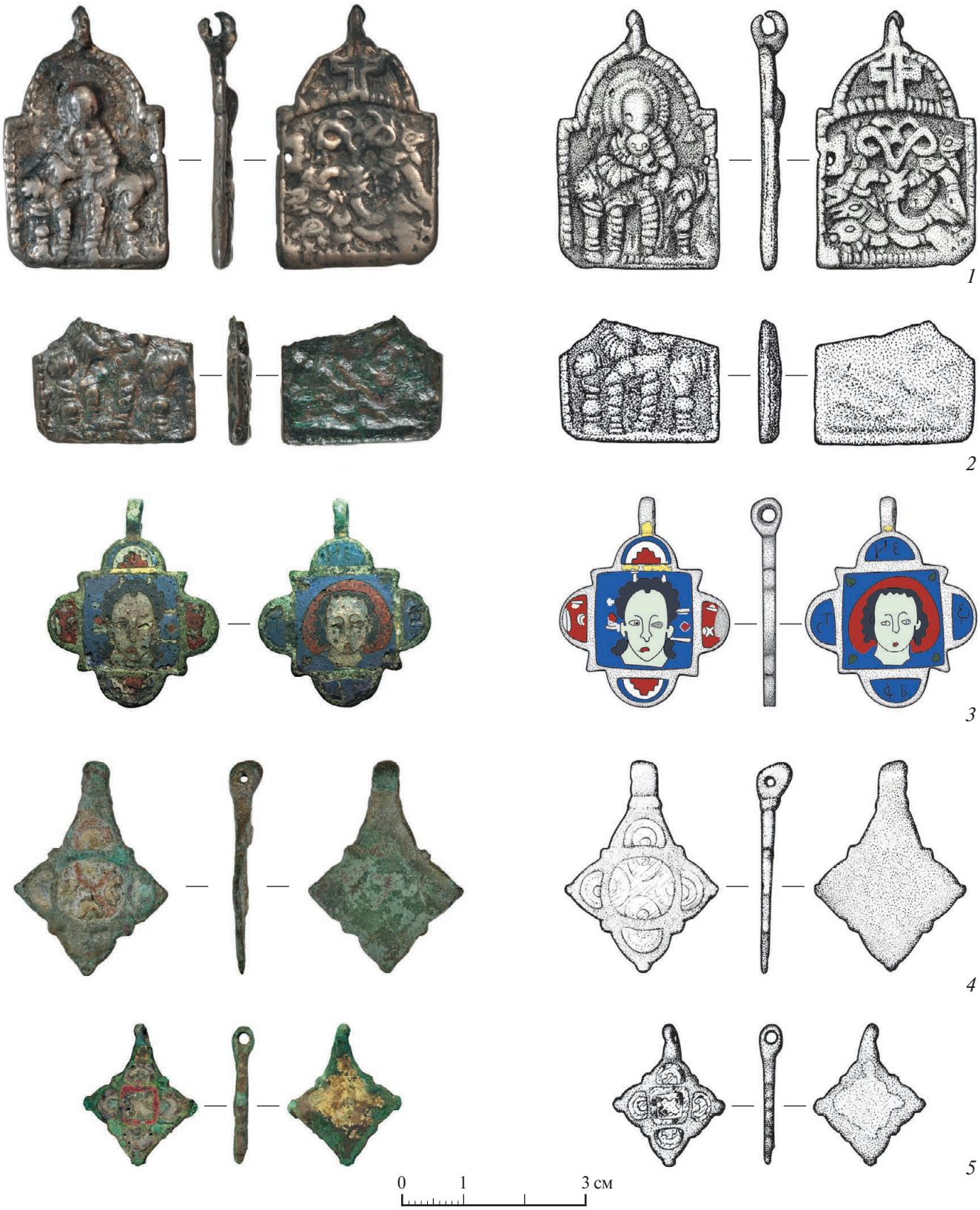


Рис. 85. Подвески-змеевики, образок с эмалями, кресты с эмалями:
1 – Вышеславское 3; 2 – Крапивье 6; 3 – Семеновское-Советское 3; 4 – Михали 4; 5 – Теренеево1.
1, 2 – бронза, 3–5 – бронза, эмаль

На другой стороне иконки в центральном квадрате находится изображение молодого безбородого святого с черными кудрявыми волосами в красном нимбе на синем эмалевом фоне. В углах центрального квадрата помещены процарапанные на синей эмали фигуры «перевернутых сердец», известные в византийской иконографии как декоративные элементы на одеждах императоров и их приближенных, святых, а также святых воинов: Георгия, Димитрия, Федора (White, 2006, p. 350). Лопасти квадрифолия полностью залиты синей эмалью, по которой прорезаны буквы: в верхней лопасти «НЕ», в левой боковой «СТ», в правой боковой «Е», в нижней «РЪ». Таким образом, имя святого, изображенного на подвеске – «Нестеръ».

Технологии изготовления подвески и составу украшающих ее эмалей посвящены специальные исследования (Kovalenko, Murashev, Stolyarova [et al.], 2020; Столярова, Коваленко, Мурашев [и др.], 2021). Металлическая основа подвески отлита по резной восковой модели из оловянно-свинцовой бронзы. Полости для эмали заполнены рисунками, составленными из четырех цветов: синего, красного, черного и белого. Металлические перегородки, обычно используемые при разделении цветов эмали, отсутствуют. Вместо них между разными цветами в большинстве случаев обнаруживаются врезные линии шириной 100–200 мкм. Однако в некоторых местах в толще эмали имеются не видимые на поверхности небольшие фрагменты металлических полос. Оставшиеся бронзовые поверхности покрыты амальгамным золочением, сохранившимся на небольших участках. Исследовавшая эмали подвески Е. К. Столярова предположила, что выемки в подвеске украшены вставками, сделанными в смешанной технике, сочетающей использование твердого стекла для сине-фиолетового фона и стеклянного порошка (эмали) для изображений. Эмалевые рисунки выполнялись из порошка, но не на металлической основе иконки, а на стеклянных плакетках сине-фиолетового цвета. Затем плакетки вхолодную подрезали под размер выемок, вставляли в них и нагревали при температуре, достаточной для того, чтобы стекло прилипло к металлу. Перегородки наложены уже после того, как были выполнены эмалевые изображения. В качестве контура, с помощью которого расплывчатые границы между разноцветными деталями изображений можно было сделать более четкими, а бесформенным пятнам придать нужную форму линий и букв, была использована бронзовая проволока прямоугольного сечения, изогнутая в соответствии с рисунком и впаянная в размягченное стекло (впоследствии утрачена). Изучение состава эмали не дает возможности точно локализовать место производства образка, но указывает на общую связь его с кругом византийских производственных центров.

Нестор Солунский – святой воин, почитавшийся на Руси с XI в. Служба Нестору присутствует в переводной русской Минее конца 1096 г., опубликованной И. В. Ягичем (Служебные минеи..., 1886, табл. XLIX–XCVI, с. 190–191; White, 2013, p. 103). Имя Нестор хорошо знакомо древнерусской ономастике домонгольского времени. Среди известных по источникам лиц, носивших это имя, помимо печерского монаха-летописца, адресат новгородских берестяных грамот XII в., найденных на Неревском раскопе (грамоты № 115, 118, содержание грамот – денежные расчеты, Нестору предлагалось заплатить 6 гривен (Арциховский, Борковский, 1958, с. 48, 51; Янин, Зализняк, 1993, с. 133–134)), один из ростовских епископов, отстраненный от управления кафедрой Андреем Боголюбским в 1157 г. (Назаренко, 2013, с. 10–33), и владимирский иерей, один из предполагаемых составителей «Сказания о чудесах Владимирской иконы Богоматери» (Сказание..., 1997).

Некоторые изображения молодых безбородых святых воинов на рельефах владимирского Дмитриевского собора, Георгиевского собора в Юрьеве-Польском и на шиферных рельефах из Киева предположительно идентифицируются исследователями как изображения св. Нестора (Ивакин, Пуцко, 2000, с. 164; White, 2013, p. 128, 187, 194), однако ни одно из них не подписано, поэтому ни одна идентификация не может считаться бесспорной. Наиболее убедительно аргументирована идентификация Нестора в одном из двух святых воинов-всадников на западном фасаде Дмитриевского собора: Нестор – молодой, круглолицый, с выпуклыми глазами всадник, другой всадник – Дмитрий. Совместное изображение этих двух солунских святых, по мнению М. Гладкой, характерно для византийской традиции (Гладкая, 2009, с. 144–159). Молодые безбородые святые на образке из Семеновского-Советского 3 и на западном фасаде Дмитровского собора близки по типу лица. Изображение Нестора на иконке из Суздальского Ополья – единственное известное нам подписанное кириллицей изображение этого святого домонгольского времени, достоверно подтверждающее присутствие его в древнерусском изобразительном наследии.

Изображения Христа Эммануила, символизирующие прославление Иисуса как царя небесного на земле, в искусстве домонгольского времени сравнительно редки. Одно из наиболее известных – икона Христос Эммануил с архангелами из собрания Государственной Третьяковской галереи, ранее находившаяся в Успенском соборе Московского Кремля, происхождение которой традиционно связывается с Владимиро-Суздальской Русью (Государственная Третьяковская галерея..., 1995, с. 63–64). В. Н. Лазарев полагал, что эта икона была написана мастерами, расписывавшими влади-

Рис. 86. Каменный образок, Кистыш 3

мирский Дмитриевский собор, и была привезена в Москву из Владимира вместе с другими почитаемыми иконами в 1518 г. (Лазарев, 1996, с. 40–41; Этингоф, 1997, с. 174–187).

Из раскопок в Суздале происходит круглый односторонний медный образок диаметром 59 мм конца XII в. с достаточно примитивным эмалевым изображением Спаса-Эммануила с подписью по кругу (Макарова, 1975, с. 89, 90). Он декорирован эмалью трех цветов: синей, красной, белой. Опубликовавший находку Н. Н. Воронин сделал обзор всех известных на 1956 г. бронзовых изделий из Владимира и Суздаля с эмалями (энколпионы, колт). Он, вслед за Б. А. Рыбаковым, отнес эти предметы к владимирской эмальерной школе (Воронин, 1956, с. 27–28). Новые находки бронзовых предметов с эмалью из Владимира (колты, булавка) опубликованы Т. Ф. Мухиной (Мухина, 2008). Бронзовая позолоченная иконка с арочным завершением с эмалевым изображением благословляющего Христа Эммануила и процветшим крестом на обороте найдена на Замковой горе в Житомире. Рассмотревшая находку Е. И. Архипова приводит предметы с фигурой Христа Эммануила, обнаруженные в южнорусских землях (Архипова, 2021).

Украшенные эмалью золотые квадрифолийные звенья цепочек хорошо известны в древнерусской металлопластике XII–XIII вв. (Макарова, 1975, с. 45), однако бронзовые подвески квадрифолийной формы с изображениями Христа и святых немногочисленны. Близкий образок с эмалью, имеющий чуть большие размеры (41 × 37 мм), с изображением Христа с крестчатым нимбом на одной стороне и Библейского царя в короне на другой происходит из Херсонеса. Он найден К. К. Косцюшко-Валюжиничем при раскопках Епископского комплекса в Северо-Восточном районе в 1904 г. (Яшаева, Денисова, Гинькут, Залесская, Журавлев, 2011, с. 498, № 147; ГЭ, № 202). Буквы над головой Христа на подвеске также гравированные. Цвета эмали здесь: красный, синий, зеленый, серовато-розовый, молочный. Еще семь находок двусторонних эмалевых квадрифолиев из грабительских раскопок опубликованы А. Н. Спасеных (Спасеных, 2019, с. 38, 250). На одной из них помещено изображение Христа Эммануила на лицевой стороне и косого креста на оборотной (шесть цветов эмали); на другой Спаса Нерукотворного (с «сердечками» на свободном поле) на одной и геометрическим городчатым декором на другой стороне (пять цветов эмали).

Две бронзовые позолоченные двусторонние круглые эмалевые подвески, происходящие с территории Древней Руси и давно вошедшие в научный оборот, еще раз опубликованы в высоком качестве Л. Пекарской (Pekarska, 2011, p. 225–226). Несмотря на то, что изделия имеют круглую форму, на их лицевых сторонах изображены квадрифолии, в которые вписаны эмалевые узоры. Наиболее близок образку из Семеновского-Советского 3 экземпляр из Черкасс, на одной стороне которого изображена кудрявая головка, а на другой городчатый орнамент. Пузырчатые эмали синего, белого, красного и черного цветов разделены позолоченными медными перегородками. Все исследователи, обращавшиеся к этому предмету, начиная с Н. П. Кондакова, полагали, что он сделан в Киеве, но при непосредственном участии греческих мастеров (Ross, 1965, p. 113, № 162).

В центр оборота второго образка (происходящего, предположительно, из Киева) помещена фигура косого креста. Золотые бляшки квадрифолийной формы с центральными эмалевыми рисунками косых крестов, городками и полосками в полукружиях хорошо известны в составе рясен древнерусских кладов (Макарова, 1975, с. 45).

Такие же эмалевые кресты украшают центральные поля трех бронзовых крестовидных подвесок квадрифолийной формы, две из которых обнаружены в последние годы на селищах Теренеево 1 и Михали 4 в Суздальском Ополье, а одна в Муроме (Бейлекчи, Данилов, 2019). Размеры квадрифолия подвески из Михалей 4 составляют 25 × 25 × 02 мм, длина ушка 10 мм. Изделие украшено эмалями желтого и красного цветов (рис. 81: *4*). Находка из Теренеева 1 несколько меньше – квадрифолий размерами 18 × 18 × 2 мм, длина ушка 5 мм. Подвеска украшена эмалями красного, белого, сероватого и голубоватого цветов (рис. 81: *5*). У подвесок из Мурома и Теренеева 1 ушки и оборотные стороны позолочены. Литые лотки для эмали очень мелкие, и эмаль выступает над поверхностью изделия. Городчатый орнамент и фигуры в виде полукружий на лопастях и выступы на углах центрального щитка сближают оформление этих подвесок с иконкой из Семеновского-Советского 3. Отличает их то, что на обеих суздальских крестах разноцветные эмалевые поля разграничены бронзовыми перегородками, чего мы не видим на образке с Нестором. Все рассмотренные предметы – индивидуальные изделия, сходные по общей композиции и использованию эмали в декоре, но различающиеся по составу изображений, по уровню их художественного исполнения и по особенностям орнаментации и оформления.

Датировка иконки XII – первой третью XIII в. может быть предложена исходя из общих представлении о бытовании подвесок и звеньев цепочек квадрифолийной формы. Помещение Нестора Солунского, очевидно, носит патрональный характер и соответствует крестильному имени заказчика иконки. Почитание Дмитрия Солунского во Владимиро-Суздальских землях получило распространение во время княжения Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, построившего собор во имя своего святого покровителя и поместившего в нем привезенные из Солуни реликвии – икону, написанную на гробовой доске Дмитрия Солунского, и его сорочку. «...И принес доску гробную из Селуня святаго мученика Дмитрия, мюро непрестанно точащю на здравье немощным, в той церкви постави, и сорочку того ж мученика ту же положи» (ПСРЛ, т. 1, стб. 436–437).

Уместно предположить, что заказчиком эмалевого образка с изображением святого воина Нестора мог быть человек из окружения Всеволода, знакомый с солунским пантеоном и солунскими реликвиями, следовавший за своим патроном в их почитании. Эта версия хорошо согласуется с присутствием на лицевой стороне квадрифолия изображения Христа Эммануила, которое могло воспроизводить изображения на иконе из собрания ГТГ, связанной с кругом мастеров, приглашенных Всеволодом для украшения Дмитриевского собора.

Каменный двусторонний образок с полукруглым завершением (рис. 86). Верхняя часть образка из темно-серого камня высотой 30 мм и шириной 30 мм найдена на селище Кистыш 3. На одной стороне – голова молодого святого (очевидно, воина) с кудрявыми волосами и небольшой бородкой, на другой – голова святого с высоким лбом, возможно, св. Николая. На обеих сторонах сохранились 8-образные титла, под которыми, вероятно, были помещены колончатые надписи. Край иконки окаймлен гладким рельефным валиком шириной 3 мм. Изображения выполнены невысоким округленным рельефом. На обеих сторонах они сильно стерты, так, что некоторые детали не читаются. Существенно, что следы сильной потертости хорошо заметны не только на верхнем, но и на нижнем обломанном краю образка, что может быть объяснено лишь тем, что иконку продолжали носить еще долгое время после того, как ее нижняя половинка была отколота.

Образок найден в материковой яме, заполнение которой, по находкам стеклянных зонных бус и круговой керамики, датировано XII–XIII вв., рядом с остатками постройки древнерусского времени. Изображения выполнены высокопрофессиональным резчиком, тонко проработавшим черты лица обоих святых. Близкой аналогией по стилистике изображения является иконка из Переяслава-Хмельницкого, которую Т. В. Николаева относила к изделиям южнорусской группы мелкой пластики (Сикорский, 1980, с. 337; Николаева, 1983, табл. 11: 6). Некоторые детали, такие как миндалевидные глаза святых и начертание 5-образного титла, сближают образок из Кистыша с памятниками мелкой каменной пластики, найденными во Владимире (Жарнов, 1999, с. 165–173). Однако состояние иконки из раскопок на селище делает невозможным развернутое сопоставление.

Выводы

Металлические подвески-иконки составляют около 12 % от всей совокупности христианских древностей XI–XV вв., собранных экспедицией на селищах. Их количество существенно уступает числу крестов-тельников и энколпионов. Тем не менее с появлением новых находок выясняется, что образки имели широкое (хотя и не массовое) распространение в среде жителей центра Суздальской земли, в том числе на сельских поселениях. Суздальское Ополье – один из заметных очагов бытования подвесок-иконок в домонгольской Руси. Образки находились в обиходе обитателей поселений разных размеров и разного статуса, живших и в больших селах (Кубаево 7, Суворотское 8, Улово 1, Григорово 2 , Сорогужино 2), и на малодворных поселениях (Черниж 2, Вишенки 3, Михали 3, Скомово 2), в ближайшей округе Суздаля и на значительном удалении

от городов. Большинство вновь найденных металлических образков принадлежит к хорошо известным серийным типам, простым для производства и широкого тиражирования, однако в коллекции есть и предметы индивидуального изготовления, не уступающие по своему художественному уровню лучшим образцам древнерусского эмальерного дела и мелкой каменной пластики.

М. В. Седова датировала круглые иконки с изображением Успения и парных святых, как и квадратные с изображением Богоматери Одигитрии, XII – началом XIII в., появление подвесок с погрудным изображением святого Георгия она относила к концу XI в., полагая, что они могли оставаться в обиходе до начала XIII в. (Седова, 2006, с. 246). Вновь найденные экземпляры этих серий не дают возможности для уточнения хронологии, но в целом хорошо согласуются с ранее предложенными датировками. Они собраны на селищах, в материалах которых доминируют хроноиндикаторы XII – первой половины XIII в. В публикуемой коллекции подвесок-образков есть лишь три иконки, которые по аналогиям и стилистическим особенностям могу быть датированы второй половиной XIII – XV в.

Литые подвески-образки – яркий культурный феномен, характеризующий древнерусскую идентичность XII – первой половины XIII в., однако отсутствие достоверных данных о происхождении значительной части новых находок, добытых нелегальным путем, существенно затрудняет создание общей картины пространственного распределения образков и атрибуцию отдельных типов как «общедревнерусских» или областных. М. В. Седовой высказано мнение, что Северо-Восточная Русь была местом появления и основным ареалом нескольких типов образков, производившихся большими сериями, а сама традиция использования металлических иконок вошла в обиход на этой территории более широко, чем в других древнерусских землях. География новых находок и присутствие среди них серийных экземпляров образков показывает, что иконки с изображением парных святых, Успения, Богоматери Одигитрии, св. Георгия, схематичные фигурки Архангела, змеевики с изображением Богоматери с младенцем на троне и Архангела Михаила, действительно, получили широкое распространение в Северо-Восточной Руси и могли здесь производиться. В то же время нет убедительных оснований считать, что иконография этих образков сложилась на Северо-Востоке и первоначальное их производство было организовано в городах Ростово-Суздальской земли. Новые находки подвесок с изображением Успения, в том числе экземпляра с изображением св. Анны на обороте, и иконок с изображением Богоматери Одигитрии на Юге Руси могут указывать на то, что именно южнорусские подвески послужили изначальными образцами для тиражирования иконок на Северо-Востоке. Среди круглых образков, найденных на территории Северо-Восточной Руси, представлены иконки с изображением святого всадника, повернутого влево, с копьем, происхождение которых определенно связано с Южной Русью. Можно согласиться с В. Ю. Соболевым в том, что технологическая простота отливки образков по оттиску делала весьма вероятным изготовление изделий одних и тех же типов на Юге Руси и в Ростово-Суздальской земле. Очевидно, южнорусское происхождение имеет тип подвесок-змеевиков с Крещением, однако и в этом случае найденные в Волго-Окском регионе отливки могли быть выполнены на месте. В целом же география находок отдельных типов металлопластики XII – первой половины XIII в. свидетельствует о широком пространственном бытовании этих предметов, отражавших устойчивые культурные связи Севера и Юга и воспринимавшихся, вероятно, как одно из выражений их культурного единства.

Наблюдения о связи изображений на круглых подвесках-иконках XII–XIII вв. с византийской и древнерусской сфрагистикой уже неоднократно высказывались исследователями мелкой пластики и печатей, новые находки из Суздальского Ополья, в особенности обломок образка с колончатой зеркальной надписью «ДИМИТРИ», дают этим наблюдениям дополнительные подкрепления. С учетом новых данных можно считать, что воспроизведение изображений на печатях, служивших образцами для металлических образков, представляло собой не единичные случаи, а широко принятую практику. Большинство рассмотренных в работе находок представляют многочисленные устойчивые серии предметов: полностью совпадают их размеры и мельчайшие детали изображений. Образки достаточно хорошего качества, исследованные при увеличении, позволяют полагать, что непосредственный оттиск печатей для получения форм образков не применялся: рисунки на них выполнены в высоком рельефе, идущие по краю бортики нарезаны рубчатым орнаментом, а не характерными для печатей жемчужинами – всё это свидетельствует об использовании восковых моделей для создания образков. В некоторых сериях, например, в прямоугольных иконках с Богоматерью Одигитрией, возможно, применялись каменные формы. Вместе с тем близость стилистики изображений на печатях и круглых образках очевидна. Вероятно, первые модели для образков и матрицы для печатей были изготовлены в одних мастерских.

Тем не менее металлические литые образки, в отличие от печатей, нельзя считать предметами, предназначавшимися для элиты древнерусского общества: характер самих предметов и контекст некоторых находок указывает на распространение их в более демократической среде, об этом же свидетельствует и многократность тиражирования популярных вещей.

А. Н. Федорина

КЛЮЧИ И ЗАМКИ

Ключи и замки – одна из наиболее массовых категорий бытового инвентаря, встречающегося на селищах Ополья, важная для общей характеристики материальной культуры и ремесла, а также для датирования памятников. Массовость собранных материалов, их надежная топографическая привязка, статистическая надежность выборки позволяют использовать ее для оценки благосостояния населения сельской округи Суздаля, прояснения представлений о достатке и статусе, их трансформации во времени. Интерес к замкам и ключам связан с тем, что они зачастую рассматриваются в ряду маркеров высокого социального статуса их владельцев, в некоторых случаях как элементы престижного потребления (Кудрявцев, 2016; Асташова, 2004). Археологический материал в значительной степени проявляет именно имущественный статус оставившего эти предметы населения. Вместе с тем изучение этой категории средневековых артефактов открывает перспективы расширения источниковой базы для исследования повседневности и различных социально-экономических аспектов жизни населения Северо-Восточной Руси в X–XV вв.

Коллекция ключей и замков из сборов на селищах Ополья насчитывает 548 предметов (табл. 12). Это значительно больше, чем предметов благочестия, наконечников стрел, деталей упряжи, кресал или пробоев; пожалуй, среди определимых предметов более многочисленны только ножи и гвозди. Еще 56 ключей и 70 деталей замков происходит из раскопов на селищах региона (табл. 13).

В результате доступная выборка составляет 674 предмета – наглядное доказательство распространенности ключей и замков в быту сельского населения Суздальщины[1]. Это особенно неожиданно, если вспомнить, что до последнего времени казалось, что замки и ключи от них – это примета городского быта, ассоциирующегося с более развитым экономическим укладом и более глубокой социальной дифференциацией населения, чем сельский мир (как пример см.: Древняя Русь, 1997). Отчасти эта картина подкреплялась материалами из раскопок сельских поселений: редко, когда коллекция одного памятника или раскопа содержит более 5–10 предметов выбранной группы. Изменение оптики – от раскопа к материалам крупного исторического региона – позволяет составить более реалистичные представления как о присутствии замков и ключей в материальной культуре, так и об уровне благосостояния средневекового сельского населения.

Оценить размеры собранной коллекции можно лишь косвенно, так как сводные данные о сельских территориях Руси немногочисленны. Нам удалось найти только одну сводку данных по региону: из сборов на памятниках Сирет-Днестровского междуречья происходит 40 находок замков и ключей (Возный, б/г). Несколько подробнее опубликованы материалы отдельных памятников, расположенных в разных регионах средневековой Руси. Так, коллекция Мининского археологического комплекса в Кубенозерье содержит 100 экземпляров (82 замка и 18 ключей: Захаров, Адаменко, 2008, с. 35, табл. 16). В материалах поселений Лисковое 1-2, раскопанных широкими площадями, таких находок 60 (5 целых замков, 27 деталей и 28 ключей; данные о типологической принадлежности отсутствуют, см: Шекун, Веремейчик, 1999, табл. 5). К сожалению, в большинстве публикаций авторы ограничиваются констатацией присутствия ключей и замков, не приводя статистических данных и типо-хронологической характеристики коллекции: так, в разделе, посвященном замкам и ключам, в книге «Село Киевской Руси» числовые показатели приведены только для самой крупной серии из Григоровки: 31 ключ, 9 деталей замков, 2 замочные личины, 2 дверные петли (Село Київської Русі..., 2003, с. 108–109).

Прямое сравнение материалов, полученных при площадных раскопках и поверхностных сборах, затруднено. Тем не менее попытаемся дополнить эту картину данными о селищах Ополья. Рассматриваемые предметы происходят из культурного слоя 108 селищ (рис. 87, табл. 12), это около ¼ части всех выявленных сельских поселений Ополья. Если же ограничиться памятниками, связанными со средневековым русским населением, цифры окажутся еще более впечатляющими.

В 34 случаях (31 %) эти находки единичны, еще на 57 памятниках обнаружено от двух до девяти находок изучаемых категорий (52 %), в коллекциях 17 селищ – больше десяти экземпляров. Самые крупные серии зафиксированы на наиболее обследованных селищах: Тарбаево 5, Большое Давыдовское 2 – по 21 предмету, Весь 5 – 23, Кистыш 3 – 28 (в трех последних случаях указано общее число находок из сборов и раскопок). Не менее выразителен другой показатель: только в двух случаях, когда коллекция подъемного материала, собранного на памятнике, содержит 100 и более предметов, находки замков и ключей не зафиксированы (Григорово 1, Теренеево 1).

[1] Находки из раскопов 80–90-х гг. XX в. не всегда могут быть типологически определимы на основании полевых отчетов, в связи с чем эти данные используются ограниченно и не будут включаться в статистику встречаемости отдельных типов предметов.

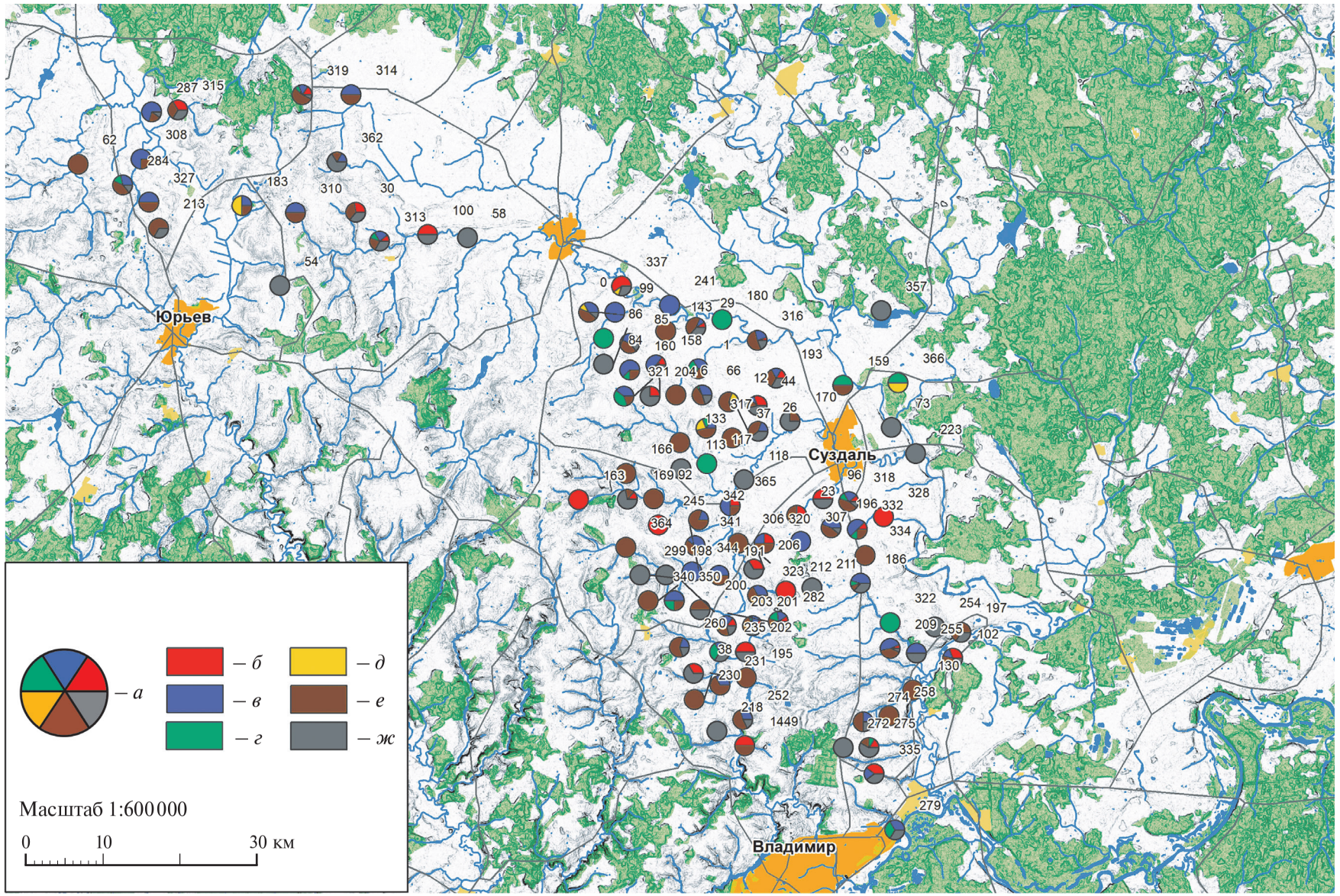


Рис. 87. Находки замков и ключей на селищах Ополья:
а – соотношение замков и ключей разных хроногрупп на поселении (нумерация поселений соответствует табл. 1); б – замки и ключи типа А;
в – замки и ключи типов Б, В, В-1; г – замки и ключи типов В-2, Г; д – замки и ключи типов Е, Д;
е – типологически неопределимые и единичные навесные замки и ключи; ж – детали нутряных замков

Находки замков и ключей из сборов на селищах Ополья

№ по приложению 1	Памятник	S (га)	Навесные (съемные) замки и ключи к ним																			
			А призм		А цил		Б		Б-Г		В		В-1		В-2		Г		Д	Д/Е	Е	
			замки	ключи	замки	ключи	замки	ключи	замки	ключи	замки	ключи	замки	ключи	замки	ключи	замки	ключи	замки	ключи	замки	
84	Большое Давыдовское 2	10,89						2						1					1			
85	Большое Давыдовское 3	1,64																				
86	Большое Давыдовское 4	4,59						1	1	1												
102	Большое Давыдовское 6а	0,11																1				
254	Васильково 1	12,91		1	1	2	1		1													
255	Васильково 2	1,89																				
287	Васильково 6	4,98									1											
315	Веска 1	3,5						1		4	2											
316	Веска 2	3,81			1																	
12	Весь 5	2,37			1				5													
26	Вишенки 3	0,47																	1			
62	Вишенки 6	1,63						1														
299	Волствиново 2	3,56																				
340	Вышеславское 1	1,47																				
341	Вышеславское 2	7,15																				
342	Вышеславское 3	3,99									2											
344	Вышеславское 5	3,78										1										
350	Вышеславское 11	0,96									1											
357	Вышеславское 18	1,72						1		1					1							
23	Глазово	0,79																				
306	Гнездилово 2	15,31				2																
320	Гнездилово 10	1,32																				
321	Гнездилово 11	1,63	1									1										
160	Гостево 1	6,45										1		1				2				
319	Гостево 3	0,87						1		2	1			1				1				
314	Григорово 2	7,28				2				2								1				
364	Григорово 3	2,11						1														
163	Губачево 1	3,56																				
180	Зернево 1	0,84			1																	
92	Иваньково (Кощеево) 1	3,84																1				
166	Карельская слободка 1	5,22																				
169	Карельская слободка 4	1,79																				
170	Карельская слободка 5	0,52				1																
44	Кибол 5	11,52																				
66	Кибол 11	1,76				4						1										
1	Кистыш 3	2,71					1	1	1	1		4		1				1				
6	Кистыш 8	2												1				1				
133	Кистыш 11	0,74																				
113	Константиново 1	0,86																				
117	Константиново 5	2,01																				
118	Константиново 5а	0,14																1				

Таблица 12

							Нутряные (врезные) замки и ключи к ним							**Всего**
	Ж	С винтовым ключом		Тип неопределим		**Всего**	Ключи						**Замки**	
ключ	замки	ключи	замки	ключи	**замки**	**ключи**	с желудями	стержневидные от цельнометаллических замков	стержневидные от комбинированных замков	втульчатые	тип неопределим	**всего**		
			4		**5**	**3**							**1**	**9**
										1		**1**	**1**	**2**
			2	1	**3**	**3**		1				**1**		**7**
						1								**1**
			4	1	**7**	**4**			1			**1**	**1**	**13**
													1	**1**
					1								**1**	**2**
			2		**4**	**5**							**1**	**10**
			1		**2**								**1**	**3**
	1		10		**17**		1					**1**	**3**	**21**
			3		**4**								**1**	**5**
			2		**2**	**1**			1			**1**	**1**	**5**
			1		**1**									**1**
										1		**1**		**1**
			1		**1**									**1**
			3		**5**									**5**
			4		**4**	**1**								**5**
					1									**1**
			1		**2**	**2**								**4**
										1		**1**		**1**
			3		**3**	**2**	1					**1**	**2**	**8**
			1		**1**									**1**
		1	1		**2**	**2**								**4**
			1		**1**	**4**								**5**
			2		**3**	**5**								**8**
			6	1	**6**	**6**							**1**	**13**
			1		**1**	**1**								**2**
			1		**1**									**1**
					1									**1**
						1								**1**
			1		**1**									**1**
			2	1	**2**	**1**								**3**
			1		**1**	**1**	3			1		**4**	**1**	**7**
			1		**1**					1		**1**	**2**	**4**
			1	1	**1**	**6**	1	1		1		**3**	**3**	**13**
			13		**15**	**8**		1	2	2		**5**	**1**	**29**
			1		**1**	**2**								**3**
			1		**1**									**1**
			1		**1**									**1**
								1				**1**	**1**	**2**
						1								**1**

№ по приложению 1	Памятник	S (га)	Навесные (съемные) замки и ключи к ним																			
			А призм		А цил		Б		Б-Г		В		В-1		В-2		Г		Д	Д/Е	Е	
			замки	ключи	замки	ключи	замки	ключи	замки	ключи	замки	ключи	замки	ключи	замки	ключи	замки	ключи	замки	ключи	замки	
73	Крапивье 4	3,47																				
54	Красное 2	5,26																				
310	Кубаево 7	8,51																				
318	Малопетровское 1	1,34									1											
196	Михали 3	3,61				1					1	1						1				
197	Михали 4	1								1	1			2								
252	Мордыш 1	5,85																				
218	Новгородское 1	6,42					1	1		3												
223	Новгородское 6	2,98																				
58	Новоселка 1	6,47																				
186	Осановец 1	6,29																				
313	Павловское 2	3,51					1				1	2		1	1							
193	Парша 3	1,59				1		1		1						1						
29	Поганое озеро 1	3,07				1		1														
130	Подолец 1	3,16				2		1		1												
258	Порецкое 2	13,25																				
260	Порецкое 4	2,16																				
241	Раславское 1	9,68								1												
143	Ратницкое 4	5,56						1														
1449	Ратницкое 9	1,65																				
245	Садовый 1	0,75		1																		
362	Семеновское-Советское 3	4,12				1																
195	Скомово 2	0,79					1															
230	Скородумка 1	1,14																				
231	Скородумка 2	0,48																				
284	Скородумка 6	9,42												1								
308	Сорогужино 2	6,37						1			1							1				
327	Сорогужино 4	3,29						1		1	1											
328	Сорогужино 5	3,29						2														
332	Спасское городище 4	1,23			1																	
334	Спасское городище 6	1,23			1							2		2			1					
335	Спасское городище 7	1																				
272	Суворотское 1	3,9			1	1		1														
274	Суворотское 3	6,74																				
275	Суворотское 4	1,83									1											
279	Суворотское 8	5,86			1	1												1				
282	Сунгирь	9,61							1						1							
198	Тарбаево 1	1,01				1			1					1				2				
200	Тарбаево 3	1,27																				
201	Тарбаево 4	0,52																				
202	Тарбаево 5	7,77		1	1	2	1	3	1	1								2				

Продолжение таблицы 12

							Нутряные (врезные) замки и ключи к ним							Всего
Ж	С винтовым ключом		Тип неопределим		**Всего**		Ключи						**Замки**	
ключ	замки	ключи	замки	ключи	**замки**	**ключи**	с желудями	стержневидные от цельнометаллических замков	стержневидные от комбинированных замков	втульчатые	тип неопределим	**всего**		
									1			**1**		**1**
													1	**1**
										1		**1**	**1**	**2**
			1		**2**									**2**
	1		3		**5**	**3**				1		**1**		**9**
	1		3		**5**	**3**		1				**1**		**9**
			4		**4**					1		**1**	**1**	**6**
			9		**10**	**4**			1	1		**2**	**1**	**17**
										1		**1**		**1**
								1				**1**		**1**
													1	**1**
			1		**4**	**3**				1		**1**	**3**	**11**
			2		**2**	**4**				1		**1**	**2**	**9**
			2		**2**	**2**			1	1		**2**		**6**
			10		**10**	**4**	1			5		**6**	**2**	**22**
			2		**2**									**2**
			1		**1**									**1**
1			1	1	**1**	**3**		1				**1**		**5**
						1								**1**
			1		**1**									**1**
			1		**1**	**1**								**2**
						1								**1**
			1		**2**					3		**3**	**1**	**6**
			1		**1**									**1**
			1		**1**									**1**
			2		**2**	**1**								**3**
			3		**4**	**2**							**1**	**7**
			1		**2**	**2**								**4**
			2		**2**	**2**								**4**
					1									**1**
			1	1	**3**	**5**								**8**
			1		**1**									**1**
					1	**2**				1		**1**	**1**	**5**
													2	**2**
			1	1	**2**	**1**							**1**	**4**
			2		**3**	**2**				3		**3**	**4**	**12**
					2					1		**1**		**3**
			2		**3**	**4**				4		**4**		**11**
										1		**1**		**1**
			1		**1**						1	**1**		**2**
			10		**13**	**9**	2	2		4		**8**	**8**	**38**

№ по приложению 1	Памятник	S (га)	Навесные (съемные) замки и ключи к ним																			
			А призм		А цил		Б		Б-Г		В		В-1		В-2		Г		Д	Д/Е	Е	
			замки	ключи	замки	ключи	замки	ключи	замки	ключи	замки	ключи	замки	ключи	замки	ключи	замки	ключи	замки	ключи	замки	
203	Тарбаево 6	4,03		1																		
204	Тарбаево 7	2,63		1		1		1		1				2	1				1			
158	Торки 4	0,46				1																
159	Торки 5	1,01		1				1		1				1	1							
30	Троица-Берег 4	3,26																1				
191	Турабьево 2	23,76				3																
206	Туртино 2	1,61												1								
209	Туртино 5	1,72				1																
322	Улово 1	3,79				1	2	3						2								
323	Улово 2	4,47														1						
211	Федоровское 1	4,21												1								
212	Федоровское 2	4,71																				
213	Федоровское 3	1,01	1																			
365	Федосьино 1	1,06																				
366	Федосьино 2	1,05			1		1							1								
96	Хламово 1	1,34																1			1	
307	Черниж 2	1,02	1																			
337	Черниж 3	1,81								1	1											
99	Шекшово 2	29,62		3		3															1	
100	Шекшово 3	13,67								1												
183	Шелебово 3	7,37		1																		
317	Энтузиаст 1	1,33												1							2	
37	Янево 4	2,04												2				2	1	1	1	
38	Янево 6	16,15																				
235	Яновец 1	5,8				1																
236	Яновец 2	2,06									1							1				
	Всего		**3**	**10**	**10**	**33**	**9**	**27**	**11**	**24**	**16**	**13**		**23**	**5**	**2**	**1**	**21**	**4**	**1**	**5**	

Таблица 13

Находки замков и ключей из раскопок на селищах Ополья[1]

Памятник	Раскопы (кв. м)	Ключи	Замки	Всего
Гнездилово 2	990	5	1	6
Весь 1	1600	8	6	14
Весь 5	253	3	6	9
Большое Давыдовское 2	865	5	8	13
Вишенки 3	100	1	5	6
Кистыш 3	106	4	3	7
Михали 3	71	2	2	4
Кибол 5	1020	6	6	12
Кидекша	644	3	1	4

[1] По данным полевых отчетов.

Окончание таблицы 12

							Нутряные (врезные) замки и ключи к ним							Всего
Ж	С винтовым ключом		Тип неопределим		Всего		Ключи						Замки	
ключ	замки	ключи	замки	ключи	**замки**	**ключи**	с желудями	стержневидные от цельнометаллических замков	стержневидные от комбинированных замков	втульчатые	тип неопределим	**всего**		
						1				1		**1**		**2**
			3		**5**	**6**				2		**2**	**1**	**14**
						1				1		**1**	**2**	**4**
					1	**4**							**2**	**7**
			1		**1**	**1**								**2**
			3	1	**3**	**4**		1		3		**4**		**11**
			1		**1**	**1**								**2**
						1							**2**	**3**
			5	1	**7**	**7**							**1**	**15**
						1								**1**
				2		**3**								**3**
										1		**1**		**1**
					1									**1**
			2		**2**					1		**1**		**3**
			1		**3**	**1**								**4**
					1	**1**								**2**
					1								**1**	**2**
					1	**1**								**2**
					1	**6**				1		**1**	**2**	**10**
						1								**1**
						1							**1**	**2**
			1		**3**	**1**								**4**
			6		**8**	**5**								**13**
				1		**1**								**1**
						1	1					**1**	**1**	**3**
					1	**1**				1		**1**		**3**
1	**3**	**1**	**169**	**13**	**236**	**169**	**10**	**10**	**7**	**49**	**1**	**77**	**66**	**548**

Возможности для уточнения хронологии бытования выбранных категорий при работе с подъемным материалом весьма ограничены, но мы можем сосредоточить внимание на качестве самих изделий, на том, насколько распространены эти предметы в быту населения центра Суздальской земли в X–XVI вв.: частоту встречаемости в разные, хоть и частично пересекающиеся периоды, на каких типах памятников они зафиксированы, и как они распределяются на тех поселениях, где обнаружены серийно. Конечно, полученная картина будет недостаточно детальной, но уловить основные тенденции представляется возможным.

Типология и хронология

Основная масса замков и ключей Ополья относится к стандартным общерусским и шире – к общеевропейским типам с разработанной хронологией. Для территории средневековой Руси основной типологической схемой является схема, предложенная Б. А. Колчиным на материале Великого Новгорода (Колчин, 1958). Подробный разбор историографии, а также уточнение периодов бытования отдельных типов замков и ключей в недавней диссертации А. А. Кудрявцева избавляет нас от необходимости повторять эту работу (Кудрявцев, 2014а, с. 84–86).

Отметим лишь, что повторное обращение к материалам Новгорода (Кудрявцев, 2014б), а также Смоленска (Асташова, 1999; Пронин, Соболь, 2020, с. 225–228), Москвы (Колызин, 2004), Твери (Лапшин, 2009, с. 93–94), Нижнего Новгорода (Грибов, 2018, с. 124–125), Пскова (Закурина, 1991) показало, что эта типо-хронологическая шкала верна не только для Новгорода, но может использоваться как опорная для всей территории Руси. Высокая степень стандартизации изучаемых изделий, отмечаемая всеми авторами, позволяет нам отказаться как от подробного рассказа о конструктивных особенностях предметов, так и от перечисления аналогий.

В качестве хронологических маркеров могут быть использованы далеко не все группы запорных устройств. Так, комбинированные нутряные замки представлены исключительно запорными пружинами, довольно однообразными на протяжении всего изучаемого периода. Во многом это касается и ключей от нутряных замков любых разновидностей. Новгородские материалы свидетельствуют, что втульчатые ключи от комбинированных нутряных замков начинают использоваться несколько раньше стрежневидных, но и те и другие широко распространены до конца XIII в. (Кудрявцев, 2014а). Цельнометаллические сундучные нутряные замки со стержневидными ключами малого размера также бытуют в широких хронологических рамках XII – первой четверти XIV в., крупные цельнометаллические замки с втульчатыми ключами входят в обиход во второй половине XIII в. и используются до XV в.

Более дробная хронологическая шкала возможна для навесных запорных конструкций и ключей от них, благодаря тому что такие конструкции имели больший потенциал усовершенствований, а, следовательно, конструктивных изменений. Тем не менее периоды бытования отдельных типов навесных замков и вариантов ключей к ним в значительной степени перекрывают друг друга.

В суздальской коллекции свыше 70 % предметов – это навесные конструкции. Преобладание навесных замков для русского Средневековья отмечалось и ранее (Асташова, 2004; Кудрявцев, 2014а), близкая картина характерна для северных европейских территорий (Британия, циркумбалтийские земли), тогда как в центральной Европе этот разрыв не так очевиден (Кудрявцев, 2014б). Раздельный учет замков и ключей разных групп незначительно меняет соотношение: доля навесных замков и их деталей – 77 % от общего количества (236 экземпляров против 66 нутряных); ключей – 69 % (169 экземпляров против 77 нутряных). По-видимому, данные, полученные по ключам, точнее отражают реальное соотношение используемых в быту изделий разных конструкций, так как до нас не дошли детали цельнодеревянных замков.

Дадим краткую характеристику коллекции.

Нутряные замки и ключи от них

Комбинированные нутряные замки представлены в коллекции 66 пружинами. Они происходят из культурного слоя 40 поселений (табл. 12, 14).

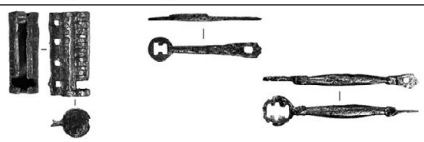
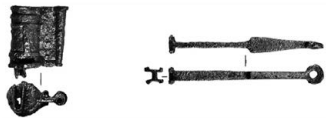
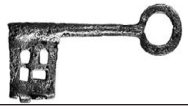
Ключи от цельнодеревянных замков, представляющие собой коленчатый стержень или пластину с одним или несколькими зубьями («желудями») на конце, – наиболее простая конструкция из всех запорных систем, используемых в Средневековье. Таких ключей в коллекции 10 экземпляров или 12 % всех нутряных ключей (табл. 14). А. А. Кудрявцев выделяет два подтипа таких ключей, оба они представлены в нашей коллекции. Ключи варианта А для новгородских материалов наиболее характерны для XI в., но наиболее поздние находки фиксируются в слоях второй половины XIII в., ключи-отмычки варианта «Б» бытуют в X–XIV вв. (Кудрявцев, 2014б). Суздальская коллекция настолько малочисленна, что для этой группы не удается выделить каких-либо стандартов размерности или оформления: встречаются как миниатюрные (Кибол 11, общая длина 12,5 см, ширина лопасти 1,74 × 1,5 см), так и массивные экземпляры (Подолец 1, Тарбаево 5, Яновец 1, общая длина свыше 20 см); как с простыми, «утилитарными», так и с тщательно оформленными рукоятями.

Ключи этого типа происходят из культурного слоя семи селищ (см. табл. 12, 14). Эти памятники принадлежат как к крупным поселенческим комплексам (Весь 5, Гнездилово 2, Тарбаево 5, Яновец 1), так и селищам средней (Кибол 11, Подолец 1) и малой площади (Карельская слободка 5). Интересно, что единственная серия ключей этого типа (3 экземпляра) происходит с самого малого из памятников – Карельской слободки 5 (площадь 0,5 га). С площадки этого поселения происходит еще два ключа (от навесного цилиндрического замка типа А и втульчатый от нутряного замка) и два фрагмента замков разной конструкции. Вещевая коллекция селища отличается категориальным разнообразием (подробнее см. главу настоящего издания «„Усадьбы знати“ на поселениях XII–XV вв.», т. 2). Почти все предметы, найденные на памятнике, происходят из одной зоны и, вероятно, относятся к одному хозяйству. Отметим, что расцвет поселений с находками ключей от цельнодеревянных замков приходится на X – начало XII в.; верхняя граница функционирования этих поселений не выходит за пределы XIII в. Это хорошо согласуется с хронологией бытования и динамикой использования этого типа запорных устройств по новгородским материалам.

Втульчатые ключи от комбинированных нутряных замков (49 штук, или 64 %). Ключи этого типа бытуют на Руси, начиная с XII в., не выходя из употребления по меньшей мере до конца XIV столетия.

Таблица 14

Распределение наиболее массовых типов замков и ключей на селищах Ополья

	Тип (по Колчину Б. А.)		Количество		Количество памятников				
			Замки	Ключи	S<1 га	S=1–2 га	S=2–4 га	S>4 га	всего
Навесные (съемные) конструкции	Апризм		3	10	1	4	1	4	**10**
	Ацил		10	33	3	7	8	9	**27**
	конец X – середина XII вв.		**13**	**43**	**4**	**11**	**8**	**11**	**34**
	Б		9	27	2	5	11	7	**25**
	В		16	11	2	7	8	3	**20**
	В-1			23	1	7	6	4	**18**
	XII–XIV вв.		**25**	**61**	**3**	**14**	**16**	**11**	**44**
	В-2		5	2		3	2	2	**7**
	Г		1	21	3	3	7	5	**18**
		XII–XV вв.	**6**	**23**	**3**	**6**	**9**	**7**	**25**
	Д/Е		9	2	1	2	2	2	**7**
	2 половина XIV – XV вв.		**9**	**2**	**1**	**2**	**2**	**2**	**7**
Нутряные (врезные) конструкции				10	1	1	2	3	**7**
	конец X – середина XII вв.			**10**	**1**	**1**	**2**	**3**	**7**
				48	4	5	9	11	**29**
				7		1	3	2	**6**
				10		2	2	5	**9**
			66		4	9	9	10	**39**
	XI–XIV вв.		**66**	**17**	**4**	**12**	**15**	**23**	**54**

В этой группе преобладают довольно крупные экземпляры: среди целых предметов 17 экземпляров имеют общую длину 10–14 см, 6 – длиной 7–10 см, меньше 7 см – 4 штуки; среди фрагментированных экземпляров также преобладают ключи длиной более 7 см. Большая часть ключей этой группы очень просты и утилитарны, часто сделаны довольно небрежно (рис. 88). Только 6 ключей среднего размера (длиной 7–10 см) имеют декорированные рукояти: в трех случаях врезным декором из горизонтальных насечек и косой решетки, в четырех – фиксируются следы омеднения.

Втульчатые ключи от нутряных замков широко представлены в быту сельского населения Ополья. Они происходят с 32 селищ самых различных размеров и групп. Серии от двух до четырех предметов зафиксированы на восьми памятниках (по 2 экземпляра – Кистыш 3, Тарбаево 7, Турабьево 2; по 3 – Скомово 2, Суворотское 8; по 4 – Тарбаево 1, Тарбаево 5; 5 – на селище Подолец 5). Обращает внимание отсутствие корреляции между размерами поселения и количеством находок на селище: выразительные серии присутствуют как в материалах малодворного поселения Скомово 2 (0,79 га), так и в материалах «большого поселения» Тарбаево 5-6-7 (14,43 га).

Стержневидных ключей от нутряных замков найдено 17 штук (21%). В Суздальской коллекции преобладают ключи от сундуков, подходящие к цельнометаллическим замкам: малые (длиной до 6 см) – 8 штук и средние (длиной 6–9 см) – 2 штуки. Тщательная проработка деталей, наличие перехватов на концах ствола рукояти, фигурных завершений и т. п. более характерны для ключей малых размеров (рис. 88). Для этой размерной группы отмечается высокая стандартизация изделий (размеров, деталей оформления), тогда как крупные изделия индивидуальны, хотя в большинстве случаев менее декоративны. Стержневидные ключи от нутряных замков происходят из культурного слоя 14 поселений (см. табл. 12, 14), представляющих все размерные группы поселений. Серии таких находок происходят с селищ Кистыш 3 (3 штуки) и Тарбаево 5 (2 штуки). Один стержневидный ключ от комбинированного замка, найденный на селище Поганое озеро 1, принадлежит к крупным экземплярам, с рукоятью, декорированной валиками. Еще 2 изделия – бородки нутряных ключей (Тарбаево 4, Суворотское 8). Их точная типологическая принадлежность не может быть определена.

Навесные замки и ключи от них

Из сборов на селищах Ополья происходит 233 навесных замка и их деталей (табл. 12). Большая их часть (74%) представлена сильно фрагментированными экземплярами (дужки, пружины, боковые участки корпусов) и типологически неопределима. Остальные находки будут охарактеризованы вместе с ключами соответствующих типов.

Для удобства изложения позволим себе остановиться только на хронологически значимых типах замков и ключей[2] (табл. 14).

Самые ранние находки – призматические замки типа А (3 экземпляра) и ключи-лопаточки от них (с квадратной лопастью, 10 штук) – характерны для X–XI вв. Эти находки происходят с 11 поселений (табл. 12, 14). Все ключи этого типа средних размеров (длина 7,4–10,2 см), с неорнаментированной профилированной рукоятью. Ключи от замков небольшого размера: ширина лопасти около 2–2,5 см.

Призматические замки и ключи от них на селищах Ополья единичны. В качестве небольших серий (по 3 экземпляра) можно рассматривать находки на селище Шекшово 2 и группе селищ Тарбаево 5-6-7. Оба пункта – остатки «больших поселений»[3], основных узлов первоначальной древнерусской колонизации в регионе. К «большим поселениям» относятся еще 3 памятника с находками призматических замков и ключей: Васильково 1, Гнездилово 2, Весь 1. Возможно, к этой же категории можно отнести селище Шелебово 3, исследования которого не завершены (табл. 14).

Более крупная группа изделий – это замки типа А с цилиндрическим корпусом (10 штук, 10 памятников) и ключи-лопаточки с круглой лопастью (33 экземпляра, 21 памятник), бытующие в конце X – середине XII в. Ключи этой группы можно разделить на два варианта по форме рукояти.

Первый вариант имеет плоскую рукоять, изготовленную и оформленную аналогично ключам от призматических замков. В нашей выборке таких ключей 5, рукояти 2 последних экземпляров скупо декорированы группами горизонтальных насечек в нижней части. Это ключи небольших размеров: длина рукояти 5,5–6,5 см, диаметр лопасти около 2 см. Вероятно, максимальная близость этих ключей к формам ключей от призматических замков может указывать на то, что это наиболее ранняя группа ключей с округлой лопастью.

Второй вариант ключей от цилиндрических замков имеет объемную рукоять (25 штук, табл. 12, 14). Эти предметы происходят из культурного слоя

[2] Находкам замков и ключей типа А всех разновидностей посвящена отдельная статья (Федорина, 2019). В ней обобщены данные о находках, полученных при разведочных работах до 2016 г. С тех пор добавилось 10 находок. При раскопках селищ найдено еще 6 экземпляров: Гнездилово 2 (2 – от цилиндрических замков), Весь 1 (1 – от призматического замка, 2 – от цилиндрических), Кибол 5 (1 – от цилиндрического замка).

Помимо массовых типов запорных устройств в коллекции из сборов, есть один винтовой ключ от навесного замка (Гнездилово 11) и 4 замка этой разновидности (Весь 5, Васильково 4, Михали 3, Михали 4).

[3] Подробнее см. главу настоящего издания «„Большие поселения“ и особенности организации расселения и социально-экономического устройства X–XI вв.», т. 2.).

Рис. 88. Ключи от нутряных замков: 1–11 – стрежневидные; 12–26 – втульчатые.
1 – Большое Давыдовское 4; 2, 16 – Кистыш 3; 3, 4 – Тарбаево 5; 5 – Кибол 11; 6 – Михали 4; 7 – Турабьево 2; 8 – Новгородское 1; 9 – Поганое озеро 1; 10 – Васильково 1; 11 – Вишенки 6; 12 – Суворотское 1; 13 – Вышеславское 1; 14 – Тарбаево 1; 15 – Подолец 1; 17 – Суворотское 8; 18, 19 – Скомово 2; 20 – Сунгирь; 21 – Парша 3; 22 – Торки 4; 23, 26 – Турабьево 2; 24 – Федоровское 2; 25 – Карельская слободка 5

18 селищ. Значительная часть ключей подходит к небольшим замкам – размеры лопастей 0,8–2,74 см; длина рукоятей 4,8–9,8 см. Преобладают экземпляры с длиной рукояти 6–7,5 см.

Для ключей этого варианта характерно особое внимание к внешнему виду изделий: концы рукояти украшены «бусинами», ствол дополнительно декорирован врезным узором. Также могут быть декорированы и бусины: у одного экземпляра на верхней – прочерчен крестик, еще в трех случаях украшена нижняя бусина: точка, параллельные полосы, крестик. Оформление бусин на концах рукояти разнообразно: кубики, многогранники, эллипсоиды, диски и т.д.; но, вероятно, это лишь индивидуальные особенности предметов. Важен скорее сам факт: особое отношение к внешнему виду изделия, качеству конечного продукта.

В коллекции преобладают ключи с богато орнаментированной рукоятью. Лишь у шести экземпляров в коллекции ствол рукояти гладкий и в декоре присутствуют только «бусы» на концах. В остальных случаях декоративная нагрузка максимальна или близка к таковой. Тем не менее, по-видимому, перед нами не единичная продукция, произведенная на заказ, а в известном смысле «серийное» производство, об этом свидетельствует стандартность/шаблонность используемых декоративных средств, приемов. Проиллюстрируем это на примере орнаментальных схем, используемых для оформления ствола рукояти (табл. 15). Всё разнообразие орнаментов возникает из сочетания двух элементов: горизонтальных насечек и косой решетки. Горизонтальные пояски могут акцентировать концы рукояти или разделять несколько зон, украшенных косой решеткой, косая решетка может растягиваться на всю рукоять или заполнять одну или несколько зон.

Особое место занимают ключи, декорированные медной инкрустацией/плакировкой. В коллекции, собранной на селищах Ополья, таких ключей два (рис. 89). Ключи, украшенные инкрустацией, на территории Северной Руси относительно редки: даже в огромной Новгородской коллекции это единичные экземпляры (устное сообщение А. А. Кудрявцева).

Находки цилиндрических замков и ключей типа А всех разновидностей происходят из 27 пунктов (более чем в 2 раза увеличивается количество точек по сравнению с предыдущей группой). «Большие поселения» (8 памятников) по-прежнему заметны в этой выборке, но не занимают главенствующего положения (их доля падает с 50% до 30%); к этой группе примыкают еще 2 многогектарных селища, принадлежность которых к «большим поселениям» требует дополнительной аргументации (табл. 14). Не менее представительны и две следующие размерные группы: 6 памятников площадью от 3–4 га (Веска 2, Михали 3, Поганое озеро 1, Подолец 1, Суворотское 1, Улово 1), 7 памятников площадью 1–2 га (Кибол 11, Парша 3, Спасское городище 4, Спасское городище 6, Тарбаево 1, Туртино 5, Федосьино 2), 3 селища площадью около 0,5 га (Зернево 1, Карельская слободка 5, Торки 4). Увеличивается количество памятников, где замки и ключи этого типа представлены серийно: таких пунктов четыре (Васильково 1, Григорово 2, Кибол 11, Турабьево 2); обратим внимание, что здесь также представлены поселения разных размеров.

Цилиндрические разновидности замков и ключей типа А, а также «ключи с желудями» происходят преимущественно с селищ, расцвет которых приходится на XI–XII вв. Примечательно, что немногочисленные ключи из Уваровской коллекции (11 штук, подсчеты основаны на данных В. А. Лапшина, см.: Лапшин, 1985б, приложение № 8) также представлены ключами от навесных замков типа А всех разновидностей и ключами с желудями. Все это косвенно подтверждает корректность использования новгородских типо-хронологических шкал, отражает высокую синхронность изменения материальной культуры северной Руси.

Наибольшее разнообразие конструкций замков характерно для периода XII–XIV вв. В эту хронологическую группу объединены ключи типов Б и В (последний с вариантом В/1).

Тип Б представлен 9 замками и 27 ключами (найдены на 25 памятниках, табл. 12, 14). Только 6 ключей этого типа имеют объемную рукоять с врезным декором, еще 5 ключей имеют сложно профилированную или объемную рукоять без дополнительного декора, остальные экземпляры либо фрагментированы (7), либо имеют плоскую неорнаментированную рукоять (8). Декорированные экземпляры относятся к группе «крупные» (длина – 9–18 см для полностью сохранившихся экземпляров), среди неорнаментированных есть как миниатюрные (6–7 см), так и крупные (до 13 см); последние в равной степени представлены как экземплярами с плоской, так и с объемной рукоятью.

Находки замков и ключей этого типа представлены на памятниках всех размерных групп (табл. 14). Процентное соотношение для разных размерных групп памятников очень близко к распределению изделий типа А/цилиндрический. В четырех случаях с поселения происходят по две находки изделий типа Б, наиболее крупные серии происходят с памятников Тарбаево 5 (4 экземпляра) и Улово 1 (5 экземпляров).

Типы В, В-1. Найдено 16 фрагментов замков и 36 ключей данного типа. Эти находки происходят с 30 памятников (20 памятников для варианта В и 18 – для варианта В-1, на некоторых поселениях встречены находки обоих вариантов). Эти модификации бытуют синхронно, что позволяет рассматривать их совокупно.

23 экземпляра имеют плоскую рукоять, из них 16 без декора. Этот вариант представлен изделиями

Рис. 89. Ключи с инкрустированной рукоятью:
1 – Тарбаево 1; 2 – Васильково 1

всех размерных групп: общая длина меньше 7 см – 4 штуки, 7–10 см – 7 штук, больше 10 см – 7 штук, остальные сильно фрагментированы. Декор присутствует только на крупных изделиях и одном ключе среднего размера (8,5 см общая длина). В то же время среди крупных изделий есть и неорнаментированные. Остальные экземпляры имеют сложную рукоять: 13 штук – сложно профилированную и 1 – объемную. Для этой подгруппы характерны изделия средних и крупных размеров, лишь 2 целых ключа меньше 8 см. Оба они не орнаментированы. 7 экземпляров украшены врезным декором. Все они имеют длину больше 8 см, преобладают крупные экземпляры.

Изделия типа В и его варианта В-1 несколько чаще встречаются на памятниках площадью от 1 га до 4 га, но представляется, что это следствие того, что поселения этой размерной группы наиболее многочисленны для этой эпохи (табл. 14). На 13 памятниках зафиксированы две и более находок замков и ключей данной группы, наиболее крупные серии (5 и 4 штуки) происходят с селищ Кистыш 3 (S = 2,71 га) и Павловское 2 (S = 3,51 га).

Ключи и замки следующих двух разновидностей более характерны для второй четверти XIII – XV в. К этой группе относятся экземпляры варианта В-2 и типа Г.

Вариант В-2 представлен 7 предметами (5 фрагментов замков и 2 ключа), собранными на 7 памятниках. Оба ключа имеют профилированную рукоять и украшены врезным декором. Целый экземпляр относится к крупным (11,5 см), обломанный – к средним или крупным. Говоря о пространственном распределении этой группы находок, отметим, что они не встречаются на памятниках площадью менее 1 га.

Тип Г: 22 предмета (1 фрагмент замка, 21 – ключ) происходят с площадок 18 селищ (табл. 12). Среди находок ключей 10 экземпляров малых и средних размеров с плоской рукоятью без декора, 9 – с профилированной и 2 – с объемной рукоятью. Среди последних двух вариантов 6 декорированных экземпляров, все они больше 9 см. Недекорированные ключи с профилированной или объемной рукоятью имеют средние и крупные размеры. Изделия этого типа в равных долях представлены на памятниках всех размерных групп. Несколько чаще они встречаются на поселениях площадью от 2–4 га, являющихся одним из самых распространенных стандартов размеров сел в эту эпоху (табл. 14).

Находки последней хронологической группы не образуют крупных серий на памятнике. Лишь в четырех случаях мы имеем по два предмета на поселении (Гостево 1, Тарбаево 1, Тарбаево 5 и 4). По-видимому, эта картина соответствует завершающей стадии жизни этих поселений, когда численность насельников заметно сокращается.

Хроноиндикаторы второй половины XIV–XV в. настолько малочисленны, что мы позволим себе не останавливаться на их подробном разборе (табл. 14): тип Д – 7 предметов (Троица-Берег 4, Б. Давыдовское 2, Вишенки 3, Янево 4, Тарбаево 7, Шекшово 9, Сорогужино 4); тип Е – 6 предметов (Хламово 11, Янево 4, Шекшово 9, Шекшово 2, Энтузиаст 1 (2 экземпляра)). На причинах такой скудости поздних типов запорных устройств в коллекции подробнее остановимся ниже.

Размер и декор ключей (внешний вид или функциональность)

Как уже отмечено, ключи весьма стандартны не только с типологической точки зрения, но и размерно, что позволяет говорить о «массовом производстве» этой продукции средневекового ремесла. В условиях высокой унификации дополнительную информацию о месте ключей в материальной культуре дает их внешний вид, качество, ремесленное мастерство исполнения самих изделий, его нефункциональные составляющие (Асташова, 2004). Наиболее ярким проявлением этого ремесленного качества для изучаемой категории является декоративное оформление рукояти.

Как было показано выше, выделяются три варианта рукоятей ключей: 1 – плоская, пластинчатая рукоять, которая завершается раскованной площадкой с отверстием для подвешивания или суживающимся концом, загнутым в петлю; 2 – пластинчатая сложнопрофилированная рукоять и 3 – объемная. Рукоять могла усложняться валиками, «бусинами» и перехватами (рис. 90, табл. 15). Ключи эпохи Средневековья украшались несколькими способами: врезным декором, накладными бронзовыми полосами, реже использовалось омеднение всего изделия. В оформлении особо пышных экземпляров использовалось несколько декоративных приемов.

Говоря о врезном декоре, заметим, что он крайне редко наносится на рукояти ключей от нутряных замков (зарегистрировано 5 случаев), тогда как ключи от навесных замков декорированы при помощи этого приема в 36 % случаев (60 предметов)[4]. Рассмотрим подробнее эту группу изделий.

Самая высокая доля орнаментированных рукоятей фиксируется для ключей от цилиндрических замков типа А – 66 % (19 штук) от всех изделий этого типа (рис. 91). При этом если рассматривать только варианты с объемными рукоятями, то этот показатель увеличиться до 73 %. Более того, в этой группе высока доля изделий, где края ствола акцентированы дополнительными элементами. Это касается как ключей с орнаментированной, так и с гладкой рукоятью. Другими словами, не менее 78 % ключей типа А с объемной рукоятью подчеркнуто нарядны. Ключи от цилиндрических замков типа А с объемной рукоятью наиболее популярны в XI – первой половине XII в. Следовательно, именно эта эпоха была временем, когда внешний вид ключа был не менее важен, чем его функциональность. К этой хронологической группе примыкает и украшенный насечками ключ-отмычка от нутряного замка.

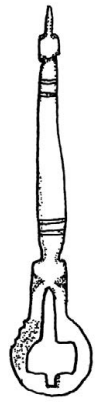
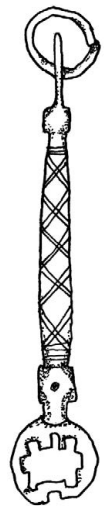
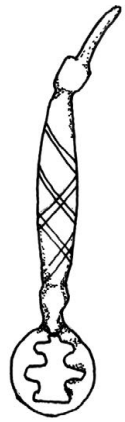
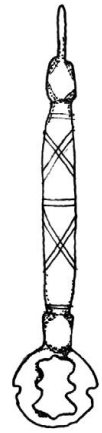
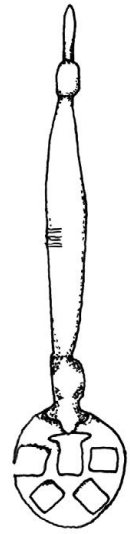
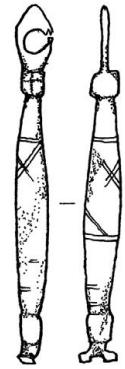
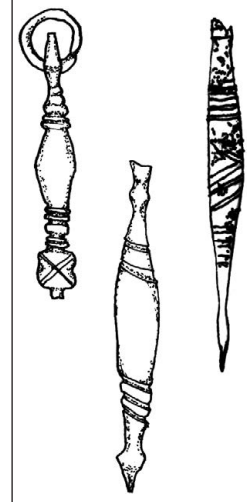
На контрасте отметим, что все ключи, датируемые более ранним периодом, X – началом XI в., (тип А призматический) имеют простую пластинчатую неорнаментированную рукоять. Напомним, что это хронологическая группа одна из самых малочисленных в Суздальской коллекции (8 %). По-видимому, это свидетельствует о том, что для этого периода сам факт наличия ключа – достаточный символ достатка и процветания его владельца, тогда как на следующем этапе для этого потребовалось значительно усилить пышность и ремесленное качество изделий. Самый яркий пример такой наглядной демонстрации достатка – ключи с инкрустацией, характерной кроме ключей для таких категорий предметов XI–XII вв., как оружие и снаряжение всадника и коня: боевые топоры, псалии, доспешные пластины, стремена и шпоры, детали ременной гарнитуры (пряжки, накладки) (см. главы настоящего издания: «Вооружение и всадническое снаряжение», «Топор с княжескими знаками из кургана 1»).

[4] В анализируемой коллекции свыше 90 % всех ключей и замков отреставрированы, и статистические выкладки представляются вполне достоверными.

Рис. 90. Варианты оформления рукоятей ключей XII–XIV вв.:
1, 12 – Гостево 3; 2 – Поганое озеро 1; 3 – Торки 4; 4, 10 – Кистыш 3; 5 – Новгородское 1; 6 – Ратницкое 4; 7 – Большое Давыдовское 2; 8 – Суворотское 1; 9 – Павловское 2; 11 – Энтузиаст 1; 13, 22 – Гостево 1; 14 – Вышеславское 5; 15 – Улово 1; 16 – Скородумка 6; 17 – Улово 2; 18–20 – Спасское городище 6; 21 – Янево 4; 23 – Иваньково (Кощеево) 1; 24, 26 – Тарбаево 5; 25 – Тарбаево 1; 27 – Сорогужино 2; 28 – Суворотское 8

Таблица 15

Варианты орнаментальных схем объемных рукоятей ключей типа А

							
Кибол 11 *Григорово 2*	*Кибол 11* *Григорово 2* *Суворотское 1* *Васильково 1* *Турабьево 2*	*Поганое озеро 1*	*Михали 3* *Кибол 11* *Карельская слободка 5* *Парша 3* *Туртино 5*	*Тарбаево 5* *Улово 1*	*Шекшово 2*	*Гнездилово 2* *Тарбаево 7* *Турабьево 2* *Яновец 1* *Григорово 2* *Семеновское-Советское 3*	*Кибол 11* *Григорово 2* *Турабьево 2*
2	*5*	*1*	*5*	*2*	*1*	*6*	*3*

С середины – второй половины XII столетия доля орнаментированных ключей резко сокращается до 30–34 % как для отдельных типов ключей от навесных замков, так и для всей совокупности этих изделий, датирующихся XII–XIV вв. (рис. 91). В этой группе декор больше характерен для крупных экземпляров (от 8 см). Здесь также возможны как варианты с врезным декором, так и со сложнопрофилированной рукоятью, а также их сочетание. Экземпляров, украшенных бронзовой наводкой, не выявлено. Основной массив ключей предельно функционален: они не только реже декорируются, но и упрощается общий вид рукояти, зачастую представляющей собой пластину прямоугольного сечения.

Несмотря на недостаточную дробность хронологической шкалы, заметим, что выявленные тенденции в оформлении рукоятей являются своеобразным отражением изменений в жизни Ополья. Пик декоративности ключей приходится на период, когда Суздальская земля набирает вес и город и его окрестности становятся важным экономическим и политическим центром, тогда как в последующем политическая активность на северо-востоке Руси смещается сначала во Владимир, а позже в новые центры на западе земли (Москва – Тверь) и на востоке (Нижний Новгород), а Суздаль и Ополье сохраняют, скорее, символическое значение, оставаясь тем не менее важным экономическим регионом, сосредоточием крупных вотчин.

Картина, фиксируемая на суздальских материалах XII–XIV вв., почти в точности совпадает с выкладками Н. И. Асташовой, полученными при работе с синхронными древностями (ключи типа В) из раскопок в Новгороде. Здесь также индивидуальный облик и пышное оформление рукояти характерны для крупных экземпляров, доля таких изделий в коллекции также близка к 1/3 (Асташова, 2004, с. 194). Исследователь отмечает стандартизацию основного массива ключей средних и малых размеров и большой разброс формальных признаков в 1 группе (крупные экземпляры). Асташова предлагает связывать ключи индивидуального облика с социальной верхушкой новгородского общества.

Изменение социального облика населения Ополья отражает не только снижение доли нарядных изделий, за которым стоит уменьшение доли представителей социальной элиты, постоянно проживающей в регионе, но и увеличение общего количества ключей и замков, датирующихся XII–XIV вв., показывающее экономическое благополучие и процветание региона, рост общего уровня достатка сельского населения.

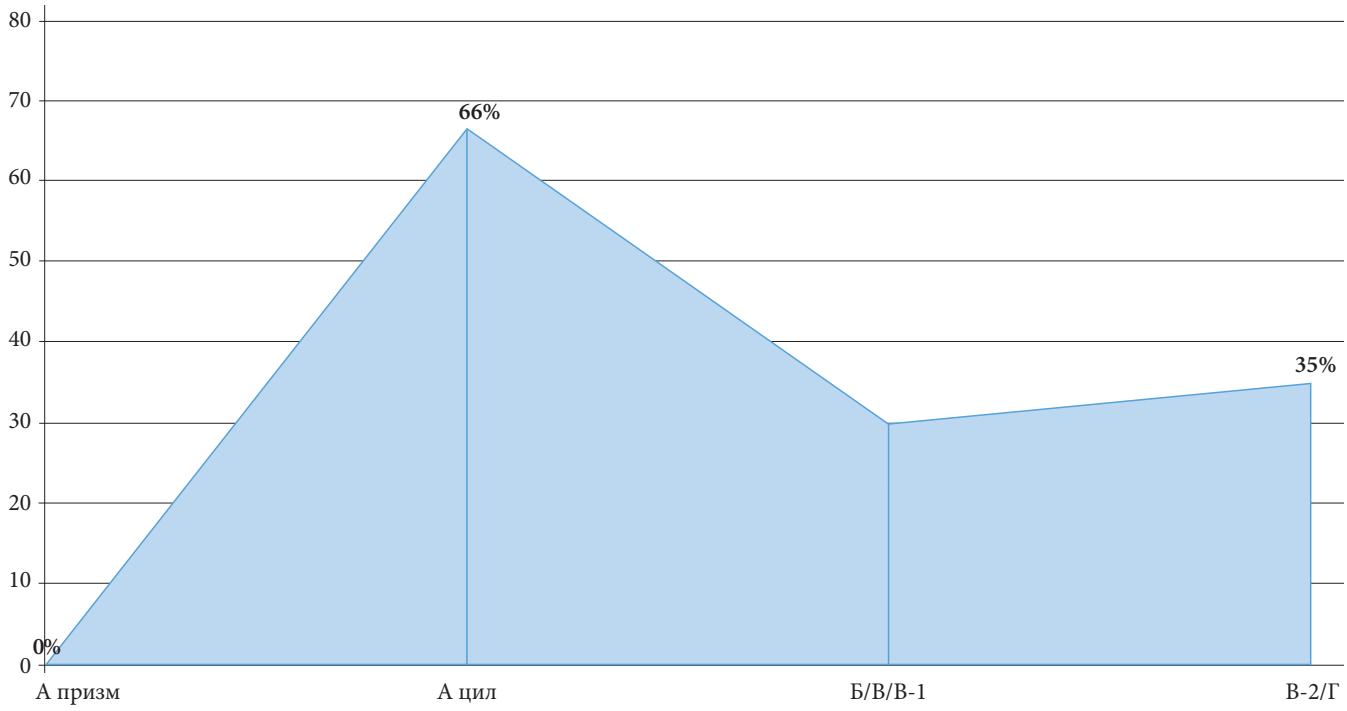


Рис. 91. Доля орнаментированных ключей от навесных замков в различных типо-хронологических группах

Это выразилось в том числе в стандартизации изделий и упрощении их внешнего облика – неизбежных спутниках массового производства в условиях повышенного спроса на эти изделия, что свидетельствует о большей востребованности и доступности запорных устройств в быту сельского населения.

Топография находок

Оценить место замков в быту населения суздальских сел, социальный облик владельцев ключей помогают наблюдения за динамикой распространения находок на памятниках региона, их пространственное распределение в культурном слое наиболее обследованных поселений.

Напомним, находки ключей и замков происходят из культурных слоев 108 поселений X–XV вв.

Самая ранняя группа изделий (X–XI вв.) происходит из культурного слоя 10 памятников. Среди них преобладают «большие поселения». Находки деталей запорных систем на «больших поселениях» ожидаемы, они хорошо вписываются в тот же круг предметов, что и монеты, гирьки и детали весов для малых взвешиваний, наконечник ножен меча, обилие деталей ременной гарнитуры и т. п. (Makarov, 2013). Тем не менее замки и ключи ранней группы есть и на поселениях других типов: памятниках средних и малых размеров, расположенных в округе «больших поселений», а также единично на памятниках, представляющих собой остатки малодворных поселений (площадью до 1 га), расположенных в верховьях овражных систем, на удалении от основных элементов поселенческой сети (Садовый 1) (Федорина, 2019). Таким образом, уже на ранних этапах колонизации региона население с высоким уровнем благосостояния встречается на поселениях, занимающих разные иерархические уровни.

Количество селищ, где найдены предметы следующей хронологической группы, XI – первой половины XII вв., утраивается. Лавинообразный рост количества поселений с находками ключей и замков продолжается на протяжении XII–XIII столетий – таких памятников 48.

Приведенные данные показывают, что максимальная концентрация и наибольшее типологическое разнообразие замков и ключей в регионе приходится на период XII–XIV вв., преимущественно XII–XIII вв. Очевидно, что увеличение количества поселений с находками замков и ключей связано в первую очередь с усилением внутренней колонизации в регионе, разрастанием поселенческой сети и численности сельского населения. Это подтверждает хронология выявленных памятников: большая часть новых пунктов – поселения, возникающие в середине – второй половине XI – XII в. К этому периоду относится появление значительной части селищ (Makarov, 2019, p. 269–271; подробнее см. главу настоящего издания «Общий характер расселения и динамика освоения территории», т. 1).

При этом интересно, что общее количество находок, датируемых развитым XII–XIV вв., лишь в 2,5 раза превышает количество находок ранней группы (X – начала XII в.), что, по-видимому, свидетельствует о достаточно широком круге благоденствующих хозяйств уже на начальных этапах колонизации.

В то же время увеличение количества пунктов с находками замков и ключей, а также увеличение общего числа находок – свидетельство роста достатка значительной части сельского населения и/или отражает изменения в структуре расселения, перегруппировки части населения с благополучным имущественным статусом. Расширение круга людей – владельцев ключей – выражается не только в общем увеличении количества изделий, но и в увеличении количества памятников, где они представлены серийно. Такие серии зафиксированы на памятниках всех размерных групп: площадью менее 1 га, 1–2 га, 3 га и более. В то же время отметим, что свыше 50 % находок приходится на поселения площадью меньше 3 га, характерных для XII–XIII вв. – эпохи максимального расцвета региона (Makarov, 2019, p. 269–271). На некоторых поселениях этой группы ключи и замки представлены сериями, в материальной культуре этих памятников присутствуют предметы – маркеры престижного потребления (Карельская слободка 5, Кибол 11, Парша 3, Тарбаево 1, Туртино 5; см. главу настоящего издания «„Усадьбы знати“ на поселениях XII–XV вв.», т. 2). Такие поселения определенно можно связывать с земельными владениями элиты невысокого ранга.

Резкое снижение доли предметов XIV–XV вв. (2 % от общего количества) в анализируемой коллекции (39 штук, происходят с 25 селищ), а также почти полное отсутствие разновидностей, характерных для XVI в., не означает столь же резкого снижения общего уровня благосостояния и освоенности Ополья. Наблюдаемая картина в большей степени отражает изменения общей структуры расселения в регионе и состояние источника (см. главы настоящего издания: «Суздальские селища во второй половине XIII – XV в.: археологические реалии», т. 2; «Исторические села как археологические памятники и структурные элементы средневекового расселения», т. 1). В эту эпоху в значительной степени сокращается количество небольших поселений на водоразделах (Шполянский, 2021), большая часть населения концентрируется в крупных селах, известных по письменным источникам XVI в., которые продолжают функционировать в настоящее время (Макаров, Федорина, Шполянский, 2020; Шполянский, 2021). Широкомасштабные сборы с использованием металлодетектора в этих населенных пунктах, «исторических селах», затруднены, что значительно сказывается на размерах вещевых серий. В то же время отметим, что среди изделий этой хронологической группы крайне редко встречаются экземпляры яркого облика, перед нами типовая продукция средневекового ремесла, что вполне согласуется с данными письменных источников XVI в., демонстрирующих преобладание аграрного населения в регионе с минимальным присутствием крупных землевладельцев среди жителей сельских поселений (Черненко, 2000; Макаров, Федорина, Шполянский, 2020).

Население Суздальского Ополья: благосостояние и социальный состав

Завершив обзор распределения находок на уровне целого региона, можно вернуться на уровень конкретного поселения, чтобы понять, являются ли интересующие нас замки и ключи маркерами элиты или частью повседневной культуры широких слоев сельского населения. Для этого обратимся к пространственному распространению находок на конкретных селищах, где замки и ключи представлены серийно, и попробуем оценить, насколько компактно выпадают в слое находки замков и ключей. Ранее в главе о внутренней структуре поселений Суздальского Ополья было показано, что, несмотря на многовековую распашку, пространственная структура селищ весьма сохранна. Сопоставление разных характеристик культурных слоев как археологических (концентрация находок и/или керамики в слое и площадных сборах и ее колебания, особенности распространения отдельных хронологических групп древностей, изменения мощности слоя, наличие/отсутствие заглубленных в материк объектов, и т. п), так и естественнонаучных (магниторазведка, электроразведка, данные радиоуглеродного датирования раскопанных объектов и слоев из кернов) позволяет с высокой долей уверенности локализовать отдельные дворы на площадке поселения, определять их размеры и совокупность инвентаря конкретного хозяйства, хронологию их существования. В результате мы имеем возможность с известной степенью условности реконструировать структуру застройки площадки и сравнивать сельские дворы между собой.

Анализ топографии находок на тех памятниках, где находки замков и ключей представлены серийно показывает, что в том или ином количестве они представлены на разных участках поселений. В некоторых случаях фиксируется повышенная концентрация на отдельных усадьбах, но чаще ключи и замки встречаются на разных участках селитебной площадки достаточно равномерно. Рассмотрим несколько наиболее типичных случаев.

Поселение Тарбаево 5-6-7. Поселение состоит из трех селитебных площадок, общей площадью 14,43 га (Макаров, 2012а). В коллекции из 846 предметов представлено 53 замка и ключа всех разновидностей. Характеризуя памятник, необходимо отметить, что на площадке не фиксируется крупных незастроенных пространств и при этом можно выделить несколько крупных скоплений вещей и керамики, соотносимых с отдельными усадебными комплексами. На рисунке 92 хорошо видно, что замки

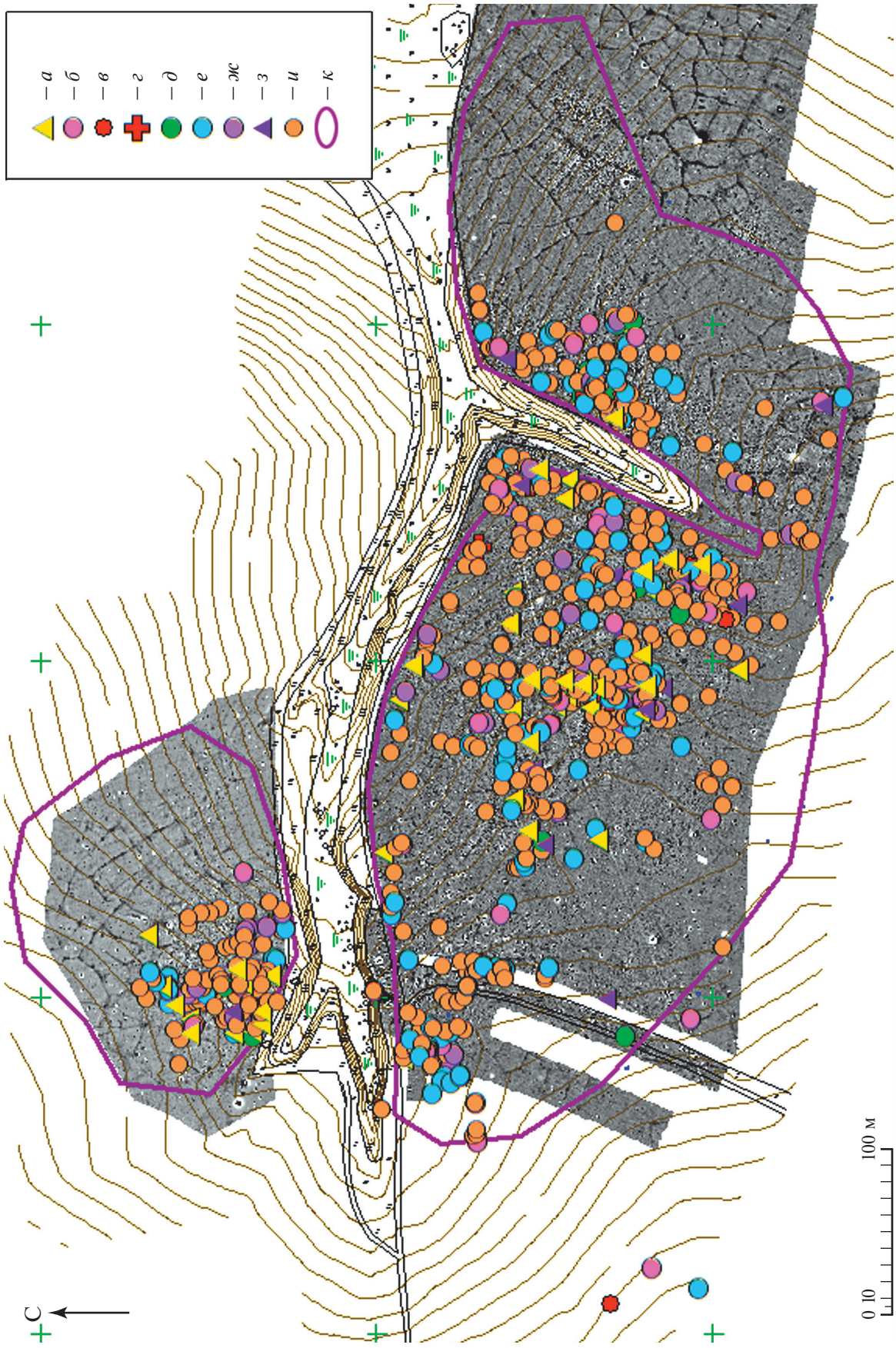


Рис. 92. Находки ключей и замков на селищах Тарбаево 5-7.
а – ключи и замки, б – детали костюма и украшения, в – монеты и торговый инвентарь, г – предметы благочестия, д – сельскохозяйственный инвентарь, е – маркеры различных ремесел, ж– снаряжение всадника и коня, з – оружие, и – бытовой и универсальный инвентарь, к – границы распространения культурного слоя

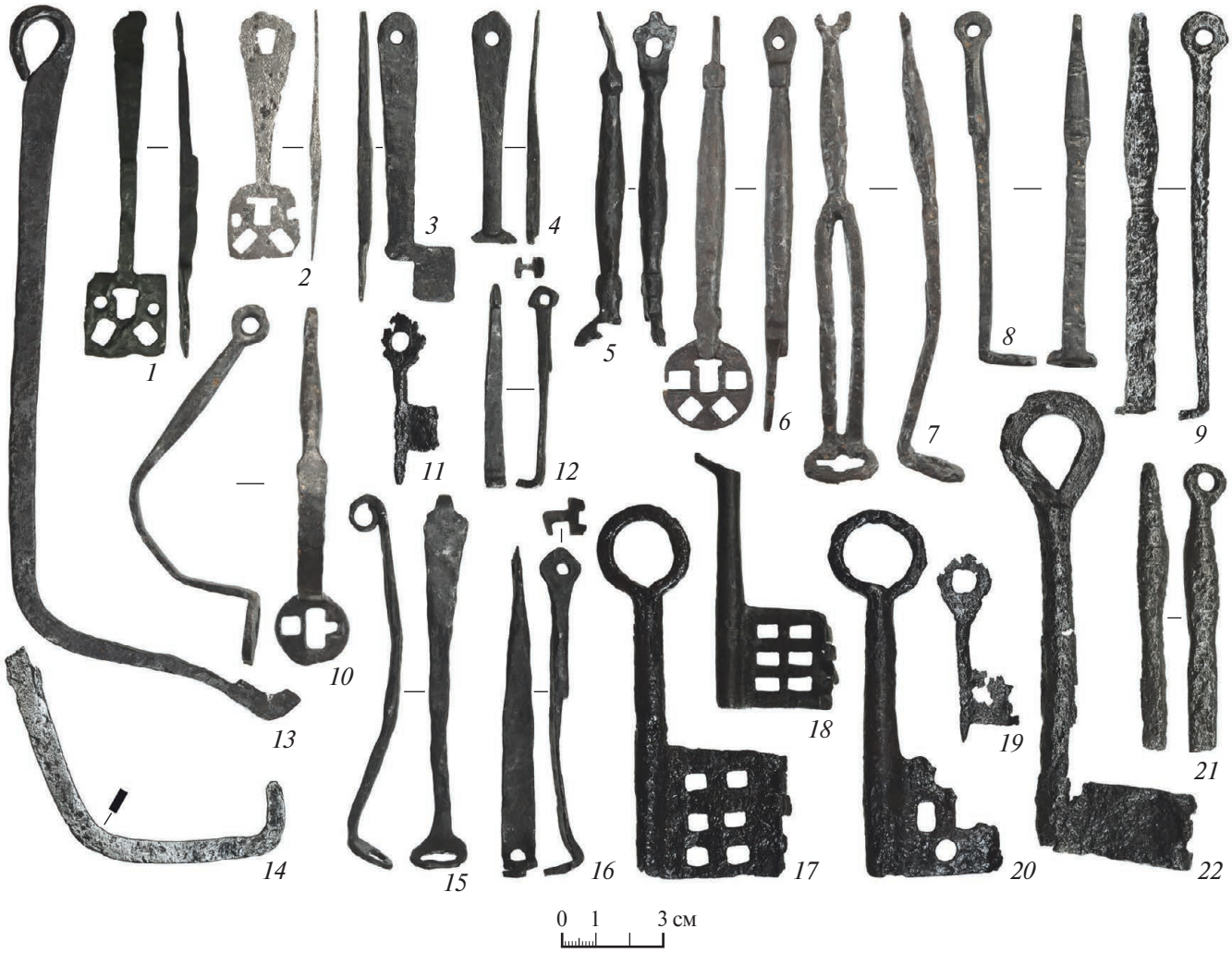


Рис. 93. Находки ключей и замков на селищах Тарбаево 5-7:
1, 22 – Тарбаево 6; 2, 4, 6–11, 13, 14, 17, 19, 20 – Тарбаево 5; 3, 5, 12, 15, 16, 18, 21 – Тарбаево 7

и ключи не образуют какой-либо отдельный сгусток, а скорее характерны для культурного слоя поселения в целом (встречаются довольно равномерно) (рис. 92, 93). Они представлены во всех основных скоплениях находок вне зависимости от площади скопления или разнообразия его категориального состава, характеризуя общий высокий уровень достатка значительной части населения поселения.

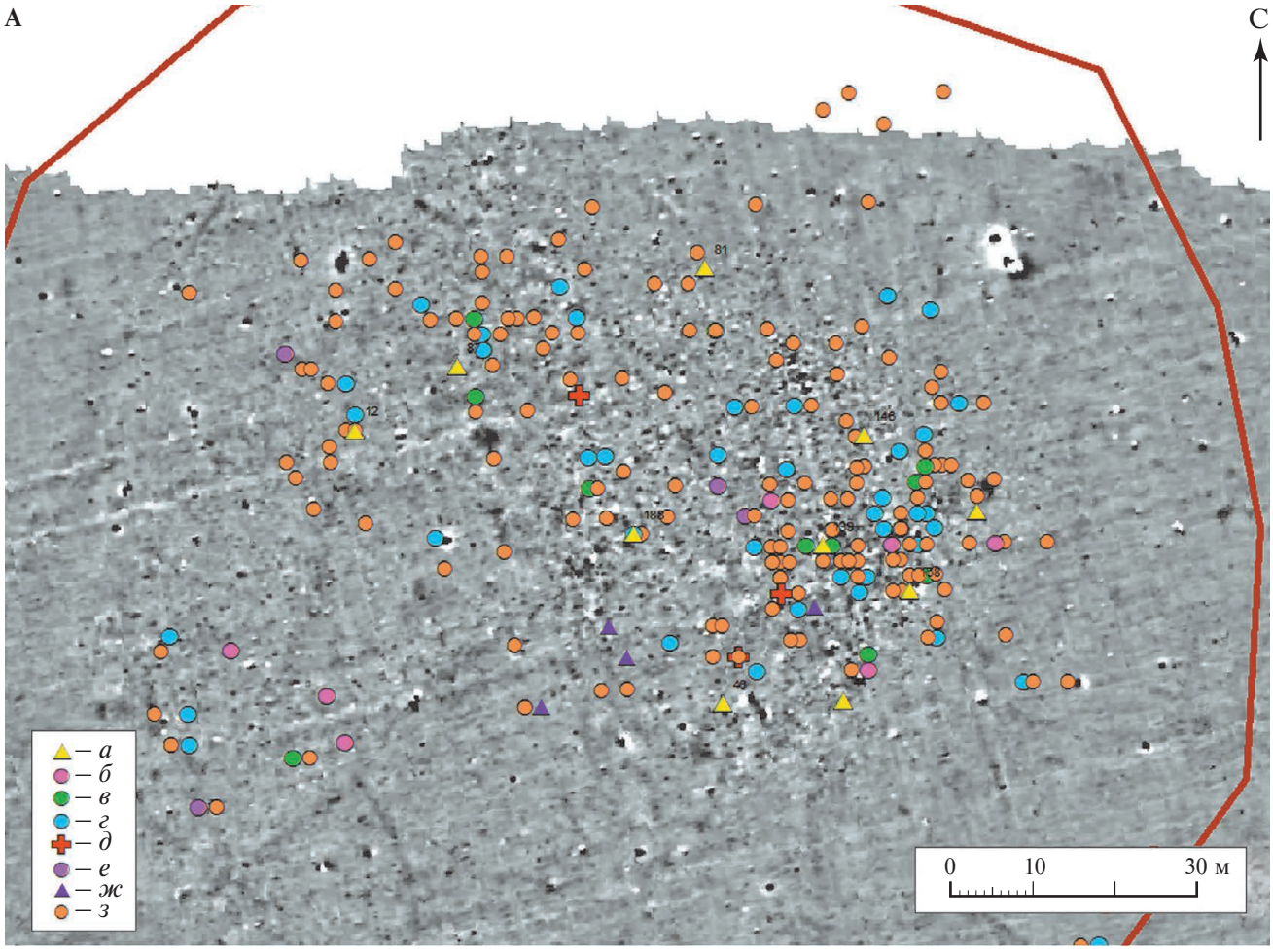
Иная ситуация характерна для селища Кибол 11[5]. Здесь 7 из 11 находок ключей и замков происходят с территории одного усадебного комплекса (рис. 94). Это крупнейший двор из выделенных на поселении. Он также характеризуется максимальной плотностью и разнообразием находок.

Картину, близкую к той, что фиксировалась на поселении Тарбаево 5-6-7, мы видим в материалах второго селитебного горизонта на селище Весь 5 (XII – начало XIV в.). Для этого этапа удалось выявить 8 усадебных комплексов (подробно см главу о внутренней структуре настоящего издания). В коллекции подъемного материала представлено 18 замков и ключей. Только 2 из них могут принадлежать первому этапу заселения площадки (цилиндрический навесной замок типа А и ключ с желудями), остальные 16 могут рассматриваться как связанные с поздним горизонтом. Эти находки замков присутствуют во всех выделенных для 2 этапа дворах.

Аналогичную картину мы видим на селище Михали 3 (рис. 95). В коллекции подъемного материала этого поселения 9 находок запорных систем. Находки ключей и замков, характерные для XII–XV вв., зафиксированы на разных участках поселения и не образуют заметных скоплений.

Последние два примера важны, так как Весь 5 в XII – начале XIV в. и Михали 3 в XIII–XV вв. –

[5] Подробная характеристика селища Кибол 11 дана в главе про внутреннюю структуру настоящего издания.



а — ключи и замки, б — детали костюма и украшения, в — сельскохозяйственный инвентарь, г — маркеры различных ремесел, д — предметы благочестия, е — снаряжение всадника и коня, ж — оружие, з — бытовой и универсальный инвентарь

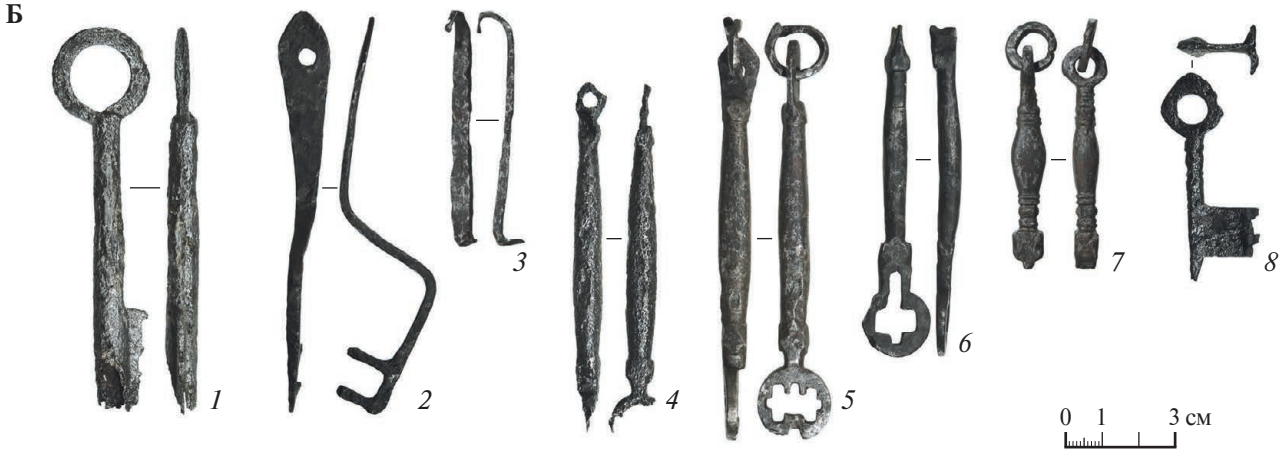
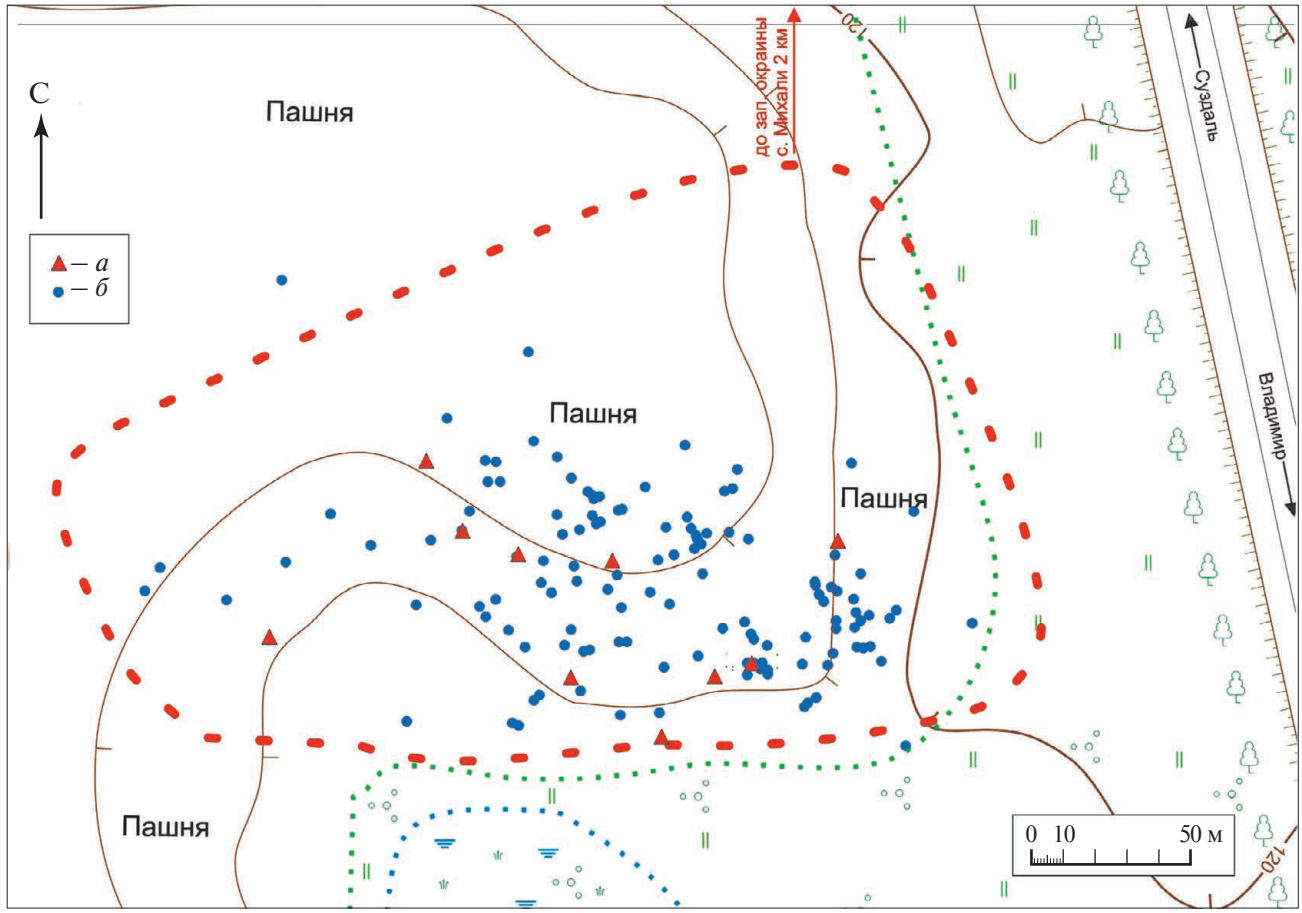


Рис. 94. Находки ключей и замков на селище Кибол 11:
А — распределение подъемного материала на фоне магнитограммы селища,
Б — находки замков и ключей



А

а – ключи и замки; б – другой подъемный материал

Б

Рис. 95. Находки ключей и замков на селище Михали 3:
А – топография находок замков и ключей, Б – находки замков и ключей

памятники не только следующей эпохи, но уже другого типа – это остатки классических суздальских сел, известных по письменным источникам (Весь – XIV в., Михали – XV в. (см. главы об исторических селах и про XIII–XV вв.). В это время сельские поселения имеют преимущественно аграрный уклад, следовательно, материалы этих памятников отражают культуру преимущественно крестьянского хозяйства.

Обращение к коллекциям отдельных памятников позволяет вернуться к вопросу о правомерности использования замков и ключей в ряду маркеров «престижного потребления». Как было показано выше, в некоторых случаях ключи могли использоваться для артикуляции достатка их владельца, что воплощалось в высокой декоративности этих достаточно утилитарных изделий. Тем не менее сам факт наличия замков и ключей в составе домашнего инвентаря не может служить надежным и однозначным маркером «престижного потребления».

К такому выводу нас подталкивает не только обилие находок на рядовых поселениях, но и такой важный аспект, отражающий, хоть и косвенно, разнообразие имущественного и социального статуса владельцев сельских дворов, как совстречаемость находок. В раскопах на селище Гнездилово 2 (X – начало XI в.) находки замков и ключей фиксируются как на участках, где раскопаны дворы, насыщенные находками, в том числе с имевшими высокую стоимость, так и на относительно бедных участках. То же можно сказать и о Михалях 3, где часть находок замков и ключей относится к зонам, где фиксируются находки-маркеры благосостояния и достатка, а часть – нет.

Материалы Суздальского Ополья свидетельствуют, что критерием высокого статуса и богатства может служить только высокая концентрация находок ключей и замков в пределах одной усадьбы. Показательный пример – селище Кибол 11, один из памятников, ассоциирующихся с местожительством элиты нижних рангов (Makarov, 2013). На этом памятнике выделяется главная усадьба, в пределах которой найдена большая серия «нарядных» ключей, шпоры, стремя, энколипоны и другие находки, и несколько усадеб меньшей площади и заметно меньшей плотности и категориального разнообразия инвентаря, на которых находки замков и ключей единичны. Эта картина очень близка той, что Н. И. Асташова фиксировала в Новгороде XII–XIV вв. (Асташова, 2004). К схожим выводам приходит и М. И. Петров на основании анализа функционального разнообразия предметного мира новгородских усадеб (Петров, 2016).

Завершая рассказ о замках и ключах сельских поселений Ополья, еще раз прокомментируем расхожее представление о месте ключей и замков в материальной культуре русского села. Долгое время считалось, что запорные устройства, будучи сложными в производстве изделиями, требующими высокого мастерства кузнеца, – это в первую очередь принадлежность городской культуры русского Средневековья. Насколько правомерно такое утверждение?

Для сравнения приведем опубликованные данные о городских коллекциях замков и ключей. Из культурных слоев Новгорода, согласно подсчетам А. А. Кудрявцева, происходит 2990 экземпляров замков и ключей всех разновидностей (Кудрявцев, 2014а); в коллекции Белоозера – 163 замка и 110 ключей всех разновидностей (Захаров, 2004, табл. 288); в Пскове на 1991 г. зафиксировано 280 замков и ключей (Закурина, 1991); коллекция ключей и замков из раскопок Московского Кремля на 2004 г. составляла 56 предметов (Колызин, 2004); в Нижнем Новгороде по состоянию на 2014 г. учтено 23 экземпляра замков и 7 экземпляров ключей (Грибов, 2018, с. 124–125); из раскопов в Тверском кремле в 1993–1997 гг. происходит 104 замка и 54 ключа (Лапшин, 2009, с. 93–94); в Смоленске из раскопов у подножия Соборной горы, по данным Н. И. Асташовой, происходит 135 находок замков и ключей (Асташова, 1999, с. 113); коллекция Большого Шепетовского городища содержит около 1000 деталей замков, ключей, личин и тому подобного (Овсянников, Пескова, 1982, с. 93); из Усвята происходит 78 замков и 7 ключей (Еремеев, 2015).

Конечно, в сравнении с данными по раскопам Новгорода Великого, где зафиксировано свыше 2900 находок, показатели отдельных поселений не слишком впечатляют, но постараемся взглянуть на эти цифры с другой стороны. Среднее количество находок на одну новгородскую усадьбу – 1–5 штук/ярус (Петров, 2016), эти показатели достаточно близки количеству находок замков и ключей, происходящих с территорий частично раскопанных дворов суздальских селищ (табл. 13). Наиболее показательны данные поселений Весь 5, Б. Давыдовское 2, Вишенки 3, Кистыш 3 и Михали 3, где раскопом вскрыто не более одной усадьбы. Мы видим, что общее количество найденных в усадьбе предметов колеблется от 4 до 13. Эти цифры описывают общее количество замков и ключей на протяжении всей жизни усадьбы и не могут быть напрямую сопоставлены с концентрацией находок на один строительный ярус новгородских раскопов. Вероятно, одномоментно в быту использовалось от половины до трети этого количества замков и ключей (расчет основан на количестве строительных эпизодов, фиксируемых на каждом из раскопанных участков, подробный разбор этих оснований не является темой данной работы), то есть сопоставимо с новгородским ярусом.

Таким образом, коллекция, полученная на селищах Суздальского Ополья, показывает, что как минимум для центральных земель, узловых территорий княжеств расхожее представление о скудости находок ключей и замков в сельской среде не соответствует действительности.

И. Е. Зайцева

ШУМЯЩИЕ УКРАШЕНИЯ

При обследовании селищ Ополья за 20 лет на распаханной поверхности собрано 4352 предмета из цветных металлов и серебра. Эти находки составляют около трети (33,45 %) всей коллекции из сборов Суздальской экспедиции (13 010 единиц). Значительные собрания средневековых артефактов получены в ходе стационарных раскопок селищ Весь 5, Большое Давыдовское 2, Шекшово 2 и примыкающего к селищу Шекшово 2 курганного и грунтового могильника Шекшово 9. На селище Шекшово 2 и могильнике Шекшово 9 учтено 1 222 предмета из цветных металлов и серебра. 106 находок из этих металлов обнаружено в раскопе на Большом Давыдовском 2, около 200 предметов в раскопе на селище Весь 5.

Шумящие украшения и их фрагменты образуют одну из наиболее многочисленных категорий среди предметов из цветных металлов. Всего насчитывается 381 экземпляр таких украшений, что составляет 6,6 % от всех находок из цветных металлов. Условно они могут быть разделены на две большие группы: украшения поволжско-финского и древнерусского облика. Преобладают поволжско-финские украшения – 310 предметов (81,2 %). Большинство из них имеют аналогии в муромских, мордовских и марийских древностях и с большой долей уверенности связываются с дославянским населением региона. 71 экземпляром представлены изделия древнерусского облика.

Крупные, выразительные в художественном отношении находки шумящих украшений с северных территорий Восточной Европы стали предметом исследования целого ряда ученых (Горюнова, 1961; Голубева, 1979; Рябинин, 1981; Покровская, 2010; Покровская, Тянина, 2019; Кузнецова, 2016; Крыласова, 2017). В 1950–1970-е гг. осуществлен их сбор и систематизация, выработаны основные типологические схемы. Подавляющее большинство изученных тогда находок происходит из погребальных комплексов. В настоящее время в связи с накоплением новых материалов по погребениям, а также появлением предметов из датированных культурных слоев Новгорода, Старой Ладоги, сельских поселений научный интерес к этой группе древностей активизировался: уточняются хронологические рамки бытования отдельных типов, детально изучаются региональные собрания находок. Систематизация и анализ многочисленной коллекции шумящих украшений из Суздальского Ополья, полученной в ходе новых полевых работ, важны для изучения бытования этой категории предметов в хронологической динамике, использования их в повседневном костюме и погребальной практике, для характеристики культуры центральных районов Северо-Восточной Руси в IX–XIII вв. и оценки поволжско-финского компонента как одного из ее слагаемых.

Украшения поволжско-финского облика

Рассмотрим сначала украшения поволжско-финского облика[1]. Все проанализированные предметы изготовлены в одноразовых пластичных формах (глиняных?) по утрачиваемым восковым моделям. Восковые модели имели сложную конструкцию: они сплетались или собирались из тонких жгутов полностью, то есть все звенья цепочек и все привески вылеплялись и сразу крепились на подвеску. Такой способ изготовления чрезвычайно сложен: мастеру необходимо очень точно рассчитать конструкцию литниковой системы с многочисленными тонкими литниками, подходящими ко всем деталям и частям будущего украшения; аккуратно залить жидкой глиной все изделие так, чтобы ни одна его деталь не соприкасалась с другой для достижения подвижности будущих шумящих привесок; приготовить расплав с такой температурой и жидкотекучестью, чтобы до застывания все детали украшения успели бы заполниться металлом. Это настоящие произведения искусства! Несмотря на типологическую схожесть предметов, каждое изделие имеет черты своеобразия, обусловленные его индивидуальным изготовлением.

Способ изготовления украшений по выплавляемым моделям детально описан в работах Т. Г. Сарачевой (Сарачева, 2005, с. 103–109) и И. А. Сапрыкиной (Сапрыкина, 2010). Местное изготовление шумящих украшений на поселении Шекшово 2 маркирует находка фрагмента литниковой системы с тонкими литниками, как раз и используемыми для создания подобных изделий.

Шумящие украшения поволжско-финских типов собраны на 50 поселениях и на могильнике Шекшово 9 (рис. 96). Селища с находками шумящих украшений расположены по всей территории Ополья и не образуют локальных групп.

[1] Найденные в Ополье предметы, относящиеся к большей части I тысячелетия н. э., выходят за рамки темы.

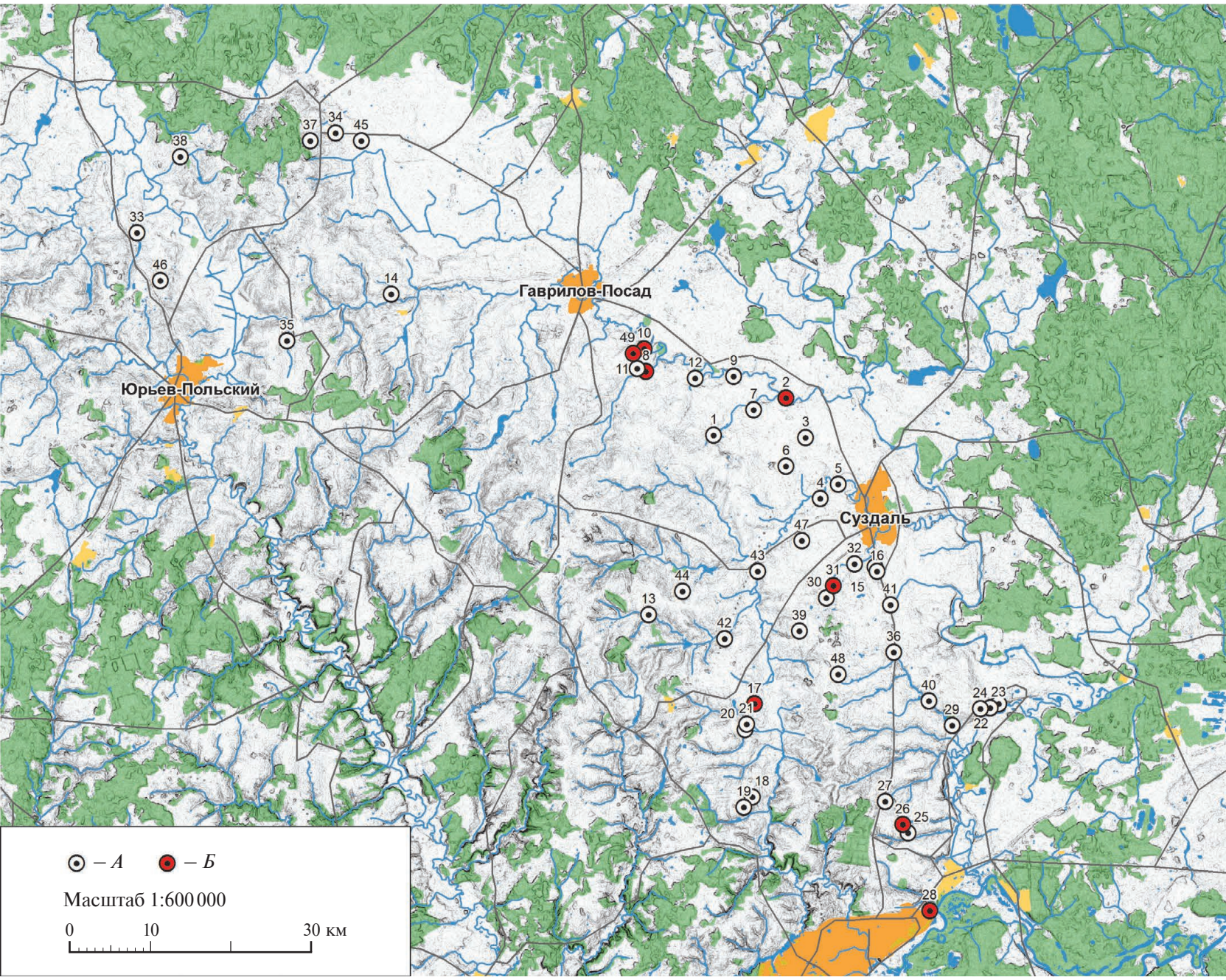


Рис. 96. Археологические памятники с находками шумящих украшений поволжско-финских типов IX–XI вв.:
А – археологические памятники с находками 1–5 предметов;
Б – археологические памятники с находками более 5 предметов.

1 – Кистыш 3; 2 – Весь 5; 3 – Поганое озеро 1; 4 – Кибол 3; 5 – Кибол 1а; 6 – Кибол 11; 7 – Кистыш 9; 8 – Большое Давыдовское 2; 9 – Иваньково 1 (Кощеево); 10 – Шекшово 2; 11 – Шекшово 3; 12 – Ратницкое 4; 13 – Губачево 1 (Челагино); 14 – Парша 4; 15 – Михали 3; 16 – Михали 4; 17 – Тарбаево 5; 18 – Новгородское 1; 19 – Новгородское 6; 20 – Яновец 1; 21 – Яновец 2; 22 – Мордыш 1; 23 – Васильково 1; 24 – Васильково 3; 25 – Суворотское 1; 26 – Суворотское 8; 27 – Суворотское 10; 28 – Сунгирь (Боголюбово); 29 – Васильково 6; 30 – Гнездилово 7; 31 – Гнездилово 2; 32 – Черниж 2; 33 – Сорогужино 2; 34 – Григорово 1; 35 – Кубаево 7; 36 – Павловское 2; 37 – Григорово 2; 38 – Веска 2; 39 – Гнездилово 10; 40 – Улово 1; 41 – Спасское городище 6; 42 – Вышеславское 5; 43 – Крапивье 6; 44 – Семеновское-Советское 3; 45 – Григорово 3; 46 – Федосьино 1; 47 – Крапивье 10; 48 – Теренеево 1; 49 – Шекшово 9

Хронологически шумящие украшения поволжско-финского облика можно разделить на типы, бытующие в IX (VIII) – XI вв., и типы XII–XIII вв. Предметы первой группы наиболее многочисленны в коллекции. По данным обследований, материалы IX – первой четверти XII в. обнаружены на 93 поселениях. Предметы, которые могут быть отнесены к IX – началу XII в., найдены на 32 селищах, то есть на трети поселений этого времени. Около двух третей подвесок и привесок на селищах происходит с памятников, выделенных в особую категорию «больших поселений», составляющих основу расселения и экономики в Суздальском Ополье в X–XI вв. (Макаров, Федорина, Шполянский, 2018). Из десяти поселенческих комплексов этой категории только на селище Кубаево 7 в северной части Ополья обнаружен один предмет, на остальных находки шумящих украшений более многочисленны. По несколько находок сделано на следующих селищах: Гнездилово 2 – 34 предмета, Шекшово 2 – 28 предметов, Весь 5 – 25 предметов, Суворотское 8 – 15 предметов, Сунгирское – 8 предметов, Большое Давыдовское 2 – 8 предметов, Тарбаево 5 – 5 предметов, Кибол 3 – 4 предмета, Васильково 1 – 3 предмета, Григорово 1 – 2 предмета. Наибольшее количество украшений, 109 экземпляров, найдено на площадке курганного и грунтового могильника Шекшово 9.

Подвески IX–XI вв.

Рассмотрим сначала подвески, относящиеся к первой хронологической группе (139 экз.). Целые и фрагментированные экземпляры подвесок в количестве 84 предметов обнаружены в верхнем распахиваемом слое 32 селищ: Гнездилово 2 (12 экземпляров), Гнездилово 10, Весь 5 (11 экземпляров), Шекшово 2 (11 экземпляров), Шекшово 3, Суворотское 1, Суворотское 8 (7 экземпляров), Суворотское 10, Большое Давыдовское 2 (5 экземпляров), Ратницкое 4 (2 экземпляра), Крапивье 10 (2 экземпляра), Сунгирь (4 экземпляра), Спасское городище 6, Иваньково-Кощеево, Васильково 1 (2 экземпляра), Васильково 6, Тарбаево 5 (2 экземпляра), Кибол 1а, Кибол 3 (3 экземпляра), Мордыш 1, Григорово 1, Григорово 3, Пиногор 1, Яновец 2 (2 экземпляра), Новгородское 1, Новгородское 6 (2 экземпляра), Осовец 2, Михали 4, Кистыш 3, Губачево 1, Федосьино 1, Улово 1. 55 находок (40 % от всех подвесок этого времени) происходят из пахотного слоя и комплексов трех погребений могильника Шекшово 9.

Точная хронологическая атрибуция 155 привесок к шумящим украшениям, 101 из которых собрана на селищах, затруднена ввиду их малой изменчивости во времени, однако подавляющее большинство из них, несомненно, относится к периоду до XII в.

Трехспиральные подвески (2 экземпляра). На селищах Суворотское 8 и Шекшово 2 найдены подвески, треугольное тулово которых состоит из 3 спирально свернутых гладких жгутов. Ушки сделаны из отрезков рифленых трубочек. Внизу имеются перетертые колечки для подвешивания (рис. 97: *1, 2*). Аналогичные подвески найдены на Березняковском (Голубева, 1987, с. 78) и Сарском городищах. А. Е. Леонтьев, вслед за Л. А. Голубевой и И. Г. Розенфельдт, датирует украшение из Сарского городища VII–VIII вв. (Леонтьев, 1996, с. 173). Прототипами рассматриваемых подвесок являются позднедьяковские серьги с трехспиральными щитками (Розенфельдт, 1982, с. 44–45). Необходимо отметить, что ушки в виде рифленых длинных трубочек на подвесках «доживают» до X в. (Зеленцова, Милованов, 2021, с. 23).

Ажурные подвески треугольной формы (6 экземпляров). Еще один из ранних типов представляют ажурные подвески треугольной формы (рис. 97: *4, 7*). Всего в Суздальском Ополье их собрано шесть экземпляров: две целых происходят из селища Гнездилово 2, по одному обломку найдено на поселениях Суворотское 8, Шекшово 2, Спасское городище 6, Иваньково-Кощеево. Четыре из шести находок обнаружены на площадках «больших поселений» (Зайцева, Зеленцова, 2021).

На древнерусской территории удалось обнаружить две аналогии суздальским находкам. Одна целая подвеска лежала в женском погребении 3 кургана 53 в могильнике Плешково 1 в Кимрском районе Тверской области. Она располагалась с правой стороны груди вместе с амулетами из медвежьих зубов и шумящей подвеской с шерстяными шнурами. К. И. Комаров датирует большинство погребений могильника XI в. (Комаров, 2002, с. 154, 166–167).

Вторая целая подвеска обнаружена в культурном слое поселения Черный ручей 2 на р. Андоге, притоке р. Суды, в заполнении котлована постройки, имеющей радиоуглеродную дату IX – начало X в. (Кудряшов, 2007, с. 116–118). Автор раскопок вслед за К. И. Комаровым считает предмет женской подвеской, маркером связей белозерской веси с восточно-финским населением Поволжья (Кудряшов, 2012а, с. 309).

Поиск аналогий рассматриваемым предметам приводит нас к муромским древностям, где на сегодняшний день известно более 10 треугольных ажурных подвесок[2]. Четыре находки происходят из погребальных комплексов Подболотьевского, две из Нижневерейского, одна из Чулковского, одна такая подвеска известна из разрушенных погребений Муромского могильника, несколько из разрушенных погребений Михайловского могильника.

[2] Подбор материалов из муромских могильников проведен О. В. Зеленцовой (см.: Зайцева, Зеленцова, 2021).

Рис. 97. Подвески поволжско-финских типов:
1 – Суворотское 8; 2 – Шекшово 2; 3 – Весь 5; 4, 7 – Гнездилово 2; 5, 6, 8, 9 – Шекшово 9.
1–9 – сплавы на основе меди

Еще одна подвеска происходит с Шокшинского могильника, который относится В. Н. Шитовым к поздним рязано-окским памятникам. Украшения лежат в мужских погребениях в районе бедер или колен, что позволяет считать их наконечниками поясов. Датировки комплексов погребений указывают на хронологический период второй половины VIII – начала X в. как основной для бытования подобных подвесок. Находки этих предметов в составе ожерелий в женских погребениях Шокшинского и Плешковского 1 могильников можно полагать свидетельствами пережитка их бытования. Это подтверждается использованием в том же Плешковском погребении в качестве подвески украшения обуви (Комаров, 2002, с. 181, рис. 4: *13*).

Большие треугольные и прямоугольные каркасные подвески, одноглавые коньки «владимирского» типа (тип XVII по Е. А. Рябинину), прямоугольные рифленые подвески с привесками, перстневидные подвески с шумящими привесками традиционно рассматриваются исследователями как мерянские этноопределяющие украшения (Горюнова, 1961; Голубева, 1987, с. 79–80; Рябинин, 1997, с. 175–177). Однако уже давно установлено, что ареалы этих предметов значительно шире территорий, указанных в летописи как районы расселения мери, а значительная часть находок относится ко второй половине X – XI в., когда имя мери уже давно исчезло со страниц летописи.

Большие треугольные подвески с шумящими привесками (8 экземпляров). 7 подвесок найдены в могильнике Шекшово 9, одна на селище Весь 5. Целая подвеска с рядом из пяти колечек понизу, в которых висели привески-лапки, лежала около головы погребенной женщины в возрасте 20 лет в бескурганной ингумации рубежа X–XI вв., исследованной на могильнике Шекшово 9 (рис. 97: *9*) (Зайцева, Столярова, 2018). Модель каркаса подвески слеплена из двух соединенных уплощенных палочек овального сечения, на лицевой стороне украшенных сплошными поперечными нарезками, имитирующими плетение. Круглое ушко, также из двух палочек, аккуратно примазано к каркасу в одной с ним плоскости. На укрепленных в нижней части каркаса пяти одинарных колечках имеются треугольные подвески – имитации лапок.

Остальные подвески этой группы найдены во фрагментах. Из верхнего пахотного слоя могильника Шекшово 9 происходят восемь обломков от шести изделий. Каркасы большинства подвесок близки рассмотренному выше целому экземпляру: они слеплены из двух или трех гладких палочек (рис. 97: *5, 8*). Нижняя часть одной подвески имеет идентичный рисунок на лицевой части каркаса, но она изготовлена в другой технике: литьем по оттиску готового изделия. Привески-лапки сделаны отдельно (рис. 97: *6*).

В пахотном слое селища Весь 5 обнаружена верхняя часть одной подвески (рис. 97: *3*). Модель каркаса сплетена из соединенных гладких и перекрученных жгутов в разных сочетаниях. Сочетание на изделии соединенных полос разного рисунка и волютообразных налепов характерно для коньков мерянского типа.

Л. А. Голубева посвятила треугольным подвескам специальную работу (Голубева, 1982). Большие экземпляры она выделила в тип III: с составными из палочек разного рисунка каркасами, как в Веси 5, – в вариант 1; с гладкими каркасами – в вариант 2 (Голубева, 1982, с. 116).

Находки подвесок с каркасами из соединенных полос разного рисунка, дополнительно украшенные налепами, известны уже в погребениях V в. рязано-окских могильников (например: Заречье, погребение 48; Белоцерковская, 2007, вклейка, рис. 8). Они найдены на Сарском городище, в курганах у д. Городище и Киучер Переславского района Ярославской области, в погребении 100 Подболотьевского могильника, погребении 33 Малышевского могильника, погребении 6 Поломского могильника Чепецкой культуры, на Белоозере (Захаров, 2004, рис. 69: *1*). Вариант 1 датируется Л. А. Голубевой IX–X вв. (Голубева, 1982, с. 116–117).

Подвески варианта 2 достаточно многочисленны (более 100 экземпляров) и происходят из не менее чем 34 могильников (Голубева, 1982, с. 117). В большинстве захоронений, где удалось проследить положение этих украшений, они найдены на плечах. Если в погребении имелось более одной подвески, они лежали на обоих плечах, если одна, то чаще она находилась на правом плече (Голубева, 1982, с. 117–118), как и в погребении 6 в Шекшове 9. С некоторой долей вероятности можно предположить, что треугольные подвески все же не нашивались на одежду в районе плеч, а относились к головному убору: были накосными или крепились на ленты. Подвески этого варианта датируются Л. А. Голубевой преимущественно X–XI вв. А. Е. Рябинин уточняет, что, несмотря на то что треугольные подвески общепризнанны в качестве индикатора центральной группы мери, большинство их находок происходит из курганов (80 из 100 экземпляров), то есть из памятников, оставленных уже смешанным населением (Рябинин, 1997, с. 176). По находкам гладких подвесок в закрытых комплексах (в том числе в погребениях верхневолжского могильника Плешково, где найдено 10 таких украшений; Комаров, 2002, с. 153–155) можно полагать, что большие треугольные подвески выходят из употребления не позднее второй половины XI в. Находки больших треугольных подвесок в могильнике Шекшово 9 и в слое селища Весь 5, первый период бытования которого датирован от середины IX до конца X в. (Макаров, Захаров, Шпо-

лянский, 2010, с. 132–133), подтверждают установленные хронологические рамки.

Вариант подвесок, каркасы которых набраны из гладких палочек, вероятно, более поздний по сравнению с вариантом подвесок, набранных из палочек разного рисунка. Несмотря на индивидуальное изготовление модели каждого изделия, подвески с гладкими каркасами выглядят более стандартизированными, при этом кропотливая технология литья по утрачиваемой модели сохраняется.

Коньки «мерянского» или владимирского типа (тип XVII по Е. А. Рябинину) (15 экземпляров) собраны в пахотном слое 12 поселений: Гнездилово 2 (4 экземпляра), Гнездилово 10, Суворотское 8, Весь 5, Кибол 1а, Кибол 3, Ратницкое 4, Васильково 1, Тарбаево 5, Крапивье 10, Шекшово 2, Большое Давыдовское 2 (рис. 98: *1–8, 10, 12*). Только одно украшение дошло до нас целиком, остальные сохранились во фрагментах. 10 обломков от таких коньков происходит из переотложенных погребений могильника Шекшово 9. Два из них оплавлены и могут быть связаны с кремациями. Находки коньков в сожжениях во владимирских курганах отмечает и А. А. Спицын (Спицын, 1905, с. 103).

Большинство обломков представляет разные части тулов коньков, основу которых составляют одно или двухрядные косички, по краям оконтуренные гладкими валиками. Поверху тулова украшены налепами из соединенных шариков ложной зерни, по торцам – спиральными. Целые изделия имели крупные размеры: их длина достигала 10–12 см. Два миниатюрных конька отличаются своеобразием. Целый конек из Гнездилова 2 имеет размеры 30 × 23 мм (без привесок). Его тулово сделано из однорядной косицы, поверху украшенной налепом из волнистого жгута. Сверху – ушко для подвешивания из соединенных трех гладких валиков. Снизу к тулову конька приделаны три колечка, на которых висят лапки ромбической формы (рис. 98: *8*). Тулово второго конька размерами 29 × 19 мм из Крапивья 10 сделано из трех соединенных гладких валиков, сверху – петля из таких же валиков, крепящаяся на основание трапециевидной формы. Внизу – 4 перетертые колечка (рис. 98: *4*).

Коньки «мерянского» типа детально проанализированы в работах Л. А. Голубевой (1979) и Е. А. Рябинина (1981). Ими определены хронологические рамки бытования коньковых подвесок – вторая половина X – первая половина XI в. (Рябинин, 1981, с. 35). Е. А. Рябинин отмечал, что «в отличие от многих других типов зооморфных украшений XVII тип имеет замкнутый ареал, концентрируясь в Ростово-Суздальской земле и окрестностях Мурома. Большинство подвесок найдено в Суздальском Ополье, в области расселения мери. За пределами очерченной территории эти украшения редки» (Рябинин, 1981, с. 33). В раскопанных А. С. Уваровым погребальных комплексах подвески чаще всего располагались на плечах по одной или парой. Возможно, они украшали косы. В Сунгирском могильнике (погребение 7) конек был положен в горшок в качестве дара (Голубева, 1987, с. 74). В могильнике Плешково такая подвеска обнаружена в мужском погребении в районе пояса (Комаров, 2002, с. 153).

Е. А. Рябинину было известно о 100 экземплярах коньков Владимирского типа (Рябинин, 1997, с. 176). До работ Суздальской экспедиции их количество увеличилось незначительно (Зайцева, 2008а, с. 135–137; Кудряшов, 2012б, с. 96; Рыкунова, Рыкунов, 2018, с. 109). Карта распространения коньков с учетом новых находок в Белозерье была составлена Н. А. Макаровым в 2009 г. (Макаров, 2009а, с. 94).

В настоящее время прирост находок составил около четверти[3]. Если ранее основной массив предметов происходил из погребений, то теперь список памятников пополнили «большие поселения». Находки коньков и больших треугольных подвесок маркируют присутствие поволжско-финского компонента в культуре Ополья X–XI вв. Эти украшения не были связаны только с погребальной обрядностью, но и носились в повседневной жизни. Предметы из Суздальского Ополья имеют большое типологическое сходство с подвесками-коньками из муромских могильников. Установленная 40 лет назад датировка этих предметов полностью согласуется с хронологическими позициями новых находок.

Каркасные коньковые подвески (2 экземпляра). Вероятно, частью коньковой подвески с квадратным щитком является фрагмент украшения из Веси 5 (рис. 98: *9*). Целые украшения, происходящие из Подболотья (Городцов, 1914, погребение 63), Юмского могильника, могильника Никольское XI на р. Суде и катакомбы на Маяцком селище, имеют ажурные щитки прямоугольной формы, увенчанные двумя разносмотрящими конскими головками на высоких шеях (биконьковые). Находки в Подболотье и на Маяцком селище по комплексам датируются IX в., в Никольском XI – второй половиной IX – первой половиной X в. (Голубева, 1979, с. 48–49; Кузнецова, Григорьева, 2017, с. 61). Наиболее близок подвеске из Веси 5 экземпляр из Подболотья.

Обломок верхней части еще одной подвески найден на селище Гнездилово 2 (рис. 98: *11*). Сохранилась только верхняя перекладина, сделанная из тройного жгута: сбоку две гладкие палочки, в середине перекрученная. Верх подвески украшен двумя головками коньков, смотрящих в разные стороны (биконьковая). Гривы коньков показаны налепами. Судя по сохранившемуся фрагменту, целое изделие имело большие размеры.

[3] Серия коньков из грабительских сборов опубликована В. Е. Коршуном в 2014 г. (Коршун, 2014).

Рис. 98. Подвески поволжско-финских типов: 1 – Васильково 1; 2 – Тарбаево 5; 3, 6, 8, 11, 16 – Гнездилово 2; 4, 14 – Крапивье 10; 5, 7, 10, 12, 15, 17 – Шекшово 9; 9 – Весь 5; 13 – Суворотское 8. 1–17 – сплавы на основе меди

Ажурные подвески со щитками квадратной, прямоугольной, круглой, трапециевидной и треугольной формы, украшенные в верхней части небольшими стилизованными разносмотрящими конскими головками, рассмотрены в монографии Л. А. Голубевой (Голубева, 1979). Чаще всего они имели привески лапчатой формы. Находки подвесок наиболее многочисленны в мордовских, марийских и муромских могильниках. Одиночные экземпляры таких предметов встречены на широкой территории (Голубева, 1979, с. 54).

Кольцевидная подвеска (1 экземпляр). На селище Суворотское 8 найдена целая подвеска, тулово которой имеет форму кольца диаметром 27 мм с петлевидным ушком (рис. 98: *13*). И кольцо, и ушко сделаны из сдвоенной гладкой палочки. На кольце подвешены 7 грушевидных линейно-прорезных бубенчиков. Обломок кольца с ушком найден в могильнике Владышнево второй половины X в. на Кубенском озере (Макаров, Зайцева, 2007, с. 146). Кольца с шумящими привесками-бубенчиками, но без ушек происходят из Владимирских курганов (Спицын, 1905, с. 162). В кургане 6 Семухина такое кольцо, интерпретируемое как пряжка, найдено в районе пояса (Ерофеева, 1976, с. 222). В этом же погребении лежал витой петлеконечный браслет. Вероятно, эти украшения бытовали длительное время.

Перстневидные подвески (11 экземпляров). Семь подвесок происходят с пяти селищ, четыре обнаружены в распаханном слое могильника Шекшово 9 (рис. 98: *14–17*). Подвески не оплавлены. Три экземпляра имеют равномерное ажурное тулово, собранное из гладких палочек или косичек, свернутых в овал (рис. 98: *16, 17*). В центральной части расположена палочка, выложенная зигзагом. Размер тулова целой подвески из Гнездилова 2 составляет 22 × 11 мм. На месте сгиба поперек тулова приделаны в ряд три колечка с остатками привесок (рис. 98: *16*).

Тулова восьми других подвесок имеют вид уплощенного пластинчатого замкнутого широкосрединного гладкого перстня с гладкими налепными валиками по краям и по центру (рис. 98: *14, 15*)[4]. Размеры лучше сохранившейся подвески из Крапивья 10 составляют 35 × 16 мм. В самой широкой части тулова поперек приделаны в ряд три колечка для крепления шумящих привесок (рис. 98: *14*). На рассматриваемых нами экземплярах большинство колечек отломано и привески не сохранились[5].

Перстневидные подвески, как уже отмечалось выше, относятся исследователями к мерянским украшениям. В погребениях они располагаются на груди, в районе кистей рук и пояса. По данным Е. А. Рябинина, во Владимирских курганах насчитывается не менее 25 таких украшений (Рябинин, 1997, с. 176). В кургане 5 у д. Семухино на р. Тезе гладкая с валиками подвеска найдена в районе ног, а в кургане 25 у пояса (Ерофеева, 1976, с. 222, 225). В могильнике Плешково 1 на Верхней Волге перстневидные привески обнаружены в четырех женских и одном мужском погребении XI в. Они или входили в состав ожерелий, или располагались в районе пояса (Комаров, 2002, с. 153).

Перстневидные подвески с шумящими привесками, очевидно, ведут свое происхождение от рязано-окских ажурных перстней с шумящими привесками, появляющихся уже в V в. (Белоцерковская, 2014, с. 187). Перстни не только носились на руках, но и нашивались на одежду и вплетались в волосы. Впоследствии появились уплощенные экземпляры. Перстневидные ажурные и гладкие подвески с валиками известны в муромских и мордовских могильниках (Ястребов, 1893, табл. XIV). В Максимовском могильнике и в погребении 162 Подболотьевского могильника такие подвески находились на гривнах (Спицын, 1901, с. 46; Зеленцова, Милованов, 2021, с. 22). По наблюдениям О. В. Зеленцовой и С. И. Милованова, погребения с перстневидными подвесками в Подболотьевском могильнике относятся к хронологической группе X – начала XI в. (Зеленцова, Милованов, 2021, с. 24, 25).

Полутрубчатые подвески (18 экземпляров). 9 подвесок обнаружено в культурном слое 7 поселений. 9 экземпляров происходят из могильника Шекшово 9 (рис. 99: *1–4*). Оплавленных среди них нет. Длины трубок двух целиком сохранившихся подвесок составляют 17 и 28 мм, диаметры 6–8 мм (рис. 99: *1, 4*). Сверху трубки украшались пирамидками зерни, а с тыльной стороны к ним примазывались петельки для фиксации. К боку каждой трубки крепились 2 или 3 колечка с лапчатыми подвесками.

Полутрубчатые подвески использовались в западно- и восточно-финских костюмах как нашивное украшение. Их многочисленные находки известны на широкой территории от Финляндии до Прикамья (Зайцева, 2008а, с. 141; Кузнецова, Григорьева, 2017, с. 61–62). В Ростово-Суздальской земле полутрубчатые подвески обнаружены на Ратьковском могильнике VI–VII, IX–X вв. (Новоселова, Вишневский, 2017, с. 20), Сарском городище и могильнике (Леонтьев, 1996, с. 173–174), могильнике конца X–XI вв. Большое Молочное (Леонтьев, 1996, с. 264, 266), на Березняковском городище (Леонтьев, 1996, с. 226–227), на городище Попово (Леонтьев, 1989, с. 81–82), селище Чаадаево 5 под Муромом. Подвески из Владимирских курганов опубликованы А. А. Спицыным (Спицын, 1905, с. 159–161). Можно полагать, что эти украшения к XII в. уже вышли из употребления.

[4] У подвески из Шекшова центральный валик отсутствует.

[5] Возможно, небольшие фрагменты без колечек являются частями не подвесок, а широкосрединных перстней с валиками.

Рис. 99. Подвески поволжско-финских типов: 1 – Сунгирь; 2 – Васильково 6; 3, 14 – Шекшово 2; 4 – Гнездилово 2; 5–8 – Шекшово 9; 9, 10 – Сунгирь; 11 – Новгородское 6; 12 – Григорово 3; 13 – Кибол 3; 15 – Суворотское 10. 1–15 – сплавы на основе меди

Петельчатые подвески (3 экземпляра) найдены целыми. Один экземпляр происходит из погребения 3 (раскоп 3) первой половины XI в. могильника Шекшово 9 (рис. 99: *5*) (Макаров, Зайцева, 2016, с. 192), два найдены в верхнем слое селища Большое Давыдовское 2, возникшем не позднее начала XI в. Модели каркасов подвесок сплетены из трех палочек, свернутых в виде петель, концы которых перекручены и соединены в ушко, располагающееся поперек плоскости подвесок. Размеры подвесок без привесок составляют всего около 20 × 23 мм. На двух подвесках прикреплены крестопрорезные бубенчики, на одной – лапки ромбической формы с налепами по углам. В погребении подвеска лежала около локтя правой руки, вероятно, она крепилась к косе молодой женщины.

Бутылковидные и конические пронизки (21 экземпляр) обнаружены в культурном слое 14 поселений. 3 пронизки найдены на могильнике Шекшово 9 в переотложенном состоянии (рис. 99: *6–15*). Два предмета из Шекшова 9 и один из Суворотского 10 оплавлены. В коллекции значительно преобладают бутылковидные пронизки. Большинство бутылочек сохранилось фрагментарно. Их размеры находятся в пределах: высота – 15–31 мм, диаметр 9–19 мм. Бутылочки имеют цилиндрическое приземистое тулово с узким горлом. Сверху располагается отверстие, через которое пропускался ремешок с узлом. Немногочисленные конические пронизки в целом имеют более миниатюрные размеры: 13–25 × 14–22 мм.

Пронизки бутылковидной и колоколовидной формы использовались в женском рязано-окском костюме в качестве накосных украшений или входили в состав затылочных кистей, где они висели гроздью. И. В. Белоцерковская отмечает наличие варианта формы бутылковидных подвесок с плавно расширяющимся туловом и узким горлом (Белоцерковская, 2014, с. 188).

Позже оба вида пронизок получают широкое распространение в финно-угорском костюме. Бутылочки с узким горлом известны на Сарском городище и могильнике (Леонтьев, 1996, с. 97, 174, 176, 187, 190). Две оплавленные бутылочки такой формы обнаружены в могильнике второй половины X в. Владышнево II на Кубенском озере (Макаров, Зайцева, 2007, с. 181). Находки подобных бутылочек имеются в муромских могильниках (Бейлекчи, 2005). По наблюдениям О. В. Зеленцовой, они встречены в погребениях, относимых ко времени не позднее первой половины X в.[6] Таким образом, датировка бутылковидных пронизок с узким горлом располагается в достаточно широких хронологических пределах V–X вв. Находки этих предметов на «больших поселениях» и в кремациях могильника Шекшово 9 подтверждают эти наблюдения. Колоколовидные пронизки «доживают» до XIII в. на северо-восточных окраинах Древней Руси и за ее пределами в восточно-финской среде. В центральных регионах они, вероятно, выходят из употребления раньше.

Украшения обуви в количестве 16 экземпляров найдены в культурном слое десяти поселений. 18 находок происходит из могильника Шекшово 9 (рис. 100). Только один предмет имеет следы оплавленности, то есть большинство находок располагалось в погребениях по обряду ингумации. Металлические украшения обуви – одна из характерных черт восточно-финского костюма, не получившая распространения в древнерусской среде.

Практически целое украшение достаточно крупных размеров обнаружено на поселении Ратницкое 4 (рис. 100: *1*). Близкие аналогии этому предмету имеются в материалах муромских могильников (Максимовского и Подболотьевского), где они украшали центральную часть обуви (см.: Спицын, 1901, с. 47; Бейлекчи, 2005, с. 172, 178). Такое же изделие, но с двумя колечками, находилось в составе ожерелья в женском погребении 3 кургана 53 в группе Плешково 1 на Верхней Волге вместе с рассмотренным выше наконечником пояса (Комаров, 2002, с. 154). Украшение из сдвоенных полутрубок с двумя торцевыми колечками найдено на поселении Пиногор 1 (рис. 100: *4*).

Пятью экземплярами представлены прямоугольные подвески с верхней петлей, двумя ушками на обороте и рядом колечек понизу, к которым крепились привески в виде утиных лапок ромбической формы (подвески-планки; рис. 100: *8*). Две целые подвески длиной 48 мм обнаружены на костях стоп женщины в погребении 6 рубежа X–XI вв. могильника Шекшово 9 (Зайцева, Столярова, 2018).

Плоские прямоугольные подвески с привесками рассматриваются исследователями как украшения центральной группы мери (Горюнова, 1961, с. 100; Рябинин, 1997, с. 159), однако они встречены и в муромских памятниках. По одной такой подвеске на каждой ноге в районе щиколоток было найдено в погребении 22 Максимовского могильника (Спицын, 1901, с. 47). Такие же подвески лежали в центральной части поверх стоп в погребениях X – начала XI в. № 234, 235 в Подболотьевском могильнике (Городцов, 1914, с. 98, 99, рис. 55, 57; Бейлекчи, 2005, с. 84). Опубликованы украшения из Малышевского и Корниловского могильников (Бейлекчи, 2005, с. 168, 174). В погребении 1 кургана 26 в могильнике Плешково 1 такая подвеска лежала на правой стороне груди (Комаров, 2002, с. 154). Как и в рассмотренных выше случаях, понимание роли в костюме этих металлических украшений уже было утрачено жителями Плешково.

[6] Устное сообщение.

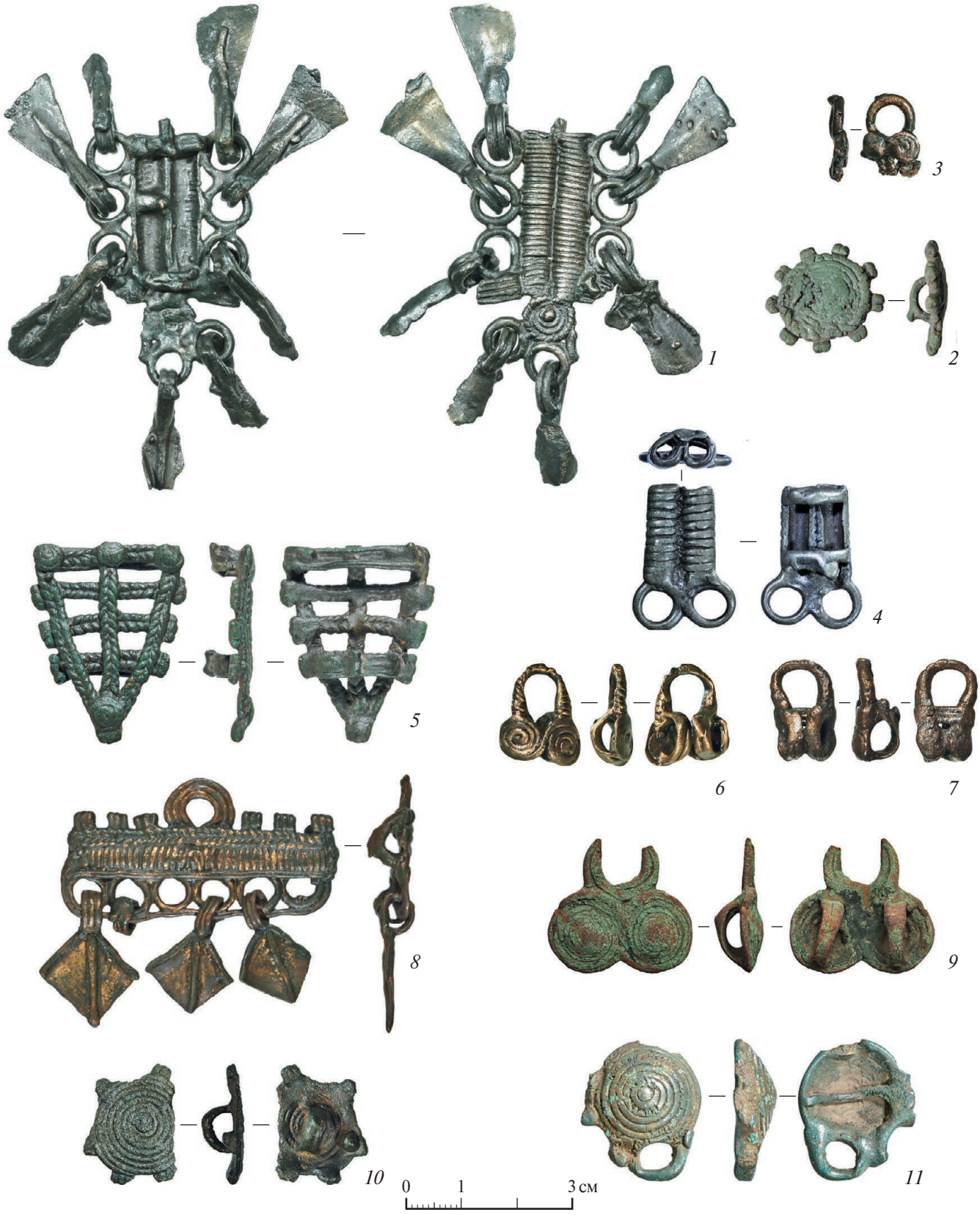


Рис. 100. Украшения обуви: 1 – Ратницкое 4; 2, 6 – Весь 5; 3 – Сунгирь; 4 – Пиногор 1; 5, 8–10 – Шекшово 9; 7 – Гнездилово 2; 11 – Новгородское 1. 1–11 – сплавы на основе меди

Оригинальным является украшение треугольной формы размерами 36 × 28 мм, обнаруженное в верхнем слое могильника Шекшово (рис. 100: *5*). Несмотря на то, что на предмете нет колечек с шумящими привесками, общий его облик идентичен обувным украшениям из Подболотьевского могильника (см., например: Рябинин, 1997, с. 202, рис. 54: *11*).

16 экземплярами представлены двуспиральные подвески с петлей. Щитки подвесок набраны из гладкой палочки, свернутой в виде двух улиток. На обороте имеются по две петли для крепления (рис. 100: *3, 6, 7, 9*). Ширина подвесок варьирует от 15 до 33 мм. Шумящих привесок такие изделия не имели. Оплавленных экземпляров среди них нет. 8 находок происходят из могильника Шекшово 9, две из них обнаружены в том же погребении, что и прямоугольные подвески с лапками (Зайцева, Столярова, 2018).

Двуспиральные подвески найдены in situ в районе ног во многих восточно-финских погребениях X–XI вв., опубликованы реконструкции обуви с их использованием (Никитина, 2012, с. 121, 128, 198). Как правило, это невысокая обувь типа туфель (Никитина, 2017а, с. 134–135; Бейлекчи, 2005, с. 61, 185). Однако известны отдельные находки таких украшений и в районе головы (см., например: Никитина, 2018, с. 40). В Подболотьевском могильнике двуспиральные подвески обнаруживаются в погребениях всех хронологических групп (Зеленцова, Милованов, 2021).

Умбоновидные подвески обнаружены в верхнем слое четырех поселений. 6 экземпляров происходит из переотложенного слоя могильника Шекшово 9. Оплавленных предметов нет. Три изделия имеют круглый выпуклый щиток диаметром 23, 19 и 14 мм, скрученный из гладкого валика, в краевой зоне которого приделаны колечки для крепления привесок. На обороте сделана петля для крепления (рис. 100: *11*). Круглые щитки остальных семи экземпляров диаметром 17–25 мм, также скрученные из гладких валиков, колечек не имеют (рис. 100: *2, 10*).

Умбоновидные подвески с шумящими привесками были популярны в восточно-финской среде. Их находки встречены на широкой территории от Приладожья до Пермского Предуралья (см.: Кузнецова, Григорьева, 2017, с. 65; Крыласова, 2017). В Подболотьевском могильнике такое украшение лежало в погребении 57 второй половины VIII – начала IX в. в районе ног женщины (Зеленцова, Сапрыкина, 2018, с. 224). Хорошо известны реконструкции В. С. Городцова обуви с умбоновидными подвесками в центре из этого могильника (например, погребение 83: Городцов, 1914, ч. 98–99). Вероятно и иное размещение подобных украшений в костюме, например, Н. Б. Крыласова отмечает наличие на Рождественском могильнике в Пермском Предуралье комплексов с сумочками, декорированными такими подвесками (Крыласова, 2007, с. 228; 2017), однако чаще всего они использовались именно для украшения туфель (см., например: Никитина, 2018, с. 82).

Узкая датировка рассмотренных обувных подвесок затруднена в связи с отсутствием разработанной хронологической шкалы для этой категории древностей. В поволжско-финских могильниках они известны в погребениях со второй половины VIII в. по XI в. Наличие находок на селищах свидетельствует о том, что туфли с металлическими деталями и декором не были исключительно погребальной обувью, а использовались в повседневной жизни. Тем не менее небольшое число предметов, возможно, указывает, что обувь этого типа не имела повсеместного бытования среди населения Ополья.

Подвески XII–XIII вв.

К XII–XIII вв. относится в 10 раз меньшее количество подвесок – 15 экземпляров. Они обнаружены на 14 селищах из 302 обследованных: Весь 5 (поздний горизонт), Теренеево 1, Шекшово 2, Суворотское 8, Михали 4, Парша 4, Вышеславское 5, Черниж 2, Васильково 1, Ратницкое 4, Павловское 2, Сорогужино 2, Осовец 2, Григорово 3. Многие поселения из этого списка возникают не ранее XI в., а наибольшие по количеству материалы их коллекций относятся к XII–XIII вв. (Шполянский, 2017а, с. 87; Макаров, Шполянский, Федорина, Угулава, 2019, с. 10). На могильнике Шекшово 9 найден только один фрагмент подвески этого времени.

Малые треугольные подвески с шумящими привесками (6 экземпляров) в обломках обнаружены в пахотном слое шести поселений. Размеры каркасов без ушек у лучше сохранившихся подвесок из Веси 5, Теренеева 1 составляют 31 × 27 мм, 21 × 21 мм соответственно (рис. 101: *1, 2*). Только каркас подвески из Шекшова 2 сделан в традиционной технике соединения трех гладких палочек, у большинства экземпляров одинарная палочка уплощенного овального сечения была разделана продольной нарезкой, имитирующей отдельные палочки.

Каркас подвески из Вышеславского 5 размерами 19 × 21 мм несколько отличается: он имеет округлое основание, согнут из тройного жгута, краевые части которого гладкие, а средняя имеет поперечную нарезку. В нижней части помещены три колечка, а в верхней – ушко (рис. 101: *3*).Форма каркаса подвески из Суворотского 8, сплетенного из одинарной косички, приближена к кольцу диаметром 20 мм. Внизу располагаются 4 колечка для привесок, сверху – ушко из сдвоенных гладких палочек (рис. 101: *4*).

Рис. 101. Шумящие украшения: 1 – Весь 5; 2 – Теренеево 1; 3 – Вышеславское 5; 4 – Суворотское 8; 5 – Павловское 2; 6 – Григорово 1; 7 – Ратницкое 4; 8 – Поганое озеро 1; 9, 13, 20 – Шекшово 2; 10, 14, 15 – Суворотское 8; 11 – Сорогужино1; 12 – Григорово 3; 16 – Шекшово 9; 17 – Суворотское 10; 18 – Гнездилово 2; 19 – Веска 2; 21 – Большое Давыдовское 2; 22 – Мордыш 1; 23 – Семеновское-Советское 3. 1–23 – сплавы на основе меди

Малые подвески, находящие аналогии в костромских курганах и марийских грунтовых погребениях XII–XIII вв. (Рябинин, 1986, с. 76–77; Архипов, 1986, рис. 24: *1, 7*), считаются исследователями поздней разновидностью больших треугольных подвесок. Они появляются в XI в. и продолжают использоваться в домонгольское время, маркируя специфику региональной культуры. Технология изготовления изделий по утрачиваемым наборным моделям сохраняется. Е. А. Рябинин рассматривает малые подвески в качестве областного «костромского» типа изделий (Рябинин, 1997, с. 131, 194), исходя из их наибольшей концентрации. Несколько подобных подвесок, используемых в качестве накосных, обнаружено в погребениях курганного могильника Семухино на р. Тезе (Ерофеева, 1976, с. 221)[7].

Колечковые подвески (4 экземпляра) преимущественно в обломках собраны в пахотном слое четырех поселений. Модели каркасов небольших по размеру подвесок вылеплены из колечек диаметром 7–9 мм, соединенных в 3–4 ряда в виде плоских пирамидок. Привески не сохранились (рис. 101: *5, 7*). Находки таких подвесок известны во Владимирских курганах из раскопок А. С. Уварова (Спицын, 1905, с. 159), Костромских курганах XII–XIII вв., памятниках Угличского и Рыбинского Поволжья (Рябинин, 1986, с. 77; 1997, с. 182), марийских могильниках Поветлужья XII–XIII вв. (Архипов, 1986, рис. 24, 25). В Семухинских курганах колечковые подвески украшали косы (Ерофеева, 1976, с. 221). Как и малые треугольные подвески с округлым основанием, колечковые подвески считаются Е. А. Рябининым маркером костромской региональной культуры (Рябинин, 1997, с. 194).

Вероятно, колечковые подвески синхронны малым треугольным. Материалы XII – первой половины XIII в. преобладают на суздальских селищах Черниж 2 и Павловское 1 (Шполянский, 2017а, с. 87). Колечковые подвески в составе накосных украшений открыты на марийских Выжумском II и III могильниках, относимых исследователями к XII–XIII вв. (Никитина, 2017б, с. 244, 246).

Собраны одна ***коническая*** и две ***бутылковидные подвески-пронизки.*** Коническая пронизка с двумя обломанными колечками для привесок обнаружена на селище Сорогужино 2 (рис. 101: *11*). Тулово подвески отлито из высокооловянной бронзы по восковой модели. Гладкий конус украшен поверху и понизу налепными косицами. В верхней части имеется отверстие для крепления шнура с узлом. Высокооловянные конические подвески с шумящими привесками – одно из самых распространенных украшений в слоях и комплексах XII–XIII вв. на северных окраинах Древней Руси: Белозерье, в бассейне Северной Двины (Голубева, 1973, с. 34; Рябинин, 1986, с. 78; 1997, с. 131; Зайцева, 2008а, с. 139). Многочисленны такие украшения в курганах Костромского Поволжья, где они относятся к этому же периоду. По мнению В. Н. Кузнецовой, «это типичное изделие для Верхнего Поволжья и Белозерья» (Кузнецова, Григорьева, 2017, с. 64). Е. А. Рябинин отмечает, что в погребениях такие пронизки находились в районе бедер – по всей вероятности, они подвешивались к поясу на шнурах (Рябинин, 1986, с. 78).

На селищах Григорово 3 и Осовец 2 найдены пронизки-бутылочки. Их тулова украшены двумя поперечными рядами перекрученных валиков (рис. 101: *12*).

Привески и цепочки (155 экземпляров). Более многочисленны находки отдельных привесок к шумящим украшениям: утиных лапок, бубенчиков, колокольчиков, бутылочек. Петли цепочек перетирались в процессе использования, и привески терялись. В могильнике Шекшово 9 собрано 54 привески; на селищах Шекшово 2 – 17 экземпляров, Гнездилово 2 – 22 экземпляра, Суворотское 8 – 8 экземпляров, Весь 5 – 14 экземпляров. На остальных памятниках обнаружены единичные находки привесок. Определить их хронологическую принадлежность без самих подвесок затруднительно.

Привески-лапки найдены в количестве 59 экземпляров: 46 привесок собрано в верхнем слое 23 сельских поселений, 13 экземпляров происходят из разрушенных погребений могильника Шекшово 9 (один предмет оплавлен) (рис. 101: *6, 8, 9, 13, 14*). Тулова большинства привесок имеют треугольную форму. В нижней части они украшались гладкими налепными валиками или 2–3 маленькими шариками. 8 привесок имеют ромбовидное тулово. Ромбы по верхним краям и по центру декорированы налепными валиками, имитирующими трехпалость водоплавающих. Рифленые петлевидные ушки примазывались к туловам.

Привески-бубенчики собраны в количестве 31 экземпляра: 17 находок сделано на восьми селищах, 14 привесок обнаружено на могильнике Шекшово 9 (рис. 101: *10, 15*). Бубенчики имеют грушевидную форму и, как правило, одну прорезь, хотя встречены экземпляры и с крестовидной прорезью. Ушко из рифленой или простой палочки примазывалось к тулову.

Обнаружено 48 привесок бутылковидной и колоколовидной формы (рис. 101: *16–19, 21*), 20 из них собраны в верхнем слое могильника Шекшово 9, остальные происходят из культурного слоя десяти селищ. Значительно преобладают привески бутылковидной формы. Тулова бутылочек высотой 13–25 мм имеют вид полых цилиндров диаметром около 10 мм с сужающейся верхней частью.

[7] Из находок последнего времени известны подвески из Белоозера (Захаров, 2004, рис. 69: *3, 4*) и Усть-Шексны (Рыкунова, Рыкунов, 2018, с. 107).

Ушко из одинарной или двойной гладкой палочки примазывалось к тулову. У четырех экземпляров ушко украшено налепной двойной спиралью (волютой) (рис. 101: *17*). В. Н. Кузнецова обратила внимание, что волютообразные налепы на ушках привесок характерны для украшений из комплексов IX в. (Кузнецова, Григорьева, 2017, с. 61). Рассматриваемые нами экземпляры происходят из селищ Гнездилово 10, 2, Весь 5, Сунгирь. Высота четырех колоколовидных привесок составляет 9–15 мм.

Обрывки цепочек для шумящих привесок и отдельные звенья обнаружены в количестве 17 экземпляров (рис. 101: *20, 22, 23*). Они собраны на восьми селищах. 7 экземпляров происходит из верхнего слоя могильника Шекшово 9. Два звена из Шекшова 9 оплавлены.

Подводя итог рассмотрению шумящих украшений поволжско-финского облика, необходимо отметить, что из 310 предметов 109 или 35,3 % найдено на могильнике Шекшово 9. Преимущественно они происходят из верхнего слоя, содержащего остатки переотложенных погребений. Хотя в коллекции есть оплавленные шумящие украшения, их количество совсем невелико. В комплексах шумящие украшения представлены всего в трех женских ингумациях: в погребении 3 (раскоп 3; первая половина XI в.) найдена накосная петельчатая подвеска; в погребении 16 (раскоп 3; рубеж X–XI вв.) лежала привеска-бубенчик без целого украшения; в погребении 6 (раскоп 2; рубеж X–XI – начало XI в.) несколько украшений входило в состав сложного костюма. Последний комплекс в настоящее время является единственным хорошо документированным погребением с обувными украшениями в Ополье.

Работами экспедиции впервые в Суздальском Ополье получена представительная серия шумящих украшений из культурного слоя сельских поселений. Хотя доля этих находок в коллекциях сборов из селищ невелика, представляется важным то, что на поселениях представлены те же типы подвесок, что встречены и на могильнике. Это еще раз подтверждает, что шумящие украшения носились в повседневной жизни, а не были только элементами погребального костюма.

Находки шумящих украшений на археологических памятниках центра Северо-Восточной Руси традиционно интерпретируются как отражение участия мери в формировании культуры и населения этой области или как прямое свидетельство мерянской этнической принадлежности поселений и могильников. Проблемы археологии мери и ее ассимиляции славянским населением имеют обширную историографию, начиная с работы А. С. Уварова (Уваров, 1972). Последние крупные обобщающие исследования по этой проблематике, рассматривающие весь комплекс поселенческих и погребальных памятников региона, созданы в 1980–1990-х гг. (Леонтьев, Рябинин, 1980; Голубева, 1987; Леонтьев, 1996; Рябинин, 1997)[8]. По подсчетам А. Е. Леонтьева и А. Е. Рябинина, мерянские элементы в обряде (меридиональная ориентировка, орудия труда в женских погребениях) и инвентаре («мерянские» украшения) представлены в 500 из более чем 7000 курганов, исследованных А. С. Уваровым в Суздальском Ополье, в районе Плещеева озера и озера Неро (7,14 %; Леонтьев, Рябинин, 1980, с. 74–75). Суздальское Ополье А. Е. Леонтьев рассматривает как один из районов мерянского расселения, отмечая при этом, что круг известных здесь памятников VI–X вв. невелик (7 городищ и 8 селищ), а характер культуры многих из них не прояснен (Леонтьев, 1996, с. 193–215). Мерянским в Суздальском Ополье числился грунтовый могильник Сунгирь с северо-западной и юго-восточной ориентировкой погребенных (Мошенина, А-1973; Леонтьев, Рябинин, 1980, с. 78). Однако после новых исследований Сунгирского селища и открытия грунтовых погребений XI в. в могильниках Шекшово 9, Гнездилово 12 и на селище Весь 5 более обоснованной кажется интерпретация его как древнерусского.

Исследования двух последних десятилетий существенно пополнили собрание украшений поволжско-финских типов из Ополья, но не выявили отдельного хронологического пласта мерянских памятников времени, предшествующего славянскому расселению. Круг поселений с выразительным набором шумящих украшений IX – первой половины X в. ограничен городищами Выжегша и Малодавыдовское, селищами Весь 5 (Макаров, Захаров, Шполянский, 2010, с. 133) и Гнездилово 7. Время максимального распространения украшений поволжско-финских типов в Ополье приходится на вторую половину X – XI в. Наибольшее количество шумящих украшений происходит из сборов на «больших поселениях» Гнездилово 2 (Лапшин, 1989, с. 69), Шекшово 2, Суворотское 8 (Федорина, Морозов, Угулава, 2020) и связанных с ними могильников, демонстрирующих разноэтничный характер материальной культуры. Практически все рассмотренные типы украшений имеют близкие аналогии в муромских, мордовских и марийских древностях. Находки шумящих украшений на поселениях и могильниках второй половины X – XI в. правомерно рассматривать не столько как прямое свидетельство присутствия в Ополье потомков местной мери, сколько как отражение более широких процессов участия поволжских финнов в формировании древнерусского населения центра Северо-Восточной Руси и использования элементов финской культуры как одного из средств обозначения областной идентичности.

[8] В них приведена и подробная историография проблемы.

В XII в. количество украшений поволжско-финского облика в регионе резко сокращается. Формы бытующих ранее типов претерпевают изменения (треугольные подвески) или выходят из употребления. Возникают новые типы (колечковые подвески). В обиходе появляются шумящие украшения древнерусского облика.

Состав металла

Исследован состав металла 85 украшений: 76 предметов относятся к хронологической группе IX–XI вв., 9 предметов – к XII–XIII вв. 53 образца проанализировано А. Н. Егорьковым в Лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН методом ОЭСА по способу трех эталонов (описание метода см.: Егорьков, Щетенко, 1999, с. 40), 32 находки исследованы методом безэталонного РФА на анализаторе Bruker M1 Mistral А. О. Шевцовым в отделе археологических памятников ГИМ.

79 % находок ранней группы (60 предметов) содержат в своем составе цинк в концентрации 1–30 % (латуни и многокомпонентные бронзы). Преобладают образцы с низкой концентрацией цинка (менее 6 %). Подавляющее большинство находок относится к группам многокомпонентных латуней с добавками олова и свинца или полностью перемешанному сплаву, образующемуся в результате многократных переплавок лома. Тем не менее 10 предметов имеют содержание цинка выше 10 %, что свидетельствует о поступлении свежих сырьевых металлов в регион.

Полученная нами картина соответствует данным по другим территориям Северо-Западной и Северо-Восточной Руси и восточно-финским могильникам, где также зафиксировано значительное преобладание латуней в материалах X–XI вв. (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008, с. 134; Сапрыкина, 2014а). Группа латуней с низкими показателями легирующих элементов (Zn менее 10 %; Pb менее 7,5 %) хорошо соотносится с т. н. «аборигенной» традицией в Тимерёво (Седых, Френкель, 2015).

В группе многокомпонентных бронз выделяются ажурные подвески подтреугольной формы. 4 подвески, для которых известен состав металла, изготовлены из многокомпонентной бронзы с достаточно высоким содержанием свинца (12–38 %) и небольшими добавками олова (менее 5 %; только в изделии из Спасского городища 6 концентрация олова достигает 12 %) и цинка (менее 3 %). Несмотря на то, что многокомпонентные сплавы широко использовались для производства шумящих украшений, рецептурные нормы в них иные. Большое сходство наши находки демонстрируют с материалами муромского могильника Подболотье, выборка анализов из которого насчитывает 212 проб. Предметы, изготовленные из многокомпонентных сплавов со средним и высоким содержанием свинца и низким цинка, составляют здесь около двух третей среди всех, сделанных из многокомпонентных сплавов (около 100 образцов). Среди них довольно много находок с небольшой концентрацией олова (Сапрыкина, 2014а, с. 232). Высокосвинцовые многокомпонентные бронзы с небольшим количеством цинка отмечены в находках из погребений VIII в. мордовского Крюково-Кужновского могильника, погребений X – начала XI в. марийского могильника Нижняя Стрелка (Сапрыкина, Митоян, Никитина, Зеленцова, 2011).

16 предметов не содержат в своем составе цинк. Одно обувное украшение из Сунгиря отлито из «чистой» меди без добавок, другое, из Шекшова 9, сделано из оловянной бронзы (5,8 % олова). Остальные экземпляры изготовлены из оловянно-свинцовой бронзы с содержанием олова 1,7–29 %, свинца 1,5–15,6 %. В группе преобладают образцы с невысокими концентрациями легирующих элементов. Только три проанализированные находки изготовлены из высокооловянной белой бронзы с концентрацией олова выше 23 %.

Все подвески XII–XIII вв. (9 экземпляров) сделаны из бронзы: две из оловянной и 7 из оловянно-свинцовой. Содержание свинца в образцах невысокое и составляет 1–6 %. Изделий с цинком нет. Значительное уменьшение использования латуней в цветной металлообработке северо-восточных русских земель в домонгольский период отмечается на многих памятниках региона (Зайцева, 2008б, с. 42; 2015б). Наиболее вероятной причиной этого представляется дефицит цинкосодержащего сырья, поступление которого сильно сокращается в это время. Бронзы начинают занимать лидирующие позиции в производстве украшений массового потребления.

4 предмета: две уточки, конек и колоколовидная подвеска – отлиты из высокооловянной белой бронзы с содержанием олова 21–38 %. Изделия из высокооловянных бронз имеют серебряный цвет и визуально практически неотличимы от серебра. Именно в это время такие сплавы приобретают большую популярность в восточно-финской среде (Подосенова, 2021) и оттуда попадают на Русь.

Украшения древнерусского облика

Отдельную группу составляют зооморфные шумящие украшения древнерусских типов – подвески-коньки и подвески-уточки, а также привески к ним. Всего собран 71 предмет: 23 подвески и 48 привесок. Находки обнаружены на 32 сельских поселениях Суздальского и Юрьевского Ополья: Мордыш 1 (3 экземпляра), Черниж 2 (6 экземпляров), Михали 3 (8 экземпляров), Михали 4 (2 экземпляра), Суворотское 8 (2 экземпляров), Васильково 1, Кибол 3, Тарбаево 5 (6 экземпляров), Павловское 2 (2 экземпляра),

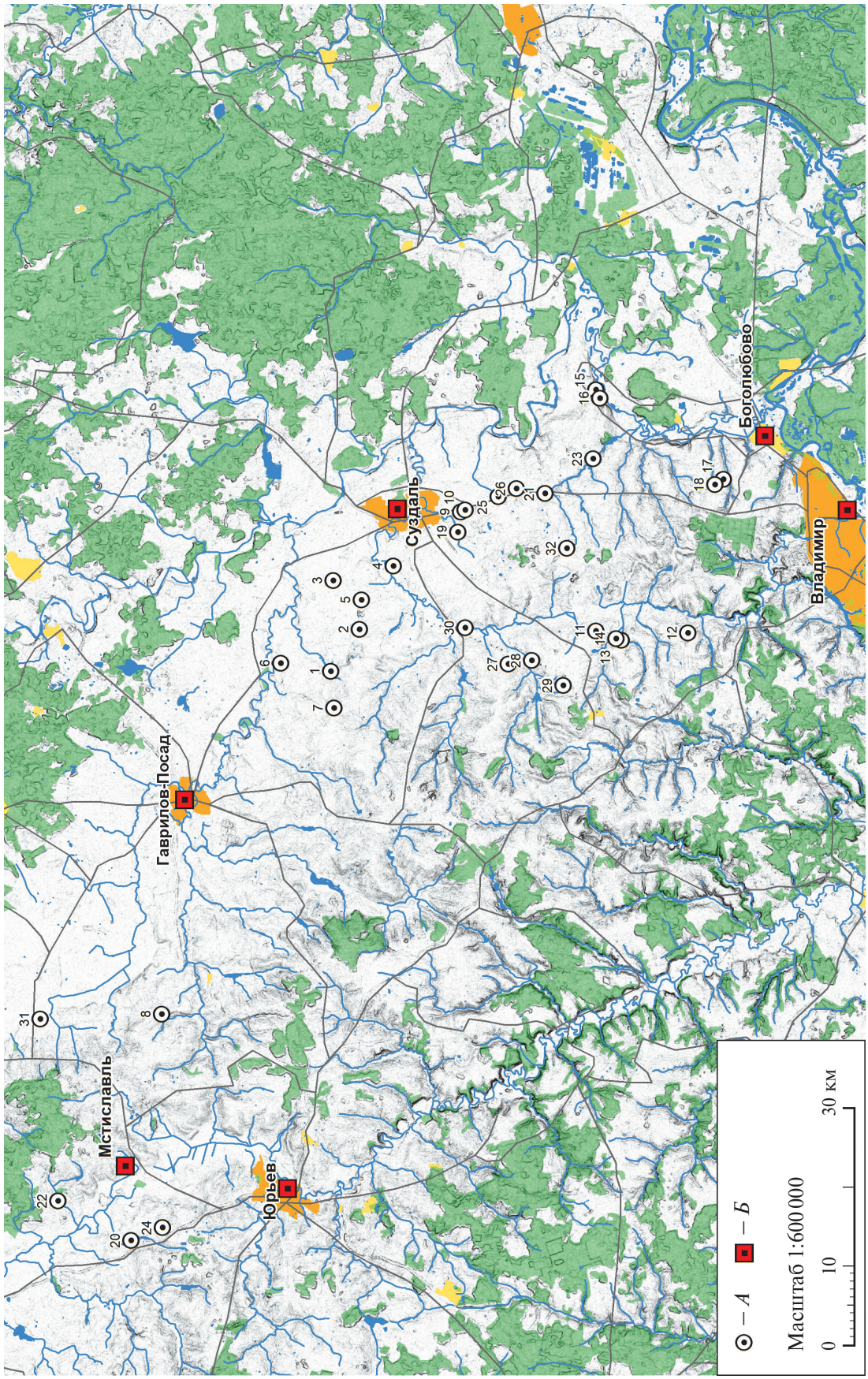


Рис. 102. Археологические памятники с находками шумящих украшений древнерусских типов XII – первой половины XIII в.
1 – Кистыш 3; 2 – Вишенки 3; 3 – Поганое озеро 1; 4 – Кибол 3; 5 – Кибол 11; 6 – Подолец 1; 7 – Гостево 1; 8 – Турабьево 2; 9 – Михали 3; 10 – Михали 4; 11 – Тарбаево 5; 12 – Новгородское 1; 13 – Яновец 1; 14 – Яновец 2; 15 – Мордыш 1; 16 – Васильково 1; 17 – Суворотское 1; 18 – Суворотское 8; 19 – Черниж 2; 20 – Сорогужино 2; 21 – Павловское 2; 22 – Веска 1; 23 – Улово 1; 24 – Сорогужино 5; 25 – Спасское городище 6; 26 – Спасское городище 7-7а; 27 – Вышеславское 3; 28 – Вышеславское 5; 29 – Вышеславское 18; 30 – Крапивье 6; 31 – Григорово 3; 32 – Тереневеево 1.
А – памятники с находками украшений; Б – города

Улово 1 (2 экземпляра), Сорогужино 2, Сорогужино 5, Кибол 11, Теренеево 1 (4 экземпляра), Кистыш 3 (2 экземпляра), Гостево 1, Турабьево 2, Спасское городище 6, Спасское городище 7 (2 экземпляра), Поганое озеро 1, Вишенки 3 (2 экземпляра), Суворотское 1 (2 экземпляра), Веска 1 (2 экземпляра), Вышеславское 3 (3 экземпляра), Новгородское 1 (5 экземпляров), Подолец 1, Осовец 2, Григорово 3, Вышеславское 5 (2 экземпляра), Вышеславское 18, Крапивье 6, Воронцово 1. В отличие от поволжско-финских украшений, на могильнике Шекшово 9 найден только один конек в заполнении курганного ровика. Памятники располагаются в разных частях Ополья – от поселений у с. Суворотское в южной части этого региона до Большого Давыдовского 2, входящего в Шекшовский комплекс памятников на р. Урде, притоке Ирмеза, и памятников Юрьевского Ополья у деревень Сорогужино, Григорово, Веска на севере (рис. 102).

В этом списке представлены селища, относящиеся к категории «больших поселений»: находки сделаны на Суворотском 8, Василькове 1, Киболе 3, Тарбаеве 5. Несмотря на то, что временем наибольшего расцвета «больших поселений» являются X–XI вв., на всех этих памятниках, кроме Гнездилова 2, имеются материалы второй половины XII – первой половины XIII в., представленные разным числом находок (Макаров, Федорина, Шполянский, 2018, с. 10). Остальные селища с находками шумящих зооморфных подвесок древнерусских типов возникают не ранее второй половины XI в. Большинство собранных на них материалов относится к XII–XIII вв.

Подвески-коньки обнаружены в количестве 11 экземпляров. Еще три предмета отнесены к этой группе предположительно. 7 изделий являются плоскими двухголовыми коньками, имеющими общее прорезное туловище с повернутыми в противоположные стороны двумя головами (рис. 103: *1–3*). Тулова коньков имеют форму трапеции с вертикальными овальными или округлыми прорезями и округлым отверстием в верхней части для подвешивания (тип VII, вариант 3 по Е. А. Рябинину) (Рябинин, 1981, с. 21). Украшения отлиты или по оттиску готовых изделий в двустворчатых формах или по оттиску в одностворчатых формах с плоскими крышками. Хорошо видны торцевые литейные швы, на которых заметно незначительное смещение рисунка. Качество отливок невысокое. Вероятно, модели для первоначальных отливок были вырезаны из целых пластин воска. Е. А. Рябинин приводит данные о 20 экземплярах коньков с овальными прорезями, распространенных в Северо-Восточной Руси и на сопредельных территориях. Датировка по закрытым комплексам погребений и культурному слою Новгорода – XII в. (Рябинин, 1981, с. 21).

В. Н. Кузнецова на 2016 г. насчитывает 45 подвесок с овальными прорезями, причем вариант с 5 прорезями, как на поселении Мордыш 1, встречен преимущественно на памятниках Вологодской области (см., например: Захаров, 2004, рис. 67; Зайцева, 2008а, с. 135). Коньков с округлыми прорезями в литературе известно значительно меньше. Так, в каталоге В. Н. Кузнецовой учтено всего четыре такие подвески, одна из которых происходит из Ярополча Залесского. Нужно отметить, что исследовательница ставит под сомнение уже устоявшееся в литературе определение двухголового животного как конька, видя в некоторых отливках черты левкротов или кошачьих (Кузнецова, 2016, с. 160).

С селища Михали 3 происходит подвеска с туловом трапециевидной формы с двумя прямоугольными прорезями (рис. 103: *5*). Сверху в центральной части к тулову прикреплена петля для подвешивания, а по бокам – две коньковые головки с рогами округлой формы. Изделие отлито по оттиску. 5 подвесок этого типа представлены в сводке В. Н. Кузнецовой (Кузнецова, 2016, с. 170). Датировка типа по курганным комплексам – XII–XIII вв.

Обращение к аналогиям показывает на общую немногочисленность плоских двухголовых коньковых подвесок с округлыми и прямоугольными прорезями на тулове. Близость размеров и формы трех суздальских подвесок с округлыми прорезями позволяет предположить или их местное производство, или поступление в регион одной партии изделий. Датировка украшений укладывается в пределы XII–XIII вв.

На поселении Черниж 2 обнаружена плоская подвеска в виде одноглавого конька с туловищем подпрямоугольной формы, украшенным с обеих сторон рельефным декором, и гривой (рис. 103: *4*). В отличие от всех рассмотренных выше экземпляров этот конек отлит по восковой модели: на пластинку воска были прикреплены детали из восковых палочек, из них же свернуты колечки.

Хотя плоские одноглавые подвески без ажурных прорезей довольно многочисленны – 84 экземпляра, подавляющее их большинство имеет птичью голову (орнитоморфные). Они датируются Е. А. Рябининым XII–XIII вв. (Рябинин, 1981, с. 19).

Индивидуальной манерой исполнения отличается отлитая по оттиску подвеска из Павловского 2, дошедшая до нас целиком (рис. 103: *6*). Непрорезное тулово конька в нижней части украшено горизонтальным фризом из выпуклых ромбов с точками в центрах, оконтуренным рядами рубчатого декора. Голова конька с большим глазом, ухом и раскрытой пастью находится на длинной шее с кольчатой гривой. Хвост показан завитком. Аналогии этому предмету найти не удалось. На селище Павловское 2 получены материалы, связанные с обработкой цветных металлов, возможно, что и конек является продукцией местного ремесла.

Рис. 103. Украшения древнерусских типов: 1 – Мордыш 1; 2, 6 – Павловское 2; 3 – Шекшово 9; 4, 16 – Черниж 2; 5, 15 – Михали 3; 7 – Теренеево 1; 8 – Спасское городище 6; 9 – Кибол 11; 10, 14 – Кистыш 3; 11 – Осовец 2; 12 – Спасское городище 7; 13 – Турабьево 2; 17 – Тарбаево 5; 18 – Воронцово 1; 19 – Подолец 1; 20 – Суворотское 1. 1–20 – сплавы на основе меди

Двумя экземплярами представлены полые одноглавые коньки, отлитые по лепным восковым моделям, сделанным достаточно небрежно. Один из Кибола 11 со сканой гривой (рис. 103: *9*) относится к типу XX (серия 2а) группы VI по Е. А. Рябинину (Рябинин, 1981, с. 39–41). Другой конек с кольчатой гривой найден на селище Спасское городище 6 (рис. 103: *8*). Он принадлежит к типу XX (серия 8) группы VI по Е. А. Рябинину (Рябинин, 1981, с. 39–43). Местом производства коньков типа XX исследователь считает Новгород (Рябинин, 1981, с. 42).

Детальное рассмотрение новгородских находок типа XX предпринято Л. В. Покровской. Она подтверждает многочисленность находок коньков со сканой гривой в Новгороде, однако большинство экземпляров представлено коньками 1 серии по Е. А. Рябинину. Серия 2 насчитывает 18 предметов, датирующихся концом XIII – серединой XIV в. (Покровская, Тянина, 2019, с. 150), серия 8 – 4 экземпляра, обнаруженных на Неревском раскопе в слоях второй половины XII и XIV вв. и на Буяном раскопе (Покровская, Тянина, 2019, с. 150, 153). Из Старой Руссы происходят 2 конька серии 2 по Е. А. Рябинину. Оба они обнаружены в слоях второй половины XIII – XIV в. (Сюборов, 2017, с. 235).

В. Н. Кузнецова пишет о 73 одно- и двуглавых полых коньках со сплошной (сканой) гривой и 40 экземплярах с кольчатой (ажурной) гривой, обнаруженных на широкой территории от Карелии до Подмосковья, святилищ и могильников Коми (Кузнецова, 2016, с. 97, 421–433). Находки рассматриваемых нами серий 2 и 8 по Е. А. Рябинину не имеют определенной территориальной концентрации. Вопрос о месте их производства в Новгороде остается пока открытым (Покровская, Тянина, 2019, с. 152, 154). Важным представляется наблюдение о хронологии таких украшений: большинство экземпляров обнаружено в слоях конца XIII – XIV в.

Орнитоморфные подвески (уточки и петушки) обнаружены в количестве девяти экземпляров. 6 находок являются плоскими подвесками. 4 из них представляют фрагменты подвесок-петушков. Ни на одной подвеске не сохранились шумящие привески.

В Теренееве 1 найдена часть плоской подвески, украшенная по краю рубчатым декором, тремя рядами округлых прорезей и нижним рядом колечек (рис. 103: *7*). Изделие отлито по модели, вырезанной из целой восковой пластины, а не собранной из отдельных элементов. Целые подвески этого типа имеют голову с выраженным клювом и гребнем. На некоторых из них четко виден крупный глаз миндалевидной формы (рис. 103: *15*). Из Кистыша 3 происходит половина подвески, отлитой по оттиску готового изделия, которое в свою очередь также было изготовлено по модели, вырезанной из пластины воска (рис. 103: *10*). Клюв петушка раскрыт, на голове большой гребень, на тулове нет прорезей, имеется только выпуклая вертикальная перемычка.

В. Н. Кузнецова называет этот тип подвесок «подвесками с петлями на корпусе» (Кузнецова, 2016, с. 539–549). Ей учтено 28 экземпляров одноглавых петушков из Владимира, Суздаля, Ярославля, Усть-Шексны, Плеса, Луковца, кургана 9 в Семухине, курганов и грунтовых погребений Костромской, Ярославской, Вологодской и Архангельской областей. Поскольку рассматриваемые нами находки дошли до нас фрагментарно, говорить определенно об общем виде целых изделий затруднительно. Возможно, некоторые фрагменты происходят от двухголовых украшений.

Концентрация подвесок-петушков на памятниках Северо-Восточной Руси и их находки в городских центрах позволили Е. А. Рябинину выдвинуть гипотезу об их местном изготовлении в городах Владимире и Суздале (Рябинин, 1981, с. 18). Такие петушки получили название «владимирских» (Кузнецова, 2016, с. 149). Изделия датируются второй половиной XII – первой третью XIII в.[9] Находки петушков в Белозерье Н. А. Макаров рассматривает как свидетельство тесных культурных связей региона с центром Ростово-Суздальской земли (Макаров, 2009а, с. 98).

Необычна целая прорезная подвеска из Михалей 4 (рис. 103: *16*). Она изготовлена по оттиску готового изделия, полученного в результате многократного тиражирования. Первоначально это была уточка с двумя ногами, позже голова трансформировалась в конскую, а ноги в ряд из пяти колечек. В. Н. Кузнецова вслед за Е. А. Рябининым говорит о прибалтийско-финском происхождении этого типа подвесок. Оба исследователя обращают внимание на особую группу изделий, у которых утиные головы трансформировались в конские (Рябинин, 1981, с. 17; Кузнецова, 2016, с. 123). Такие экземпляры появляются в Ярославском и Костромском Поволжье вне пределов основного ареала.

Обнаружены три полые уточки. Уточки из Гостево 1, Турабьево 2 и Спасского городища 7 отлиты по восковым моделям, собранным из спинки, головки и двух колечек понизу (рис. 103: *12*). Происхождение этого типа подвесок связывается исследователями с юго-восточным Приладожьем, где отмечена наибольшая их концентрация (Рябинин, 1981, с. 37; Кузнецова, 2016, с. 82). Важна достаточно ранняя дата этих украшений: с XI в. Возможно, полые уточки изготавливались и в Ополье. На селищах Турабьево 2 и Большое Давыдовское 2 найдены две бронзовые цельнолитые сплошные фигурки

[9] Известны находки таких петушков и в более поздних комплексах: в Угличе в постройке XIV в., на усадьбе Б в Ростове среди материалов середины XV в. (Самойлович, 2007, с. 24).

уточек без декора (рис. 103: *13, 14*). Как предположение, такие фигурки могли использоваться для создания восковых моделей.

В коллекции, собранной на селищах Суздальского Ополья, насчитывается 48 привесок и звеньев цепей, которые крепились к зооморфным подвескам древнерусских типов (рис. 103: *11, 17–20*). Это привески-лапки (30 экземпляров) и костыльковые звенья цепочек (18 экземпляров). Большинство привесок-лапок отлито по оттиску готовых изделий, на них четко видна трехпалость. Также по оттиску отлиты и двухчастные звенья цепочек. И лапки, и звенья цепей значительно отличаются по облику от привесок поволжско-финских подвесок, которые чаще всего крепились непосредственно к колечкам подвесок или монтировались на цепочки из перекрученных гладких палочек. У зооморфных украшений древнерусских типов привески, как правило, висели на цепочках.

Основным конструктивным отличием финно-угорских шумящих подвесок от древнерусских является то, что для первых сначала полностью изготавливалась восковая модель, а затем производилась отливка сразу всего металлического изделия. Древнерусские украшения собирались из отдельно отлитых элементов: тулова подвески, звеньев цепочек и привесок. Модели тулов подвесок или вырезались из целых пластин воска, или собирались из небольшого количества достаточно небрежно приделанных элементов. Древнерусские зооморфные подвески выглядят более миниатюрными по сравнению с изделиями финского облика. Возможно, это связано с их ролью в костюме: если «мерянские» подвески часто использовались как накосники, то древнерусские являются именно подвесками, крепившимися к груди или поясу.

Находки шумящих уточек и коньков с перетертыми нижними колечками, а также отдельных привесок и звеньев цепочек на поселениях позволяют говорить о том, что эти украшения также носились жителями Ополья в повседневной жизни, а не использовались исключительно в погребальной практике (найдены в курганах, раскопанных А. С. Уваровым, см.: Спицын, 1905, с. 162, рис. 467). Обнаружение подобных предметов в городах (Седова, 1978; 1997, рис. 75) свидетельствует о единстве регионального городского и сельского костюмов. Украшения появляются в Ополье, вероятно, во второй половине – конце XI в. (полые уточки) и широко распространяются в XII–XIII вв. Некоторые их типы, такие как полые коньки, датируются второй половиной XIII – XIV в.

Представляется, что древнерусские зооморфные шумящие украшения Суздальского Ополья не являются типологическим продолжением шумящих украшений поволжско-финского облика X–XI вв. Среди последних к числу зооморфных можно отнести только подвески-коньки «мерянского» типа. Остальные экземпляры представлены каркасами различных геометрических форм. В XII–XIII вв. доля каркасных подвесок (колечковые, малые треугольные) заметно сокращается, численно преобладают зооморфные украшения. Древнерусские подвески отличаются от поволжско-финских как технологически, так и стилистически. Если каждое поволжско-финское украшение, отлитое по восковой модели, аккуратно сплетенной из тончайших ажурных элементов, является произведением искусства, то древнерусские коньки и уточки выглядят более упрощенно. Часто они изготавливались по оттиску готовых изделий. В Ополье представлены как типы уточек и коньков, получивших распространение на всей территории Северной Руси, так и региональные (плоские петушки), являющиеся продукцией местного ремесла.